

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1976

Иоганн Вольфганг

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Москва

«Художественная литература»

1976

Иоганн Вольфганг
ФЕТЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВТОРОЙ

ФАУСТ

Трагедия

*Перевод с немецкого
Б. Пастернака*

Москва

«Художественная литература»

1976

И (Нем)
Г 44

Под общей редакцией
A. Аннекста и Н. Вильмонта

Комментарии
A. Аннекста

Оформление художника
A. Лепятского

© Комментарии. Издательство «Художественная литература»,
1976 г.

Г 70404-017
028(01)-76 подписанное

ФАУСТ
Трагедия

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.*

*Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный,
Опять припоминаю благодарно.*

*Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзукался.*

*Непосвященных голос легковесен,
И, признаюсь, мне страшно их похвал,
А прежние ценители и судьи
Рассеялись, кто где, среди безлюдья.*

*И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне,
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленье миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.*

ТЕАТРАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Директор театра, поэт и комический актер.

Директор

Вы оба, средь несчастий всех
Меня дарившие удачей,
Здесь, с труппою моей бродячей,
Какой мне прочите успех?
Мой зритель в большинстве неименисты,
И нам опора в жизни — большинство.
Столбы помоста врыты, доски сбиты,
И каждый ждет от нас невесть чего.
Все подымают брови в ожиданье,
За ранее готовя дань признанья.
Я всех их знаю и зажечь берусь,
Но в первый раз объят такой тревогой.
Хотя у них не избалован вкус,
Они прочли неисчислимо много.
Чтоб сразу показать лицом товар,
Новинку надо ввесть в репертуар.
Что может быть приятней многолюдства,
Когда к театру ломится народ
И, в ревности дойдя до безрассудства,
Как двери райские, штурмует вход?
Нет четырех, а ловкие проныры,
Локтями в давке пробивая путь,
Как к пекарю за хлебом, прут к кассиру
И рады шею за билет свернуть.
Волшебник и виновник их наплыва,
Поэт, сверши сегодня это диво.

П о э т

Не говори мне о толпе, повинной
В том, что пред ней нас оторопь берет.
Она засасывает, как трясина,
Закручивает, как водоворот.
Нет, уведи меня на те вершины,
Куда сосредоточенность зовет,
Туда, где божьей созданы рукою
Обитель грез, святынище покоя.

Что те места твоей душе навеют,
Пускай не рвется сразу на уста.
Мечту тщеславье светское рассеет,
Пятой своей растопчет суeta.
Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

К о м и ч е с к и й а к т е р

Довольно про потомство мне долбили.
Когда б потомству я дарил усилия,
Кто потешал бы нашу молодежь?
В согласье с веком быть не так уж мелко.
Восторги поколенья — не безделка,
На улице их не найдешь.
Тот, кто к капризам публики не глух,
Относится к ней без предубежденья,
Чем шире наших слушателей круг,
Тем заразительнее впечатленье.
С талантом человеку не пропасть.
Соедините только в каждой роли
Воображенье, чувство, ум и страсть
И юмора достаточную долю.

Д и р е к т о р

А главное, гоните действий ход
Живей, за эпизодом эпизод.
Подробностей побольше в их развитье,
Чтоб завладеть вниманием зевак,
И вы их победили, вы царите,
Вы самый нужный человек, вы маг.

Чтобы хороший сбор доставить пьесе,
Ей требуется сборный и состав.
И всякий, выбрав что-нибудь из смеси,
Уйдет домой, спасибо вам сказав.
Насуйте всякой всячины в кормежку:
Немножко жизни, выдумки немножко,
Вам удается этот вид рагу.
Толпа и так все превратит в окрошку,
Я дать совет вам лучший не могу.

П о э т

Кропанье пошлостей — большое зло,
Вы этого совсем не сознаете.
Бездарных проходимцев ремесло,
Как вижу я, у вас в большом почете.

Д и р е к т о р

Меня упрек ваш, к счастью, миновал.
В расчете на столярный матерьял
Вы подходящий инструмент берете,
Задумались ли вы в своей работе,
Кому предназначается ваш труд?
Одни со скуки на спектакль идут,
Другие — пообедав до отвала,
А третьи — ощущая сильный зуд
Блеснуть сужденьем, взятым из журнала.
Как шляются толпой по маскарадам
Из любопытства, на один момент,
К нам ходят дамы щегольнуть нарядом
Без платы за ангажемент.
Собою упоенный небожитель,
Спуститесь вниз на землю с облаков!
Поближе присмотритесь: кто ваш зритель?
Он равнодушен, груб и бестолков,
Он из театра бросится к рулетке
Или в объятья ветреной кокетки.
А если так, я не шутя дивлюсь:
К чему без пользы мучить бедных муз?
Валите в кучу, поверху скользя,
Что подвернется, для разнообразья.
Избытком мысли поразить нельзя,
Так удивите недостатком связи.
Но что случилось с вами? Вы в экстазе?

П о э т

Ступай, другого поищи раба!
Но над поэтом власть твоя слаба,
Чтоб он свои священные права
Из-за тебя смешал преступно с грязью.
Чем сердце трогают его слова?
Благодаря ли только громкой фразе?
Созвучный миру строй души его —
Вот этой тайной власти существо.
Когда природа крутит жизни пряжу
И вертится временем веретено,
Ей все равно, идет ли нитка гляже
Или с задоринками волокно.
Кто придает, выравнивая прядку,
Тогда разгон и плавность колесу?
Кто вносит в шум разрозненности жалкой
Аккорда благозвучье и красу?
Кто с бурею сближает чувств смятенье?
Кто грусть роднит с закатом у реки?
Чьей волею цветущее растенье
На любящих роняет лепестки?
Кто подвиги венчает? Кто защита
Богам под сенью олимпийских рощ?
Что это? — Человеческая мощь,
В поэте выступившая открыто.

К о м и ч е с к и й а к т е р

Воспользуйтесь же ей по назначению.
Займитесь вашим делом вдохновенья
Так, как ведут любовные дела.
Как их ведут? Случайно, спрохвала.
Дружат, вздыхают, дуются, — минута,
Другая, и готовы пути.
Размолвка, объясненье, — повод дан,
Вам отступленья нет, у вас роман.
Представьте нам такую точно драму.
Из гущи жизни загребайте прямо.
Не каждый сознает, чем он живет.
Кто это схватит, тот нас увлечет.
В заквашенную небылицу
Подбросьте истины крупицу,

И будет дешев и сердит
Напиток ваш и всех прельстит.
Тогда-то цвет отборной молодежи
Придет смотреть на ваше откровенье
И будет черпать с благодарной дрожью,
Что подойдет ему под настроенье.
Не сможет глаз ничей осться сух.
Все будут слушать, затаиши дух.
И плакать и смеяться, не замедлив,
Сумеет тот, кто юн и желторот.
Кто вырос — тот угрюм и привередлив,
Кому еще расти, — тот все поймет.

П о э т

Тогда верни мне возраст дивный,
Когда все было впереди
И вереницей беспрерывной
Теснились песни из груди.
В тумане мир лежал впервые,
И, чуду радуясь во всем,
Срывал цветы я полевые,
Повсюду росшие кругом.
Когда я ниц был и богат,
Жив правдой и неправде рад.
Верни мне дух неукрощенный,
Дни муки и блаженства дни,
Жар ненависти, пыл влюбленный,
Дни юности моей верни!

К о м и ч е с к и й а к т е р

Ах, друг мой, молодость тебе нужна,
Когда ты падаешь в бою, слабея;
Когда спасти не может седина
И вешаются девочки на шею;
Когда на состязанье беговом
Ты должен первым добежать до цели;
Когда на шумном пире молодом
Ты ночь проводишь в танцах и веселье.
Но руку в струны лиры запустить,
С которой неразлучен ты все времена,
И не утратить изложенья нить
В тобой самим свободно взятой теме,

Как раз тут в пользу зрелые лета,
А изреченье, будто старец хилый
К концу впадает в детство,— клевета,
Но все мы дети до самой могилы.

Д и р е к т о р

Довольно болтовни салонной.
Не нам любезности плести.
Чем зря отвешивать поклоны,
Могли б мы к путному прийти.
Кто ждет в бездействии наитий,
Прождет их до скончанья дней.
В поэзии греметь хотите?
По-свойски расправляйтесь с ней.
Я вам сказал, что нам во благо.
Вы и варите вашу брагу.
Без разговоров за котел!
День проморгали, день прошел,—
Упущенное не вернете.
Ловите на ходу, в работе
Удобный случай за хохол.
Смотрите, на немецкой сцене
Резвятся кто во что горазд.
Скажите — бутафор вам даст
Все нужные приспособления.
Потребуется верхний свет,—
Вы жгите, сколько вам угодно,
В стихии огненной, и водной,
И прочих недостатка нет.
В дощатом этом балагане
Вы можете, как в мирозданье,
Пройдя все ярусы подряд,
Сойти с небес сквозь землю в ад.

ПРОЛОГ НА НЕБЕ

Господь, небесное воинство, потом
Мефистофель. Три архангела.

Рафаил

В пространстве, хором сфер объятом,
Свой голос солнце подает,
Свершая с громовым раскатом
Предписанный круговорот.
Дивятся ангелы господни,
· Окинув взором весь предел.
Как в первый день, так и сегодня
Безмерна слава божьих дел.

Гавриил

И с непонятной быстротою
Внизу вращается земля,
На ночь со страшной темнотою
И светлый полдень круг деля.
И море пеной волн одето,
И в камни пеной бьет прибой,
И камни с морем мчит планета
По кругу вечно за собой.

Михаил

И бури, все попутно руша
И все обломками покрыв,
То в вольном море, то на суше
Безумствуют наперерыв.

И молния сбегает змеем,
И дали застилает дым
Но мы, господь, благоговеем
Пред дивным промыслом твоим.

В с е в т р о е м

Мы, ангелы твои господни,
Окинув взором весь предел,
Поем, как в первый день, сегодня
Хвалу величью божьих дел.

М е ф и с т о ф е л ь

К тебе попал я, боже, на прием,
Чтоб доложить о нашем положенье.
Вот почему я в обществе твоем
И всех, кто стоит тут в услуженье.
Но если б я произносил тирады,
Как ангелов высокопарный лик,
Тебя бы насмешил я до упаду,
Когда бы ты смеялся не отвык.
Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди боятся, маясь.
Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.
Прошу простить, но по своим приемам
Он кажется каким-то насекомым.
Полулетя, полускача,
Он свиристит, как саранча.
О, если б он сидел в траве покоса
И во все дрязги не совал бы носа!

Г о с п о д ь

И это все? Опять ты за свое?
Лишь жалобы да вечное нытье?
Так на земле все для тебя не так?

М е ф и с т о ф е л ь

Да, господи, там беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда.

Господь
Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Да, странно этот эскулап
Справляет вам повинность божью,
И чем он сыт, никто не знает тоже.
Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.

Господь

Он служит мне, и это налицо,
И выбьется из мрака мне в угоду.
Когда садовник садит дерево,
Плод наперед известен садоводу.

Мефистофель

Поспоримте! Увидите воочью,
У вас я сумасброда отобью,
Немного взявиши в выучку свою.
Но дайте мне на это полномочья.

Господь

Они тебе даны. Ты можешь гнать,
Пока он жив, его по всем уступам.
Кто ищет — вынужден блуждать.

Мефистофель

Пристрастъя не питая к трупам,
Спасибо должен вам сказать.
Мне ближе жизненные соки,
Румянец, розовые щеки.
Котам нужна живая мышь,
Их мертвою не соблазнишь.

Г о с п о д ь

Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади,
Ты проиграл наверняка.
Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика.

М е ф и с т о ф е л ь

Поспорим. Вот моя рука,
И скоро будем мы в расчете.
Вы торжество мое поймете,
Когда он, ползая в помете,
Жрать будет прах от башмака,
Как пресмыкается века
Змея, моя родная тетя.

Г о с п о д ь

Тогда ко мне являйся без стесненья.
Таким, как ты, я никогда не враг.
Из духов отриданья ты всех мене
Бывал мне в тягость, плут и весельчак.
Из лени человек впадает в спячку.
Ступай, расшевели его застой,
Вертись пред ним, томи, и беспокой,
И раздражай его своей горячкой.

(Обращаясь к ангелам.)

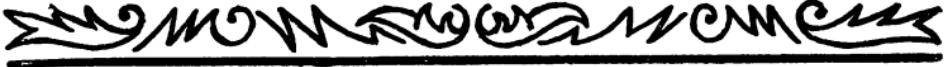
Вы ж, дети мудрости и милосердья,
Любуйтесь красотой предвечной тверди.
Что борется, страдает и живет,
Пусть в вас любовь рождает и участье,
Но эти превращенья в свой черед
Немеркнущими мыслями украсьте.

Небо закрывается. Архангелы расступаются.

М е ф и с т о ф е л ь (один)

Как речь его спокойна и мягка!
Мы ладим, отношений с ним не порти,
Прекрасная черта у старика
Так человечно думать и о черте,

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

НОЧЬ

Тесная готическая комната со сводчатым потолком.
Фауст без сна сидит в кресле за книгою на откидной
подставке.

Фауст

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юрисяруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторах хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквое,
Толкуя так и сяк предмет.
Но знанья это дать не может,
И этот вывод мне сердце гложет,
Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов,
Их точно всех попутал леший,
Я ж и пред чертом не опешу,—
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода
И вверен мир моему уходу.
Не нажил чести и добра
И не вкусила, чем жизнь остра.
И пес с такой бы жизни взвыл!

И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился.
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,
Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловье.

О месяц, ты меня привык
Встречать среди бумаг и книг
Вочных моих трудах, без сна
В углу у этого окна.
О, если б тут твой бледный лик
В последний раз меня застиг!
О, если бы ты с этих пор
Встречал меня на высях гор,
Где феи с эльфами в тумане
Играют в прятки на поляне!
Там, там росой у входа в гrot
Я б смыл учености налет!

Но как? Назло своей хандре
Еще я в этой конуре,
Где доступ свету загражден
Цветною росписью окон!
Где запыленные тома
Навалены до потолка;
Где даже утром полутьма
От черной гари ночника;
Где собран в кучу скарб отцов.
Таков твой мир! Твой отчий кров!

И для тебя еще вопрос,
Откуда в сердце этот страх?
Как ты все это перенес
И в заточенье не зачах,
Когда насильственно, взамен
Живых и богом данных сил,
Себя средь этих мертвых стен
Скелетами ты окружил?

Встань и беги, не глядя вспять!
А провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять
Таинственное не забудь.
И ты прочтешь в движенье звезд,
Что может в жизни произстечь.
С твоей души спадет нарост,
И ты услышишь духов речь.
Их знаки, сколько ни грызи,
Не пища для сухих умов.
Но, духи, если вы вблизи,
Ответьте мне на этот зов!

(Открывает книгу и видит знак макрокосма.)

Какой восторг и сил какой напор,
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья.
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от уныния
Дает мне сочетанье этих линий!
Расходится томивший душу мрак.
Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я — бог
И вижу, символ мира разбирая,
Вселенную от края и до края.
Теперь понятно, что мудрец изрек:
«Мир духов рядом, дверь не на запоре,
Но сам ты слеп, и все в тебе мертвое.
Умойся в утренней заре, как в море,
Очишись, вот этот мир, войди в него».

(Рассматривает внимательно изображение.)

В каком порядке и согласье
Идет в пространствах ход работ!
Все, что находится в запасе
В углах вселенной непочатых,
То тысяча существ крылатых
Поочередно подает
Друг другу в золотых ушатах
И вверх снует и вниз снует.
Вот зрелице! Но горе мне:
Лишь зрелице! С напрасным стоном,
Природа, вновь я в стороне
Перед твоим священным лоном!

О, как мне руки протянуть
К тебе, как пасть к тебе на грудь,
Прильнуть к твоим ключам бездонным!

*(С досадою перевертывает страницу и видит
знак земного духа.)*

Я больше этот знак люблю.
Мне дух земли родней, желаний.
Благодаря его влиянию
Я рвусь вперед, как во хмели.
Тогда, ручаюсь головой,
Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В свой час крушенья роковой.

Клубятся облака,
Луна зашла,
Потух огонь светильни.
Дым! Красный луч скользит
Вокруг моего чела.
А с потолка,
Бросая в дрожь,
Пахнуло жутью замогильной!
Желанный дух, ты где-то здесь снуешь.
Явись! Явись!
Как сердце идет!
С какою силою дыханье захватило!
Все помыслы мои с тобой слились!
Явись! Явись!
Явись! Пусть это жизни стоит!

*(Берет книгу и произносит таинственное
заклинание. Вспыхивает красноватое пламя, в котором
является дух.)*

Д у х

Кто звал меня?

Ф а у с т
(отворачивался)

Ужасный вид!

Д у х

Заклял меня своим призывом
Настойчивым, нетерпеливым,
И вот...

Ф а у с т

Твой лик меня страшит.

Д у х

Молил меня к нему явиться,
Услышать жаждал, увидать,
Я сжалился, пришел и, глядь,
В испуге вижу духовидца!
Ну что ж, дерзай, сверхчеловек!
Где чувств твоих и мыслей пламя?
Что ж, возомнив сравняться с нами,
Ты к помощи моей прибег?
И это Фауст, который говорил
Со мной, как равный, с превышеньем сил?
Я здесь, и где твои замашки?
По телу бегают мураски.
Ты в страхе вьешься, как червяк?

Ф а у с т

Нет, дух, я от тебя лица не прячу.
Кто б ни был ты, я, Фауст, не меньше значу.

Д у х

Я в буре деяний, в житейских волнах,
В огне, в воде,
Всегда, везде,
В извечной смене
Смертей и рождений.
Я — океан,
И зыбы развитья,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,
Живую одежду я тку божеству.

Ф а у с т

О деятельный гений бытия,
Прообраз мой!

Д у х

О нет, с тобою схож
Лишь дух, который сам ты познаешь,—
Не я!

(Исчезает.)

Ф а у с т
(сокрушенно)

Не ты?
Так кто же?
Я, образ и подобье божье,
Я даже с ним,
С ним, низшим, несравним!

Раздается стук в дверь.

Вот принесла нелегкая. В разгар
Видений этих дивных — мой подручный!
Всю прелесть чар рассеет этот скучный,
Несносный, ограниченный школьник!

Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, с лампою в
руке. Фауст с неудовольствием поворачивается к нему.

В а г н е р

Простите, не из греческих трагедий
Вы только что читали монолог?
Осмелился зайти к вам, чтоб в беседе
У вас взять декламации урок.
Чтоб проповедник шел с успехом в гору,
Пусть учится паренью у актера.

Ф а у с т

Да, если проповедник сам актер,
Как наблюдается с недавних пор.

В а г н е р

Мы век проводим за трудами дома
И только в праздник видим мир в очки.
Как управлять нам пастью незнакомой,
Когда мы от нее так далеки?

Ф а у с т

Где нет нутра, там не поможешь пыткам.
Цена таким усилиям медный грош.
Лишь проповеди искренним полетом
Наставник в вере может быть хорош.
А тот, кто мыслью беден и усидчив,
Кропает понапрасну пересказ
Заимствованных отовсюду фраз,
Все дело выдержками ограничив.

Он, может быть, создаст авторитет
Среди детей и дурней недалеких,
Но без души и помыслов высоких
Живых путей от сердца к сердцу нет.

В а г н е р

Но много значит дикция и слог,
Я чувствую, еще я в этом плох.

Ф а у с т

Учитесь честно достигать успеха
И привлекать благодаря уму.
А побрякушки, гулкие, как эхо,
Подделка и не нужны никому.
Когда всерьез владеет что-то вами,
Не станете вы гнаться за словами,
А рассужденья, полные прикрас,
Чем обороты ярче и цветистей,
Наводят скуку, как в осенний час
Вой ветра, обрывающего листья.

В а г н е р

Ах, господи, но жизнь-то недолга,
А путь к познанию дальний. Страшно вчуже:
И так уж ваш покорнейший слуга
Пыхтит от рвенья, а не стало б хуже!
Иной на то полжизни тратит,
Чтоб до источников дойти,
Глядишь — его на полпути
Удар от прилежанья хватит.

Ф а у с т

Пергаменты не утоляют жажды.
Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник.

В а г н е р

Однако есть ли что милей на свете,
Чем уноситься в дух былых столетий
И умозаключать из их работ,
Как далеко шагнули мы вперед?

Ф а у с т

О да, конечно, до самой луны!
Не трогайте далекой старины.
Нам не сломить ее семи печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают.
Как представляем мы порядок древний?
Как рухлядью заваленный чулан,
А некоторые еще плачевней —
Как кукольника старый балаган.
По мнению некоторых, наши предки
Не люди были, а марионетки.

В а г н е р

Но мир! Но жизнь! Ведь человек дорос,
Чтоб знать ответ на все свои загадки.

Ф а у с т

Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос.
На этот счет у нас не все в порядке.
Немногих, проникавших в суть вещей
И раскрывавших всем души скрижали,
Сжигали на кострах и распинали,
Как вам известно, с самых давних дней.
Но мы заговорились, спать пора.
Оставим спор, уже довольно поздно.

В а г н е р

Я, кажется, не спал бы до утра
И все бы с вами толковал серьезно.
Но завтра пасха, и в свободный час
Расспросами обеспокою вас.
Я знаю много, погружен в занятия,
Но знать я все хотел бы без изъятья.
(Уходит.)

Ф а у с т (один)

Охота надрываться чудаку!
Он клада ищет жадными руками

И, как находке, рад, копаясь в хламе,
Любому дождевому червяку.
Он смел нарушить тишину угла,
Где замирал я, в лица духов глядя.
На этот раз действительно хвала
Беднейшему из всех земных исчадий.
Я, верно, помешался бы один,
Когда б он в дверь ко мне не постучался.
Тот призрак был велик, как исполин,
А я, как карлик, перед ним терялся.

Я, названный подобьем божества,
Возмнил себя и вправду богоравным.
Насколько в этом ослепленье явном
Я переоценил свои права!
Я счел себя явленьем неземным,
Пронизывающим, как бог, творенье.
Решил, что я светлей, чем серафим,
Сильней и полновластнее, чем гений.
В возмездие за это дерзновенье
Я уничтожен словом громовым.

Ты вправе, дух, меня бесславить.
Я мог тебя прийти заставить,
Но удержать тебя не мог.
Я испытал в тот миг высокий
Такую мощь, такую боль!
Ты сбросил вниз меня жестоко,
В людскую темную юдоль.
Как быть с внушеньями и снами,
С мечтами? Следовать ли им?
Что трудности, когда мы сами
Себе мешаем и вредим!

Мы побороть не в силах скуки серой,
Нам голод сердца большей частью чужд,
И мы считаем праздною химерой
Все, что превыше повседневных нужд.
Живейшие и лучшие мечты
В нас гибнут средь житейской суеты.
В лучах воображаемого блеска
Мы часто мыслью воспаряем вширь
И падаем от тяжести привеска,

От груза наших добровольных гирь,
Мы драпируем способами всеми
Свое безволье, трусость, слабость, лень.
Нам служит ширмой состраданья бремя,
И совесть, и любая дребедень.
Тогда всё отговорки, всё предлог,
Чтоб произвесть в душе переполох,
То это дом, то дети, то жена,
То страх отравы, то боязнь поджога,
Но только вздор, но ложная тревога,
Но выдумка, но мнимая вина.

Какой я бог! Я знаю облик свой.
Я червь слепой, я пасынок природы,
Который пыль глотает пред собой
И гибнет под стопою пешехода,

Не в прахе ли проходит жизнь моя
Средь этих книжных полок, как в неволе?
Не прах ли эти сундуки старья
И эта рвань, изъеденная молью?
Итак, я здесь все нужное найду?
Здесь, в сотне книг, прочту я утвержденье,
Что человек терпел всегда нужду
И счастье составляло исключенье?
Ты, голый череп посреди жилья!
На что ты намекаешь, зубы скаля?
Что твой владелец, некогда, как я,
Искавший радости, блуждал в печали?
Не смеялся надо мной деленьем шкал,
Естествоиспытателя приборы!
Я, как ключи к замку, вас подбирал,
Но у природы крепкие затворы.
То, что она желает скрыть в тени
Таинственного своего покрова,
Не выманить винтами шестерни,
Ни силами орудья никакого.
Не тронутые мною черепки,
Алхимии отцовской пережитки,
И вы, исписанные от руки
И копотью покрывшиеся свитки!
Я б лучше расточил вас, словно мот,
Чем изнывать от вашего соседства.

Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить наследство.
Но жалок тот, кто копит мертвый хлам.,
Что миг рождает, то на пользу нам.

Но отчего мой взор к себе так властно
Та склянка привлекает, как магнит?
В моей душе становится так ясно,
Как будто лунный свет в лесу разлит.

Бутыль с заветной жидкостью густою,
Тянусь с благовенiem за тобою!
В тебе я чту венец исканий наш.
Из сонных трав настоящая гуща,
Смертельной силою, тебе присущей,
Сегодня своего творца уважь!
Взгляну ли на тебя — и легче муки,
И дух ровней; тебя возьму ли в руки —
Волненье начинает убывать.
Все шире даль, и тянет ветром свежим,
И к новым дням и новым побережьям
Зовет зеркальная морская гладь.

Слетает огненная колесница,
И я готов, расправив шире грудь,
На ней в эфир стрелою устремиться,
К неведомым мирам направить путь.
О, эта высь, о, это просветленье!
Достоин ли ты, червь, так вознестись?
Спиною к солнцу стань без сожаленья,
С земным существованьем распростишь.
Набравшись духу, выломай руками
Врата, которых самый вид страшит!
На деле докажи, что пред богами
Решимость человека устоит!
Что он не дрогнет даже у преддверья
Глухой пещеры, у того жерла,
Где мнительная сила суеверья
Костры всей преисподней разожгла.
Распорядись собой, прими решенье,
Хотя бы и деной уничтоженья.

Пожалуй-ка, наследственная чара,
И ты на свет из старого футляра.

Я много лет тебя не вынимал.
Играя радугой хрустальных граней,
Бывало, радовала ты собранье,
И каждый залпом чару осушал.
На этих торжествах семейных гости
Стихами изъяснялись в каждом тосте.
Ты эти дни напомнил мне, бокал.
Сейчас сказать я речи не успею,
Напиток этот действует скорее,
И медленней струя его течет.
Он дело рук моих, моя затея,
И вот я пью его душою всею
Во славу дня, за солнечный восход.

(Подносит бокал к губам.)

Колокольный звон и хоровое пение.

Х о р а н г е л о в

Христос воскрес!
Преодоление
Смерти и тления
Славьте, селение,
Пашня и лес.

Ф а у с т

Река гудящих звуков отвела
От губ моих бокал с отправой этой.
Наверное, уже колокола
Христову пасху возвестили свету
И в небе ангелы поют хорал,
Который встарь у гроба ночью дал
Начало братству нового завета.

Х о р м и р о н о с и ц

От посторонних
Тело укрыли.
Всё в благовоньях,
В гроб положили.
Под пеленами
Камня плита.
Нет в них пред нами
Больше Христа.

Х о р а н г е л о в

Христос воскрес!
Грехопадения,
Смерти и тления
След с поколения
Смыт и исчез.

Ф а у с т

Ликующие звуки торжества,
Зачем вы раздастесь в этом месте?
Гудите там, где набожность жива,
А здесь вы не найдете благочестья.
Ведь чудо — веры лучшее дитя.
Я не сумею унести в те сферы,
Откуда радостная весть пришла.
Хотя и ныне, много лет спустя,
Вы мне вернули жизнь, колокола,
Как в памятные годы детской веры,
Когда вы оставляли на челе
Свой поцелуй в ночной тиши субботней
Ваш гул звучал таинственней во мгле,
Молитва с уст срыва лась безотчетней.
Я убегал на луговой откос,
Такая грусть меня обуревала!
Я плакал, упиваясь счастьем слез,
И мир во мне рождался небывалый.
С тех пор в душе со светлым воскресеньем
Связалось все, что чисто и светло.
Оно мне веяньем своим весенним
С собой покончить ныне не дало.
Я возвращен земле. Благодаренье
За это вам, святые песнопенья!

Х о р у ч е н и к о в

Смерти раздавлена,
Попрана злоба:
Новопреставленный
Вышел из гроба.
Пусть он в обители
За облаками,
Имя учителя —
С учениками.

Выстоим преданно
Все превращенья.
Нам заповедано
Это ученье.

Х о р а н г е л о в

Христос воскрес!
Пасха Христова
С нами, и снова
Жизнь до основы
Вся без завес.
Будьте готовы
Сбросить оковы
Силой святого
Слова его,
Тленья земного,
Сна гробового,
С сердца любого,
С мира всего.

у ВОРОТ

Толпы гуляющих направляются за город,
Несколько подмастерьев
Куда такой толпой?

Д р у г и е

В стрелковый тир лесной.

П е р в ы е

А мы ватагой к мельничной запруде,
Один из подмастерьев
На гать ступайте. Вот где красота.

В т о р о й подмастерье
Далекий путь. Неважные места.

И з в т о р о й г р у п п ы
А ты куда?

Т р е т и й подмастерье
Туда, куда и люди.

Четвертый

Таких, как возле замка в слободе,
Ни девушек, ни пива нет нигде.
И первый сорт задиры и скандалы.

Пятый

Так у тебя опять, у хвастуна,
По их побоям чешется спина?
Я этим сыт надолго до отвала.

Служанка

Нет, лучше я пойду домой.

Другая служанка

Наверно, он за тополями теми..

Первая

А мне в нем интерес какой?
Он за тобой таскается все время,
А я, как дура, радуйся на вас,
Когда вдвоем пускаетесь вы в пляс.

Вторая

Сегодня, кажется, он не один.
С ним, помнишь, тот кудрявчик господин.

Студент

Гляди, девчонка под руку с девчонкой!
А ну-ка за обеими вдогонку!
Да, брат, покрепче пиво и табак
Да девочки — на это я мастак.

Девушка-городянка

Могу сказать, студенты-кавалеры!
Я удивляюсь, как не стыдно им.
У барышень хорошие манеры,
Они же липнут к горничным простым.

Второй студент (первому)

Да не беги ты! Видишь, сзади две,
И обе из порядочного дома.
Одна из них с соседями в родстве,
И потому мы шапочно знакомы.

Раскланяемся с ними, подойдем
И совершим прогулку вчетвером.

Первый студент

Нет, брат, одно стесненье эта знать.
Я отдаю служанкам предпочтенье.
Та, что в субботу будет подметать,
Всех лучше приголубит в воскресенье.

Горожанин

Беда нам с новым бургомистром.
Он все решает с видом быстрым,
А пользой нашей пренебрег.
Дела все хуже раз от разу,
И настоятельней приказы,
И непосильнее налог.

Нищий (поэт)

Вы, судари мои и дамы,
Пошли господь вам много лет!
Подайте нищему у храма,
Я голоден и не одет!
В день праздничного ликованья
Рука дающего легка.
Не откажите в подаянье
И пожалейте старика!

Второй горожанин

По праздникам нет лучше развлеченья,
Чем толки за стаканчиком вина,
Как в Турции далекой, где война,
Сражаются друг с другом ополченья.
Подходишь у трактирщика к окну
И смотришь — по реке идут баркасы,
И после, дома, отходя ко сну,
Благословляешь миролюбье часа.

Третий горожанин

Я тоже так смотрю, сосед.
Пусть у других неразбериха,
Передерись хотя весь свет,
Да только б дома было тихо.

Старуха (девушкам-горожанкам)

Ах, ягодки-красавицы мои!
Глаз не отвесь от вашего наряда.
Зачем чураетесь ворожей?
Я раздобыть сумею, что вам надо.

Первая девушка

Агата, что ты! Постыдись греха!
При встречных заговаривать с колдуныей!
Она мне будущего жениха
Недавно показала в новолунье.

Вторая девушка

И мне, в хрустальном шаре. Он солдат.
Средь удальцов, бросающихся в сечу.
С тех пор по сторонам бросаю взгляд,
Но, сколько ни ищу, нигде не встречу.

Солдаты

Рвы, частоколы,
Стены, ограды,
Женского пола
Гордые взгляды
Перед осадой
Не устоят.
Ради награды
Бьется солдат.

Перед началом
Всякой атаки,
Перед привалом
Трубят вояки.
Штурмы с паденьем
Женщин и стен,
Вот что мы деним,
Прочее — тлен.
Ради награды
Бьется солдат.
Утром уходит
Дальше отряд.

Фауст и Вагнер.

Ф а у с т

Растаял лед, шумят потоки,
Луга зеленеют под лаской тепла.
Зима, размякнув на приске,
В суровые горы подальше ушла.
Оттуда она крупою мелкой
Забрасывает зеленя,
Но солнце всю ее побелку
Смывает к середине дня.
Все хочет цветь, росток и ветка,
Но на цветы весна скуча,
И вместо них своей расцветкой
Пестрит воскресная толпа.
Взгляни отсюда вниз с утеса
На городишко у откоса.
Смотри, как валит вдаль народ
Из старых городских ворот.
Всем хочется вздохнуть свободней,
Все рвутся вон из толкотни.
В день воскресения господня
Воскресли также и они.
Они восстали из-под гнета
Конур, подвалов, верстаков,
Ремесленных оков без счета,
Нависших крыш и чердаков,
И высыпали на прогулку
Из хмурящейся тьмы церквей,
Из узенького закоулка,
И растеклись ручьев живей,
И бросились к речным причалам,
И рыщут лодки по реке,
И тяжело грести усталым
Гребцам в последнем челноке.
По горке ходят горожане,
Они одеты щегольски,
А в отдаленье на поляне
В деревне пляшут мужики.
Как человек, я с ними весь:
Я вправе быть им только здесь.

В а г н е р

Прогулка с вами на свободе
Приносит честь и пользу мне.

Но от забав простонародья
Держусь я, доктор, в стороне.
К чему б крестьяне ни прибегли,
И тотчас драка, шум и гам.
Их скрипки, чехарда, и кегли,
И крик невыносимы нам.

Крестьяне
(под липою; пляски и пение)

Плясать отправился пастух,
Одеся, разрядился в пух,
Цветов в камзол натыкал.
Под липой шла уж кутерьма,
Кружились пары без ума,
Скрипач вовсю пиликал.

Протискиваясь в этот круг,
Столкнулся с девушкой пастух
Румяною и свежей,
И та ему, скользя из рук:
«Пожалуйста, без этих штук!
Не надо быть невежей!»

Но, на нее взглянув в упор,
Стал девушку кружить танцор,
И зашумели юбки.
И все нежней за туром тур
Шептался с нею балагур,
Не вымолив уступки.

«Как только врать не надоест!
Довольно из-за вас невест
Пропало по ошибке!»
Но недотрогу в уголок
Он понемногу уволовил
От скрипача и скрипки.

Старик

Мне, доктор, поручил народ
Вам благодарность принести.
Вы оказали нам почет,
Не погибнувшись к нам прийти.
Ученость ваша у крестьян
Прославлена и всем видна.

Вот полный доверху стакан,
И сколько капель в нем вина,
Пусть столько же счастливых дней
Вам бог прибавит к жизни всей.

Ф а у с т

Желаю здравья вам в ответ
В теченье столь же многих лет.

Народ обступает их.

С т а р и к

Отрадно вспомнить в светлый день,
Как жертвовали вы собой
Для населенья деревень
В дни черной язвы моровой.
Иного только потому
Ужасный миновал конец,
Что нам тогда избыть чуму
Помог покойный ваш отец.
Вас не пугал ее очаг.
И — юноша еще тогда —
Входили вы к больным в барак
И выходили без вреда.
За близость с братиесю низшей
Хранила вас десница свыше.

В с е

Храни вас господи и впредь,
Чтоб не давали нам болеть.

Ф а у с т

Вам следует благодарить
Того, кто всех учит любить.
(Проходит с Вагнером дальше.)

В а г н е р

Вы можете всем этим быть горды.
Как вы любимы деревенским людом!
Большое счастье — пожинать плоды
Способностей, не сгинувших под спудом.
Вы появились — шапки вверх летят,
Никто не пляшет, пораженный чудом,

Вас пропускают, выстроившись в ряд,
Еще немного,— позовут ребят
И станут перед вами на колени,
Как пред святыней, чтимою в селенье.

Ф а у с т

Давай дойдем до этой крутизны
И там присядем. Часто я, бывало,
На той скале сидел средь тишины,
Весь от поста худой и отошлый.
Ломая руки, я мольбой горел,
Чтоб бог скорей избавил нас от мора
И положил поветрию предел.
Так уповал и верил я в ту пору!
И для меня насмешкою звучит
Тех тружеников искреннее слово.
От их речей охватывает стыд
И за себя, и за дела отцовы.
Отец мой, нелюдим-оригинал,
Всю жизнь провел в раздумьях

о природе.

Он честно голову над ней ломал,
Хотя и по своей чудной методе.
Алхимии тех дней забытый столп,
Он запирался с верными в чулане
И с ними там перегонял из колб
Соединенья всевозможной дряни.
Там звали «лилиею» серебро,
«Львом» — золото, а смесь их — связью
в браке.

Полученное на огне добро,
«Царицу», мыли в холодильном баке,
В нем осаждался радужный налет.
Людей лечили этой амальгамой,
Не проверяя, вылечился ль тот,
Кто обращался к нашему бальзаму.
Едва ли кто при этом выживал.
Так мой отец своим мудреным зельем
Со мной средь этих гор и по ущельям
Самой чумы похлеще бушевал.
И каково мне слушать их хваленья,
Когда и я виной их умерщвленья,
И сам отраву тысячам давал.

В а г н е р

Корить себя решительно вам нечем.
Скорей была заслуга ваша в том,
Что вы воспользовались целиком
Уменьем, к вам от старших перешедшим.
Для сыновей отцовский опыт свят.
Они его всего превыше ставят.
Ваш сын ведь тоже переймет ваш взгляд
И после новое к нему прибавит.

Ф а у с т

Блажен, кто вырваться на свет
Надеется из лжи окружной.
В том, что известно, пользы нет,
Одно неведомое нужно.
Но полно вечер омрачать
Своей тоскою беспричинной.
Смотри: закат свою печать
Накладывает на равнину.
День прожит, солнце с вышины
Уходит прочь в другие страны.
Зачем мне крылья не даны
С ним вровень мчаться неустанно!
На горы в пурпуре лучей
Заглядывался б я в полете
И на серебряный ручей
В вечерней темной позолоте.
Опасный горный перевал
Не останавливал бы крыльев.
Я море бы пересекал,
Движенье этих крыл усилив.
Когда б зари вечерней свет
Грозил погаснуть в океане,
Я б налегал дружнее вслед
И нагоняя его сиянье.
В соседстве с небом надо мной,
С днем впереди и ночью сзади,
Я реял бы над водной гладью.
Жаль, нет лишь крыльев за спиной.
Но всем знаком порыв врожденный
Куда-то ввысь, туда, в зенит,

Когда из синевы бездонной
Песнь жаворонка зазвенит,
Или когда вверху над бором
Парит орел, или вдали
Осенним утренним простором
К отлету тянут журавли.

В а г и е р

И на меня капризы находили,
Но не припомню я таких причуд.
Меня леса и нивы не влекут,
И зависти не будят птичьи крылья.
Моя отрада — мысленный полет
По книгам, со страницы на страницу.
Зимой за чтеньем быстро ночь пройдет,
Тепло по телу весело струится,
А если попадется редкий том,
От радости я на небе седьмом.

Ф а у с т

Ты верен весь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.
О, если бы не в царстве грез,
А в самом деле вихрь небесный
Меня куда-нибудь унес
В мир новой жизни неизвестной!
О, если б, плащ волшебный взяв,
Я б улетал куда угодно! —
Мне б царских мантий и держав
Милей был этот плащ походный.

В а г и е р

Не призывайте лучше никогда
Существо, живущих в воздухе и ветре.
Они распространители вреда,
Смертей повальных, моровых поветрий.

То демон севера заладит дуть
И нас проймет простудою жестокой,
То нам пойдет сушить чахоткой грудь
Томительное веянье востока,
То с юга из пустыни суховей
Нас солнечным ударом стукнет в темя,
То запад целой армией дождей
Повадится нас поливать все время.
Не доверяйте духам темноты,
Роящимся в ненастной серой дымке,
Какими б ангелами доброты
Ни притворялись эти невидимки.
Пойдемте, впрочем. На землю легла
Ночная сырость, нависает мгла,
Хорош по вечерам уют домашний!
На что, однако, вы вперили взор
И смотрите как вкопанный в упор?

Ф а у с т

Заметил, черный пес бежит по пашне?

В а г н е р

Давно заметил. Что же из того?

Ф а у с т

Кто он? Ты в нем не видишь ничего?

В а г н е р

Обыкновенный пудель, пес лохматый,
Своих хозяев ищет по следам.

Ф а у с т

Кругами, сокращая их охваты,
Все ближе подбирается он к нам.
И, если я не ошибаюсь, пламя
За ним змеится по земле полян.

В а г н е р

Не вижу. Просто пудель перед нами,
А этот след — оптический обман.

Ф а у с т

Как он плетет вокруг нас свои извины!
Магический их смысл не так-то прост,

В а г н е р

Не замечаю. Просто пес трусливый,
Чужих завидев, поджимает хвост.

Ф а у с т

Все меньше круг. Он подбегает. Стой!

В а г н е р

Вы видите, не призрак — пес простой.
Ворчит, хвостом виляет, лег на брюхо.
Все как у псов, и не похож на духа.

Ф а у с т

Не бойся! Смирно, пес! За мной! Не тронь!

В а г н е р

Забавный пудель. И притом — огонь.
Живой такой, понятливый и бойкий,
Поноску знает, может делать стойку.
Оброните вы что-нибудь — найдет.
За брошенною палкой в пруд нырнет.

Ф а у с т

Да, он не оборотень, дело ясно.
К тому же, видно, вышколен прекрасно.

В а г н е р

Серьезному ученому забавно
Иметь собаку с выучкой исправной.
Пес этот, судя по его игре,
Наверно, у студентов был в муштре.

Входят в городские ворота.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА

Входит Ф а у с т с пуделем.

Ф а у с т

Оставил я поля и горы,
Окутанные тьмой ночной.
Открылось внутреннему взору
То лучшее, что движет мной.

В душе, смирившей вожделенья,
Свершается переворот.
Она любовью к провиденью,
Любовью к ближнему живет.

Пудель, уймись и по комнате тесной не бегай!
Полно ворчать и обнюхивать дверь и порог.
Ну-ка — за печку и располагайся к очлегу.
Право, приятель, на эту подушку бы лег.
Очень любезно нас было прыжками забавить.
В поле, на воле, уместна твоя беготня.
Здесь тебя просят излишнюю ревность оставить,
Угомонись и пойми: ты в гостях у меня.

Когда в глубоком мраке ночи
Каморку лампа озарит,
Не только в комнате рабочей,
И в сердце как бы свет разлит.
Я слышу разума внушенья.
Я возрождаюсь и хочу
Припасть к источникам творенья,
К живительному их ключу.

Пудель, оставь! С вдохновеньем минуты,
Вдруг охватившим меня невзначай,
Несовместимы ворчанье и лай.
Более свойственно спеси надутой
Лаять на то, что превыше ее.
Разве и между собачьих ухваток
Водится этот людской недостаток?
Пудель! Оставь беготню и вытье.

Но вновь безволье, и упадок,
И вялость в мыслях, и разброд.
Как часто этот беспорядок
За просветленьем настает!
Паденья эти и подъемы
Как в совершенстве мне знакомы!
От них есть средство искони:
Лекарство от душевной лени —
Божественное откровенье,
Всесильное и в наши дни.
Всего сильнее им согреты
Страницы Нового завета.
Вот, кстати, рядом и они.

Я по-немецки все Писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти,
Как следует перевести.

*(Открывает книгу, чтобы приступить
к работе.)*

«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в созданье жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила». Вот в чем суть,
Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было Дело» — стих гласит.

Если ты хочешь жить со мною,
То чтоб без воя.
Что за возня?
Понял ты, пудель? Смотри у меня!
Кроме того, не лай, не балуй,
Очень ты, брат, беспокойный малый.
Одному из нас двоих
Придется убраться из стен моих.
Ну, так возьми на себя этот шаг.
Нечего делать. Вот дверь. Всех благ!
Но что я вижу! Вот так гиль!
Что это, сказка или быль?
Мой пудель напыжился, как пузырь,
И все разбухает ввысь и вширь.
Он может до потолка достать.
Нет, это не собачья стать!
Я нечисть ввел себе под свод!
Раскрыла пасть, как бегемот,
Огнем глазища налиты,—
Тварь из бесовской мелкоты.
Совет, как пакость обуздать,
«Ключ Соломона» может дать.

Д у х и (в сенях)

Один из нас в ловушке,
Но внутрь за ним нельзя.
Наш долг помочь друг дружке,
За дверью лебезя.
Вертитесь втихомолку,
Чтоб нас пронюхал бес
И к нам в дверную щелку
На радостях пролез.
Узнав, что есть подмога
И он в родном кругу,
Он ринется к порогу,
Мы все пред ним в долгу.

Ф а у с т

Чтоб зачураться от собаки,
Есть заговор четвероякий!

Саламандра, жгись,
Ундина, вейся,
Сильф, рассейся,
Кобольд, трудись!
Кто слышит впервые
Про эти стихии,
Их свойства и строй,
Какой заклинатель?
Кропатель пустой!

Раздуй свое пламя,
Саламандра!
Разлейся ручьями,
Ундина!
Сильф, облаком взмой!
Инкуб, домовой,
В хозяйственном хламе,
Что нужно, отрой!

Из первоматерий
Нет в нем ни одной.
Не стало ни больно, ни боязно зверю,
Разлегся у двери, смеясь надо мной.
Заклятья есть строже,
Поганая рожа, постой!

Ты выходец бездны,
Приятель любезный?
Вот что без утайки отрой.
Вот символ святой,
И в дрожь тебя кинет,
Так страшен он вашей всей шайке клятой!

Гляди-ка, от ужаса шерсть он щетинит!

Глазами своими
Бесстыжими, враг,
Прочтешь ли ты имя,
Осилишь ли знак
Несотворенного,
Неизреченного,
С неба сошедшего, в лето Пилатово
Нашего ради спасенья распятого?

За печку оттеснен,
Он вверх растет, как слон,
Готовый, словно дым,
По потолку расплыться.
Ложись к ногам моим
На эту половицу!
Я сделать все могу
Еще с тобой, несчастный!
Я троицей сожгу
Тебя триипостасной!
На это сила есть,
Поверь, у чародея.

М е ф и с т о ф е л ь
(выходит, когда дым рассеивается, из-за печи
в одежде странствующего студента)

Что вам угодно? Честь
Представиться имею.

Ф а у с т

Вот, значит, чем был пудель начинен!
Скрывала школьара в себе собака?

М е ф и с т о ф е л ь

Отвешу вам почтительный поклон.
Ну, вы меня запарили, однако!

Ф а у с т

Как ты зовешься?

М е ф и с т о ф е л ь

Мелочный вопрос
В устах того, кто безразличен к слову,
Но к делу лишь относится всерьез
И смотрит в корень, в суть вещей, в основу.

Ф а у с т

Однако специальный атрибут
У вас обычно явствует из кличек:
Мушиный царь, обманщик, враг, обидчик,
Смотря как каждого из вас зовут:
Ты кто?

М е ф и с т о ф е л ь

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Ф а у с т

Нельзя ли это проще передать?

М е ф и с т о ф е л ь

Я дух, всегда привыкший отрицать.
И с основанием: ничего не надо.
Нет в мире вещи, стоящей пощады,
Творенье не годится никуда.
Итак, я то, что ваша мысль связала
С понятьем разрушенья, зла, вреда.
Вот прирожденное мое начало,
Моя среда.

Ф а у с т

Ты говоришь, ты — часть, а сам ты весь
Стоишь передо мною здесь?

М е ф и с т о ф е л ь

Я верен скромной правде. Только спесь
Людская ваша с самомненьем смелым
Себя считает вместо части целым.
Я — части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот — порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел — поверхность твердых тел.
Он к ним прикован, связан с их судьбой,
Лишь с помощью их может быть собой,
И есть надежда, что, когда тела
Разрушатся, сгорит и он дотла.

Ф а у с т

Так вот он в чем, твой труд почтенный!
Не сладив в целом со вселенной,
Ты ей вредишь по мелочам?

М е ф и с т о ф е л ь

И безуспешно, как я ни упрям.
Мир бытия — досадно малый штрих
Среди небытия пространств пустых.
Однако до сих пор он непреклонно
Мои нападки сносит без урона.
Я донимал его землетрясеньем,
Пожарами лесов и наводненьем,—
И хоть бы что! Я цели не достиг.
И море в целости и материк.
А люди, звери и порода птичья,
Мори их не мори, им трин-трава.
Плодятся вечно эти существа,
И жизнь всегда имеется в наличии.
Иной, ей-ей, рехнулся бы с тоски!
В земле, в воде, на воздухе свободном
Зародыши роятся и ростки
В сухом и влажном, теплом и холодном.
Не завладей я областью огня,
Местечка не нашлось бы для меня.

Ф а у с т

Итак, живительным задаткам,
Производящим все кругом,
Объятый зависти припадком,
Грозишь ты злобно кулаком?
Что ж ты поинтересней дела
Себе, сын ночи, не припас?

М е ф и с т о ф е л ь

Об этом надо будет зрело
Подумать в следующий раз.
Теперь позвольте удалиться.

Ф а у с т

Прощай, располагай собой.
Знакомый с тем, что ты за птица,
Прошу покорно в час любой.
Ступай. В твоем распоряжение
Окно, и дверь, и дымоход.

М е ф и с т о ф е л ь

Я в некотором затрудненье.
Мне выйти в сени не дает
Фигура под дверною рамой.

Ф а у с т

Ты испугался пентаграммы?
Каким же образом тогда
Вошел ты чрез порог сюда?
Как оплошал такой пройдоха?

М е ф и с т о ф е л ь

Всмотриесь. Этот знак начертан плохо.
Наружный угол вытянут в длину
И оставляет ход, загнувшись с края.

Ф а у с т

Скажи-ка ты, нечаянность какая!
Так, стало быть, ты у меня в плену?
Не мог предугадать такой удачи!

М е ф и с т о ф е л ь

Мог обознаться пудель на бегу,
Но с чертом дело обстоит иначе:
Я вижу знак и выйти не могу.

Ф а у с т

Но почему не лезешь ты в окно?

М е ф и с т о ф е л ь

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

Ф а у с т

Ах, так законы есть у вас в аду?
Вот надо будет что иметь в виду
На случай договора с вашей братьей.

М е ф и с т о ф е л ь

Любого обязательства принять
Для нас закон со всеми наряду.
Мы не меняем данных обещаний.
Договорим при будущем свиданье,
На этот раз спешу я и уйду.

Ф а у с т

Еще лишь миг, и я потом отстану:
Два слова только о моей судьбе.

М е ф и с т о ф е л ь

Я как-нибудь опять к тебе нагряну,
Тогда и предадимся ворожбе.
Теперь пусти меня!

Ф а у с т

Но это странно!

Ведь я не расставлял тебе сетей,
Ты сам попался и опять, злодей,
Не дашься мне, ушедши из капкана.

М е ф и с т о ф е л ь

Согласен. Хорошо. Я остаюсь
И, в подтвержденье дружеского чувства,
Тем временем развлечь тебя берусь
И покажу тебе свое искусство.

Ф а у с т

Показывай, что хочешь, но гляди —
Лишь скуки на меня не наведи.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты больше извлечешь сейчас красот
За час короткий, чем за долгий год.
Незримых духов тонкое уменье
Захватит полностью все ощущенья,
Твой слух и нюх, а также вкус, и зренье,
И осязанье — все наперечет.
Готовиться не надо. Духи тут
И тотчас исполнение начнут,

Д у х и

Рухните, своды
Каменной кельи!
С полной свободой
Хлынь через щели,
Голубизна!
В тесные кучи
Сбились вы, тучи.
В ваши разрывы
Смотрит тоскливо
Звезд глубина.
Там в притяжение
Вечном друг к другу
Мчатся по кругу
Духи и тени,
Неба сыны.
Эта планета
В зелень одета.
Нивы и горы
Летом в уборы
Облечены.
Всё — в оболочке:
Первые почки,
Редкие ветки,
Гнезда, беседки
И шалаши.
Всюду секреты,
Слезы, обеты,
Взятье, отдача
Жаркой, горячей,
Страстной души.
С тою же силой,
Как из давила

Сок винограда
Пенною бурей
Хлещет в чаны,
Так с верхотурья
Горной стремнины
Мощь водопада
Всею громадой
Валил в лощину
На валуны.
Здесь на озерах
Зарослей шорох,
Лес величавый,
Ропот дубравы,
Рек рукава.
Кто поупрямей —
Вверх по обрыву.
Кто с лебедями —
Вплавь по заливу
На острова.
Раннею ранью
И до захода —
Песни, гулянье
И хороводы,
Небо, трава.
И поделуи
Напропалую,
И упоенье
Самозабвенья,
И синева.

М е ф и с т о ф е л ь

Он спит! Благодарю вас несказанно,
Его вы усыпили, мальчуганы,
А ваш концерт — вершина мастерства.
Нет, не тебе ловить чертей в тенета!
Чтоб глубже погрузить его в дремоту,
Дружней водите, дети, хоровод.
А этот знак — для грызуна работа,
Его мне крыса сбоку надгрызет.
Ждать избавительницы не придется:
Уж слышу я, как под полом скребется.
Царь крыс, лягушек и мышей,
Клопов, и мух, и жаб, и вшей

Тебе велит сюда явиться
И выгрызть место в половине,
Куда я сверху масла капну.
Уж крыса тут как тут внезапно!
Ну, живо! Этот вот рубец.
Еще немного, и конец.
Готово! Покидаю кров.
Спи, Фауст, мирно. Будь здоров!
(Уходит.)

Ф а у с т
(просыпаясь)

Не вовремя я сном забылся.
Я в дураках. Пока я спал,
Мне в сновиденье черт явился
И пудель от меня сбежал.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА

Ф а у с т и М е ф и с т о ф е л ь .

Ф а у с т

Опять стучится кто-то. Вот досада!
Войдите. Кто там?

М е ф и с т о ф е л ь
Это я.

Ф а у с т
Войди ж.

М е ф и с т о ф е л ь
Заклятье повторить три раза надо.

Ф а у с т

Войди.

М е ф и с т о ф е л ь
Вот ты меня и лицезришь.
Я убежден, поладить мы сумеем
И сообща твою тоску рассеем.
Смотри, как расфрантился я пестро.

Из кармазина с золотою ниткой
Камзол в обтяжку, на плечах накидка,
На шляпе петушиное перо.
А сбоку шпага с выгнутым эфесом.
И — хочешь знать? — вот мнение мое:
Сам облекись в такое же шитье,
Чтобы в одежде, свойственной повесам,
Изведать после долгого поста,
Что означает жизни полнота.

Ф а у с т

В любом наряде буду я по праву
Тоску существованья сознавать.
Я слишком стар, чтоб знать одни забавы,
И слишком юн, чтоб вовсе не желать.
Что даст мне свет, чего я сам не знаю?
«Смирий себя!» — вот мудрость прописная,
Извечный, нескончаемый припев,
Которым с детства прожужжали уши,
Нравоучительною этой сушью
Нам всем до тошноты осточертев.
Я утром просыпаюсь с содроганьем
И чуть не плачу, зная наперед,
Что день пройдет, глухой к моим желаньям,
И в исполненье их не приведет.
Намек на чувство, если он заметен,
Недопустим и дерзок чересчур:
Злословье все покроет грязью сплетен
И тысячью своих карикатур.
И ночь меня в покое не оставит.
Едва я на постели растянусь,
Меня кошмар ночным удушьем сдавит,
И я в поту от ужаса проснусь.
Бог, обитающий в груди моей,
Влияет только на мое сознанье.
На внешний мир, на общий ход вещей
Не простирается его влиянье.
Мне тяжко от неполноты такой,
Я жизнь отверг и смерти жду с тоской.

М е ф и с т о ф е л ь

Смерть — посетитель не ахти какой.

Ф а у с т

Блажен, к кому она в пылу сраженья,
Увенчанная лаврами, придет,
Кого сразит средь вихря развлечений
Или в объятьях девушки найдет.
При виде духа кончить с жизнью счеты
Я был вчера на радостях не прочь.

М е ф и с т о ф е л ь

Но, если я не ошибаюсь, кто-то
Не выпил яда именно в ту ночь?

Ф а у с т

В придачу ко всему ты и шпион?

М е ф и с т о ф е л ь

Я не всеведущ, я лишь искушен.

Ф а у с т

О, если мне в тот миг разлада
Был дорог благовеста гул
И с детства памятной отрадой
Мою решимость пошатнул,
Я проклинаю ложь без меры
И изворотливость без дна,
С какою в тело, как в пещеру,
У нас душа заключена.
Я проклинаю самомненье,
Которым ум наш обуян,
И проклинаю мир явлений,
Обманчивых, как слой румяи.
И обольщенье семьянина,
Детей, хозяйство и жену,
И наши сны, наполовину
Неисполнимые, кляну.
Кляну Маммона, власть паживы,
Растлившей в мире все кругом,
Кляну святой любви порывы
И опьянение вином.
Я шлю проклятие надежде,
Переполняющей сердца,
Но более всего и прежде
Кляну терпение глупца.

Х о р д у х о в (незримо)

О, бездна страданья
И море тоски!
Чудесное зданье
Разбито в куски.
Ты градом проклятий
Его расшатал.
Горюй об утрате
Погибших начал.
Но спрavься с печалью,
Воспрянь, полубог!
Построй на обвале
Свой новый чертог.
Но не у пролома,
А глубже, в груди,
Свой дом по-другому
Теперь возведи.
Настойчивей к дели
Насущной шагни
И песни веселья
В пути затяни.

М е ф и с т о ф е л ь

Мои малютки.
Их прибаутки.
Разумное их слово
Не по летам толково.
Они тебя зовут
Рвануться вон из пут
И мрака кабинета
В простор большого света.

Оставь заигрывать с тоской своей,
Точащею тебя, как коршун злобный.
Как ни плоха среда, но все подобны,
И человек немыслим без людей.
Я не зову тебя к простолюдинам,
Мы повидней компанию найдем.
Хоть средь чертей я сам не вышел чином,
Найдешь ты пользу в обществе моем.
Давай столкуемся друг с другом,
Чтоб вместе жизни путь пройти.

Благодаря моим услугам
Не будешь ты скучать в пути.

Ф а у с т

А что ты требуешь в уплату?

М е ф и с т о ф е л ь

Сочтемся после, времяя ждет.

Ф а у с т

Черт даром для меньшого брата
И пальцем не пошевельнет.
Договоримся, чтоб потом
Не заносить раздора в дом.

М е ф и с т о ф е л ь

Тебе со мною будет здесь удобно,
Я буду исполнять любую блажь.
За это в жизни тамошней, загробной
Ты тем же при свиданье мне воздашь.

Ф а у с т

Но я к загробной жизни равнодушен.
В тот час, как будет этот свет разрушен,
С тем светом я не заведу родства.
Я сын земли. Отрады и кручины
Испытываю я на ней единой.
В тот горький час, как я ее покину,
Мне все равно, хоть не расти трава.
И до иного света мне нет дела,
Как тамошние б чувства ни звались,
Не любопытно, где его пределы
И есть ли там, в том царстве, верх и низ.

М е ф и с т о ф е л ь

Тем легче будет, при таком воззренье,
Тебе войти со мною в соглашенье.
За это, положись на мой обет,
Я дам тебе, чего не видел свет.

Ф а у с т

Что можешь ты пообещать, бедняга?
Вам, близоруким, непонятна суть
Стремлений к ускользающему благу,

Ты пишь дасть, не сытную ничуть.
Дашь золото, которое, как ртуть,
Меж пальцев растекается; зазнобу,
Которая, упав к тебе на грудь,
Уж норовит к другому ушмыгнуть.
Дашь талью карт, с которой, как ни пробуй,
Игра вничью и выигрыш не в счет;
Дашь упоенье славой, дашь почет,
Успех, недолговечней метеора,
И дерево такой породы спорой,
Что круглый год день вяннет, день цветет.

М е ф и с т о ф е л ь

Меня в тупик не ставит порученье.
Все это есть в моем распоряженье.
Но мы добудем, дай мне только срок,
Вернее и полакомей кусок.

Ф а у с т

Пусть мига больше я не протяну,
В тот самый час, когда в успокоенье
Прислушаюсь я к лести восхвалений,
Или предамся лени или сну,
Или себя дурачить страсти дам,—
Пускай тогда в разгаре наслаждений
Мне смерть придет!

М е ф и с т о ф е л ь

Запомним!

Ф а у с т

По рукам!

Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» —
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен,— я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.

М е ф и с т о ф е л ь

Имей в виду, я это все запомню.

Ф а у с т

Не бойся, я от слов не отступлюсь.
И отчего бы стал я вероломней?
Ведь если в росте я остановлюсь,
Чьей жертвою я стану, все равно мне.

М е ф и с т о ф е л ь

Я нынче ж на ученом кутеже
Твое доверье службой завоюю,
Ты ж мне черкни расписку долговую,
Чтоб мне не сомневаться в платеже.

Ф а у с т

Тебе, педанту, значит, нужен чек
И веры не внушает человек?
Но если клятвы для тебя не важны,
Как можешь думать ты, что клок бумажный,
Пустого обязательства клочок,
Удержит жизни бешеный поток?
Наоборот, средь этой быстрины
Еще лишь чувство долга только свято.
Сознание того, что мы должны,
Толкает нас на жертвы и затраты.
Что значит перед этим власть чернил?
Меня смешит, что слову нет кредита,
А письменности призрак неприкрытый
Всех тиранней буквы подчинил.
Что ж ты в итоге хочешь? Рассуди,
Пером, резцом иль грифелем, какими
Чертами, где мне нацарапать имя?
На камне? На бумаге? На меди?

М е ф и с т о ф е л ь

Зачем ты горячишься? Не дури.
Листка довольно. Вот он наготове.
Изволь тут расписаться каплей крови.

Ф а у с т

Вот вздор! Но будь по-твоему: бери.
Какие-то ходульные условия!

М е ф и с т о ф е л ь

Кровь, надо знать, совсем особый сок.

Ф а у с т

Увы, тебя я не надую.
Я — твой, тебе принадлежу,
Раз обещаю к платежу
Себя и жизнь свою пустую,
Которой я не дорожу.
Чем только я кичиться мог?
Великий дух миропорядка
Пришел и мною пренебрег.
Природа для меня загадка.
Я на познанье ставлю крест.
Чуть вспомню книги — злоба ест.
Отныне с головой нырну
В страстей клокочущих горнило,
Со всей безудержностью пыла
В пучину их, на глубину!
В горячку времени стремглав!
В разгар случайностей с разбегу!
В живую боль, в живую негу,
В вихрь огорчений и забав!
Пусть чередуются весь век
Счастливый рок и рок несчастный.
В неутомимости всечасной
Себя находит человек.

М е ф и с т о ф е л ь

Со всех приманок снят запрет.
Но, жаждой радостей терзаем,
Срывая удовольствий цвет,
Не будь застенчивым кисляем,
Рви их смелее,— мой совет.

Ф а у с т

Нет, право, ты неподражаем:
О радостях и речи нет.
Скорей о буре, урагане,
Угаре страсти разговор.
С тех пор как я остыл к познанью,
Я людям руки распостер.
Я грудь печалим их открою
И радостям — всему, всему,
И все их бремя роковое,
Все беды на себя возьму.

М е ф и с т о ф е л ь

В теченье многих тысяч лет
Жую я бытия галет,
Но без изжоги и отрыжки
Нельзя переварить коврижки.
Вселенная во весь объем
Доступна только прорицанью.
У бога светозарный дом,
Мы в беспросветной тьме живем,
Вам, людям, дал он во владенье
Чередованье ночи с днем.

Ф а у с т

А я осилю все.

М е ф и с т о ф е л ь

Похвально.

Но жизнь, к несчастью, коротка,
А путь до совершенства дальний,
Нужна помощника рука.
Возьми поэта на подмогу.
Пусть щедро он тебе привьет
Все доблести по каталогу:
Бесстрашье льва, олея ход,
Страсть итальянца, твердость шведа.
Его рецептты ты последуй,
Как претворить в одну черту
Двуличие и прямоту.
Затем со страстью первозданной
Пусть влюбит он тебя по плану.
Все мыслимое охвати,
Стань микрокосмом во плоти.

Ф а у с т

Что я такое, если я венца
Усилий человеческих не стою,
К которому стремятся все сердца?

М е ф и с т о ф е л ь

Ты — то, что представляешь ты собою.
Надень парик с миллионом завитков,
Повысь каблук на несколько вершков,
Ты — это только ты, не что иное.

Ф а у с т

Итак, напрасно я копил дары
Людской премудрости с таким упорством?
Я ничего своим усердьем черствым
Добиться не сумел до сей поры.
Ни на волос не стал я боле крупен,
Мир бесконечности мне недоступен.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты в близорукости не одинок,
Так смотрите вы все на это дело.
А нужен взгляд решительный и смелый,
Пока в вас тлеет жизни огонек.
Большой ли пользы истиной достигнешь,
Что, скажем, выше лба не перепрыгнешь?
Да, каждый получил свою башку,
Свой зад, и руки, и бока, и ноги.
Но разве не мое, скажи, в итоге
Все, из чего я пользу извлеку?
Купил я, скажем, резных шестерню.
Не я ли мчу ногами всей шестерки,
Когда я их в карете разгоню?
Поэтому довольно гнить в каморке!
Объедем мир! Я вдаль тебя маню!
Брось умствоваться! Схоластика повадки
Напоминают ошалевший скот,
Который мечется кругом в припадке,
А под ногами сочный луг цветет.

Ф а у с т

Куда ж махнем?

М е ф и с т о ф е л ь

Куда глаза глядят.
Скорей оставим этот каземат.
Дался тебе твой каменный застенок,
Где отдаешь ты силы за бесценок
И моришь скукой взрослых и ребят!
Довольно! Лучше предоставь собрату
Водотолченье в ступе. Решено.

Того, что лучше всякого трактата,
Ребятам ты не скажешь все равно,
Студента, кстати, вижу я в окно.

Ф а у с т

Сейчас я занят. Он пришел не в пору.

М е ф и с т о ф е л ь

Я заменю тебя. Он ждет давно.
Я в дом пущу его из коридора.
Дай шапку мне свою и балахон.
(*Переодевается.*)

Я, кажется, хорош в своем костюме?
Теперь все предоставим остроумью.
Ты на минут пятнадцать выди вон
И позаботься о дорожных сборах.

Фауст уходит.

(*Один, в длинной одежде Фауста.*)
Мощь человека, разум презирай,
Который более тебе не дорог!
Дай ослеплению лжи зайти за край,
И ты в моих руках без отговорок!
Нрав дан ему отчаянный и страстный.
Во всем он любит бешенство, размах.
От радостей земли он ежечасно
Срывается куда-то в попыхах.
Я жизнь изведать дам ему в избытке,
И в грязь втопчу, и тиной оплету.
Он у меня пройдет всю жуть, все пытки,
Всю грязь ничтожества, всю пустоту!
Он будет пить — и вдоволь не напьется,
Он будет есть — и он не станет сыт,
И если бы он не был черту сбыт,
Он все равно пропал и не спасется.

Входит студент.

С т у д е н т

Я здесь с недавних пор и рад
На человека бросить взгляд,
Снискавшего у всех признанье
И кем гордятся горожане.

М е ф и с т о ф е л ь

Душевно тронут и польщен.
Таких, как я, здесь легион.
Вы осмотрелись тут отчасти?

С т у д е н т

Прошу принять во мне участие.
Для знанья не щадя души,
Я к вам приехал из глухи.
Меня упрашивала мать
Так далеко не уезжать,
Но я мечтал о вашей школе.

М е ф и с т о ф е л ь

Да, здесь вы разовьетесь вволю.

С т у д е н т

Скажу со всею прямотой:
Мне хочется уже домой.
От здешних тесных помещений
На мысль находит помраченье.
Кругом ни травки, ни куста,
Лишь сумрак, шум и духота.
От грохота аудиторий
Я gloхну и с собой в раздоре.

М е ф и с т о ф е л ь

Тут только в непривычке суть.
У матери не сразу грудь
Берет глупыш новорожденный,
А после не отнять от лона.
Так все сильней когда-нибудь
Вы будете к наукам льнуть.

С т у д е н т

Но если с первого же шага
Во мне отбили эту тягу?

М е ф и с т о ф е л ь

Наметили вы или нет
Призвание и факультет?

Студент

Я б стать хотел большим ученым
И овладеть всем потаенным,
Что есть на небе и земле.
Естествознаньем в том числе.

Мефистофель

Что ж, правильное направленье.
Все дело будет в вашем рвенье.

Студент

Я рад и телом и душой
Весь год работать напряженно.
Но разве будет грех большой
Гулять порой вакационной?

Мефистофель

Употребляйте с пользой время.
Учиться надо по системе.
Сперва хочу вам в долг вменить
На курсы логики ходить.
Ваш ум, нетронутый доныне,
На них приучат к дисциплине,
Чтоб взял он направленья ось,
Не разбредаясь вкривь и вкось.
Что вы привыкли делать дома
Единым махом, наугад,
Как люди пьют или едят,
Вам расчленят на три приема
И на субъект и предикат.
В мозгах, как на мануфактуре,
Есть ниточки и узелки.
Посылка не по той фигуре
Грозит запутать челноки.
За тьму оставшихся вопросов
Возьмется вслед за тем философ
И объяснит, непогрешим,
Как подобает докам тертым,
Что было первым и вторым
И стало третьим и четвертым.
Но, даже генезис узнав
Таинственного мирозданья

И вещества живой состав,
Живой не создадите ткани.
Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явленья обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.
Encheires in naturae — вот
Как это химия зовет.

Студент

Не понял вас ни в малой доле.

Мефистофель
Поймете волею-неволей.
Для этого придется впередь
В редукции понатореть,
Классифицируя поболе.

Студент

Час от часу не легче мне,
И словно голова в огне.

Мефистофель
Еще всем этим не пресытись,
За метафизику возьмитесь.
Придайте глубины печать
Тому, чего нельзя понять.
Красивые обозначенья
Вас выведут из затрудненья.
Но более всего режим
Налаженный необходим.
Отсидкою часов учебных
Добьетесь отзывов хвалебных.
Хорошему ученику
Нельзя опаздывать к звонку.
Заучивайте на дому
Текст лекции по руководству.
Учитель, сохраняя сходство,
Весь курс читает по нему.
И все же с жадной быстротой
Записывайте мыслей звенья.
Как будто эти откровенья
Продиктовал вам дух святой.

Студент

Я это знаю и весьма
Ценю значение письма.
Изображенное в тетради
У вас, как в каменной ограде.

Мефистофель

Какой же факультет избрать?

Студент

Законоведом мне не стать.

Мефистофель

Вот поприще всех бесполезней.
Тут крючкотворам лишь лафа.
Седого кодекса графа,
Как груз наследственной болезни.
Иной закон из рода в род
От деда переходит к внуку.
Он благом был, но в свой черед
Стал из благодеянья мукой.
Вся суть в естественных правах.
А их и втаптывают в прах.

Студент

Да, мне юристом не бывать.
Я отношусь к ним с нелюбовью.
Отдамся лучше богословью.

Мефистофель

О нет, сбьетесь со стези!
Наука эта — лес дремучий.
Не видно ничего вблизи.
Исход единственный и лучший:
Профессору смотрите в рот
И повторяйте, что он врет.
Спасительная голословность
Избавит вас от всех невзгод,
Поможет обойти неровность
И в храм бесспорности введет.
Держитесь слов.

Студент

Да, но словам
Ведь соответствуют понятья.

М е ф и с т о ф е л ь

Зачем в них углубляться вам?
Совсем ненужное занятье.
Бессодержательную речь
Всегда легко в слова облечь.
Из голых слов, ярясь и споря,
Возводят здания теорий.
Словами вера лишь жива.
Как можно отрицать слова?

С т у д е н т

Простите, я вас отвлеку,
Но я расспросы дальше двину:
Не скажете ли новичку,
Как мне смотреть на медицину?
Три года обучения — срок,
По совести, конечно, плевый.
Я б многоного достигнуть мог,
Имей я твердую основу.

М е ф и с т о ф е л ь (*про себя*)

Я выдохся как педагог
И превращаюсь в черта снова.
(*Вслух.*)

Смысл медицины очень прост.
Вот общая ее идея:
Все в мире изучив до звезд,
Все за борт выбросьте позднее.
Зачем трудить мозги напрасно?
Валяйте лучше напрямик.
Кто улучит удобный миг,
Тот и устроится прекрасно.
Вы стройны и во всей красе,
Ваш вид надменен, взгляд рассеян.
В того невольно верят все,
Кто больше всех самонадеян,
Ступайте к дамам в будуар.
Они — податливый товар.
Их обмороки, ахи, охи,
Одышки и переполохи
Лечить возьмитесь не за страх —
И все они у вас в руках.

Вы так почтены в их оценке.
Хозяйничайте ж без стыда,
Так наклоняясь к пациентке,
Как жаждет кто-нибудь года.
Исследуя очаг недуга,
Рукой проверьте, сердцеед,
Не слишком ли затянут туго
На страждущей ее корсет.

Студент

Вот эта область неплоха.
Теперь гораздо ближе мне вы.

Мефистофель

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

Студент

От вас я просто как в чаду.
Я вновь когда-нибудь приду
Послушать ваши рассужденья.

Мефистофель

Вы сделали б мне одолженье.

Студент

Ужель ни с чем идти домой?
В воспоминанье о приеме
Оставьте росчерк ваш в альбоме.

Мефистофель

Не откажусь. Вот вам автограф мой.

(Делает надпись в альбоме и возвращает его студенту.)

Студент
(читает)

Eritis sicut Deus scientes bonum et malum.

(Почтительно закрывает альбом и откланивается.)

Мефистофель

Змеи, моей пробабки, следуй изреченью,
Подобье божие утратив в заключенье!

Входит Фауст.

Ф а у с т
Куда же мы теперь?

М е ф и с т о ф е л ь

В любой поход.
В большой и малый свет. И ты не хмурься!
С каким восторгом после всех экскурсий
Ты сдашь по этим странствиям зачет!

Ф а у с т

Однако, видишь, я длиннобород.
Едва ли пользу принесет поездка.
Мне стыдно малости своей средь блеска
И легкомыслия недостает.
Я в жизни не умел усвоить лоска
И в обществе застенчивей подростка.

М е ф и с т о ф е л ь

Потрешься меж людьми и, убежден,
Усвоишь независимость и тон.

Ф а у с т

Но как мы пустимся в поездку эту?
Где лошади, где кучер, где карета?

М е ф и с т о ф е л ь

Я расстелю пошире пелерину
И предоставлю моему плащу
По воздуху унести нас на чужбину.
С большим узлом тебя я не пущу.
Я вешество такое берегу,
Чтоб к небу подняло нас, как пушинку.
Поздравить с жизнью тебя могу,
Которая тебе еще в новинку.

ПОГРЕБ АУЭРБАХА В ЛЕЙПЦИГЕ

Компания веселящихся гуляк.

Ф р о ш

Никто не пьет? Притихло пенье?
Не слышно смеха? Чур вас, чур!
Ребята просто загляденье,
А скинули хуже мокрых кур.

Брандер

Твоя вина. Над чем смеяться?
Ты здесь за главного паяца.

Фрош
(выливая стакан вина ему на голову),

Так вот тебе!

Брандер
У, лоботряс!

Фрош

Ведь сам ты требуешь проказ.

Зибель

Без ссор! Зачинщиков — долой!
Пошире грудь! Шуми и пой!

Альтмайер

Заткнуть бы паклей уши. Оглушил!
Орет, горластый, не жалея сил!

Зибель

На то и баса интервал,
Чтоб содрогался весь подвал.

Фрош

Кому не нравится, — тех вон!
Та-ри-ра-ра!

Альтмайер
Та-ри-ра-ра!

Фрош

Рев глоток и стаканов звон.
(Поэт.)

Всей Римскою империей Священной
Мы долго устоим ли во вселенной?

Брандер

Дрянь песня, политический куплет!
Благодарите бога, обормоты,

Что до империи вам дела нет
И что другие есть у вас заботы.
Я рад, что я не государь
И не имперский секретарь,
А просто выпивший растира.
Но так как нужен нам главарь,
Я предлагаю выбрать папу
Порядком, утвержденным встарь.

Ф р о ш .
(поет)

Соловей ты мой, звеня,
Взвейся к небосклону,
Моей милке от меня
Отнеси поклоны.

З и б е л ь

Ни каких вам милок!
С милками шабаш!

Ф р о ш

Очень ты уж пылок,
Воевода наш!
(Поет.)

Крюк с дверей! Кругом ни зги.
Крюк с дверей! Его шаги.
Дверь на крюк! Скорей! Беги!

З и б е л ь

За что такая девушкам хвала?
Что в них нашли вы, бабы подголоски?
Достаточно я знаю их дела:
Обманщицы они и вертихвостки.
Пусть попадется в образе козла
Моей подружке черт на перекрестке!
Пусть тихим вечерком, когда она
В окошко глазки делает мужчинам,
Ей с Блоксберга проблеет сатана
«Спокойной ночи» голосом козлиным!
С хорошим парнем девка холодна.
Он больно прост для этой крови рыбьей.
Я не поклоны, я ей окна выбью!

Брандер
(ударяя кулаком по столу)

Вниманье! Тише, господа!
Я знаю жизнь, и я замечу:
Влюбленные пришли сюда.
Озnamенуем нашу встречу.
Вот песня на новейший лад,
Подтягивайте все подряд.

(Поет.)

Водилась крыса в погребке,
Питалась ветчиною,
Как Лютер, с салом на брюшке
В два пальца толциною.
Подсыпали ей мышьяку,
И впала тут она в тоску,
Как от любви несчастной.

Хор
(с присвистом)

Как от любви несчастной.

Брандер

Она обмыгала углы,
Обегала канавы,
Изгрызла стены и полы,
Лишь пуще жгла отрава.
Не помогали ей прыжки,
Пришлось ей присмиреть с тоски,
Как от любви несчастной.

Хор

Как от любви несчастной.

Брандер

Тогда, вбежав средь бела дня.
На кухню из подвала,
Без жизни крыса у огня,
Баражаясь, упала.
Давай кухарка хохотать:
«Пришел тебе капут, видать,
Как от любви несчастной!»

Х о р

Как от любви несчастной.

З и б е л ь

Вот дурни! Рады горло драть!
Нашли хорошую кантату
О том, как крыс уничтожать.

Б р а н д е р

С каких ты пор за них ходатай?

А л ь т м а й е р

Он с горя тоже хвост поджал,
Плешивец этот толстобрюхий!
Свой случай сразу он узнал
В словах о крысе и стряпухе.

Входят Ф а у с т и М е ф и с т о ф е л ь.

М е ф и с т о ф е л ь

Мы входим, видишь, первым делом
В кабак к гулякам очумелым.
Не унывать — важней всего,
А тут что день, то торжество.
Здесь с неба не хватают звезд,
Но веселятся до упаду.
Так малые котята рады,
Вертясь весь день, ловить свой хвост.
Немного надо для веселья:
Давали б в долг из кабака
Да оставалась бы легка
Наутро голова с похмелья.

Б р а н д е р

Новоприезжие,— смотрите,
И — час, не больше, по прибытие.
Их удивление выдает.

Ф р о ш

Да, из какой-нибудь трущобы.
А Лейпциг — маленький Париж.
На здешних всех налет особый,
Из тысячи нас отличишь.

З и б е л ь

А эти из каких же мест?

Ф р о ш

Я поднесу им по стакану
И, только угощать их стану,
Узнаю все про их приезд.
Мне думается, из господ.
Вид несговорчивый и чванный.

Б р а н д е р

Заведомые шарлатаны.

А л ь т м а й е р

Ну да!

Ф р о ш

Вниманье! Видит бог,
Я подниму их на зубок.

М е ф и с т о ф е л ь (Фаусту)

Черт рядом, а на то нет смётки,
Хоть прямо их хватай за глотки.

Ф а у с т

Здорово, господа.

З и б е л ь

С хорошим днем!

(Про себя, взглянув искоса на Мефистофеля.)
Он на ногу одну как будто хром.

М е ф и с т о ф е л ь

Нельзя ли к вам подсесть? Хоть заведенье
Не может, кажется, хвастнуть вином,
Нам ваше общество вознагражденье.

А л ь т м а й е р

Вы слишком прихотливый человек.

Ф р о ш

Не вы ли, в Риппах въехав на ночлег,
С Иванушкою-дурачком видались?

М е ф и с т о ф е л ь

Мы с ним сегодня утром повстречались.
И чуть я не забыл его приказ:
Отвезть поклон родне просил он нас.
(Кланяется Фрошу.)

А л ь т м а й е р (тихо)

Что, съел?

З и б е л ь

В рот пальца не клади, откусит.

Ф р о ш

Ну, погоди! Так напущусь, что струсит.

М е ф и с т о ф е л ь

Мы слышали, спускаясь в погребок,
Как пели вы до нашего прихода.
Для пенья здесь прекрасный потолок.
Разносят звуки гулко эти своды.

Ф р о ш

Скажите, часом, вы не виртуоз?

М е ф и с т о ф е л ь

Любитель, но почти что безголос.

А л ь т м а й е р

Так спойте что-нибудь!

М е ф и с т о ф е л ь

Я не в ударе,
Но я готов.

З и б е л ь

Из песен поновей!

М е ф и с т о ф е л ь

Мы прямо из Испанских Пиреней,
Страны хороших вин и нежных арий.
(Поет.)

Жил-был король державный
С любимицей блохой.

Ф р о ш

С блохой? Вот это так! Хвалю, хвалю.
Блоха — прямая пара королю.

М е ф и с т о ф е л ь
(поет)

Жил-был король державный
С любимицей блохой.
Он был ей друг исправный,
Задитник неплохой.
И объявил он знати:
«Портному прикажу
Ей сшить мужское платье,
Как первому пажу».

Б р а н д е р

Портному не забудьте приказать
Под страхом смерти соблюдать порядок,
Кроить по мерке и не припускать,
Чтоб на блохе сидело все без складок.

М е ф и с т о ф е л ь
(поет)

И вот блоха в одежде,
Вся в бархате, в шелку,
Звезда, как у вельможи,
И шпага на боку.
Сенаторского чина
Отличья у блохи.
С блохой весь род блошиный
Проходит на верхи.

У всех следы на коже,
Но жаловаться страх,
Хоть королева тоже
В укусах и прыщах.
Блохи не смеют трогать,
Ее боится двор,
А мы блоху под ноготь,
И кончен разговор!

Х о р
(с ликованием)

А мы блоху под ноготь,
И кончен разговор.

Ф р о ш

Вот это песня! Браво!

З и б е л ь

Горе блохам!
У нас им верховодить не дано.

Б р а н д е р

Нацелился, поймал, и — смерть пройдохам!

А л ь т м а й е р

Да здравствует свобода и вино!

М е ф и с т о ф е л ь

Я за свободу выпил бы, не споря,
Да ваши вина смех один и горе.

З и б е л ь

Не сметь так выражаться! Клевета!

М е ф и с т о ф е л ь

Боюсь обидеть этим принципала,
А то б я дал отведать вам сорта
Из собственного нашего подвала.

З и б е л ь

Не бойтесь. Я загляжу ваш конфуз.

Ф р о ш

Чтобы вино определить на вкус,
Я должен им наполнить рот до нёба.
Поэтому полней давайте пробы,
Иначе ошибиться я боюсь.

А л ь т м а й е р
(тихо)

Сомненья нет, что эти люди с Рейна.

М е ф и с т о ф е л ь
Бурава нет ли?

Б р а н д е р

А на что он вам?
Уж разве бочки у дверей питейной?

А л ь т м а й е р

Вот сверла в ящике и всякий хлам.

М е ф и с т о ф е л ь
(взявши бурав, Фрошу)

Какого же вина вам выпить любо?

Ф р о ш

Как вас понять? Ваш выбор так велик?

М е ф и с т о ф е л ь

Кто что захочет — и получит вмиг.

А л ь т м а й е р
(Фрошу)

А ты уже облизываешь губы?

Ф р о ш

Тогда мне рейнского. Я патриот,
Хлебну, что нам отчество дает.

М е ф и с т о ф е л ь
(высверливая дыру в столе перед Фрошем)

Немного воску для заделки дыр!

А л ь т м а й е р

Вы видите, он фокусник, факир.

М е ф и с т о ф е л ь
(Брандеру)

А вам чего?

Б р а н д е р

Шампанского, пожалуй.
Чтоб пена через край бежала.

Мефистофель буравит. Один из гостей, сделав
восковые пробки, затыкает отверстия.

Зачем во всем чуждаться иноземцев?
Есть и у них здоровое зерно.
Французы не компания для немцев,
Но можно пить французское вино.

З и б е л ь
(видя, что Мебистофель приближается к его месту)

Я кислых вин не пью. Моя лоза
Должна всех сладче быть в саду хозяйством.

М е ф и с т о ф е л ь
(буравит)

Тогда что скажете вы о токайском?

А л ь т м а й е р

Нет, честно посмотрите нам в глаза.
Вы нас хотите просто околпачить?

М е ф и с т о ф е л ь

Да как бы я осмелился дурачить
Таких больших, значительных людей?
Итак, извольте сами мне назначить,
Что вам угодно из моих питей.

А л ь т м а й е р

Что знаете, по только поскорей.

М е ф и с т о ф е л ь
(со странными телодвижениями)

Виноград тяжел,
И рогат козел.
Куст, листок, лоза и ствол
Только разветвленья смол,
Как и деревянный стол.
Захотеть, и из досок
Хлынет виноградный сок.
Это чудо, ткань жива,
Все кругом полно родства.

Ну, пробки вон, и пейте на здоровье!

В с е
(вытаскивают пробки; требуемое каждым вино льется
в стаканы)

О, чудный ключ-ручей,
Текущий из щелей!

М е ф и с т о ф е л ь

Ни капли не пролейте, вот условье!

Они пьют еще по стакану.

В с е
(поют)

Раздолье и блаженство нам,
Как в луже свиньям пятистам!

М е ф и с т о ф е л ь
(Фаусту)

Смотри, как разошелся этот сброд!

Ф а у с т

Уйдем, мне надоело в этом месте.

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, нет, понаблюдаем этих бестий,
Покамест распояшется народ.

По нечаянности Зибель плещет вино наземь. Оно
загорается.

З и б е л ь

Огонь! Из ада пламя! Караул!

М е ф и с т о ф е л ь
(заклиная пламя)

Стихия милая, смири разгул!

(Обращаясь к обществу.)

Нет, это лишь чистилищное пламя.

З и б е л ь

Оставьте ваши фигли-мигли,
Мы ваш обман насеквоздь постигли!

Ф р о ш

Пожалуйста, нас не морочь!

Альтмайер

Шел подобру бы лучше прочь!

Зибель

Мы вам фиглярских выкрутас
Не спустим в следующий раз!

Мефистофель

Молчать, пивная кадь!

Зибель

Ах, помело,
Еще грубьянит, подлое мурло!

Брандер

У нас с ним будет коротка расправа!

Альтмайер вынимает пробку из стола, оттуда вырывается огонь.

Альтмайер

Ай-ай, горю! Горю!

Зибель

Постой, лукавый!
Ах, вот ты, значит, кто! Бей колдуна!
Бей! Голова его оценена.

Вынимают ножи и бросаются на Мефистофеля.

Мефистофель
(предостерегающе)

От дурмана с беленой
Под туманной пеленой
Здесь вы и в стране иной.

Все останавливаются, глядя в удивлении друг на друга.

Альтмайер

Все как во сне! Где я? Чудесный край!

Фрош

Душистый виноград! Лицо приблизьте.

Зибель

И хоть охапками его хватай!

Брандер

Как гроздья отягчают листья!

(Хватает Зибеля за нос. Другие делают то же самое и подымают ножи.)

Мефистофель
(по-прежнему)

Рассейтесь, чары столбняка!
Я в памяти у вас останусь.

(Исчезает вместе с Фаустом. Оставшиеся отскакивают в разные стороны.)

Зибель

Что это?

Альтмайер

А?

Фрош

Твоя щека?

Брандер
(Зибелю)

А мы друг друга держим за нос?

Альтмайер

Подай мне стул. Мне тяжело.
Я падаю. Всего свело.

Фрош

Я все-таки бы знать хотел:
Что тут все это означало?

Зибель

Где негодяй? Найду нахала,
Уж больше не уйдет он цел!

Альтмайер

Я видел, как он в дверь подвала
Верхом на бочке улетел.

Я как без ног, и сердце бьется.

(Оборачивается к столу.)

А что, вино из дырок льется?

З и б е л ь

Нет, надувательство одно.

Ф р о ш

А кажется, что пил вино.

Б р а н д е р

Ну вот. А виноград откуда?

А л ь т м а й е р

Да, как теперь не верить в чудо?

КУХНЯ ВЕДЬМЫ

На огне низкого очага стоит большой котел. В подымающихся над ним парах мелькают меняющиеся призраки. У котла м а р т ы ш к а - с а м к а снимает пену и смотрит, чтобы котел не перекипел. М а р т ы ш к а - с а м е ц с д е т е н ы ш а м и сидят рядом и греются. Стены и потолок кухни увешаны странными принадлежностями ведьминого обихода.

Ф а у с т

Меня тошнит, и вянут уши.
Не этой тарабарской чушью
От грустных дум меня отвлечь.
Не старой бабе и кликуше
Мне три десятка сбросить с плеч.
И если у самой природы
Нет средства мне вернуть покой,
То нет моей хандре исхода
И нет надежды никакой.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты снова рассуждаешь здраво.
Есть средство посильней питья,
Но то — особая статья.
Едва ль оно тебе по нраву,

Ф а у с т

Что это?

М е ф и с т о ф е л ь

Способ без затрат,
Без ведьм и бабок долго выжить.

Возделай поле или сад,
Возьмись копать или мотыжить.
Замкни работы в тесный круг,
Найди в них удовлетворенье.
Всю жизнь кормись плодами рук,
Скотине следя в смиренье.
Вставай с коровами чуть свет,
Потей и не стыдись навоза —
Тебя на восемьдесят лет
Омолодит метаморфоза.

Ф а у с т

Жить без размаху? Никогда!
Не пристрастился б я к лопате,
К покою, к узости понятий.

М е ф и с т о ф е л ь

Вот, значит, в ведьме и нужда.

Ф а у с т

Зачем нам обращаться к бабе?
Питья б ты сам сварить не мог?

М е ф и с т о ф е л ь

Кухарничать не мой конек.
Я навожу мосты над хлябью.
Готовить вытяжку из трав —
Труд непомерного терпенья.
Необходим спокойный нрав,
Чтоб выждать много лет броженья.
Тут к месту кропотливый дар,
Предмет по-женски щепетилен.
Хоть черт учил варить отвар,
Но сам сварить его бессилен.

(Заметив зверей.)

Взгляни на миленьких зверей.
Вот горничная. Вот лакей.

(Зверям.)

Хозяйки, видно, нет в квартире?

З в е р и

Она на пире.
Хвать вышку за скобу —
И фюить в трубу.

М е ф и с т о ф е л ь

Все шляется по ассамблеям?

З в е р и

Пока мы лапы греем.

М е ф и с т о ф е л ь

Как ты зверенышней нашел?

Ф а у с т

Сама нелепость и безвкусье.

М е ф и с т о ф е л ь

Напрасно! С ними я провел
Часы приятнейших дискуссий.

(Зверям.)

Что, малыши, у вас кипит?

Какой попахивает пищей?

З в е р и

Похлебкою для братыи нищей.

М е ф и с т о ф е л ь

О, так у вас широкий сбыт!

С а м е ц

(приблизившись к Мефистофелю
и подлизываясь к нему)

Сыграем в очко,
А то нелегко
На тощий желудок.
А выставишь грош,
Деньгу зашибешь,
Окрепнет рассудок.

М е ф и с т о ф е л ь

Еще бы! Выиграв в лото,
Ты будешь счастлив, как никто!

Детеныши, играя, выкатывают на середину комнаты большой шар.

С а м е ц

Вот шар земной,
Как заводной
Кубарь негромкий.

Внутри дупло.
Он, как стекло,
Пустой и ломкий.
Вот здесь пятно
Освещено,
А здесь потемки.
Мой сын, постой,
Своей судьбой
И жизнью шутишь!
Раскатиша зря,
Нет кубаря,
И не закрутишь.

М е ф и с т о ф е л ь

Зачем тут несколько решет?

С а м е ц
(снимая решето)

Сквозь лубяной их переплет
Себя преступник выдает.

(Подбегает к самке и заставляет ее посмотреть
сквозь решето.)

Жена уж вора уличила,
Да страшно вслух назвать громилу.

М е ф и с т о ф е л ь
(приближаясь к огню)

А для чего горшок?

С а м е ц и с а м к а

Какой дурачок!
Ему невдомек
Котла примененье,
Горшка назначенье!

М е ф и с т о ф е л ь

Дурной ответ,
И вы — нахалы.

С а м е ц

Вот веник вместо опахала,
Садитесь, вот вам табурет.

(Предлагает Мefистофелю сесть.)

Ф а у с т
(глядевший тем временем в зеркало, то приближался
к нему, то удаляясь)

Кто этот облик неземной
Волшебным зеркалом наводит?
Любовь, слетай туда со мной,
Откуда этот блеск исходит.
Кто эта женщина вдали?
Уменьшится ли расстоянье,
Иль образ на краю земли
Всегда останется в тумане?
И неужели не обман
И что-то вправду есть на свете,
Как бесподобный этот стан,
И голова, и руки эти?

М е ф и с т о ф е л ь

Еще бы! Бог, трудясь шесть дней
И на седьмой воскликнув «браво»,
Мог что-нибудь создать на славу.
Покамест полюбуйся ей,
А я почище грез твоих
Тебе сокровище добуду,
И счастлив будет тот жених,
Кто раздобудет это чудо.

Фауст по-прежнему смотрит в зеркало. Мефистофель, потягиваясь и обмахиваясь веником, продолжает:

Я, как король, на вас взираю с трона.
Вот скипетр мой, и только нет короны.

З в е р и
(продевливавшие между тем странные телодвижения,
с криком несут Мефистофеля расщепившуюся
надвое корону)

Корону сдави,
В поту, на крови
Скрепи, словно kleem.

(Неловкими движениями разваливают корону и прыгают
с ее обломками.)

И вот мы скорбим,
И прозой вопим,
И в рифму умеем.

Ф а у с т
(перед зеркалом)

Пропал! Я как в бреду.

М е ф и с т о ф е л ь
(указывая на зверей)

Я тоже, кажется, с ума сойду.

З в е р и

А если меж строк
Есть смысла намек,
Тогда нам удача.

Ф а у с т
(как выше)

Я страстию объят горячей!
Уйдем отсюда поскорей!

М е ф и с т о ф е л ь
(в прежнем положении)

Зверюги эти, истины не пряча,
Хоть откровенней многих рифмачей!

По недосмотру самки котел перекипает. В пламени, которое выкидывает наружу, в кухню с диким воем спускается в е д ь м а.

В е д ь м а

Ай-ай-ай-ай!
Зеваешь, негодяйка?
Получишь нагоняй!
Ошпарила хозяйку!
Вода из шайки
Уходит через край!

(Заметив Фауста и Мефистофеля.)
А это кто,
Копыл вам в бок?

Кто вас позвал
К нам на порог?
Я вам скандал
Чинить не дам!
За шум и гам
Огнем обдам!

(Сунув шумовку в котел, обрызгивает всех воспламеняющейся жидкостью. Звери визжат.)

М е ф и с т о ф е л ь
(ручкой веника бьет посуду)

И мы содом
Произведем —
И поделом!
Имей в виду!
Все в прах, все вдребезги!
У, василиск!
Подымешь визг!
Я не твою
Посуду бью, —
Я под твою
Пляшу дуду!

Ведьма отступает в ярости и ужасе.

Не узнаешь? А я могу
Стереть, как твой прямой владыка,
С лица земли тебя, каргу,
С твоего обезьяньего кликой!
Забыла красный мой камзол?
Стоишь с небрежным равнодушьем
Перед моим пером петушьим?
Не видишь, кто к тебе пришел?

В е д ь м а

Слепа, простите за прием!
Но что ж не вижу я копыта?
Где вороны из вашей свиты?

М е ф и с т о ф е л ь
Прощаю. В промахе твоем
Виновна долгая разлука.
О том не пророню ни звука.

Все в мире изменил прогресс.
Как быть? Меняется и бес.
Арктический фантом не в моде,
Когтей ты не найдешь в заводе,
Рога исчезли, хвост исчез.
С копытом вышел бы скандал,
Когда б по форме современной
Я от подъема до колена
Себе гамаш не заказал.

В е д ь м а
(приплясывая)

Я просто обворожена,
Вас видя, душка-сатана!

М е ф и с т о ф е л ь

Найди другие имена,
А это мне вредит во мненье.

В е д ь м а

Что вредного в его значенье?

М е ф и с т о ф е л ь

Хоть в мифологию оно
Давным-давно занесено,
Но стало выражать презренье.
Злодеи — разговор иной,
Тех чтут, но плохо с сатаной.
Ты можешь звать меня бароном,
И я, как всякий князь и граф,
На то имея больше прав,
Горжусь своим гербом исконным.
(Делает неприличный жест.)

В е д ь м а
(смеясь во все горло)

Ха-ха-ха-ха! Года идут,
А вы все тот же шалопут!

М е ф и с т о ф е л ь
(Фаусту)

Все эти ведьмы льнут ко мне.
Учись, как с ними обходиться.

В е д ь м а

Чем я могу вам пригодиться?

М е ф и с т о ф е л ь

Нужда у нас в твоем вине,
Но не в таком, что в обращенье,
А старого изготовленья.
Такое действует вдвойне.

В е д ь м а

Вот есть немножко во флаконе,
Понюхайте, какой букет.
Теперь оно совсем без вони.
Я пью. Налить и вам, сосед?
(*Тихо, Мефистофелю.*)
Чужому вредно, если не пивал:
Уложит с непривычки наповал.

М е ф и с т о ф е л ь

Ему не повредит и штоф,
Не только то, что тут в стакане.
Черти свой круг, тверди чуранье
И чашу полни до краев.

Ведьма со странными движениями проводит круг и ставит в него разные предметы. Горшки и миски начинают звенеть в музыкальном согласии. Ведьма достает большую книгу, ставит мартышек в середину круга, кладет книгу одной из них на спину, а другим дает в руки горящие факелы. Кивает Фаусту, чтобы он подошел.

Ф а у с т (*Мефистофелю*)

Что за раденье обезьянье?
Жестикуляция, кривлянье.
Я знаю цену этой лжи.
К чему мне это все, скажи?

М е ф и с т о ф е л ь

Профессиональная забава
Врачующей. Не будь к ней строг.

Пусть думает, что без приправы
Действителен не будет сок.

(Убеждает Фауста вступить в круг.)

В е д ь м а

(напыщенно декламируя по книге)

Ты из одной
Десятку строй,
А двойку скрой,
О ней не вой.
Дай тройке ход,
Чтоб стало чёт,
И ты богач.
Четверку спрячь,
О ней не плачь,
А пять и шесть
С семеркой свесть,
И до восьми
Их подыми.
Девятка — кон,
Десятку — вон.
Вот ведьмина таблица умноженья

Ф а у с т

Старуха бредит в исступленье.

М е ф и с т о ф е л ь

О дорогой мой, погоди,
Все это лишь еще цветочки!
Еще что будет впереди!
Я книгу изучил до точки,
И все ж, представь, ни в зуб толкнуть.
Согласие противоречий
Для головы моей овечьей
Непроницаемая муть.
Веками ведь, за годом год,
Из тройственности и единства
Творили глупые бесчинства
И городили огород.
А мало ль вычурных систем
Возникло на такой основе?
Глупцы довольствуются тем,
Что видят смысл во всяком слове.

В е д ь м а
(продолжая)

Наук зерно
Погребено
Под слоем пыли.
Кто не мудрит,
Тем путь открыт
Без их усилий.

Ф а у с т

Я, кажется, с ума сойду
От этих диких оборотов!
Как будто сотня идиотов
Горланит хором ерунду.

М е ф и с т о ф е л ь

Довольно, мудрая сивилла!
Налей-ка другу пополней.
Гляди, он не младенец хилый,
Он и по этой части сила,
Магистр всех пьяных степеней.

Ведьма с видом священномействия наливает питье в чашку,
Когда Фауст подносит его к губам, оно загорается.

(*Фаусту.*)

Пей, пей от сердца полноты,
Покуда чувства оживаются!
Ты с дьяволом самим на «ты».
Тебе ли пламени бояться?

Ведьма размыкает круг. Фуст выходит из него,

В дорогу! Двигайся, не стой.

В е д ь м а

Помочь душою рада всею.

М е ф и с т о ф е л ь
(ведьме)

В Вальпургиеву ночь с тобой
Добром сквитаться я сумею.

В е д ь м а

Вот пёсенка, мурлычте в нос,
Чтоб пользу эликсир принес.

М е ф и с т о ф е л ь

Пойдем, нельзя без моциона.
Ты должен весь пропреть насквозь.
Вся суть наливки потогонной,
Чтоб тело жару набралось.
Прогулка действие ускорит,
Ты будешь словно возрожден,
Когда тебя всего разморит
Приятной ленью Купидон.

Ф а у с т

Не торопи меня, указчик!
От зеркала мне не уйти.

М е ф и с т о ф е л ь

Оставь! Ты женщин всех образчик
Увидишь скоро во плоти.

(В сторону.)

Глотнув настойки, он Елену
Во всех усмотрит непременно.

УЛИЦА

Ф а у с т. М а р г а р и т а проходит мимо.

Ф а у с т

Рад милой барышне служить.
Нельзя ли мне вас проводить?

М а р г а р и т а

Я и не барышня и не мила,
Дойду без спутников домой, как шла.
(Увернувшись, уходит.)

Ф а у с т

О небо, вот так красота!
Я в жизни не видал подобной.

Как неиспорченно-чиста
И как насмешливо-беззлобна!
Багрянец губ, румянец щек,—
Я их вовеки не забуду!
Несмело покосилась вбок,
Потупив взор,— какое чудо!
А как ответила впопад!
Нет, это прелесть, это клад!

Входит М е ф и с т о ф е л ь
Сведи меня с той девушкой.

М е ф и с т о ф е л ь

С которой?

Ф а у с т

Которую я на углу настиг,

М е ф и с т о ф е л ь

Она сейчас лишь вышла из собора,
Где отпустил грехи ей духовник.
Я исповедь подслушал, в ту же пору
За нею тайно прошмыгнувши вслед.
Ей исповедоваться нет причины,
Она, как дети малые, невинна.
И у меня над нею власти нет.

Ф а у с т

Ей более четырнадцати лет.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты судишь, как какой-то селадон.
Увидят эти люди цвет, бутон,
И тотчас же сорвать его готовы.
Все в мире создано для их персон.
Для них нет в жизни ничего святого.
Нельзя так, милый. Больно ты востер.

Ф а у с т

Напрасный труд, мой милый гувернер.
Я обойдусь без этих наставлений.
Но вот что заруби-ка на носу:
Я эту ненаглядную красу
В своих объятьях нынче унесу
Или расторгну наше соглашенье.

М е ф и с т о ф е л ь

Что можно сделать в однодневный срок?
Чтобы для встреч изобрести предлог,
И то я попросил бы две недели.

Ф а у с т

Будь семь часов покоя мне даны,
Я б не нуждался в кознях сатаны,
Чтоб совратить столь молодое зелье.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты говоришь, как сластолюб-француз,
Прошу меня не торопить, однако.
Не понимаю, право, что за вкус
В глотанье наспех лакомства, без смаку?
Приятно то, что отдаляет цель:
Улыбки, вздохи, встречи у фонтана,
Печаль томленья,— словом, канитель,
Которою всегда полны романы.

Ф а у с т

Мой аппетит и без того хорош.

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, не шутя, горячку надо сбавить.
Дитя ты это силой не возьмешь.
Тут надо изловчаться и лукавить.

Ф а у с т

Дай что-нибудь мне от нее. Хоть брошь
С ее груди, подвязку с ног, наколку.
Сведи меня тайком в ее светелку.
Скорее! Не вводи меня в беду!

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, если это правда страсть такая,
Что умолять приходится в бреду,
Сегодня же, мгновенья не теряя,
Я в комнату ее тебя сведу.

Ф а у с т

С ней свидеться? Обнять ее?

М е ф и с т о ф е л ь

О нет!

Она пойдет наведаться к соседке.
А ты упиться сможешь на разведке
Мечтой о месте будущих побед.

Ф а у с т

Сейчас же и пойдем?

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, слишком рано.

Ф а у с т

Подарок для нее достать успей.
(Уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь

Подарок? Обязательно достану.
Он понимает, как подъехать к ней.
Здесь много старых кладов близ церквей.
Взгляну я, все ль они еще сохранны.

ВЕЧЕР

Маленькая опрятная комната. Маргарита заплетает косу.

М а р г а р и т а

Я б дорого дала, открай
Мне кто-нибудь, кто тот чужой,
У незнакомца важный вид.
Он, надо думать, родовит,
А то б так смело и беспечно
Не говорил он с первой встречной.
(Уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь и Ф а у с т.

М е ф и с т о ф е л ь

Войди, не бойся ничего!

Ф а у с т

(после некоторого молчания)

Оставь меня здесь одного,

М е ф и с т о ф е л ь
(оглядывая комнату)

Порядок у нее какой!
(Уходит.)

Ф а у с т
(осматриваясь кругом)

Любимой девушки покой,
Святыище души моей,
На мирный лад меня настрой,
Свою тишиной обвей!
Невозмутимость, тиши да гладь,
Довольство жизнью трудовой
Кладут на все свою печать,
Налет неизгладимый свой.

(Бросается в кожаное кресло у постели.)
Ты, кресло дедов, патриарший трон!
Как гомозились, верно, ребятишки
Вокруг тебя, когда семьи патрон
Здесь опускался в старческой одышке!
А внучка отделялась от кружка
Толпившихся пред елкою товарок
И целовала руку старика
В призательность за святочный подарок.

О девушка, как близок мне твой склад!
Ни пятнышка кругом! Как аккуратно
Разложен по столу узорный плат
И как песком посыпан пол опрятно!
Ты превратила скромный уголок
Рукою чудотворною в чертог.
А здесь!

(Открывает полог кровати.)

Я весь охвачен чудной дрожью.
Часами бы стоял я здесь один,
На ложе глядя и на балдахин,
Где созданный природой ангел божий
Сначала развивался, как дитя,
И подрастал, играя и шутя,
И вдруг, созрев душевно и телесно,
Стал воплощеньем красоты небесной.
А ты зачем пришел сюда?

Таким ты не был никогда.
Чем ты взволнован? Чем терзаем?
Нет, Фауст, ты неизвестен.
Дыханье мира и добра
Умерило твои влеченья.
Неужто наши настроенья
Бездушных веяний игра?

Когда б она, не чая зла,
Сейчас бы в комнату вошла,
В каком бы страхе и смущенье
Ты бросился бы на колени!

М е ф и с т о ф е л ь
(входя)

Живее вон! Она войдет сейчас.

Ф а у с т

Бежим! Дай кину взгляд в последний раз!

М е ф и с т о ф е л ь

Смотри, как тяжела шкатулка эта.
Мы девушке ее поставим в шкаф.
В ней драгоценности и самоцветы.
Она с ума сойдет, их увидав.
Тут безделушки для твоей востушки,
А дети ой как падки на игрушки!

Ф а у с т

А честно ль это?

М е ф и с т о ф е л ь

Вот так оборот!

Ты, может быть, присвоить хочешь ящик?
Сказал бы это наперед,
Чтобы меня избавить от хлопот,
Когда ты добродетели образчик.

(Ставит шкатулку в шкаф и запирает дверцу.)

Башку ломаешь для его персоны,
Из кожи лезешь вон,
А он,
К влюбленной стремящийся влюбленный,
Стоит как пень,

Как будто в свой учебный день
Метафизическую дребедень
Жует в лекционном зале полусонно!
Скорее прочь!

Уходят.
Входит Маргарита с лампой.

Маргарита

Как в спальне тяжело дышать!
(Отворяет окно.)

А на дворе не жарко, тихо.
Скорей бы воротилась мать!
Мне кажется, что неспроста
Такая в доме духота.
Какая я еще трусиха!

(Начинает раздеваться и напевает.)

Король жил в Фуле дальней,
И кубок золотой
Хранил он, дар прощальный
Возлюбленной одной.
Когда он пил из кубка,
Оглядывая зал,
Он вспоминал голубку
И слезы проливал.
И в смертный час тяжелый
Земель он отдал тьму
Наследнику престола,
А кубок — никому.
Со свитой в полном собре
Он у прибрежных скал
В своем дворце у моря
Прощальный пир давал.
И кубок свой червонный,
Осущенный до дна,
Он бросил вниз с балкона,
Где выла глубина.
В тот миг, когда пучиной
Был кубок поглощен,
Пришла ему кончина,
И больше не пил он.

(Отпирает шкаф, чтобы повесить платье
и замечает шкатулку.)

Откуда этот милый сундучок?
Как он здесь очутился? Просто чудо!
Я шкаф замкнула, помню, на замок.
Наверно, мать взяла его в залог,
Кому-нибудь давая денег в ссуду.
А вот и ключ. Что может быть внутри?
Открою-ка. В том нет греха большого.
О господи! Смотри-ка ты, смотри,
Я отроду не видела такого!
Убор знатнейшей барыне под стать!
Из золота и серебра изделя!
Кому б они могли принадлежать?
О, только бы примерить ожерелье!
(Надевает драгоценности и становится
перед зеркалом.)
Ах, мне б такую парочку серег!
В них сразу кажешься гораздо краше.
Что толку в красоте природной нашей,
Когда наряд наш беден и убог.
Из жалости нас хвалят в нашем званье.
Вся суть в кармане,
Все — кошелек,
А нам, простым, богатства не дал бог!

НА ПРОГУЛКЕ

Ф а у с т прохаживается, погруженный в раздумье.
К нему подходит М е ф и с т о ф е л ь.

М е ф и с т о ф е л ь
Постылые! Исчадья преисподней!
Мне жаль, что нет ругательств попригодней.

Ф а у с т
Да что с тобой? Что у тебя за вид?
Тебя какая муха укусила?

М е ф и с т о ф е л ь
Я б чертыхался на чем свет стоит,
Когда бы не был сам нечистой силой.

Ф а у с т
Вот сумасшедший! Что за кипяток!
Не горячись! Здоровье б поберег!

М е ф и с т о ф е л ь

Подумай, у попа шкатулка наша!
Все это Маргаритина мамаша.
Лишь глянула — и на пол чуть не бах,
Такой напал на богомолку страх.
Она благочестивая матрона.
По праздникам поет святым каноны.
Без промаха ее наводит нюх,
Где чистый скрыт и где нечистый дух.
Смекнула, поглядев на изобилье,
Что невидали этой не святали,
И говорит: «Дитя, не тронь серег,
Неправое имущество не впрок.
Пожертвуем-ка эти украшенья
Заступнице небесной в приношенье».
Дочь смотрит на каменьев перелив
И думает: «Ужель так нечестив
Даритель и его проступок грубый?
Дареному коню не смотрят в зубы».
Был совещаться вызван капеллан,
И он одобрил материнский план.
«Вы приняли разумное решенье,
Мир вашей добродетельной душе:
Кто жадность победил, тот в барыше,
А церковь при своем пищеваренье
Глотает государства, города
И области без всякого вреда.
Нечисто или чисто то, что дарят,
Она ваш дар прекрасно переварит».

Ф а у с т

Как и всеядец ростовщик-еврей
И главный королевский казначай.

М е ф и с т о ф е л ь

Затем, минуты не промешкав,
Премного умиленный поп
Браслеты, цепь и кольца сгреб,
Как горсть каких-нибудь орешков,
На женщин милости небес
Призвал и был таков, исчез.

Ф а у с т

А Гретхен?

М е ф и с т о ф е л ь

С места не встает.

Покоя ларчик не дает,
И неизвестность беспокоит,
Кто тот даритель-доброхот?
Весь день сидит, догадки строит.

Ф а у с т

Меня томит ее печаль.
Достань ей что-нибудь другое,
Пропажи первого не жаль.

М е ф и с т о ф е л ь

Для вас, конечно, все пустое.

Ф а у с т

И вот мой план: веди подкоп
Обходный под ее соседку,
А Гретхен снова в гардероб
Цепочку сунь или браслетку!

М е ф и с т о ф е л ь

Да, милостивый государь.

Фауст уходит.

Влюбленных мания — подарки.
Хоть небо все ему обшарь
На звезды для его сударки.

ДОМ СОСЕДКИ

М а р т а
(одна)

Прости господь, мой муженек
Женою бедной пренебрег!
Соломенной вдовою вяну,
А сам уплыл за океаны.

А видит бог, я ль не жена?

Любила и была верна.

(Плачет.)

Небось уж помер на чужбине!

Иметь бы справку о кончине.

Входит Маргарита.

Маргарита

Ах, Марта!

Марта

Гретхен, что с тобой?

Маргарита

От ужаса дрожат поджилки.

На полке ящик костяной,

И в нем сокровищ, как в копилке!

Вещей в шкатулке без числа,

Полней, чем первая была!

Марта

Ты матери не говори,

А то раздаст в монастыри.

Маргарита

Вот ларчик, полюбуйтесь им!

Марта

(принеся Маргариту)

Ах, куколка! Ах, херувим!

Маргарита

Ни в сад, ни в церковь, вот в чем горе,

Нельзя пойти в таком убore.

Марта

Почаще забегай тайком.

Уже и то тебе забава

Пред зеркалом в добре таком

Чуть-чуть покрасоваться павой.

Там, смотришь — праздник. День за днем

Мы осмелеем понемножку,

Наденем брошку, цепь, сережку

И с гору матери наврем.

М а р г а р и т а

Кто мог бы ларчики принести?
Неладное тут что-то есть.

Сышен стук в дверь.

Не матушка ль моя за мной?

М а р т а (посмотревши в дверной глазок)

Какой-то господин чужой!
Пожалуйте.

Входит М е ф и с т о ф е л ь.

М е ф и с т о ф е л ь

Простите, дамы,
Что к вам я вваливаюсь прямо.
(Почтительно отступает перед Маргаритой.)
Я к Марте Швердтлейн.

М а р т а

С кем имею честь?
Я — Марта Швердтлейн.

М е ф и с т о ф е л ь (тихо, Марте)

Рад знакомство свесть.
Но я не вовремя, понятно,
Застал вас с барышнею знатной.
Беседе не хочу мешать
И к вам зайду потом опять.

М а р т а

Дитя, убором и осанкой
Ты гостю кажешься дворянкой.

М а р г а р и т а

О нет, я из простой семьи.
Вы снисходительны сверх меры,
А украшенья не мои.

М е ф и с т о ф е л ь

Что украшенья? Тон, манеры —
Вот дело в чем! А что наряд?
Так мне остаться? Как я рад!

М а р т а

С ч е м в y пришли?

М е ф и с т о ф е л ь

Простите за супровость,
Мне горько выступать посланцем бед:
От мужа вам нерадостная новость,
Он, умирая, вам послал привет.

М а р т а

Он умер? Жизнь моя, мое спасенье!
Я упаду! Какое потрясенье!

М а р г а р и т а

Не надо, дорогая, унывать.

М е ф и с т о ф е л ь

Позвольте вам о муже рассказать.

М а р г а р и т а

Не дай мне бог любви изведать силу.
Утрата милого меня б убила.

М е ф и с т о ф е л ь

Бояться горя — счаствия не знать,

М а р т а

Что можете о муже вы сказать?

М е ф и с т о ф е л ь

Его хранит Антоний Падуанский
В своей часовне тихой и святой,
В земле церковной он по-христиански
Похоронен под каменной плитой.

М а р т а

Вещей он не давал для передачи?

М е ф и с т о ф е л ь

Лишь просьбу долго жить, а наипаче
По муже справить триста панихид.
Вот все, что передать вам надлежит.

М а р т а

Как, ни колечка мне, ни медальона,
Которые любой мастеровой
В котомке бережет для нареченной
И недоест, а принесет домой?

М е ф и с т о ф е л ь

Сударыня, я вижу, как вам трудно,
Мне жалко вас, но муж ваш не был мот.
Он денег не транжирил безрассудно,
Но на него свалился град невзгод.

М а р г а р и т а

Какой бедняк! И как любил жену!
Его не раз я в церкви помяну.

М е ф и с т о ф е л ь

При склонностях таких благоговейных
Вы созданы для радостей семейных.

М а р г а р и т а

Ах, я вступлю еще не скоро в брак,
Столь ранним свадьбам нет у нас примера.

М е ф и с т о ф е л ь

Ну что ж, так заведите кавалера.
На зависть будет счастлив тот смельчак,
Который сделает к вам первый шаг.

М а р г а р и т а

У нас по этой части строг обычай.

М е ф и с т о ф е л ь

Ах, в мире нет на этот счет различий.

М а р т а

Как муж скончался?

М е ф и с т о ф е л ь

Посередь двора.
В навозе лежа, на гнилой соломе.
Я находился у его одра.
Он каялся, и вспоминал о доме,
И отошел, желая всем добра.
Он плакался: «Сознаться тяжело,
Себе я мерзок на краю могилы,
Что бросил так жену и ремесло!
О, если бы она меня простила!»

М а р т а (плача)

Я лишь добром бедняжку помяну.

М е ф и с т о ф е л ь
Зато все зло он ставил вам в вину.

М а р т а

Какие выдумки! Какие басни!
Так врать пред смертью! Есть ли что ужасней?

М е ф и с т о ф е л ь

Наверно, бредя от упадка сил,
Напраслину на вас он возводил:
«Да, не был я бездельником, зевакой.
Минуты с ней покоя я не знал,
Плодил детей и хлеб ей добывал,
Да все не мог ей угодить, однако,
И корку черствую свою жевал,
Оглядываясь на нее с опаской».

М а р т а

А про мою любовь к нему и ласку,
Про все мои тревоги он забыл?

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, он их помнил и благодарил.
«Я о семье молился,— он сказал,—
В тот день, как наш корабль из Мальты вышел,
Наверно, бог мою мольбу услышал
И судно нам турецкое послал.

На нем везли султану часть казны.
Я храбро вел себя при абордаже;
Когда делить мы стали деньги вражьи,
Хороший куш урвал я для жены».

М а р т а

Куш?.. Почему ж?.. А что с ним сделал муж?

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, денежки те — поминай как звали,
В Неаполе одна из добрых душ
Так нежно занялась им на привале,
Что, испуская свой последний дух,
Не позабыл и он ее услуг.

М а р т а

Вот так всегда он! Все для потаскух!
Хватило, значит, денег для подачек?
А мной, детьми пожертвовал, растратчик!
Так шашням не мешал его недуг?

М е ф и с т о ф е л ь

Зато вот и пришел ему каюк.
На вашем месте траурное платье
Я с год бы проносил и с этих пор
Подумал бы о новом кандидате,

М а р т а

Не подвернется вновь такой бобер.
Он был добряк и дурачок влюбленный,
Сама сердечность, искренность сама.
Когда бы не шатанье, не притоны,
Не девки, не игорные дома!

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, это недостаток мелкий.
Наверное, и он спускал
Вам ваши женские проделки?
На равенстве таких начал
И я б руки у вас искал.

М а р т а

Как вам не стыдно, шутнику!

М е ф и с т о ф е л ь
(*про себя*)

Хоть я и черт, а утеку,
Пока на слове не поймали,
Так надо быть с ней начеку!
(*Маргарите.*)

Так в сердце нет еще печали?

М а р г а р и т а
Как вас понять?

М е ф и с т о ф е л ь
(*про себя*)

Дитя, дитя!
(*Вслух.*)

Прощайте!

М а р г а р и т а
С богом!

М а р т а

Не шутя,
О муже бы достать бумагу,
Где погребен, когда, бедняга,
И эти сведенья в печать
Для верности потом отдать.

М е ф и с т о ф е л ь
Признанья очевидцев двух
Достаточно для справки устной.
Хотите, явится мой друг
И подтвердит рассказ мой грустный?

М а р т а
Прошу!

М е ф и с т о ф е л ь
А барышня придет?
Приятель мой отличный малый,
Объездил свет, весьма бывалый,
Для дома честь его приход.

М а р г а р и т а

При нем я постыжусь являться.

М е ф и с т о ф е л ь

Будь он и принц, не вам стесняться.

М а р т а

Итак, сегодня вечерком
Мы вас в саду обоих ждем.

УЛИЦА

Ф а у с т и М е ф и с т о ф е л ь.

Ф а у с т

Ну, как дела? Идут на лад?

М е ф и с т о ф е л ь

Ты пламенем объят и в горе?
Она твою будет вскоре.
Пойдем к соседке Марте в сад.
Кума заведомая сводня,
И Гретхен будет там сегодня.

Ф а у с т

Ну что ж, прекрасно. Очень рад.

М е ф и с т о ф е л ь

Но и от нас услуг хотят.

Ф а у с т

Так что ж, услуга за услугу.

М е ф и с т о ф е л ь

Заверим ей своей рукой,
Что в Падуе в земле святой
Почиет прах ее супруга.

Ф а у с т

Хорош! И нам в такую даль!

М е ф и с т о ф е л ь

Sancta simplicitas! Да что ты?
Какая в том тебе забота?
Дашь подпись, вот и вся печаль.

Ф а у с т

Нет, неприемлем этот шаг.

М е ф и с т о ф е л ь

Подумайте, какой святоша!
Доныне, господин хороший,
Ты ложных не давал присяг?
А доказательства твои
О боге, мире, бытии?
Из этого инвентаря
Преподносил ты небылицы
С уверенностью очевидца,
А между нами говоря,
О Марты Швердтлейн мертвом муже
Ты знаешь, кажется, не хуже.

Ф а у с т

Ты, как всегда, софист и лжец.

М е ф и с т о ф е л ь

Зато ты — чести образец
И завтра это обнаружишь,
Когда головку Гретхен вскружишь
И дашь ей верности обет.

Ф а у с т

Всем сердцем дам ей.

М е ф и с т о ф е л ь

Спору нет!
И примешься чистосердечно
Твердить, что чувство будет вечно.

Ф а у с т

Примусь, конечно,— вот ответ,
И с чистой совестью, конечно!
О, как ты глуп! Когда, чуть жив,
Себя не помня, все забыв,

Назвать хочу я наудачу
Стихию чувств, слепой порыв,
И слов ищу, и чуть не плачу,
И вечным сгоряча зову
Мой сон небесный наяву,
Неужто я других дурачу?

М е ф и с т о ф е л ь
И все ж я прав.

Ф а у с т

О, деликом!
Сдаюсь. Тебя не переспоришь,
Веря так ловко языком,
Ты доводами всех уморишь.
Я согласиться принужден:
Ты нужен мне, вот твой резон.

САД

М а р г а р и т а под руку с Ф а у с т о м и М а р т а с М е ф и с т о ф е л е м прогуливаются по саду.

М а р г а р и т а

Ах, это только ваша доброта,
Что вы так снисходительно нестроги.
Меняя в путешествии места,
Любезны вы со встречными в дороге.
Моя незанимательная речь
Не может вас ни капельки увлечь.

Ф а у с т

Один лишь взгляд, один лишь голос твой
Дороже мне всей мудрости земной.
(Целует ей руку.)

М а р г а р и т а

Да что вы, право, руки целовать!
Ведь кожа у меня так огрубела.
Тружусь, минуты не сижу без дела.
И требует порядка в доме мать.

Проходят дальше.

М а р т а

Так вы в разъездах, стало быть, всегда?

М е ф и с т о ф е л ь

Проклятое занятие такое.

Стрелою мчишься через города
И ни в одном нельзя пожить в покое.

М а р т а

По молодости все нам нипочем,
Свищи в кулак да по дорогам рыскай,
Когда ж к концу подступит дело близко,
Не сладко доживать холостяком.

М е ф и с т о ф е л ь

Представиши это, сердце жить не радо.

М а р т а

Об этом вовремя подумать надо.

Проходят дальше.

М а р г а р и т а

Да, с глаз долой, из сердца вон небось?
Вы вежливы, вот все и объясненье.
У вас друзей ученых тьма, хоть брось.
Я с ними не могу идти в сравненье.

Ф а у с т

Поверь, мой ангел, то, что мы зовем
Ученостью, подчас одно тщеславье.

М а р г а р и т а

Ужель?

Ф а у с т

О, как в неведенье своем
Невинность блещет, как алмаз в оправе,
Не помышляя о своей цене,
Своих достоинств ни во что не ставя!

М а р г а р и т а

Хоть миг вниманья подарите мне,
И я всегда вас помнить буду вправе.

Ф а у с т

И ты все дома?

М а р г а р и т а

Больше все одна.

Хотя у нас хозяйство небольшое,
Сноровка в доме все равно нужна:
Мы без служанки, я стираю, мою,
Готовлю, подметаю, шью, все — я.
Возни и спешки, только б с ног не сбиться.
И матушка строга: насчет шитья
Она сама большая мастерица!
Не то чтоб находились мы в нужде,
Скорее мы с достатком горожане.
Отец семье оставил состоянье,
И сад, и домик малый в слободе.
Теперь я не тружусь чуть свет спросонку,
Как год назад:
В солдатах брат
И умерла сестренка,
А то я отдавала все ребенку,
Но рада б муки все вернуть назад
За милый детский взгляд.

Ф а у с т

Взгляд, вероятно, херувима,
Единственно с твоим сравнимый.

М а р г а р и т а

Сестра на свет явилась в страшный год
Отдвойной смерти. Я была ей няней.
Мать поручила мне за ней уход,
Сама ж тогда лежала без сознанья,
Мы думали, что и она умрет.
Кормить дитя в теченье этих дней
Тогда нельзя и думать было ей.
Я молоком с водой сестру вскормила.
И на моих руках, всегда со мной
Она росла, смеялась и шалила.

Ф а у с т

И это было радостью живой?

М а р г а р и т а

Но временами я теряла силы.
Стояла ночью рядом колыбель.
Проснусь, чуть двинется она, бывало,
Сестре дам молока, возьму в постель,
А если этого крикунье мало,
Пойду качать, закутав в одеяло,
И ноги оттопчу до хромоты,
А поутру на рынке, у плиты
Или за постирушкой у корыта
Почувствуешь себя такой разбитой!
Зато как сладок съеденный кусок,
Как дорог отдых и как сон глубок!

Проходят дальше.

М а р т а

Неисправимые холостяки!
Как обратить вас в истинную веру?

М е ф и с т о ф е л ь

К такой учительнице, для примера,
Охотно б я пошел в ученики.

М а р т а

Тогда нельзя ль вам в душу заглянуть?
У вас есть на примете кто-нибудь?

М е ф и с т о ф е л ь

Своя жена да угол, говорят,
Дороже царств и каменных палат.

М а р т а

Я говорю о склонности взаимной.

М е ф и с т о ф е л ь

Все встречные в пути гостеприимны,

М а р т а

Нет, вы не поняли. Я знать хочу,
Серьезных чувств вы в прошлом не таите?

М е ф и с т о ф е л ь

Я в жизни с женщинами не шучу.

М а р т а

Ах нет, меня понять вы не хотите!

М е ф и с т о ф е л ь

Я, каюсь, глуп. Однако в меру сил
Любвеобильность вашу оценил.

Проходят дальше.

Ф а у с т

О радость ты моя! Так ты сейчас
Меня узнала с первого же взгляда?

М а р г а р и т а

Конечно. И потупилась, смутясь.

Ф а у с т

Прости же, что тебя я подстерег
В то утро за церковною оградой.
Не ставь мне этой вольности в упрек.

М а р г а р и т а

Мне это непривычно, и сперва
Я было растерялась от смущенья.
Ведь на меня до этого молва
Еще ни разу не бросала тени.
Мое ли, думала я, поведенье
Внушило вам столь вольные слова?
Наверно, я нарушила приличье,
Что представляюсь легкою добычей!
Признаться, я предвидеть не могла,
Что я сама возьму вас под защиту,
И на себя была за то сердита,
Что строже вас в душе не распекла.

Ф а у с т

О милая!

М а р г а р и т а

А ну...

*(Срывает ромашку и обрывает один за другим
лепестки.)*

Ф а у с т

Ты что, букет
Или венок плетешь?

М а р г а р и т а

Нет, так, пустое.

Ф а у с т

Нет, что же ты?

М а р г а р и т а

Не смейтесь надо мною!

(Шепчет.)

Ф а у с т

Что шепчешь ты?

М а р г а р и т а

(вполголоса)

Не любит. Любит. Нет.

Ф а у с т

О прелесть ты моя!

М а р г а р и т а

(продолжает)

Не любит. Любит!

Не любит.

(Обрывая последний лепесток, громко и радостно.)

Любит!

Ф а у с т

Любит! Да, мой свет!

Гаданье этот узел пусть разрубит!

Он любит, любит, вот цветка ответ.

Вмеести, постигни это торжество!

М а р г а р и т а

Я вся дрожу.

Ф а у с т

Не бойся ничего!

Пусть этот взгляд

И рук пожатье скажут
О необъятном том,
Пред чем слова — ничто,
О радости, которая нам свяжет
Сердца.
Да, да, навеки без конца!
Конец — необъяснимое понятье.
Печать отчаянья, проклятья
И гнев творца.

Маргарита сжимает ему руки, вырвается и убегает.
Фауст не сразу приходит в себя и, овладев собою,
идет за нею.

М а р т а
(приближаясь из глубины)

Смеркается.

М е ф и с т о ф е л ь

И нам домой пора.

М а р т а

Я вас не отпустила бы так скоро
Со своего двора,
Но городок наш — страшная дыра,
Начнутся разговоры.
Здесь у людей другого дела нет,
Как наблюдать через заборы,
Куда и с кем пошел сосед.
А наша пара?

М е ф и с т о ф е л ь

Он юркнул в тьму
За нею вслед.

М а р т а

Он благосклонен к ней.

М е ф и с т о ф е л ь

Она — к нему.
Так создан свет.

БЕСЕДКА В САДУ

М а р г а р и т а вбегает, прячется за дверь и, прижавши палец к губам, смотрит через щель.

М а р г а р и т а

Идет!

Ф а у с т
(входя)

Ты прячешься, лиса! Постой!
(Целует ее.)

М а р г а р и т а

(обнимая его и возвращая ему поцелуй)

Душою вся твоя, любимый мой!

Мефистофель стучится,

Ф а у с т
(топая ногами)

Кто там?

М е ф и с т о ф е л ь

Свои!

Ф а у с т

Свинья!

М е ф и с т о ф е л ь

Пора расстаться.

М а р т а
(входя)

Да, правда, сударь, поздно, час ночной.

Ф а у с т

Нельзя ли проводить мне вас домой?

М а р г а р и т а

О нет! Что скажет мать?

Ф а у с т

Так мне убраться?

Счастливо оставаться!

М а р т а

В добный час!

М а р г а р и т а

До скорого свиданья.

Фауст и Мефистофель уходят.

Просто диво,
Куда он устремляет мысль свою!
А я пред ним в смущении стою,
Всему поддакивая торопливо.
И все же в толк никак я не возьму,
Чем я могла понравиться ему?

(Уходит.)

ЛЕСНАЯ ПЕЩЕРА

Ф а у с т
(один)

Пресветлый дух, ты дал мне, дал мне все,
О чем просил я. Ты не понапрасну
Лицом к лицу явился мне в огне.
Ты отдал в пользованье мне природу,
Дал силу восхищаться ей. Мой глаз
Не гостя дружелюбный взгляд без страсти,—
Но я могу до самого нутра
Заглядывать в нее, как в сердце друга.
Ты предо мной проводишь череду
Живых существ и учишь видеть братьев
Во всем: в зверях, в кустарнике, в траве.
Когда ж бушует буря в темной чаще
И, рушась наземь, вековая ель
Ломает по пути стволы и сучья
И грохоту паденья вторит даль,
Подводишь ты меня к лесной пещере
И там, в уединенной тишине,
Даешь мне внутрь себя взглянуть, как в книгу,
И тайны увидать и тьмы чудес.
Я вижу месяц, листья в каплях, сырость
На камне скал и на коре дерев,
И тени движущихся туч похожи
На чудищ первобытной старины,

Как ясно мне тогда, что совершенства
Мне не дано. В придачу к тяге ввысь,
Которая роднит меня с богами,
Дан низкий спутник мне. Я без него
Не обойдусь, наперекор бесстыдству,
С которым обращает он в ничто
Мой жребий и твое благословенье.
Он показал мне чудо красоты,
Зажег во мне и раздувает пламя,
И я то жажду встречи, то томлюсь
Тоскою по пропавшему желанью.

Входит М е ф и с т о ф е л ь.

М е ф и с т о ф е л ь

Скажи, какой анахорет!
Спасается в лесу под елью!
Или спасенья от безделья
Повеселее, что ли, нет?

Ф а у с т

А у тебя других нет дел,
Как докучать мне неотлучно?

М е ф и с т о ф е л ь

Шучу. Я спорить не хотел.
Все время препираться скучно.
Ты, брат, ворчун и нелюдим.
Хоть разорвись ему в угоду,
Одно лишь наказанье с ним.
Нет от него житья-проходу.

Ф а у с т

Еще «спасибо» говорить,
Что ты пристал ко мне, как муха?

М е ф и с т о ф е л ь

О сын земли! Хочу спросить,
Что б делал ты без злого духа?
Не спас ли я тебя вполне
От философского угары?
И не благодаря ли мне
Ты не сошел с земного шара?

Так что ж ты разгонять тоску
Засел свой под тенью граба
И варишься в своем соку,
Питаясь воздухом, как жаба?
О, как в тебе еще, заметно,
Сидит ученый кабинетный!

Ф а у с т

Когда б ты ведал, сколько сил
Я черпаю в глухи лесистой,
Из зависти одной, нечистый,
Ты б эту радость отравил.

М е ф и с т о ф е л ь

Вот неземное наслажденье!
Ночь промечтать средь гор, в траве,
Как божество, шесть дней творенья
Обняв в конечном торжестве!
Постигнуть все под небосводом,
Со всем сродниться и потом
С высот свалиться кувырком —
Куда, сказал бы мимоходом,
(с презрительным жестом)
Но этого простейший стыд
Мне выговорить не велит,

Ф а у с т

Какая грязь!

М е ф и с т о ф е л ь

Какая грязь!

Вся кровь от ярости зажглась:
Как твой стыдливый слух тревожит,
Едва я прямо назову
То, без чего по существу
Твоя стыдливость жить не может!
Ну что же, лги и лицемерь,
Насколько совести хватает,
Однако вот о чем теперь:
В своей конурке Гретхен тает,
Она в тоске, она одна,
Она в тебе души не чает,
Тобой жива, тобой полна.

Ее любовь, как ширь разлива,
Без удержанья, без берегов,
А сам ты присмирил трусливо
И руки умывать готов!
Чем созерцать, как за опушкой
Мердает хор ночных светил,
Ты б приунывшую подружку
За жар любви вознаградил!
Она в окошко наблюдает,
Как тянут тучи без числа,
И дни и ночи распевает:
«Когда б я ласточкой была!»
Она то шутит, то ненастье
Туманит детские черты,
Ее глаза по большей части
Заплаканы до красноты.

Ф а у с т

Змея! Змея!

М е ф и с т о ф е л ь
(*про себя*)

Да, вижу я,
Что клюнуло, душа моя!

Ф а у с т

Сгинь, искуситель окаянный,
О ней ни слова, негодяй,
И чувственного урагана,
Уснувшего, не пробуждай!

М е ф и с т о ф е л ь

А девочку терзает страх,
Что ты остыл к ней и в бегах.

Ф а у с т

Где б ни был я, в какие бы пределы
Ни скрылся я, она со мной слита,
И я завидую Христову телу:
Его касаются ее уста.

М е ф и с т о ф е л ь

Я вспомнил пастбище средь роз
И ланей, символы желанья.

Ф а у с т

Прочь, сводник!

М е ф и с т о ф е л ь

Ты меня до слез
Смешишь потоком этой брави.
Создав мальчишек и девчонок,
Сам бог раскрыл глаза с пеленок
На этот роковой вопрос.
Что ж растерялся ты? Вперед!
Тебя свиданье с милой ждет,
А не палач, не эшафот!

Ф а у с т

Ах, даже к ней упав на грудь
И в неге заключив в объятье,
Как мне забыть, как зачеркнуть
Ее беду, мое проклятье?
Скиталец, выродок унылый,
Я сею горе и разлад,
Как с разрушительною силой
Летящий в пропасть водопад.
А рядом девочка в лачуге
На горном девственном лугу,
И словно тишина округи
Вся собрана в ее кругу.
И, видишь, мне, злодею, мало,
Что скалы с места я сдвигал
И камни тяжестью обвала
В песок и щебень превращал!
Еще мне надобно, подонку,
Тебе в угоду, палачу,
Расстроить светлый мир ребенка!
Скорей же к ней, в ее уют!
Пусть незаметнее пройдут
Мгновенья жалости пугливой,
И в пропасть вместе с ней с обрыва
Я, оступившись, полечу.

М е ф и с т о ф е л ь

Опять кипит, опять в обиде!
Ступай утешь ее, глупец!

В смятенье выхода не видя,
Ты думаешь: всему конец?
Ты был всегда храбрец мужчина,
Так что ж ты пятышься назад?
Что оробел ты, дурачина,
Когда тебе сам черт не брат?

КОМНАТА ГРЕТХЕН

Гретхен (одна за прялкой)

Что стало со мною?
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.

Чуть он отлучится,
Забьюсь, как в петле,
И я не жилица
На этой земле.

В догадках угрюмых
Брожу, чуть жива,
Сумятица в думах,
В огне голова.

Что стало со мною?
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.

Гляжу, дспенея,
Часами в окно.
Заботой моей
Все заслонено.

И вижу я живо
Походку его,
И стан горделивый,
И глаз колдовство.

И, слух мой чаруя,
Течет его речь,
И жар поцелуя
Грозит меня сжечь.

Что стало со мною?
Я словно в чаду.
Минуты покоя
Себе не найду.

Где духу набраться,
Чтоб страх победить,
Рвануться, прижаться,
Руками обвить?

Я б все позабыла
С ним наедине,
Хотя б это было
Погибелью мне.

САД МАРТЫ

Маргарита и Фауст.

Маргарита
Пообещай мне, Генрих!
Фауст

Ах,
Все, что в моих руках!

Маргарита
Как обстоит с твою верой в бога?
Ты добрый человек, каких немного,
Но в деле веры просто вертопрах.

Фауст
Оставь, дитя! У всякого свой толк.
Ты дорога мне, а за тех, кто дорог,
Я жизнь отдам, не изощряясь в спорах.

Маргарита
Нет, верить по Писанию твой долг.

Ф а у с т

Мой долг?

М а р г а р и т а

Ах, уступи хоть на крупицу!
Святых даров ты, стало быть, не чтишь?

Ф а у с т

Я чту их.

М а р г а р и т а

Но одним рассудком лишь,
И тайн святых не жаждешь приобщиться,
Ты в церковь не ходил который год?
Ты в бога веришь ли?

Ф а у с т

О милая, не трогай
Таких вопросов. Кто из нас дерзнет
Ответить, не смущаясь: «Я верю в бога»?
А отповедь схоласта и попа
На этот счет так искренне глупа,
Что кажется насмешкою убогой.

М а р г а р и т а

Так ты не веришь, значит?

Ф а у с т

Не коверкай
Речей моих, о свет моих очей!
Кто, на поверхку,
Разум чей
Сказать осмелится: «Я верю»?
Чье существо
Высокомерно скажет: «Я не верю»?
В него,
Создателя всего,
Опоры
Всего: меня, тебя, простора
И самого себя?
Или над нами неба нет,
Или земли нет под ногами
И звезд мерцающее пламя
На нас не льет свой кроткий свет?

Глаза в глаза тебе сейчас
Не я ль гляжу проникновенно,
И не присутствие ль вселенной
Незримо явно возле нас?
Так вот, воспрянь в ее соседстве,
Почувствуй на ее свету
Существованья полноту
И это назови потом
Любовью, счастьем, божеством.
Нет подходящих соответствий,
И нет достаточных имен,
Все дело в чувстве, а названье
Лишь дым, которым блеск сиянья
Без надобности затемнен.

М а р г а р и т а

Почти что в этих выраженьях
Так и священник говорит,
Все это так. Но я в сомненьях.

Ф а у с т

Об этом целый свет твердит,
Любое сердце, кто как может,
Как на душу господь положит,
Так что же мне бояться слов?

М а р г а р и т а

Ты прав как будто поначалу,
А присмотреться — свет Христов
Тебя затронул очень мало.

Ф а у с т

Дитя мое!

М а р г а р и т а

Не разберу,
Чем друг твой мне не по нутру.

Ф а у с т

Как так?

М а р г а р и т а

В чем ваше кумовство?
Как можешь ты терпеть его?

Никто еще во мне так живо
Не возбуждал вражды брезгливой,
Как твой противный компаньон.

Ф а у с т

О милочка, не страшен он!

М а р г а р и т а

При нем я разом холдею,
Я с прочими людьми в ладу,
Но так же, как душою всею
Я твоего прихода жду,
Так я чураюсь лиходея.
Прости господь мои слова,
Когда пред ним я не права.

Ф а у с т

Что ж делать, уж такой чудила.

М а р г а р и т а

Я с ним бы дружбы не водила!
Едва он в дверь, как всех буравит
Его коварный, острый взор.
Он так насмешлив и хитер
И ни во что людей не ставит!
Что он любви вовек не ведал,
Как бы написано на нем.
Мне радость в обществе твоем,
Когда ж ты с ним и мы втроем,
Боюсь, как он бы нас не предал.

Ф а у с т

О, чуткость ангельских догадок!

М а р г а р и т а

Он мне непобедимо гадок.
В соседстве этого шута
Нейдет молитва на уста,
И даже кажется, мой милый,
Что и тебя я разлюбила,
Такая в сердце пустота!

Ф а у с т

Тут верх врожденной неприязни.

М а р г а р и т а

Но мне пора домой.

Ф а у с т

Постой.

Хоть раз нельзя ли без боязни
Побыть часочек мне с тобой
Грудь с грудью и душа с душой?

М а р г а р и т а

Ах, если б я спала одна,
Сегодня ночью, веришь слову,
Я б не задвинула засова.
Но рядом дремлет мать вполсна.
Когда бы нас она застала,
Я б тут же замертво упала!

Ф а у с т

О, вздор! Вот с каплями флакон.
Немного их накапай в воду,
Дай выпить ей, и до восхода
Ее охватит крепкий сон.

М а р г а р и т а

Ты у меня не зпал отказа.
А эти капли без вреда?

Ф а у с т

Я б не дал их тебе тогда.

М а р г а р и т а

Чуть я тебя увижу, сразу
Все рада сделать для тебя.
Тебе я, кажется, любя,
Так много отдала в прошедшем,
Что жертвовать уж больше нечем.
(Уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь
(входя)

Ну что, ушла твоя овца?

Ф а у с т

Подслушивал?

М е ф и с т о ф е л ь

Узнал немало.

Тебя, как старого глупца,
Девица вере обучала?
О, вера — важная статья
Для девушек властолюбивых:
Из женихов благочестивых
Выходят смиренные мужья.

Ф а у с т

Проклятый изверг, не греши!
Тебе ль понять, как в детской вере
Ей страшно будущей потери
Моей загубленной души!

М е ф и с т о ф е л ь

Все это, братец, только так,
А ты поверил и размяк?

Ф а у с т

О, помесь грязи и огня!

М е ф и с т о ф е л ь

Она, заметь, физиономистка
И раскумекала меня,
По-видимому, очень близко.
Ум плутовской давно смекнул,
Что хват я или Вельзевул.
Так ночью?..

Ф а у с т

Что тебе за дело?

М е ф и с т о ф е л ь

Одна отзывчивость всецело,

у КОЛОДЦА

Г р е т х е н и Л и з х е н с к у в ш и н а м и .

Л и з х е н

Ты новости слыхала о Варваре?

Г р е т х е н

Нет. Редко вижу я кого в глаза.

Лизхен

Сивилла рассказала на базаре.
Ну, доигралась эта егоза!
А гонор был какой у этой твари!

Гретхен

Да что с ней?

Лизхен

Нос заткни, тяжелый дух!
Две жизни в ней, и ест и пьет за двух.

Гретхен

Ах!

Лизхен

Поделом! Открылось в эти числа.
А как она на парне висла!
Припомни танцы, и гульбу,
И громкую их похвальбу.
Вертелась с ним неосторожно
В саду, в распивочной, в пирожной,
Себя считала краше всех,
Воображала, что не грех
Подарки брать от бедокура,
С ним разводила шуры-муры.
Избаловался молодец.
Вот и девичеству конец.

Гретхен

Жаль бедную!

Лизхен

Жалеешь ты?

А безотлучно день за прялкой
Просиживать до темноты
Нам не было с тобою жалко?
Тем временем она тайком
Ходила к своему миленку,
Тоски не ведала с дружком.

Теперь за это ветрогонка
Отведает епитимью:
Наденет девка власяницу
За эти подвиги свои.

Гретхен

Он должен был на ней жениться.

Лизхен

Найди такого дурака!
Напутал, да и дал стречка.
И то: не клином свет сошелся!

Гретхен

Он плохо с нею обошелся.

Лизхен

Брак не спасет от срамоты:
На свадьбе парни ей цветы
Сорвут со свадебной фаты,
А девки перед дверью дома
Насыплют отрубей с соломой.
(Уходит.)

Гретхен
(возвращаясь домой)

Как смело хмурила я брови,
Как предавалась я злословью,
Как я строга была, когда
Случалась с девушкой беда!
Как из избы тогда надменно
Чужой я выносила сор!
Как не жалела слов, позор
Изобличая откровенно!
И вдруг какая перемена!
Сама не лучше я сестер.
Куда я скроюсь с этих пор?
Куда я сделанное дену?
Но то, что сердце завлекло,
Так сильно было и светло!

НА ГОРОДСКОМ ВАЛУ

В углублении крепостной стены изваяние скорбящей божией матери, перед нею цветы в кувшинах. Г р е т х е н ставит свои цветы к прочим.

Г р е т х е н

К молящей
Свой лик скорбящий
Склони в неизреченной доброте,

С кручиной
Смотря на сына,
Простертого в мученьях на кресте,

И очи
Возведши
За помощью отчей в вышине!

Кто знает,
Как тают
По капле силы у меня внутри?
Лишь пред тобой я вся как на ладони.
О, пожалей меня и благосклонней
На муку и беду мою воззри!

Где шумно, людно,
Дышать мне трудно,
Поднять глаза на посторонних срам,
А дома волю
Слезам от боли
Даю, и сердце рвется пополам.

Я эти цветики в букете
Слезами облила,
Когда сегодня на рассвете
Их для тебя рвала.

Меня застало солнце в спальней
Давным-давно без сна.
Я думою своей печальной
Была пробуждена,

Спаси меня от мук позора,
Лицо ко мне склоня!
Единая моя опора,
Услышь, услышь меня!

НОЧЬ. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ГРЕТХЕН

Валентин, солдат, брат Гретхен.

Валентин

Зайду, бывало, пить в подвал
И слышу, как иной баухвал
Расписывает наобум
Свою властительницу дум.
И девушки на свете нет
Красивей, чем его предмет.
Я тихо сяду, как вошел,
И локти положу на стол,
И бороды курчавлю край,
Пока болтает краснобай.
Потом стакан свой подыму
И говорю в ответ ему:
«Кому какая по нутру,—
Я выпью за свою сестру.
Какую девушку в стране
Поставишь с Гретхен наравне?»
И прекращается вранье,
Все чокаются за нее,
Смолкают разом хвастуны
И видят, что посрамлены.
Теперь все по-другому здесь,
Хоть на стену от злобы лезь!
Терпеть, чтоб каждое дряндо
Могло бросать тебе в лицо
Намеки, колкости, кивки,
Двусмысленности и смешки!
А чем мерзавцев этих мне
На месте припереть к стене,
Когда их сплетни не навет
И в их словах обмана нет?

Что за каналы там вдвоем
Подкрадываются тайком?
Поди, любезник сестрин тут?
Они живыми не уйдут.

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Дрожа от веяния прохлады
И озаряя сумрак плит,
Неугасимая лампада
В соборной ризнице горит.
Такой же мрак во мне точь-в-точь,
Как эта полутьма и ночь.

Мефистофель

А у меня позыв другой,
Какой-то зуд страстей угарных,
Как по ночам весенним вой
Котов на лестницах пожарных.
Ведь я бродяга и шатун
И славу о себе упрочу
Опять Вальпургиевой ночью,
А завтра ведь ее канун.
Тогда по праву кутерьма
И сходит целый свет с ума.

Фауст

А выйдет ли из-под земли
Тот клад, светящийся вдали?

Мефистофель

Уж у поверхности покрышка,
Нам не придется долго рыть.
Набита золотом кубышка.

Фауст

Мозги б ты лучше понатужил
И раздобыл жемчужин нить,
Чтоб милой Гретхен подарить.

Мефистофель

Я там и жемчуг обнаружил.

Ф а у с т

Прекрасно. К девушке под кров
Ходить мне больно без даров.

М е ф и с т о ф е л ь

Напрасно! Выгоду свою
Преследуй в жизни безвозмездно.
Сейчас я Гретхен песнь спою
Под кровом этой ночи звездной.
Чтоб девушка попалась в сеть,
О нравственности буду петь.

(Поет под гитару.)

Смиряя дрожь,
Зачем под нож,
Катринхен, к милому идешь
И гибели не видишь?
Пусть он хорош,
Пусть он пригож,—
Ты девушкой к нему войдешь,
Но девушкой не выйдешь.

Он для проказ,
Не обручась,
Возьмет что надобно от вас,
И — с богом, до свиданья!
А нужен глаз,
На все отказ,
Чтоб честь осталась про запас
До самого венчанья.

В а л е н т и н
(выступая вперед)

Кого ты пеньем манишь, крысолов?
Сейчас расправлюсь я с тобой, нечистый!
Сперва гитару на двадцать кусков,
А после сокрушу и гитариста!

М е ф и с т о ф е л ь

Сломал гитару вдребезги мою.

В а л е н т и н

Я вам обоим череп раскрою.

М е ф и с т о ф е л ь
(Фаусту)

Смелее, доктор! Шпагу вон! Вперед!
Тесни его. Прижмись ко мне вплотную.
Коли смелей, он целым не уйдет!
Не отступай! Я хорошо фехтую.

В а л е н т и н

Так отражай!

М е ф и с т о ф е л ь

Ну что ж, и отразим.

В а л е н т и н

А если так ударю?

М е ф и с т о ф е л ь

Эка штука!

В а л е н т и н

Я бьюсь как будто с дьяволом самим,
И вот уже он перешел мне руку!

М е ф и с т о ф е л ь
(Фаусту)

Коли!

В а л е н т и н
(падая)

Пропал!

М е ф и с т о ф е л ь

Несчастному капут.

Теперь, пока не поздно, надо скрыться.
Сейчас людей на помощь позовут.
С полицией не трудно сговориться,
Другое дело уголовный суд.

Уходят.

М а р т а
(у окна)

Наружу все!

Г р е т х е н
(у окна)

Огня! Огня!

М а р т а

Эй, караул! Разбой, резня!

Н а р о д

Вон труп, взгляни сюда!

М а р т а
(выходя)

Лови убийц! Держи и бей!

Г р е т х е н
(выходя)

Кто здесь?

Н а р о д

Сын матери твоей.

Г р е т х е н

О боже, вот беда!

В а л е н т и н

Я умираю,— сказ простой,—
И не увижу дня.
Не войте, бабы, надо мной,
Послушайте меня.

Все обступают его.

Еще ты, Гретхен, молода,
И где тебе понять, куда
Ведет твой глупый нрав.
Но, шлюхой ставши невзначай,
По правилам теперь гуляй,
На все есть свой устав.

Г р е т х е н

Брат! Господи! Не убивай!

В а л е н т и н

Ты к богу все не взывай,
Что санкция, то санкция.
Что будет, будет все равно,

Теперь ты начала с одним,
А после перейдешь к другим,
Когда ж до дюжины дойдет,
Столпится город у ворот.

Когда на свет родится стыд,
Еще он от народа скрыт,
Его таят во тьме ночей,
Надвинув шапку до ушей.
Его не видно, и тогда
Его прикончить не беда.
Но не по дням, а по часам
Растет и выпирает срам,
И чем чудовищнее грех,
Тем больше на виду у всех.

Я твердо знаю: дни придут,
Когда тебя весь честный люд,
И стар и мал, исчадье тьмы,
Чураться будут, как чумы.
Ты будешь направлять стопы
В обход, подальше от толпы.
Тебе не даст приступок твой
Блистать в депочке золотой
И в кружевном воротнике
Отплясывать на пикнике.
Ты будешь находить ночлег
Средь оборванцев и калек.
И если милостивый бог
Простит по смерти твой порок,
Ты смыть не сможешь на земле
Клейма проклятья на челе.

М а р т а

Вам каяться теперь под стать,
А не проклятья изрыгать.

В а л е н т и н

Ах, сводня, жалко, мочи нет,
Сломал бы я тебе хребет
Да все грехи бы искупил.

Г р е т х е н

О брат мой, вынести нет сил!

Валентин

Не плачь, сказал я, брось тужить,
Минувшего не воротить.
Ты мне сама из-за угла
Удар бесчестьем нанесла.
Я честь солдатскую свою
И душу богу отдаю.

(Умирает.)

СОБОР

Церковная служба с органом и пением. Гретхен в толпе народа. Позади нее злой дух.

Злой дух

Иначе, Гретхен, бывало,
Невинно
Ты к алтарю подходила,
Читая молитвы
По растрепанной книжке,
С головкою, полной
Наполовину богом,
Наполовину
Забавами детства!

Гретхен!
Где ты витаешь?
Что тебя мучит?
Молишь у бога
Упокоения матери,
По твоей вине уснувшей
Навеки без покаянья?
Чья кровь
У тебя на пороге?
Что бьется под сердцем,
Наполняя тебя
Содроганьем?

Гретхен

Опять они,
Все те же, те же думы!
Никак от них,
Никак не отвяжусь.

Х о р

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla.

Звуки органа.

З л о й д у х

Настиг тебя гнев господень!
Трубный глас раздается!
Разверзаются гробы!
И из пепла
Душа твоя
Подымается
На вечные муки.

Г р е т х е н

Уйти, уйти!
Орган и пенье
Теснят дыханье,
Едва стою.

Х о р

Judex ergo cum sedebit
Quidquid latet, adparebit,
Nil inultum remanebit.

Г р е т х е н

Я задохнусь!
Как давят своды!
К дверям! К проходу!
Я чувств лишусь!

З л о й д у х

Прячься — не скроешь
Греха и позора.
Воздуха? Света?
Их больше не будет.
Горе!

Х о р

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus?

З л о й д у х

Праведные отврашают
Лицо от тебя.
Протянуть тебе руку, погибшей,
Боятся.

Х о р

Quid sum miser tunc dicturus?

Г р е т х е н

Я падаю!
Соседка! Вашу склянку!
(Падает в обморок.)

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Горы Гарда близ деревень Ширке и Эленд.

Ф а у с т и М е ф и с т о ф е л ь.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты б не прельстился добрым метловищем?
А я бы прокатился на козле.
Нам далеко, и мы еще порыщем.

Ф а у с т

Покамест ноги носят по земле,
Еще я пешеход неутомимый.
Уменьшив путь, пропустим много мимо,
В самой прогулке радость ходоку.
Я для того пошел пешком по скалам
И в руки взял дорожную клюку,
Чтобы внимать лавинам и обвалам.
Уж дышит по-весеннему береза,
И даже веселее ель глядит.
Ужель весна тебя не молодит?

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, у меня в душе стоят морозы,
Но я люблю и стужу и буран.
К тому ж ущербный месяц сквозь туман
Льет тусклый свет с угрюмым видом скряги,

Ни зги не видно, и при каждом шаге —
Перед тобой, негадан и неждан,
Ствол дерева, и камни, и коряги.
Я у блуждающего огонька
Спрошу, как лучше нам пройти к вершине,
В горах нет лучшего проводника.
Вот сам он, кстати, легок на помине.
Не откажи, чем даром тратить пламя,
Нам посветить и вверх взобраться с нами,

Б л у ж д а ю щ и й о г о н е к

Не прекословлю никогда природе:
Я двигаться зигзагами привык,
Всегда с оглядкой, а не напрямик,

М е ф и с т о ф е л ь

Не подражай двуногому отродью,
Валяй во имя черта по прямой,
Иначе я задую пламень твой.

Б л у ж д а ю щ и й о г о н е к

Вы кто-то здесь из признанных владык,
Я подчиняюсь вам беспрекословно,
Но ведь сегодня тут ночной содом.
Неровный свет мой неповинен в том,
Что нам тут выпадает путь неровный.

Ф а у с т, М е ф и с т о ф е л ь и Б л у ж д а ю щ и й о г о н е к (поочередно)

Путь лежит по плоскогорью,
Нас встречает неизвестность.
Это край фантасмагорий,
Очарованная местность.
Глубже в горы, глубже в горы!

Чудеса! Деревья бора
Скачут в чехарде средь луга
Через головы друг друга.
Горы нагибают спины,
Чтоб перемахнуть вершины.

Мелких волн курчавая гребни,
Ручеек бежит по щебню,

Что мурлычет он ворчливо
День и ночь без перерыва?
Обвиненье ли в измене
Пенят бешено каменья?
Отзвук ли времен счастливых
Слышен в этих переливах?
И о том, что память прячет,
Эхо, вспоминая, плачет?

Переклички стай совиных
Отзываются в долинах.
Слышен, далью повторенный,
Хохот филина бессонный.
Месяц осветил тропинку,
Блещет ящерицы спинка.
По-гадючии, змей проворней,
Расползлись под нами корни,
А над нами, пальцы скрючив,
Виснет путаница сучьев.
Темный лес оплел дорогу
Щупальцами осьминога,
И кишмя кишит под мхами
Разномастными мышами.
А светящиеся мушки
Выются на его опушке
Кучами, несметным скопом,
Огненным калейдоскопом.

Но скажите мне по чести,
Не стоим ли мы на месте?
Может, все, что есть в природе,
Закружившись в хороводе,
Мчится, пролетая мимо,
Мы же сами недвижимы?

М е ф и с т о ф е л ь

Ухватись за мой камзол.
Видишь, в недрах гор взошел
Царь Маммон на свой престол.
Световой эффеkt усилен
Заревом его плавилен.

Ф а у с т

Как облик этих гор громаден!
Как он окутан до вершин
Ненастной тьмой глубоких впадин
И мглой лесистых котловин!
Как угольщики, черномазы
Скопившиеся в них пары,
Как будто это клубы газа
Из огнедышащей горы.
И правда, языком багряным
Бросаясь к облакам седым,
Здесь пламя борется с туманом
И пробивается сквозь дым.
Вон искры отлетают блесткой,
Вон в виде крупного зерна.
Но вот скала у перекрестка
Вся доверху озарена!

М е ф и с т о ф е л ь

Маммон залить не поскупился
Иллюминацией чертог.
Я рад, что ты сюда явился.
Уж начался гостей приток.

Ф а у с т

Скопленья шумного кортежа
Столкнут меня с тропы проезжей!

М е ф и с т о ф е л ь

Скорей за что-нибудь схватись,
А то сорвешься с кручи вниз.
На курганы лег туман,
Завывает ураган.
Гул и гомон карнавала
Распугал сычей и сов.
Ветер, главный запевала,
Не щадит красы лесов.
И расселины полны
Ворохами бурелома
И обломками сосны,
Как развалинами дома,
Сброшенного с крутизны.

И все ближе, ближе вой,
Улюлюканье и пенье
Страшного столпотворенья,
Мчащегося в отдаленье
На свой шабаш годовой.

В е д ь м ы
(хором)

На Брокен ведьмы тянут в ряд.
Овес взошел, ячмень не сжат.
Там Уриан, князь мракобесья,
Красуется у поднебесья.
По воздуху летит отряд,
Козлы и всадницы смердят.

Г о л о с

Старуха Баубо мчит к верхушке
Верхом на супоросой хрюшке.

Х о р

Колдунье и свинье почет.
Вперед за бабкою, вперед!
Всей кавалькадой верховых,
Чертовок, ведьм и лешачих!

Г о л о с

Откуда ты?

В т о р о й г о л о с

От Ильзенштейна,
Лесной тропою чаредейной.
К сове наведалась в дупло,
Та как надулась, и пошло!

Т р е т и й г о л о с

Освободи проезд, не мешкай!

В т о р о й г о л о с

Подумаешь, какая спелка!
Да не пыхти ты, не потей,
Я вся в следах твоих когтей.

В е д ь м ы
(хором)

Нельзя ли чуть порасторопней?
Так в давке сжали, что хоть лопни!
Не тыкай вилами в живот!
Задушите в утробе плод!

К о л д у н ы
П о л о в и н а х о р а

Ползут мужчины, как улитки,
А видите, как бабы прытки.
Где пахнет злом, там бабий род
Уходит на версту вперед.

Д р у г а я п о л о в и н а
Еще довольно это спорно.
Как ваша баба ни проворна,
Ее мужчина, хоть и хром,
Опередит одним прыжком.

Г о л о с
(сверху)

Пожалуйте к нам наверх с плеса!

Г о л о с
(снизу)

Сейчас взберемся на утесы.
Мы вымылись водой холодной,
Зато и дочиста бесплодны.

О б а х о р а

Стих ветер. Месяц со звездой
Пропал за облачной грядой.
Мы ж вихрем огненным летим,
И веселимся, и галдим.

Г о л о с
(снизу)

Стой! Стой!

Г о л о с
(сверху)

Что там за образина
Зовет меня со дна теснины?

Г о л о с
(снизу)

Мне хочется со всей гурьбой!
Прошу вас взять меня с собой.
За триста лет я еле-еле
Наружу выполз из ущелья.

О б а х о р а

Сядь на козла, садись на шест,
На вилах соверши свой въезд.
Но знай: ты попадешь туда
Сегодня или никогда.

П о л у в е д ь м а
(внизу)

С начала дня я семеню,
А их никак не догоню.
И дома маеста внизу,
И до хребта не доползу.

В е д ь м ы
(хором)

Втиранье ускоряет прыть,
Рвань может парусом служить,
Садись в корыто, и айда!
Сегодня или никогда.

О б а х о р а

Когда ж у ног увидим кряж,
Опустится весь поезд наш,
Рассядемся всем нашим роем,
Толпой своей хребет покроем.
(Садятся на землю.)

М е ф и с т о ф е л ь

Срамниц, страшилиц всяких, рож!
А крик какой, какой галдеж!
Поистине живой пример
Мегер и фурий без манер.
Мне руку в свалке протяни,—
Нас разлучат средь толкотни.
Где ты?

Ф а у с т
(издали)

Я здесь!

М е ф и с т о ф е л ь

Нашел едва.
Вступлю в хозяйствные права.
Эй, рвань, с дороги свороти
И дайте дьяволу пройти!
Давай-ка, доктор, вон из давки
И этой дикой тесноты
Переберемся под кусты
И мирно посидим на травке.

Ф а у с т

Нет, у тебя все парадоксы!
На Брокен совершить подъем,
Куда весь ад на шабаш стекся,
Чтоб тут сидеть особняком!

М е ф и с т о ф е л ь

Я враг таких больших компаний,
И мне милее у костра
Ночные толки на поляне.

Ф а у с т

А я б взошел на верх бугра.
Там весь ваш цвет в разгаре пьянства,
Все дьявольское атаманство.
И сатана у самых круч
Ко многим тайнам держит ключ.

М е ф и с т о ф е л ь

Там и загадок новый узел.
Нет, царедворцы не по мне,
Меня б их вид переконфузил.
Давай побудем в тишине.
Лишь в маленьком кружке интимном
Есть место тонкостям взаимным.
Здесь, видишь ли, полуутесно,
И это лучше полусвета.

На старых ведьмах домино,
Молоденькие же раздеть.
Будь с ними ради этикета
Любезен, так заведено.
Но, слышишь, — музыка давно.
Как им играть не опротивит,
Когда так зверски все фальшивят?
Но пусть в разброде струнный хор,
Составим пары для кадрили.
Что скажешь ты? Какой простор!
Кругом до самых дальних гор
Пылает за костром костер.
Ты видишь зрелище обилья,
Танцов, пьяниц и обжор.
Найди, где лучше бы кутили.

Ф а у с т

Ты выступишь как сатана
Или в обличье колдуна?

М е ф и с т о ф е л ь

Я б предпочел инкогнито огласке,
Но принято встречаться на пиру
При орденах, в открытую, без маски.
У нас не носят ордена Подвязки,
Мое копыто больше ко двору.
Мой знак отличья оползла улитка,
Ей и тебя пронюхать удалось.
Таиться здесь — бесплодная попытка,
Здесь сразу видят каждого насквозь.
Пройдемся вдоль костров по этим скатам.
Ты будешь женихом, я буду сватом.

(К группе старичков вокруг полупотухшего костра.)
Что вы засели здесь в тени ракит?
Поближе к поколению молодому!
Там в середине спор вовсю кипит,
Отмалчиваться можно ведь и дома.

Г е н е р а л

Стоишь за честь и гордость наций,
Как вдруг на них находит стих:
Народы вероломней граций
И любят только молодых,

М и н и с т р

Все изолгались, вот в чем горе.
Былой уклад невозвратим.
Покамест были мы в фаворе,
Век был взаправду золотым.

Р а з б о г а т е в ш и й д е л е ц

И мы ловить умели случай,
И мы хватали через край,
Вдруг все закрылось черной тучей,
И славные деньки прощай.

П и с а т е л ь

К чему писать большие книги,
Когда их некому читать?
Теперешние прощелыги
Умеют только отрицать.

М е ф и с т о ф е л ь

(вдруг на вид страшно состарившись)

Не день ли скоро Страшного суда?
Как погляжу на этих я каналий,
Вся бочка вытекла, на дне бурда,
Невольно мысль приходит о финале.

В е д ь м а - с т а р ь е в щ и ц а

Эй, судари, а ну-ка к нам!
Сговорчивее нет торговки.
Таким приличным господам
Свой хлам продам я по дешевке.
Ни на каких торгах земли
Добра такого не найдете.
Все то, что тут лежит в пыли,
Обломки эти и лохмотья
Несчастье людям принесли.
Здесь все клинки от крови ржавы,
На рюмках — отпечатки губ
С остатками былой отравы,
Колечком каждым душегуб
Надругивался над невинной,
Здесь нет ни одного ножа,
Который не вонзили в спину
Из мести или грабежа.

М е ф и с т о ф е л ь

Ну что ты вынесла на рынок?
Ведь это заваль, старина!
Нет у тебя, кума, новинок?
Теперь иные времена.

Ф а у с т

И публика, и самый торг,
И ярмарка — один восторг!

М е ф и с т о ф е л ь

К вершине двинулся поток..
Пихаешь в бок, сбивают с ног.

Ф а у с т

Кто там?

М е ф и с т о ф е л ь

Лилит.

Ф а у с т

На мой вопрос,
Пожалуйста, ответь мне прямо.
Кто?

М е ф и с т о ф е л ь

Первая жена Адама.
Весь туалет ее из кос.
Остерегись ее волос:
Она не одного подростка
Сгубила этою прической.

Ф а у с т

Вон две сидят. Я — к молодой,
А ты ступай к другой, седой.

М е ф и с т о ф е л ь

Представимся сейчас же им
И танцевать их пригласим.

Ф а у с т

(танцуя с молодою)

Я видел яблоню во сне.
На ветке полюбились мне
Два спелых яблока в соку.
Я влез за ними по суху.

Красавица

Вам Ева-мать внущила страсть
Рвать яблоки в садах и красть.
По эту сторону плетня
Есть яблоки и у меня.

Мефистофель (танцуя со старухою)

Я видел любопытный сон:
Ствол дерева был раещеплен.
Такою складкой шла кора,
Что мне понравилась дыра.

Старуха

Любезник с конскою ногой,
Вы — волокита продувной.
Готовьте подходящий кол,
Чтоб залечить дуплистый ствол.

ПроктоФантасмист (Задопровидец)

Проклятая, безмозглая орда!
Доказано как будто всесторонне:
У духов нет конечностей. Тогда
Как можете ходить вы в котильоне?

Красавица (танцуя)

Что взъелся он на наш невинный бал?

Фауст (танцуя)

Завистник и дурак, вот и пристал.
Он просто глуп, как дважды два четыре,
И все не по нутру ему, придире.
Лишь в пересудах он находит вкус,
И сам как бы ходячий комментарий.
К делам, к словам, к вециам, ко всякой твари,
К тому, что с вами в паре я кружуясь.

ПроктоФантасмист

Вы тут еще? Ведь я сказал вам: сгиньте!
В наш просвещенный век я слишком тих,
В природе нет кикимор и шишиг!
Что ж вы толчетесь в этом лабиринте
И в Тегеле на чердаках моих
Обосновались в виде домовых?

Красавица

Как терпят скучных приставал таких!

ПроктоФантасмист

Я, духи, это вам в лицо скажу:
Сегодня я не одержал победы,
Но я еще раз как-нибудь приеду
И уж тогда конец вам положу!

Танцы продолжаются.

Не пощажу ни сил своих, ни дней,
Чтоб извести поэтов и чертей.

Мефистофель

Сейчас он в лужу сядет для поправки.
Он гнев смиряет, охлаждая зад.
Поставленные к копчику пиявки
От вида духов дух его делят.
(*Фаусту, переставшему танцевать.*)
Что ж даму упустил ты в заключенье
И почему упорно так молчишь?

Фауст

Ах, изо рта у ней во время пенья
Вдруг выпрыгнула розовая мышь,

Мефистофель

Ну что ж, не каждое ведь лыко в строку.
Благодари, что мышка не сера,
И не горой об этом так глубоко!

Ф а у с т

Затем...

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, что ж?

Ф а у с т

Взгляни на край бугра

Мефисто, видишь, там у края
Тень одинокая такая?
Она по воздуху скользит,
Земли ногой не задевая.
У девушки несчастный вид
И, как у Гретхен, облик кроткий,
А на ногах ее — колодки.

М е ф и с т о ф е л ь

Зачем смотреть на тот курган?
Ведь это призрак, истукан
Из тех видений и иллюзий,
Вблизи которых стынет кровь.
Пожалуйста, не прекословь.
Небось ты слышал о Медузе?

Ф а у с т

Покойница, которой глаз
Рука родная не закрыла!
Да, это тело Гретхен милой,
Которая мне отдалась!

М е ф и с т о ф е л ь

Тут колдовской обычный трюк:
Все видят в ней своих подруг.

Ф а у с т

Как ты бела, как ты бледна,
Моя краса, моя вина!
И красная черта на шейке,
Как будто бы по полотну
Отбили ниткой по липейке
Кайму, в секиры ширину.

М е ф и с т о ф е л ь

Ей голову срубил Персей.
Она снимается, как крышка.
Для обезглавленной ловчей
Брать иногда ее под мышку.
Зачем ты растравляешь боль?
Смотри, как шумно на поляне,
Как в Пратере во дни гулянья.
Театр приехал на гастроль.
Повеселить тебя позволь.
Что тут дают?

S e r v i b i l i s (П о д л и з а)

Сейчас начнут премьеру
Седьмую, между прочим, за сезон.
Театр привержен к новостям без меры.
Однако перейдемте в павильон.
Идет любительское обозренье
В любительском к тому же исполненье.
Я тоже труд любителей делю:
Я поднимать им занавес люблю.
Поэтому я должен удалиться.

М е ф и с т о ф е л ь

На Брокене и место этой птице.

СОН В ВАЛЬПУРГИЕВУ НОЧЬ,
ИЛИ ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА ОБЕРОНА И ТИТАНИИ

ИНТЕРМЕДИЯ

Директор театра

Мы сегодня отдохнем,
Мидинга потомки!
Сценой будет все кругом —
Горы, скал обломки.

Герольд

Золотая свадьба — плод
Полстолетья в браке,
Но и так за годом год
Надо жить без драки.

Оберон

Духи, духи, вот пароль
Нашего союза:
«Королева и король
Обновляют узы».

Пук

С Пуком — кобольдов толпа,
Маленькие дети,
Но выделяют па
Лучше, чем в балете.

Ариэль

Я поднес свирель ко рту.
Звуков благородство
Покоряет красоту
И смирит уродство.

Оберон

Расторгайте, Гименей,
Временами, семьи,
Чтобы жить еще тесней
Остальное время.

Титания

Если в браке двое злюк,
Надо в час досужий
Отослать жену на юг
И на север мужа.

Оркестр тутти (*fortissimo*)

Комары, и мошкара,
И сверчки-горланы,
Баритоны, тенора —
Наши меломаны.

Соло

За горой, надув пузырь,
Заиграл волынщик,
Здешних сборищ богатырь,
Глупостей зачинщик.

Несложившийся дух

Я из гадов двух гибридов
В синтезе каком-то
На живую нитку сшит,
Как строфа экспромта.

Парочка

Радостно вдвоем плестись
По лугам вприпрыжку,
Но ведь ты без крыльев ввысь
Не взлетишь, трусишка.

Любопытный путешественник

Это правда или сон?
Я глазам не верю.
Знаменитый Оберон
Предо мной у двери.

Ортодокс

Оберон хоть без рогов,
Все же черт в итоге,
Как и все в конце концов
Греческие боги.

Северный художник

Я набрасываю суть
Красками скромными,
Но и я когда-нибудь
Побываю в Риме.

Пурист

Ведьм хотя и весел круг,
Но не целомудрен.
Только, например, у двух
Нос едва припудрен.

Молодая ведьма

Пудру на лицо и лиф
Надо престарелым,
Я ж красуюсь, все раскрыв,
Обнаженным телом.

Матрона

Мы б вели напрасно спор
О вопросах плоти.
Вы ж, голубка, до тех пор
Заживо сгниете.

Капельмейстер

Мушки к голенькой летят
И не смотрят в ноты.
Только все пошло на лад,
Сбились все со счета.

Ф лю г е р
(поворачиваясь в одну сторону)

Сливки общества, верхи,
Только званым место.
Избранные женихи,
Лучшие невесты!

(Поворачиваясь в другую сторону.)
Провались в тартарары
Проходимцы-гости.
А не то я сам с горы
Провалюсь со злости!

К с е н и и

Лязгом ножниц на ремне
Дайте насекомым
Туш исполнить сатане
И его знакомым.

Г е н и н г с

Надрываются сверчки
Так, что вянут уши,
И считают, чудаки,
Что у них есть души.

М у з а г е т

Я пришел на юбилей
И застрял до часу.
Ведьмы севера милей
Девственниц Парнаса.

Б ы в ш и й г е н и й с в о е г о в р е м е н и

И у немцев есть ступень
Высшего пареня.
Это брокенская сень
На заре весенней.

Л ю б о п ы т н ы й п у т е ш е с т в е н н и к

Что так злится, не пойму,
Господин сердитый?
Видно, чудятся ему
Здесь иезуиты.

Ж у р а в л ь

Кто так чист душою всей,
Тот не загрязнится,
Ловлей рыбы у чертей
Замутив водицу.

С в е т с к и й ч е л о в е к

Чем фальшивей пустосвят,
Тем с ним спор бесцельней:
Даже брокенский разврат
Для него молельня.

Т а н ц о р

Не литавры ль вдалеке,
Словно гром, грохочут?
Это цапли в тростнике
В унисон гогочут.

Т а н ц м е й с т е р

Гляньте на коротыша
И кувалду эту!
А туда же антраша,
Па и пируэты!

С к р и п а ч

Если бы волынщик смолк,
Каждый этой ночью
Здесь друг друга бы, как волк,
Разорвал на клочья.

Д о г м а т и к

Нет, критикой меня не сбить.
Раз черт есть вид объекта,
То, значит, надо допустить,
Что он и сам есть некто.

И д е а л и с т

Я — содержанье бытия
И всех вещей начало.
Но если этот шабаш — я,
То лестного тут мало.

Р е а л и с т

Реальность жизни — мой кумир.
Что может быть бесспорней?
Сегодня, впрочем, внешний мир
Мне неприемлем в корне.

С у п е р н а т у р а л и с т

Я здесь не просто ротозей:
О выводах заботясь,
До ангелов я от чертей
Дойду путем гипотез.

С к е п т и к

Забыли, так попутал черт,
Где зад у них, где перед.
Нет, только тот во взглядах тверд,
Кто ничему не верит.

К а п е л ь м е й с т е р

Комары и мошкара,
Захотели взбучки?
Вправду ли вы мастера
Или недоучки?

Л о в к а ч и

Услужаем второпях
Нашим мы и вашим.
Можно — пляшем на ногах,
Вверх ногами пляшем.

Н е д а л е к и е

Наши лучшие деньки
Закатились к черту.
Износились башмаки,
И штаны протерты.

Б л у ж д а ю щ и е о г о н ь к и

На болотах дух несвеж.
Вас поздравить не с чем.
Даже мы средь вас, невеж,
Воспитаньем блещем,

Падающая звезда

Я лежу от вас на пядь
На навозной куче.
Не поможете ли встать
Вы звезде падучей?

Толстяки

Эй, посторонись, плотва,
Мелюзга, младенцы!
Выступают существа
Плотных корпulenций.

Пук

Толстокожие, как слон,
Лежебоки, сидни!
Пук, причудливый, как сон,
Нынче всех солидней.

Ариэль

Все, кто с крыльями, за мной!
Воздух тих и влажен.
Холм за просекой лесной
Розами усажен.

Оркестр (*pianissimo*)

Прояснился небосклон,
Тени отступили,
Мгла рассеялась, как сон,
Разлетелась пылью.

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Одна, в несчастье, в отчаянье! Долго нищенствовала — и теперь в тюрьме. Под замком, как преступница, осужденная на муки,— она, несравненная, непорочная! Вот до чего дошло! И ты допустил, ты скрыл это от меня, ничтожество, предатель! Можешь торжествовать теперь, бесстыжий, и в

дикой злобе вращать своими дьявольскими бельмами! Стой и мозоль мне глаза своим постылым присутствием! Под страшней! В непоправимом горе! Отдана на расправу духам зла и бездушию человеческого правосудия! А ты тем временем увеселял меня своими сальностями и скрывал ужас ее положения, чтобы она погибла без помощи.

М е ф и с т о ф е л ь

Она не первая.

Ф а у с т

Стыдись, чудовище! Бездесущий дух, услышь меня! Верни это страшилище в его прежнюю собачью оболочку, в которой он бегал, бывало, передо мною ночами, сбивая с ног встречных и кладя им лапы на плечи. Возврати ему его излюбленный вид, чтобы он ползал передо мною на брюхе и я топтал его, презренного, ногами! Не первая! Слышишь ли ты, что говоришь? Человек не мог бы произнести ничего подобного! Точно мне легче от того, что она не первая, что смертных мук прежних страдалиц было недостаточно, чтобы искупить грехи всех будущих! Меня убивают страдания этой единственной, а его успокаивает, что это участь тысяч.

М е ф и с т о ф е л ь

Ну вот опять мы полезли на стену, ну вот мы снова у точки, где кончается человеческое разумение! Зачем водиться с нами, если мы так плохи? Хочет носиться по воздуху — и боится головокружения! Кто к кому привязался — мы к тебе или ты к нам?

Ф а у с т

Не скалься так плотоядно! Мне тошно! Неизъяснимо великий дух, однажды явившийся мне, ты знаешь сердце мое и душу, зачем приковал ты меня к этому бесстыднику, который радуется злу и любуется чужой гибелью?

М е ф и с т о ф е л ь

Ты кончил?

Ф а у с т

Спаси ее или берегись! Страшнейшее проклятье на голову твою на тысячи лет!

М е ф и с т о ф е л ь

Я не могу разбить ее оков, не могу взломать двери ее темницы! «Спаси ее!» Кто погубил ее, я или ты?

Фауст дико смотрит по сторонам.

Ты тянешься за молниями, громовержец? Счастье, что они не даны тебе, смертному! Уничтожить несогласного — какой простой выход из затруднения!

Ф а у с т

Доставь меня к ней! Она должна выйти на волю!

М е ф и с т о ф е л ь

А опасность, которой ты себя подвергаешь? Отчего мы бежали? В городе свежа еще память о пролитой тобою крови. Над местом убийства реют духи мщенья, подстерегающие возврат убийцы.

Ф а у с т

Что еще ты мне скажешь? Пусть обрушится на тебя вселенная, чудовище! Перенеси меня к ней, сказано тебе, и освободи ее!

М е ф и с т о ф е л ь

Ну вот что. Я доставлю тебя туда. Но ведь не все на земле и небе в моих силах! Вот что я смогу сделать. Я усыплю смотрителя. Завладей ключами и выведи ее из темницы своими силами. Я буду стеречь снаружи, волшебные кони будут со мною, я умчу вас подальше. Это в моей власти.

Ф а у с т

В путь немедля!

НОЧЬ В ПОЛЕ

Ф а у с т и М е ф и с т о ф е л ь проносятся на вороных конях.

Ф а у с т

Зачем они к лобному месту летят?

М е ф и с т о ф е л ь

Не знаю, что с ними со всеми.

Ф а у с т

И мечутся стаей вперед и назад.

М е ф и с т о ф е л ь

Такое уж ведьмино племя.

Ф а у с т

Кадят перед плахой, кропят əшафот.

М е ф и с т о ф е л ь

Вперед без оглядки! Вперед!

ТЮРЬМА

Ф а у с т со связкой ключей перед железной двердей.

Ф а у с т

Сжимается от боли сердце,
Грудь скорбью мира стеснена.
За əтою железной двердей,
Ни в чем не винная, она.
Ты медлишь, ты войти не смеешь,
С ней встретиться лицом к лицу?
Живей! Пока ты цепенеешь,
Ты близишь жизнь ее к концу!

(Берется за замок.)

Г о л о с в н у т р и

Чтоб вольнее гулять,
Извела меня мать,
И отец-людоед
Обгладал мой скелет,
И меня у бугра
Закопала сестра
Головою к ключу.
Я вспорхнула весной
Серой птичкой лесной
И лечу.

Ф а у с т
(отворяя дверь)

Ей невдомек, что я сломал засов
И слышу песнь ее и шум шагов.

(Входит в камеру.)

М а р г а р и т а
(прячась на подстилке)

Идут за мною! Скоро под топор!

Ф а у с т
(вполголоса)

Молчи, мы увезем тебя и спрячем.

М а р г а р и т а
(у него в ногах)

Будь милостив! Смягчи свой приговор!

Ф а у с т

Ты спящих сторожей разбудишь плачем.
(Старается разбить ее цепи.)

М а р г а р и т а
(на коленях)

Кто дал тебе, мучитель мой,
Власть надо мною, бесталанной?
Дай до утра дожить! Постой!
Казнь завтра ведь! Что ж ты так рано
За мной врываешься сюда?

(Встает.)

Я молода, я молода
И умираю так нежданно!
То был моей красы расцвет,
Она меня и погубила.
Со мной был милый, ныне нет.
Опал венок, увял букет.
Не жми меня с такою силой,
А лучше б от могилы спас!
Я зла тебе не причинила,
Тебя я вижу в первый раз.

Ф а у с т

Как эту боль мне превозмочь?

М а р г а р и т а

Сейчас пойду, лишь миг отсрочь!
Я б грудью покормила дочь.
Мне дали ночь проплакать с нею,
А утром отняли, злодеи,

И говорят — мои дела,
Сама-де в лес ее снесла,
Как в сказке есть про двух малюток.
Я вся дрожу от этих шуток
И оттого невесела.

Ф а у с т
(на коленях перед нею)

Твой милый рядом и мгновенно
Освободит тебя из плена.

М а р г а р и т а
(падая рядом с ним на колени)

Скорей вдвоем
На колени станем
И к небу взовем
Пред святым извяяньем!
Смотри, под стенами
Этой темницы
Всеми огнями
Ад дымится,
И смеха раскаты
Его, супостата!

Ф а у с т
(громко)

Гретхен! Гретхен!

М а р г а р и т а
(прислушиваясь)

То голос друга, как когда-то!
Спасенье! Наше место свято!
(Вскакивает. Цепи падают.)
Не страшно ничего ничуть!
Ушам поверить я не смею,
Где он? Скорей к нему на шею!
Скорей, скорей к нему на грудь!
Сквозь мрак темницы неутешный,
Сквозь пламя адской тьмы кромешной,
И улюлюканье, и вой
Он крикнул «Гретхен!», милый мой!

Ф а у с т

Я тут!

М а р г а р и т а

Ты тут? О, повтори!

(Обнимая его.)

Он тут! Он тут! Он все исправит!

Где ужас завтрашней зари?

Где смерть? Меня не обезглавят!

Я спасена!

Я в мыслях у того угла,

Где встретила тебя впервые.

Вот сад и деревца кривые,

Где с Мартой я тебя ждала.

Ф а у с т

(с поспешностью)

Идем! Идем!

М а р г а р и т а

Давай в покое

Побуду миг один с тобою!

(Прижимается к нему.)

Ф а у с т

Спеши!

Кругом ни души.

Мы дорого заплатим

За то, что время тратим.

М а р г а р и т а

Разлуки срок был невелик,

А ты от ласк совсем отвык

И холоден к моим объятьям!

Что мне с тобой такая жуть?

Ты разучился целоваться!

Бывало, станем обниматься,

И страшно,— разорвется грудь,

И вдруг — какой-то холод, муть!

Целуй меня! Ах, ты так вял,

Тебя сама я поцелую!

(Обнимает его.)

Какой ты равнодушный стал!
Где растерял ты страсть былую?
Ты мой был. Кто тебя украл?
(Отворачивается от него.)

Ф а у с т

Мой друг, теперь одно: в дорогу!
Во имя наших жарких нег
Решись скорее на побег!
Скорей со мною из острога!

М а р г а р и т а
(поворачивается к нему)

Но это правда ты? Ей-богу?

Ф а у с т

Да, да!

М а р г а р и т а

И ты взломал засов
И подошел к моей постели?
Тебе не страшно в подземелье
С такой, как я? И неужели
Ты выпустить меня готов?

Ф а у с т

Спеши! Уж начало светать.

М а р г а р и т а

Усыпила я до смерти мать,
Дочь свою утопила в пруду.
Бог думал ее нам на счастье дать,
А дал нам на беду.
Ты здесь? И это не во сне?
Все время я в бреду.
Ты не ушел? Дай руку мне.
О милая рука!
Но в чем она? Ах, узнаю.
Она в крови слегка.
Вину твою мы скрыть должны,
Ах, шпагу убери свою,
Вложи ее в ножны.

Ф а у с т

Что было — поросло быльем.
Спеши! Мы пропадем.

М а р г а р и т а

Останься в живых, желанный,
Из всех нас только ты
И соблюдай сохранно
Могильные цветы.
Ты выкопай лопатой
Три ямы на склоне дня:
Для матери, для брата
И третью для меня.
Мою копай сторонкой,
Невдалеке клади
И приложи ребенка
Тесней к моей груди.
Я с дочкою глубоко
Засну, прижавшись к ней,
Жаль, не с тобою сбоку,
С отрадою моей!
Но все теперь иначе.
Хоть то же все на вид,
Мне нет с тобой удачи,
И холод твой страшит.

Ф а у с т

Идем! Доверься, не тяни!

М а р г а р и т а

На волю?

Ф а у с т

Вон из западни!

М а р г а р и т а

Там смерть моя настороже
Стоит средь поля на меже.
Там спать без просыпу я лягу
И больше не ступлю ни шагу.
Но как же, Генрих? Ты — домой,
Мой свет?
О, если бы мне за тобой
Вослед!

Ф а у с т

Дверь настежь! Только захоти!

М а р г а р и т а

Нельзя и некуда идти,
Да если даже уйти от стражи,
Что хуже участи бродяжьей?
С сумою по чужим одной
Шататься с совестью больной,
Всегда с оглядкой, нет ли сзади
Врагов и сыщиков в засаде!

Ф а у с т

Тогда я остаюсь с тобой.

М а р г а р и т а

Скорей! Скорей!
Спаси свою бедную дочь!
Прочь,
Вдоль по обочине рощ,
Через ручей, и оттуда
Влево с гнилого мостка,
К месту, где из пруда
Высунулась доска.
Дрожащего ребенка
Когда всплынет голова,
Хватай скорей за ручонку.
Она жива, жива!

Ф а у с т

Опомнись! Только лишь шаг,
И прочь неволя и страх!
Но каждый миг нам дорог.

М а р г а р и т а

О, только б пройти пригород!
На камушке том моя мать
(Мороз подирает по коже!),
На камушке том моя мать
Сидит у придорожья.
Она кивает головой,
Болтающейся, неживой,
Тяжелою от сна.
Ей никогда не встать. Она

Старательно усыпена
Для нашего веселья.
Тогда у нас была весна.
Где вы теперь, те времена?
Куда вы улетели?

Ф а у с т

Раз не добром,— тебя, мой ангел милый,
Придется унести отсюда силой.

М а р г а р и т а

Нет, принужденья я не потерплю.
Не стискивай меня ты так ужасно!
Я чересчур была всегда безгласна.

Ф а у с т

Уж брезжит день. Любимая, молю!

М а р г а р и т а

Да, это день. День смерти наступил.
Я думала, что будет он днем свадьбы.
О, если бы все это раньше знать бы!
Не говори, что ты у Гретхен был.

Цветы с моей косынки
Сорвут, и, хоть плясать
Нельзя на вечеринке,
Мы свидимся опять.

На улице толпа и гомон,
И площади их не вместить.
Вот стали в колокол звонить,
И вот уж жезл судейский сломан.
Мне крутят руки на спине
И тащат силою на плаху.
Все содрогаются от страха
И ждут, со мною наравне,
Мне предназначенного взмаха
В последней, смертной тишине!

Ф а у с т

Зачем я дожил до такой печали!

М е ф и с т о ф е л ь
(в дверях)

Бегите, или вы пропали.
Все эти пререканья невпопад!

Уж светится полоска небосклона,
И кони вороные под попоной
Озябли, застоялись и дрожат.

М а р г а р и т а

Кто это вырос там из-под земли?
Он за моей душой пришел, презренный!
Но стены божьего суда священны!
Скорее прочь уйти ему вели!

Ф а у с т

Ты будешь жить! Живи! Ты жить должна!

М а р г а р и т а

Я покоряюсь божьему суду.

М е ф и с т о ф е л ь

Иди за мною, или я уйду.
Мое ведь дело, знаешь, сторона.

М а р г а р и т а

Спаси меня, отец мой в вышине!
Вы, ангелы, вокруг меня, забытой,
Святой стеной мне станьте на защиту!
Ты, Генрих, страх внушаешь мне.

М е ф и с т о ф е л ь

Она

Осуждена на муки!

Г о л о с с в y ш e

Спасена!

М е ф и с т о ф е л ь
(*Фаусту*)

Скорей за мною!

(*Исчезает с Фаустом.*)

Г о л о с М а р г а р и ты
(из тюрьмы, замирая)

Генрих! Генрих!

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

АКТ ПЕРВЫЙ

КРАСИВАЯ МЕСТНОСТЬ

Фауст лежит на цветущем лугу. Он утомлен, неспокоен и старается уснуть. Сумерки. В воздухе порхает хоровод маленьких прелестных духов.

Ариэль
(пение под аккомпанемент золовых арф)

Только первый дождь цветочный
Отягчит весенний сад
И луга травою сочной,
Зеленея, заблестят,
Эльфов маленьких участье
Всем в беде уделено,
По заслугам ли несчастье,
Или без вины оно.

Паря над спящим чередой воздушной,
Уймите, как всегда великодушно,
Его души страдающей разлад.
Рассейте ужас, сердцем не изжитый,
Смягчите угрызений жгучий яд.
Ночь на четыре четверти разбита,
Употребите с пользой все подряд.
Расположив его на мягком дерне,
Росой забвенья сбрызните чело.
Пускай разляжется он попросторней
И отдохнет, пока не рассвело.
Не пожалейте сил, чтоб душу эту
Вернуть окрепшему святому свету.

Х о р
*(пение поодиночке, попарно и в других
сочетаниях)*

Тишина благоуханна,
Убывает духота.
Затуманились поляны,
Наступает темнота.
Спойте песенку, как детям,
Треволненья прочь гоня,
И глазам усталым этим
Затворите двери дня.

Ночь пришла и разместила
Бережно звезду к звезде.
Ярко искрятся светила
В темном небе и воде,
На поверхности озерной,
В черной горной вышине,
И печатью миротворной
Блещет месяц на волне.

Отошли часы мытарства,
И веселья час забыт.
Время — лучшее лекарство,
Верь тому, что предстоит.
Пред тобою край лесистый,
Горный благодатный край,
Волны нивы серебристой
Обещают урожай.

Наберись желаний новых,
Встретив солнечный восход.
Сон держал тебя в оковах,
Сбрось с себя его налет.
Подражать другим не надо
И бояться неудач:
Побеждает все преграды,
Кто понятлив и горяч.

Страшный шум свидетельствует о приближении солнца.

А р и э ль

Слышите, грохочут Оры!
Только духам слышать впору,

Как гремят ворот затворы
Пред новорожденным днем.
Феба четверня рванула,
Свет приносит столько гула!
Уши оглушает гром,
Слепнет глаз, дрожат ресницы.
Шумно катит колесница,
Смертным шум тот незнаком.
Бойтесь этих звуков. Бойтесь,
Не застали б вас врасплох.
Чтобы не оглохнуть, скройтесь
Внутрь цветов, под камни, в мх.

Ф а у с т

Опять встречаю свежих сил приливом
Наставший день, плывущий из тумана.
И в эту ночь, земля, ты вечным дивом
У ног моих дышала первозданно.
Ты пробудила вновь во мне желанье
Тянуться вдаль мечтою неустанной
В стремленье к высшему существованью,
Объятый мглою мир готов раскрыться,
Чуть обозначившись зарею ранней.
В лесу на все лады щебечут птицы,
Синеют прояснившиеся дали,
Овраг блестящей влагою дымится,
И сонная листва на перевале
Горит, росинками переливая,
Покамест капли наземь не упали.
Все превращается в сиянье рая.

А там, в горах, седые великаны
Уже румянцем вспыхнули по краю.
Они встречают день завидно рано,
А к нам он приближается позднее.
Вот луч сбежал на горные поляны,
Вот он спустился ниже, пламенея,
Вот снизился еще одной ступенью,
Вот солнце показалось! Я не смею
Поднять глаза из страха ослепленья.
Так обстоит с желаньями. Недели
Мы день за днем горим от нетерпенья
И вдруг стоим, опешивши, у цели,

Несоразмерной с нашими мечтами.
Мы светоч жизни засветить хотели,
Внезапно море пламени пред нами!
Что это? Жар любви? Жар неприязни?
Нас может уничтожить это пламя.
И вот мы опускаем взор с боязнью
К земле, туманной в девственном наряде,
Где краски смягчены разнообразней.

Нет, солнце, ты милей, когда ты — сзади.
Передо мной сверканье водопада.
Я восхищен, на это чудо глядя.
Вода шумит, скака через преграды,
Рождая гул и брызгов дождь ответный,
И яркой радуге окрестность рада,
Которая игрою семицветной
Изменчивость возводит в постоянство,
То выступая слабо, то заметно,
И обдает прохладою пространство.
В ней — наше зеркало. Смотри, как схожи
Душевный мир и радуги убранство!
Та радуга и жизнь — одно и то же.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

Тронная зала. Государственный совет в ожидании императора. Трубы. Входят придворные всякого рода, великолепно одетые. Император восходит на трон, справа от него становится астролог.

И м п е р а т о р

Привет вам всем. Вы в полном собре
Из дальних мест сошлись у трона.
Мудрец уж занял пост исконный,
Но нет шута, на наше горе.

Д в о р я н с к и й с ъ и н

Он нес ваш шлейф, и вдруг, бедняжка,
На лестнице упал врастяжку.
Гуляку вынесли. Пузан
Кондрашкой хвачен или пьян.

Д р у г о й д в о р я н с к и й с ъ и н

Но старому шуту мгновенно
Преемник вызвался на смену.

Парядом — щеголь, но урод
Такой, что оторопь берет.
Пред ним у цели вожделенной
Скрестил секиры караул,
Да вот он: мимо прошмыгнул.

М е ф и с т о ф е л ь
(на коленях перед троном)

Что ненавистно и желанно?
Что нужно и не нужно нам?
Что изгнано и под охраной?
Что и сокровище и хлам?
Пред кем в душе дрожат вельможи
И кем пренебрегают вслух?
Кто жмется к твоему подножью
Верней и ниже всяких слуг?

И м п е р а т о р

Здесь в ребусах нет недостатка,
Ты лучше дай нам их разгадку,
Ко мне стеклась вся эта знать
Одни загадки задавать.
Скончался шут мой приближенный.
Смени покойного у трона.

Мефистофель всходит по ступеням трона и становится слева.

Р о п о т т о л п ы

Бот новый шут — нам всем капут —
Болтлив и смел — на шею сел.
Тот был как чан — пропал пузан,—
А этот — жердь и тощ, как смерть.

И м п е р а т о р

Вы в добрый час сошлись у трона,
Могу порадовать собранье:
К нам звезды неба благосклонны
И нам суют преуспеянье.
Но точно ль совещаться надо
И портить скучой и досадой
Приготовленья к маскараду?
Вот этого я не пойму.

Но раз вы заседать решили,
Я неохоту пересилю
И слушаюсь. Быть по сему.

Кандлер

Наисиянейшая добродетель
Венчает императора. Лишь он,
Верховной справедливости владетель,
Осуществляет право и закон.
Лишь он творит на свете правосудье,
Которого так ждут и молят люди.
Увы, все это попусту! К чему
Душе беззлобье, широта уму,
Руке готовность действовать и воля,
Когда в горячке зла и своеволья
Больное царство мечется в бреду
И порождает за бедой беду?
Лишь выглянь из дворцового окна,
Тяжелым сном представится страна.
Все, что ты сможешь в ней окинуть оком,
Находится в падении глубоком,
Предавшись беззаконьям и порокам.
Тот скот угнал, тот спит с чужой женой,
Из церкви утварь тащат святотатцы,
Преступники возмездья не боятся
И даже хваствают своей виной.
В суде стоят истцы, дрожа.
Судья сидит на возвышенье,
А рядом волны мятежа
Растут и сеют разрушенье.
Но там, где все горды развратом,
Понятия перемешав,
Там правый будет виноватым,
А виноватый будет прав.
Не стало ничего святого.
Все разбрелись и тянут врозь.
Расшатываются основы,
Которыми все создалось.
И честный человек слабеет,
Так все кругом развращено.
Когда судья карать не смеет,
С преступником он заодно.

(После некоторого молчания.)

Я дело мрачно описал,
Но ведь еще мрачней развал.
Когда, враждяя меж собою,
Все ищут, на кого б напасть,
Должна добычею разбоя
Стать императорская власть.

Начальник военных сил

Не стало мирного приюта,
Везде усобицы и смуты,
Нужна жестокая борьба,
А власть верховная слаба.
Мецдане в городской ограде
И рыцарь в крепости средь гор
Отсиживаются в засаде,
Оказывая нам отпор.
Нетерпелив солдат наемный
И требует уплаты в срок.
Не будь за нами долг огромный,
Все б разбежались наутек.
Но берегись дразнить наймита.
Не тронь осиного гнезда!
Они разграбят города,
Им отданые под защиту.
Во многих землях бунт в разгаре,
А где не буйствуют низы,
Не замечают государи
Над ними виснущей грозы.

Казначей

Пришел конец союзным взносам.
И денег никаким насосом
Теперь в казну не накачать.
Иссяк приток подушных сборов,
У нас что город, то и норов,
И своевольничает знать.
Теперь в любом владенье княжьем
Хозяйничает новый род.
Властителям мы рук не свяжем,
Другим раздавши столько льгот.
Из партий, как бы их ни звали,
Опоры мы не создадим.

Нам так же чужды их печали,
Как мы и наши нужды им.
Кому теперь какое дело,
Ты гвельф или ты гибеллин?
Своя рубашка ближе к телу,
Все за себя, всяк господин.
У всех желанье стать богаче,
На всех дверях замок висячий,
Но пусто в нашем сундуке.

Смотритель двора
И я в таком же тупике.
Пусть экономией мы бредим,
Мы прямо к разорению едем.
Не знают меры повара.
Олени, зайцы, гуси, куры,
Поставки свежею натурой
Не убывают для двора.
Зато вина, к несчастью, мало.
Где в прежние годы, бывало,
Переполняли нам подвалы
Его отборные сорта,
Теперь не то что мелководье,
А нет вина совсем в заводе,
Все выпили их благородья,
И вот — ни капли, пустота.
Пускай откроет магистрат
Свой погреб нашей пьющей знати.
Пусть напиваются и, кстати,
В управе под столами спят.
Пред всеми я один в ответе.
А я ростовщику-жиду
Так много задолжал в году,
Что по своей бюджетной смете
Концов с концами не сведу.
От недокорму чахнут свиньи.
Хозяйство все по швам трещит.
Спим на заложенной перине
И даже хлеб едим в кредит,

Император
(после некоторого раздумья)

А у тебя нет жалоб, шут?

М е ф и с т о ф е л ь

А место ли сомненьям тут?
Какие жалобы возможны
Средь этой пышности надежной,
Когда держава так прочна,
Когда твои войска готовы
Разбить любые вражьи ковы,
Когда усердия полна
Трудолюбивая страна?
Средь неба ясного такого
Какая буря нам страшна?

Р о п о т т о л п ы

Без мыла лезет, егоза.
Умеет пыль пускать в глаза.
А врать-то, врать-то как горазд!
Я знаю, он проект подаст.

М е ф и с т о ф е л ь

У каждого — своя беда.
Здесь денег нет, и в них нужда.
Их с полу не поднять, мы знаем,
Из-под земли их откопаем.
В горах есть золото в избытке,
Под зданьями зарыты слитки.
Ты спросишь, кто отроет клад?
Пытливый дух с природой в лад.

К а н ц л е р

Дух и природа — не для христиан.
Вот где ты уязвим и досягаем.
Мы нечестивцев на кострах сжигаем
За эти лжеученья и обман.
Природа — грех. Дух — сатана. И оба
Родят сомненья, недоверье, злобу.
У нас все по-другому. Основанье
Империи, ее святой оплот —
Духовное и рыцарское званье.
Им власть в стране, им земли и почет,
Зато крестьянин бестолков
И горожане без рассудка
И пляшут под чужую дудку
Безумцев и еретиков.

Ты в заговоре с ними всеми,
И ты проник под этот свод,
Прикрывшись дерзостью острот,
Чтоб заронить неверья семя
Средь этих избранных господ.

М е ф и с т о ф е л ь

Узнал ученого ответ.
Что не по вас — того и нет.
Что не попало в ваши руки —
Противно истинам науки.
Чего ученый счастье не мог —
То заблужденье и подлог.

И м п е р а т о р

Не помогают нам беседы.
Ты действуй, а не проповедуй.
Что пользы от вниканья в суть?
Нет денег, ты их и добудь.

М е ф и с т о ф е л ь

Добуду больше, чем нужда,
Руками голыми добуду,
Легко, без всякого труда,
Вся трудность только в том, откуда?
В века нашествий и невзгод,
Когда огни пожаров тлели,
Спасаясь бегством, в подземелья
Сносил сокровища народ.
Так будет век, так было в Риме.
Все, что зарыто в землю встарь,
То, вместе с землями твоими,
Твое по праву, государь.

К а з н а ч е й

Шут разбирается в законе,
Земля принадлежит короне.

К а н д л е р

В мечтах о золотой казне
Не попадитесь к сатане.

Смотритель дворца

Хотя б я и в грехах увяз,
Пополню кладовых запас.

Начальник военных сил

Дурак неглуп. Откуда клад,
Не станет спрашивать солдат.

Мефистофель

А если вам сомнительно немного,
Вот человек: спросите астролога.
Он изучил небесные тела.
Пусть скажет вам, как на небе дела.

Ропот толпы

Сошлись у трона руки греть
И людям расставляют сеть.
Что шут нашепчет на ушко,
Мудрец объявит широко.

Астролог

(говорит по подсказке Мефистофеля)

Нам солнце блещет золотом в лазури,
За деньги служит вестником Меркурий.
Все возрасты Венера привлекла,
И утром нам и вечером мила.
Луна чем недоступней, тем капризней.
Кровавый Марс угроза нашей жизни.
Юпитер краше всех. Сатурн не мал,
Но малым кажется. Его металл
Все остальные весом превзошел
И дешев, потому что так тяжел.
Сойдется солнце с месяцем вдвоем,
И золото сольется с серебром,—
На свете ничему препятствий нет,
Все рады, достижим любой предмет:
Роскошный сад, отделанный чертог,
Приязнь красавицы, румянец щек.
Как их достать? Ученый человек
Даст средства к достижению этих нег.

И м п е р а т о р

Хоть он и на два голоса вещал,
Но ими ничего не доказал.

Р о п о т т о л пы

И слушать лень их дребедень.
Врать мастера, и песнь стара.
Слыхал сто раз. Вот и весь сказ.
Он шарлатан, и все — обман.

М е ф и с т о ф е л ь

Не веря дивному открытью,
Вы рады отшутиться все,
О мандрагорах вздор твердите
И глупости о черном псе.
Но надо ль поминать о бесе
И кто за пятку ловит вас,
Когда, теряя равновесье,
Вы падаете, оступаясь?
Земля — источник сил глубокий
И свойств таинственных запас.
Из почвы нас пронзают токи,
Неотличимые на глаз.
Когда на месте не сидится
И кости ноют и мозжат
Или сведет вам поясницу,
Ломайте пол, под вами клад.

Р о п о т т о л пы

Чего-то заломило бок
И палец на ноге затек.
Корежит, локоть онемел,
И, кажется, в спине прострел.
Так, значит, если он не врет,
Тут золота — невпроворот.

И м п е р а т о р

Так к делу, к делу, пустомеля!
Не увернешься все равно.
Где своды этих подземелий
И это золотое дно?

На время я сложу державу
И сам зайдусь копаньем ям,
Но если ты надул, лукавый,
Проваливай ко всем чертям!

М е ф и с т о ф е л ь

Туда я сам найду дорогу.
Но если б знали вы, как много
Богатств, забытых по углам,
Валеется и ждет владельца!
Вдруг вывернет у земледельца
Кубышку золотую плуг;
Со всей бесхитростностью, вдруг,
Селитру роя на задворках,
Найдет бедняк червоныц в свертках
И в страхе выронит из рук.
Что ж нам сказать про знатока?
Тот, кто охотится за кладом,
Взломает своды тайника
И спустится в соседство с адом
Через проломы потолка.
Бокалы, рюмки из рубина,
Ряды как жар горящих блюд!
И тут же редкостные вина
Его отведыванья ждут.
Вино б могло за долгий срок
По капле вытечь из бочонка,
Но винный камень твердой пленкой
Гнилые бочки обволок.
Все эти перлы виноделья
И эти перстни, ожерелья
Недаром покрывает тьма.
Ценить их в блеске дня — не диво,
Найти их — требует ума.

И м п е р а т о р

Так напряги свой ум пытливый
И плугом вытащи на свет
Кубышку, полную монет.
Впопыхах, когда все кошки серы,
Не верю я в твои аферы,
Потемки — истине во вред.

М е ф и с т о ф е л ь

Возьми лопату сам, владыка,
Тебя возвысит сельский труд.
Копай, и под твоей мотыгой
Стада златых тельцов сверкнут,
Тогда в лице твоей любезной,
Разряженной во все цвета,
Сойдутся в блеске ночи звездной
Могущество и красота.

И м п е р а т о р

Скорей! Довольно рассуждений!

А с т р о л о г (по-прежнему)

Умерь, правитель, нетерпенье.
Пусть празднество пройдет сперва.
Не тем забита голова.
Рассеянным житьем досужим
Даров небес мы не заслужим.
Кто блага ждет — пусть будет благ
В своих желаньях и делах.
Кто хочет пить — пусть грозья давит,
Кто ждет чудес — пусть чудо славит.

И м п е р а т о р

В забавах время проведем
Пред наступающим постом
И кутерьмою беспечальной
Наполним праздник карнавальный.

Трубы. Все расходятся.

М е ф и с т о ф е л ь

Им не понять, как детям малым,
Что счастье не влетает в рот.
Я б философский камень дал им,—
Философа недостает.

МАСКАРАД

Обширный зал с примыкающими комнатами, украшенный
для маскарада.

Г е р о л ь д

Здесь не тевтонской пляской смерти
Вас встретят ряженые черти,
Здесь жизнерадостнее тон.
В дни римского коронованья
За Альпами край ликованья
Монархом нашим в виде дани
К державе присоединен.
У папы туфлю лобызая,
Он с императорским венцом
Привез другой подарок края —
Колпак дурацкий с бубенцом.
С тех пор, благодаря фиглярству
Переродившись целиком,
Мы прячем светское коварство
Под скоморошьим колпаком.
Но вот и гости вереницей
Проходят в дом из цветника.
Еще дурачествам пока
Нам не приходится учиться:
Мы от роженья, где случится,
Разыгрываем дурака.

С а д о в н и ц ы (пение под мандолину)

Чтоб блеснуть на вечеринке
Щегольством своих обнов,
Молодые флорентинки,
Появились мы на зов.
Мы набросили на челки
Тонкий шелковый покров,
В локонах у нас наколки
Из искусственных цветов.
Долговечен цвет поддельный,
Время не берет его,

Не заявляет в срок недельный
Рук усердных мастерство,
На цветы пошли обрезки,
Вместе сшитые тесьмой,
И теперь явились в блеске
Симметричности самой.
Мы привлечь умеем чувство
И не пропадем в тени,
Потому что суть искусства
Женской сущности сродни.

Г е р о л ь д

Ну-ка, что у вас, затейниц?
Дайте бросить взгляд один
На самих вас, коробейниц,
И на внутренность корзин.
Неспроста в аллеях родиц
Солько шумной тесноты:
С миловидностью разносчиц
Могут спорить их цветы.

С а д о в н и ц ы

Только не торгуйтесь с нами,
Мы говорчивы с любым
И крылатыми словами
Каждый дар сопроводим.

О л и в к о в а я в е т в ь

Ветвь с плодами, я при этом
Не завидую букетам.
Ненавистна мне вражда..
Я по всей своей природе
Воплощенье плодородья,
Миролюбья и труда.
Я могу наверняка
Пригодиться для венка.

В е н о к и з з о л о т ы х к о л о с ь е в

Дар Цереры дамам статным
Предлагаю в волоса.
Смесь полезного с приятным —
Наилучшая краса.

С т р а н н ы й в е н о к

С мальвою бумажной сходство,
Из сухого мха листва,
Мода терпит сумасбродства
И не любит естества.

С т р а н н ы й б у к е т

И имени мне Теофраст
Дать не мог бы и не даст.
Редкостные единицы
Только могут мной плениться,
Но в прическу и на грудь
К моднице какой-нибудь,
Может быть, попасть случится.

П о ч к и р о з (взывающе)

Пусть искусственность пародий
Скромности наперекор
Следует крикливой моде
И причудой тешит взор,
Заплетая кудельки
Золотые лепестки.
Мы же скрылись, притаясь.
Счастлив, кто отыщет нас.

Розы ждут начала лета,
Это время их расцвета.
В это время с ними в лад
Дышат клятвы и обеты,
И огнем любви согреты
Сердце, чувство, ум и взгляд.

В крытых зеленых аллеях садовницы со вкусом раскладывают свой товар.

С а д о в н и к и (пение под аккомпанемент теорб)

Блеск цветов доступен глазу,
И о них шумит молва.

А плодов не хвалят сразу,
Не отведавши сперва.
Взявши что-нибудь на пробу
И на выбор надкусив,
Оцените вкус особый
Вишен, персиков и слив.
Розы могут быть воспеты,
Чуть распустится их кисть,
Яблоко же и поэту
Надо перед тем разгрызть.
Продавщицы, станьте с нами,
Поместив под общий кров
Рядом с нашими плодами
Вашу выставку цветов.
В свежей зелени беседок
Средь расставленных красот
Каждый сыщет напоследок
Почку, лист, цветок и плод.

Под звуки гитар и теорб обе группы продолжают раскладывать свой товар на продажу гуляющим.

М а т ь и д о ч ь.

М а т ь

Дочка, чуть ты родилась,
Чепчик обновила.
И лицом ты удалась,
И фигуркой милой.
И тебе я, дочь моя,
Богатейшего в мужья
В мыслях находила.
Годы шли, за годом год,
Полные заботы.
Разлетелся хоровод
Женихов без счета.
Мы плели им сеть интриг,
Звали их на бал, пикник,
Ставили тенета.
Были фанты и лото
Лишиею затеей.
Не повис из них никто
У тебя на шее.

Хоть сегодня не глупи
И на танцах поддели
Мужа-ротозея.

К матери и дочери подходят подруги. Завязывается громкий задушевный разговор. Являются рыбаки и птицеловы с сетями, удочками и ветками, намазанными kleem для ловли птиц. Они и девушки гоняются друг за другом, перебрасываясь веселыми шутками.

Д р о в о с е к и
(входят грубо и развязно)

Все прочь сойдите
С дороги ровной!
Мы валим бревна,
Таскаем доски.
При переноске
Сшибем, смотрите!
Зато бесспорно:
Без нас и дюжей
Работы черной
Замерзли б в стужу,
А то и хуже,
И вы позорно.
Но мы вас греем
Теплее шубы,
Когда потеем
Мы, дроворубы.

П о л и ш и н е л и
(нескладно-придурковато)

Вы дурачины,
Что гнете спину,
А мы умнее,
Не трудим шеи.
И наши тряпки,
Нашивки, шапки
С гербами всеми
Ничуть не бремя.
Встаем с постели,
Живем в безделье.
С простонародьем
По рынкам бродим,
Предлога ищем

И вдруг засвищем.
Столпотворенье!
Содом! Смятенье!
А мы в тревоге
Давай бог ноги!
И, как с пожара,
Айда с базара!
Быть может, плохо,
Что мы — причина
Переполоха?
Нам все едино!

П а р а з и т ы
(льстиво и корыстно)

Вы, дровоколы
С рукой тяжелой!
Вы, углевозы,
Без вас нам — слезы.
Что б приживалу
Перепадало
От принципала
И доброхота
За смех, остроты,
Позор, бесчестье
И горы лести,
За исполненье
Его желаний
Без дров в чулане?
Но жгут поленья,
Трецдат камины,
Не жизнь — малина!
На кухне варят,
Пекут и жарят,
И под котлами
Бушует пламя.
И рад сластена,
Когда дворовый
Из кухни вносит
Гостям здоровый
Кусок жаркого
И произносит
Свой увлеченный
Тост за патрона.

Пъяный
(в приподнятых чувствах)

Воле нашей не препятствуй,
Все мне братья, все друзья.
Песнь моя — мое богатство,
Вольный воздух — жизнь моя.
Выпьем! Что вы присмирили?
За раздолье, за веселье
Двинь стаканом о стакан,
Непонятливый чурбан!

От дражайшей половины
Вылетел я кувырком.
Назвала меня скотиной
И гороховым шутом.
Эй, шуты и пустомели,
Выпьем! Что вы присмирили?
Двинь стаканом о стакан!
Ты-то пьян, а я не пьян.

Я скажу вам без утайки:
Мне в трактире счет открыт.
У хозяина, хозяйки
И служанки пью в кредит.
Ну так двинем всей артелью
За раздолье, за веселье,
Так, чтоб зазвенел стакан!
Наклоняй пониже жбан.

Всякому своя дорога,
И у всякого свой вкус,
А лежачего не трогай,
Если я под стол свалюсь.

Х о р

Выпьем, братцы, друг за друга
И еще полней нальем!
Но уже храпит пьяничуга,
Растянувшись под столом.

Герольд объявляет о приходе поэтов разных направлений, певцов природы, придворных стихослагателей и прославителей рыцарства. В давке соискателей никто не дает друг другу говорить. Только один протискивается вперед с немногими словами.

Сатирик

Я был бы счастья полон,
Когда б по прямодушью
Я всем пришелся солон
И правдой резал уши.

Певцы кладбищ и полуночи просят извинения. В данный момент они отвлечены интереснейшей беседой с одним навопоявившимся вампиром, из чего в будущем может развиться новый род поэзии. Герольд принимает это к сведению. Он вызывает к ряженым представительниц греческой мифологии. Они костюмированы по-современному, не теряя своих особенностей.

ГРАЦИИ

Аглая

Жизнь даря, в ее даянье
Вкладывайте обаянье.

Гегемона

Обаяния печатью
Наделяйте восприятие.

Ефросина

Обаятельней всего
Благодарных существа.

ПАРКИ

Атропос

Я пришла к вам прядь, старуха,
Жизни нить, мое изделие.
Много требуется духу
За кручением кудели.

Нить кручу я мягче воска,
Не щадя своих усилий,
Чтобы лен, смягченный ческой,
Не рвался на мотовиле.

Здесь, в пиру, не выходите
Из границ, жалеть придется!
Помните про тонкость нити,
Перетянете — порвется.

К л о т о

Ножницы в распоряжение
Мне даны — такой позор
Принесло нам поведенье
Старшей из моих сестер.

Удлиняла без скончанья
Прозябание калек,
Жизни, полной обещаний,
Укорачивала век.

Но и я ведь с молодежью
Допускала произвол.
Чтоб держать себя построже,
Спрячу ножницы в чехол.

Всем даю сегодня волю.
Трезвым или во хмелю,
Всем прощаю, всем миролю
И ко всем благоволю.

Л а х е з и с

Мне, как более смышеной,
Меру соблюдать дано.
Постоянно, неуклонно
Вертится веретено.

Набегая на катушку,
Нить должна за ниткой течь.
Я им не даю друг дружку
Обогнать и пересечь.

Дай себе я миг свободы,
Гибелью я заплачу.
Намотавши дни на годы,
Я мотки сдаю ткачу.

Г е р о л ь д

Вошедших женщин вид неузнаваем,
Хотя бы изучили вы античность.
Под ласковостью внешней скрыта личность,
Которой с вами мы не разгадаем.

Они красивы, молоды и чинны,
Что это — фурии, никто не скажет.
Приблизьтесь к ним, и вам они покажут
Змеиный нрав под маской голубиной.

К их чести, впрочем, здесь они сегодня,
Где каждый недостатком щеголяет,
Овечками себя не выставляют,
А вслух зовутся карою господней.

Ф У Р И И

А л е к т о

Мы — фурии и не хотим таиться.
Но мы вас усыпим. Наш голос вкрадчив,
И мы, по-женски с вами посудачив,
Взведем на ваших милых небылицы.

Мы скажем, что они — кокетки, лживы,
Нехороши ни кожею, ни рожей,
Что если вы жених, избави боже,—
Помолвку надо привести к разрыву.

Мы пред невестами вас оклевещем.
Мы скажем: «Перед вашим обрученьем
Он говорил другим о вас с презреньем»,—
И вас поссорим карканьем зловещим.

М е г е р а

Игрушки это! Дай им пожениться,
И я несоответствием пустячным
Испорчу жизнь счастливым новобрачным,
Различны времена, несхожи лица.

Всегда желанья с разумом боролись,
Довольство не спасает от фантазий,
В привычном счастье есть однообразье,
Дай людям солнце — захотят на полюс.

Я парами людей губить умею,
Ни разу пальцем жертв своих не тронув.
Я подсылаю в дом молодоженов
Ночами злого духа Асмодея.

Тизифона

Меч и яд, а не злословье
Подобают каре грозной.
Каждый, рано или поздно,
За измену платит кровью.

Где ты был в тот миг, в ту пору,
Как предательство лелеял?
Ты пожнешь, что ты посеял,
Не помогут уговоры.

Если даже за бесчестье
Мир простит и не осудит,
«Кто неверен, жить не будет!» —
Камни вопиют о мести.

Герольд

Эй, расступись! Не вашего разряда
Явилась в маске новая шарада.
Увшанная тканями гора
К нам движется, ввалившись со двора,
С клыками, с хоботом под балдахином,
Загадка, но с ключом к живым картинам.
На шее сидя у слона верхом,
Им правит сверху женщина жезлом.
Другая, стоя на его хребте,
Спокойно, властно блещет в высоте.
Две пленницы шагают по бокам,
Цепями скованные по рукам.
Одна, томясь, на волю рвется вон,
Другая ничего не замечает
И вольною в душе себя считает.
Пусть не таят от нас своих имен
И скажут, что они изображают.

Боязнь

Свечи, факелы, лампады
Точно снятся наяву.
Я бежать отсюда б рада,
Только дели не порву.

Пусть смеются зубоскалы,
Мне насмешка не страшна.
Всем, что в жизни угрожало,
Я сейчас окружена.

Милый друг мне вырыл яму,
Рядом тоже западня,
Сзади прячется тот самый,
Что хотел убить меня.

Прочь от них куда угодно!
Но повсюду смерть грозит.
Если б я была свободна,
Все равно мне путь закрыт.

Надежда

Здравствуйте, мои сестрицы!
Прячете под маской лица?
Завтра, сняв наряды эти,
Вы покажетесь пред всеми
В вашем настоящем свете.
Верьте, сестры, будет время,
Без цветных огней, не в маске,
Станет жизнь сама как в сказке,
Радостная задушевность
Уподобит труд гулянью,
Превратив существованье
В праздничную повседневность.
То трудясь, то отдыхая,
То все вместе, то отдельно,
Разойдемся мы по краю
Добровольно и бесцельно.
Все откроют нам объятья,
Кто бы ни был, все равно.
Лучшее из вероятий
Сбыться где-нибудь должно.

Разумность

От Надежды и Боязни
Отступите в глубь прохода.
Худших нет бичей и казней
Человеческого рода.

Я слона-гиганта с башней
Палочкой вожу по залу,
Но от пагубы всегдашней
Этих в депи заковала.

Женщина же на вершине,
Простирающая крылья,
Представляет ту богиню,
Власть которой всюду в силе.

Светлая богиня дела,
Преодолевая беды,
Блещет славой без предела,
И зовут ее Победой.

З о и л о - Т е р с и т

Постойте, я сейчас вас всех
Разделаю тут под орех.
И первой из почтенных дам —
Победе этой я задам.
Размер ее орлиных крыл
Бедняжке голову вскружил.
Ей кажется, что ей всегда
Должны сдаваться города.
Меня до исступленья злит
Бесстыдство тех, кто знаменит.
Увижу славу, злость берет,
Заслуги, подвиги, почет,
Все, все б перевернул вверх дном,
Смешав, как в зеркале кривом.

Г е р о л ь д

Ах, вот ты как, паршивый пес?
Вот я тебя, горбун, жезлом!
Свернулся, негодяй, клубком.
Но где ж он? Вместо горбuna
Линь куча мокрая одна.
Она свиается в кольцо
И превращается в яйцо.
Но лопается пополам
Яйцо — и открывает нам
Внутри пустого пузыря
Гадюку и нетопыря.
Ползком гадюка на пустырь,
За ней на крыльях нетопырь,
Чтоб узы вновь восстановить.
Я б не хотел там третьим быть.

Ропот толпы

Часть уже пустилась в пляс.
Я хочу уйти сейчас.
Духи носятся кругом.
Нечисть залетает в дом.
Не задев едва волос,
Что-то мимо пронеслось.
Что-то бросилось меж ног.
Поднялся переполох.
Сгублен бал. Испорчен пир.
Это дело тех проныр.

Герольд

Я пред каждым маскарадом
Опытным герольдским взглядом
Проверяю у портала
Приглашенных к карнавалу,
Чтоб негаданно-незданно
Не прокрался гость незваный.
Но в раскрытые окошки
Залетают эльфы-крошки,
И рассеять наважденье
Я бессилен, к сожалению.
Если невозможно было
В горбуне узнать Зоила,
Что тогда сказать про группу
У колонного уступа?
Я бы должен был по чину
Объяснить вам смысл картины,
Но, обняв изображенье,
Сам нуждаюсь в объясненье,
Что взаправду там такое?
Никого не беспокоя,
Из передней в залу мчится
Четвернею колесница.
Юноша, не глядя, правит,
Кони никого не давят.
И туманною картиной,
Как в волшебном фонаре,
Звезды движутся в гостиной,
Уточнившей в серебре.
Колесница предо мной!
Расступитесь! Страшно!

М а л ь ч и к - в о з н и ц а
Стой!

Скакуны, убавьте прыти!
Свой полет остановите.
Верные своей породе,
Чувствуйте мои поводья!
Это место всех священней:
Чтите это помещенье!
Круг поклонников теснится,
Обступивши колесницу,
Веря, что герольд опишет
То, что видит он и слышит.
Дай, герольд, в своем разборе
Объясненье аллегорий.

Г е р о л ь д

Это выше разуменья.
Опишу лишь впечатленье.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а
Так начни.

Г е р о л ь д

Без дальних слов:
Молод ты, красив, здоров.
Зелен ты, пострел, лукавец,
Но созрел, на взгляд красавиц,
А как вырастешь, вконец
Будешь горем их сердец.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а
Дальше облик мой черти,
Ты на правильном пути.

Г е р о л ь д

По молниям в глазах и по сверканью
Камней в кудрях, сравнимых с тьмой ночной,
По ниспадающей небрежно ткани,
Внизу обшитой красною каймой,
Ты сам еще ужимкою веселой
На девушку невинную пожеж,
Но скоро к девушкам постунишь в школу
И жизни азбуку у них пройдешь.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а

Какой, по-твоему, седок
Так важно смотрит с этих дорог?

Г е р о л ь д

Он кажется дарем щедрот,
И потому восторг законен
Всех тех, к кому он благосклонен:
Он им, что может, раздает,
А сам становится богаче,
Чем больше жертвует в раздаче.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а

Такого описанья мало.
Подробней! Это лишь начало.

Г е р о л ь д

Достойного не описать.
Но круглоликость, полнокровье,
Но губы, полные здоровья,
Но показавшаяся прядь
Из-под роскошного тюрбана,
Но одеянье, стройность стана!
А о величье что сказать?
Я узнаю в нем властелина.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а

Он — Плутус, он — богатства бог
И прибыл к вам не без причины
В ваш императорский чертог.

Г е р о л ь д

Скажи, ты сам тут для чего?

М а л ь ч и к - в о з н и ц а

Я — творчество, я — мотовство,
Поэт, который достигает
Высот, когда он расточает
Все собственное существо.
Я тоже сказочно богат.
Чем был бы Плутус без поэтов?
Я для его балов, банкетов
Незаменимый, редкий клад.

Г е р о л ь д

Тебе пристало хвастовство,
Но покажи и мастерство.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а

Где щелкать пальцами я буду,
Появятся сокровищ груды.

(Пощелкивая пальцами.)

Вот жемчуг, шею им украсьте,
Вот гребешки, а вот запястья.
Вот женский золотой венец,
А вот вам несколько колец.
И огоньки куда попало
Разбрасываю я по залу.

Г е р о л ь д

Толпою кинулись к добыче.
Посередине, в толкотне,
Бросает в сотню рук возничий
Свои подарки, как во сне.
Но это — плутовские штуки:
Чуть схватят драгоценность в руки,
Ее внезапно нет как нет.
Была браслетка, где браслет?
Кто думал, что на самом деле
Владеет ниткой жемчугов,
Сжимает вместо ожерелья
Горсть копошащихся жуков:
Одни с жужжаньем вверх взлетают,
Другие бабочек хватают.
Кто ждал несметного добра,
Трезвеет от мечтаний сразу:
Все речи мальчика — проказы
И золото все — мишура.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а

Герольд, ты мастер объявлять,
Какие темы и предметы
Изобразил переодетый,
Но слаб в их сущность проникать.
Что спорить нам? Без ссор и крика
Я обращусь к тебе, владыка.
(Повернувшись к Плутусу.)

Скажи, не мне ль ты поручил
Четверки этой резвый пыл?
Бывало, только скажешь: «Двигай!» —
Уже летит моя квадрига.
И пальму первенства в езде
Не я ли добывал везде?
Не я ль бросался в сотни стычек?
Не за тебя ль я войны вел
И, счастья твоего добытчик,
Тебе венок лавровый сплел?

П л у т у с

Все это ясно без того.
Какие могут быть сомненья?
Ты — дух от духа моего,
Моих желаний исполненье.
И, знаешь, как я ни богат,
А ты богаче во сто крат,
И мне венок, тобой сплетенный,
Дороже золотой короны.
Что спрашивать? Ответ один:
Горжусь тобой, любимый сын.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а (к толпе)

Над вами я своей рукой
Разлил огонь священный мой.
Он в виде легких диадем
Над этим вьется и над тем
И голову за головой
Венчает вспышкой огневой.
Но редко-редко где на миг
Взывается ярко вверх язык,
А то, еще не разгорясь,
Мигнет и гаснет в тот же час.

Б а б ы я б о л т о в н я

Все — ложь — четверка и рыдван,
Возница — главный шарлатан.
А позади него другой,
Петрушка с высохшей ногой.
Моща! Щипи его иль нет,
И не почувствует, скелет.

Т о щ и й

Подальше, подлое бабье!
Вы — наказание мое.
Я звался Скупостью, пока
Жена стояла у горшка.
Хозяйство множилось в те дни:
Все в дом, а из дому — ни-ни!
Ужель не доблесть, а порок,
Что я копил, что я берег?
Но с женщинами перемена:
Копить теперь несовременно.
Теперь у баб, как у банкротов,
Желаний больше, чем расчетов,
И муж, влезающий в долги,
На положении слуги.
Что сбережет жена, припрятав,—
Все для любовников и сватов.
Забыта честь, потерян стыд,
С утра до ночи дом открыт.
Я скряга сам, и я за скряг,
Я за мужчин, я бабам враг.

А т а м а н ш а

Все враки, враки, что ни скажет.
С драконами водись, дракон!
Мужей нам только взвудоражит,
Чтоб в гроб вогнали бедных жен.

Ж е н щ и н ы в т о л п е

Воронье пугало! Клюка!
Паяц! Калека изможденный!
Не бойтесь ничего. Драконы
Из деревяшки и картона.
Лупи их! Дай им тумака!

Г е р о л ь д

Молчать! К порядку! Я сумею
Жезлом... но уж не нужен он:
Ворочая драконьей шеей,
Ползут чудовищные змеи,
Взяв крыльями большой разгон.

Огнем из пасти пышут звери,
Все кинулись в смятенье к двери,
Зал пуст, порядок водворен.

П л у т у с сходит с колесницы.

Бог Плутус мановеньем рук
Велит драконам снять сундук
И Тощего зовет спуститься
Движеньем царственной десницы,
Все сделано. Нельзя понять,
Как быстро сняли эту кладь.

П л у т у с
(возница)

Теперь избавлен ты от груза.
Лети на волю, без обузы.
Круг помыслов твоих не тут,
Средь давки масок и причуд,
Но там, где, в ясности, один
Ты друг себе и господин.
Там, в одиночестве, свой край
Добра и красоты создай.

М а л ь ч и к - в о з н и ц а

В том царстве, как посол твой полномочный,
Я буду выражать твой мир заочно.
Ведь мы сродни. Где ты — там полнота,
Где я — там счастья высшая черта.
Что людям предпочтеть? Тебя, обилье,
Или меня, воображенья крылья?
Те, что с тобой, не ведают труда,
Те, что со мною, заняты всегда.
Мне скрытничество ни к чему не служит:
Дохну — меня дыханье обнаружит.
Прощай! Ты волю мне даешь. Я рад.
Но лишь шепни, и я примчусь назад.
(Удалляется так же, как появился.)

П л у т у с

Теперь пора с сокровищ снять запоры.
Взмахнем жезлом и в руки их получим.

Сундук открылся. Медные амфоры
Полны до края золотом текучим.
Короны, цепи, кольца и булавки
Текут и тают, раскалясь от плавки.

Б е с п о р я д о ч н ы е к р и к и т о л п ы

Смотрите, золота струя
Перетечет через края!
Сосуды плавятся, и вслед
Рулоны золотых монет.
Дукатов новеньких игра,
Как из монетного двора.
Пустите! Денег сколько! Страсть!
Неужто дать им так пропасть?
Вот деньги, на полу лежат,
Возьми, и будешь ты богат,
А лучше сзади подойдем
И завладеем сундуком.

Г е р о л ь д

Вот дурачье! Какой сундук?
Ведь это — маскарадный трюк.
Тут в шутку все, а вы всерьез.
Так вам и дали денег воз!
Для вас не то что медный грош,
Вид фишки чересчур хорош!
Вам разве видимость понять?
Вам все бы пальцами хватать.
Среди примет, поверий, грез
Давно ль у вас на правду спрос?
Одетый Плутусом, скорей
Брюзгливых скопище рассей.

П л у т у с

Опять твой жезл мне будет впрок,
Дай мне его на малый срок.
Я кончик в пламя окунул.
Кричите, маски, караул!
Вот наконечника металл
Уже накаливаться стал.
Я здесь стою средь вас в кругу,
Не подходите, обожгу!

Крики и давка

Живьем сгорим и пропадем!
Спасайся все! Бегом, бегом!
Куда, куда! Назад, назад!
Уж искры мне в лицо летят.
Рубашку посох мне прожег.
Назад! Отхлынь, людской поток!
О, если б крылья я имел,
Скорей подальше б улетел!

Плутус

Все в сторону оттеснены,
И, вижу, не обожжены.
Толпы наплыv
Остановив,
Я место, чтоб сдержать орду,
Незримым кругом обведу.

Герольд

Спасибо. Мы б могли пропасть.
Ты разум выказал и власть.

Плутус

Хвалиться рано. Погоди.
Волнений много впереди.

Скряга

На всех отсюда брошу взгляд.
Живой стеною стали лица,
Где что урвать, чем поживиться —
Суются дамы в первый ряд.
Ведь я еще не сдан в архив,
И в женщинах еще разборчив,
И, рожу надлежаще скорчив,
Бываю весел и игрив.
Однако как шумит народ!
Среди такого многолюдства
Болтать друг с другом — безрассудство.
Пущу телодвиженья в ход.
И если не помогут жесты.
Я слиткам золота, как тесту,
Любую видимость придам,
Всегда понятную глазам.

Г е р о л ь д

Так этот испитой костяк
Еще к тому же и остряк?
Он, как для лепки матерял,
Меж пальцев золото размял,
Катает, комкает, крошит,
Придал комкам бесстыдный вид
И тычет всем наперебой.
Крик, суматоха, женский вой!
Пред женщинами, не стыдясь,
Он всячески разводит грязь.
Нам надо выгнать из дворца
Безнравственного наглеца.
И я не помирюсь со злом,
Пока не пну его жезлом.

П л у т у с

Опасности не видит он.
Когда безвыходность заставит,
Он глупости свои оставит.
Нужда сильнее, чем закон.

С у м я т и д а и п е н ь е
В долине с гор бежит рекой
Без удержу поток людской.
Великий Пан их божество.
Ватага чествует его.
Кто Паном на балу одет,
Известен только им секрет.

П л у т у с

Мне ведомо, кто вы и он.
Я в эту тайну посвящен.
Я все узнал из первых рук
И вас пущу охотно в круг.
Удачи смелому почину!
Кто чуду вверился — тот прав,
Хоть кинулся бы, как в пучину,
Возможностей не рассчитав.

Д и к о е п е н ь е

Обманчив неженок убор,
А мы толпой скатились с гор,

Закалены и горячи,
Выносливые силачи.

Фавны

Эй, фавны, в пляс,
Весельчаки!
В кудрях у вас
Листва, венки.
И, прячась в них, торчит легко
Чуть заостренное ушко.
Скуластый и курносый вид
Успехам фавна не вредит.
Протянет лапу он и, глядь,
Идет с красивейшей плясать.

Сатир

А сзади делает прыжок
Сатир со всех козлиных ног.
Он, словно серна, сухопар,
Проворен, жилист и поджар.
Он дышит воздухом высот,
Глядит, как человек живет,
И презирает быт долин,
Детей, и женщин, и мужчин.
Они во тьму погружены,
А он посмотрит с крутизны
И видит — мир пред ним открыт
И весь ему принадлежит.

Гномы

Мы, карлики, бежим, толпясь,
Не парами, а все зараз.
Забот у гномов — вороха.
На нас кафтанчики из мха,
При каждом — лампа горняка
Величиной со светляка.
Средь кутерьмы и толчеи
Хлопочем мы, как муравьи.

Кто к домовым нас причислял,
А кто зовет «хирурги скал».
Затем, что мы в любви к труду
Горам пускаем кровь — руду.

И, правда, сколько горных жил
За век свой каждый отворил!
Приветом добрым: «В добрый час!» —
Под землю провожают нас,
И в этом правда есть своя:
Хорошим людям мы — друзья.
Но нашим золотом из гор
Воспользуется сводник, вор,
Железо наше попадет
В распоряжение воевод,
Не мы виной, само собой,
Что гонят войско на убой.
Нечуткий к заповедям трем
Уже бессовестен во всем.
Тут наша общая беда,
И вы терпите, господа.

В е л и к а ны

В долинах Гарца поделом
Мы дикими людьми сливем
За силу, наготу и рост,
За то, что каждый, нравом прост,
В ручищу взял сосновый ствол
И бедра листьями оплел.
Телохранители, каких
Нет и у римских пап самих.

Н и м фы

(хором, окружив великого Пана)

Вот бог полян,
Лесных берлог,
Вселенной бог,
Великий Пан.
Мы окружим его кольдом,
Развеселим и развлечем.
Он — добрый бог, хотя и строг,
И любит смех и топот ног.
Он смотрит ночи напролет
На голубой небесный свод,
А днем, когда нацерерыв
Журчат ручьи и он сонлив,
Все в робости замрет кругом,
Едва забудется он сном.

Боится дунуть ветерок,
И не шелбхнется листок.
В лесной тиши — полдневный зной,
Травою пахнет и сосновой.
Ступают нимфы, как в чаду,
И засыпают на ходу.
Но каждый ужасом объят,
Чуть голоса его раскат
В лесу прокатится, как гром.
Все — наутек, и всё вверх дном!
Панический безумный страх
Находит на людей в боях,
Храбрейших повергая в прах.
Почет тому, кто наш оплот
И столько страху задает.

*Д е п у т а ц и я г н о м о в
(великому Пану)*

К жилкам золота в граните,
К залежам железных руд
Вместо путеводной нити
Гному дан волшебный прут.

Гном ушел под землю, в гроты,
В вечный мрак, под корни пня,
Чтобы ты свои щедроты
Раздавал при блеске дня.

Мы поблизости открыли
Новый чудный ключ средь скал,
Изливающий в обилье
То, о чем ты не мечтал.

Прояви о нем заботу,
Овладей им и присвой.
К пользе мира все, чего ты
Ни коснулся бы рукой.

*П л у т у с
(к герольду)*

Давай-ка запасемся хладнокровьем,
Событий мы с тобой не остановим,
Такой неотвратимый час пришел.

Произойдет ужаснейшая драма.
Все будут отрицать ее упрямо,
А ты ее запишешь в протокол.

Г е р о л ь д
(*дотронувшись до жезла, который Плутус не выпускает из рук*)

Вот с гномами подходит Пан
Взглянуть на огненный фонтан.
Через расселины края
Взлетает пламени струя
И, спрятавшись назад в подкоп,
Выбрасывает новый сноп.
А Пан, нагнувшись над огнем,
Беспечно смотрит в водоем.
Жемчужно пенится каскад,
И брызги в сторону летят.
Прижав к краям колодца грудь,
Пан хочет глубже заглянуть,
Вдруг, отвязавшись, борода
У Пана падает туда.
«Кто Пан?» — является вопрос,
Раз подбородок без волос.
Но, поднеся ко рту ладонь,
Укрывшись, смотрит Пан в огонь.
Нежданно новая беда:
Обугленная борода,
Еще не догорев дотла,
Летит обратно из жерла
И рассыпается, упав
На плечи Пана и рукав.
Горит венок, горит костюм,
Ожоги, стоны, крики, шум!
Сбегаются, чтоб затоптать
Воспламененной пакли прядь,
Но все сильней и все дружней
Змеятся языки огней.
И маски слепо, наугад
Рвут платье, мечутся, горят.

Ужель не ложь, не клевета
То, что течет из уст в уста?
Ужели и такую весть

Нам ночь должна была принести?
Да, это правда. Страшный слух
Всех завтра облетит вокруг.
Кто думать и поверить мог?
У императора ожог!
Он сильно мучится от ран.
Так, значит, вот кто этот Пан!
Проклятье тем, кто кучей всей
В одеждах из сухих ветвей
Произвели здесь толкотню
И подвели его к огню.
О, резвой юности года,
Где мера шуткам и проказам?
Могущество, когда, когда
Соединишь ты с властью разум?
Все в пламени, цветник и сад,
И лес вдали огнем объят,
И дом, от лестничных перил
До стен и кровельных стропил.
Конец, отрезаны пути,
И никому нас не спасти.
Образчик роскоши былой
К заре рассыплется золой.

П л у т у с

Вас достаточно пугали.
Пусть покой наступит в зале.
Посохом ударю в пол,
Чтобы гул кругом пошел.
Воздух, принеси нам в дар
Вольных нив холодный пар.
Слушайтесь меня, туманы,
Отзовитесь с океана
На моей тревоги зов!
На столбы и перекрытья
Пеленою расстелите
Остужающий покров.
Тучи от речного яра,
Ливнями излейтесь ниц.
Это зарево пожара
Превратите в блеск зарниц.
Поджигателям бесстыжим
Мы ответим чернокнижем.

САД ДЛЯ ГУЛЯНЬЯ

Восход солнца. Император, окруженный двором.
Перед ним на коленях Фауст и Мефистофель, одетые прилично, без крикливости.

Ф а у с т

Прости пожар наш мнимый, государь,

И м п е р а т о р
(знаком приказывая им встать),

Проказничай почаде так, штукарь.
Я очутился в круге подожженном
И вдруг почувствовал себя Плутоном.
Ночь, скалы, по зубцам известняков
Перебегали змейки огоньков,
И языками вверх со дна провала
С чередованьем пламя вылетало,
Соединяясь у своих высот
В подобный куполу горящий свод.
Я видел толпы подданных, рядами
Протискивавшихся ко мне сквозь пламя.
В проходах меж горящих колоннад
Был так неузнаваем маскарад,
Что царством саламандр мне двор казался,
А я себе царем их представлялся.

М е ф и с т о ф е л ь

Да, ты их царь. Ты правильно сказал.
Ты — царь всех элементов и начал.
Ты испытал огня повиновенье.
Где на море всего сильней волненье,
Нырни на дно,— стеной отвесных вод
Сойдется вокруг тебя водоворот.
Сквозь столб воды кайма волны лазурной
Со дна тебе покажется пурпурной.
Где ты ни стой, куда ни отходи,
Все будешь в центре, все посереди.

Везде дворцы. Где ни поставишь ноги,
Вслед за тобой потянутся чертоги.
Пройдешь сквозь стен живую череду —
И все найдешь в движенье, все в ходу.
Морские дива, словно за стеклом,
Обступят круг, очерченный жезлом.
Переползет дракон, хребет сутуля;
Со смехом ты посмотришь в пасть акуле.
Там будет, как на танцах, толчая,
Но сдержит всех заветная струя,
За исключеньем самых милых с виду.
В твой тайный круг заглянут нереиды,
Взметет Фетида раковинок пласт
И новому Пелею руку даст,
И на Олимпа высь за облаками...

И м п е р а т о р

Стихией воздуха владейте сами,
Детей влекут воздушные края.

М е ф и с т о ф е л ь

Но, государь, земля — давно твоя.

И м п е р а т о р

Свою тысяча одною ночью,
Пожалуйста, всегда нас так же потчуй.
Будь, как Шехеразада, плодовит —
И никогда не будешь мной забыт,
Случайся под рукою постоянно,
Когда я к вечеру от дел устану.

С м о т р и т е л ь д в о р ц а (торопливо войдя)

Не чаял я дожить до этой чести!
Тебя порадовать такою вестью.
Мой повелитель, это сон, мечта:
Оплачены, подумай, все счета!
И я освобожден от верховодства
Ростовщиков и не боюсь банкротства!
Я наверху блаженства! Кончен ад,
Я словно на седьмое небо взят!

Начальник военных сил
(так же поспешно)

Ландскнехтам дан задаток в счет
Походов будущих вперед.
Безмерен радости масштаб
Солдат, трактирщиков и баб.

И м п е р а т о р

Как дышат все легко! Какие лица!
Исчезли складки. Каждый суетится,
Спеша вбежать другим наперевес.

К а з н а ч е й
(неожиданно появившись)

Спроси вот их, вершителей чудес.

Ф а у с т

Долг канцлера отчет о том представить.

К а н ц л е р
(медленно приближаясь)

Я рад. Ты можешь старика поздравить.
Вот лист, где бедствий тяжкая пора
Навек избыта росчерком пера.

(Читает.)

Объявлено: означеный купон —
Ценою в тысячу имперских крон.
Бумаге служат в качестве заклада
У нас в земле таящиеся клады.
Едва их только извлекут на свет,
Оплачены будут золотом билет.

И м п е р а т о р

Тут жульничество кроется, подлог.
Кто нашу подпись здесь подделать мог?
Наказан ли мошенник злополучный?

К а з н а ч е й

Ты подписал билет собственноручно,
Когда, одетый Паном на балу,
Остановился с канцлером в углу.
Мы с ним для нужд общественного блага
Тебя просили подписать бумагу,

И эту подпись короля вчера
Размножили несчетно мастера.
Чтоб сделать дело доброе мгновенным,
Мы отпечатали по разным ценам
Билеты казначейские в дукат,
А также в десять, тридцать, пятьдесят.
Восторг на улицах неописуем,
И вместе с населеньем мы ликуем.
При имени твоем уже и так
Одушевлялся радостью бедняк,
Теперь, под казначейскою печатью,
То имя стало знаком благодати.

И м п е р а т о р

И вместо золота подобный сор
В уплату примут армия и двор?
Я поражаюсь, но не протестую.

С м о т р и т е л ь д в о р ц а

Беглянки разлетелись врассыпную.
Бумажек не вернуть уж. Первый вал
Вкатился с улиц в лавочки менял.
Там разменяли каждую кредитку
На золото с положеною скидкой.
И деньги потекли из кошелька
К виноторговцу, в лавку мясника.
Полмира запило, и у портного
Другая половина шьет обновы.
В трактирах — людно, стук тарелок, чад,
Все: «Пьем за императора!» — кричат.

М е ф и с т о ф е л ь

Кто выйдет на прогулку в парк из вас,
Красавицу заметит у террас.
Павлиньим веером прикрывши щеку,
Она на вас вполглаза взглянет сбоку
И ждет от вас не блесток, не острот,
Не красных слов, а несколько банкнот.
Вы носите их в боковом кармане,
У сердца, как любовное посланье.
Всегда солдату отягчал кушак
Запас в него зашитых звонких денег.

Насколько легче вес таких бумаг!
В молитвенник засунет их священник.
Прости, что я в картину широты
Вношу такие мелкие черты.

Ф а у с т

Твоя земля таит без пользы тьму
Сокровищ, не известных никому.
Мысль самого высокого полета
Не может охватить богатств без счета.
Восторженный мечтатель и фантаст
Понятья никогда о них не даст,
Но дальновидный риска не боится
И в безграничность верит без границы.

М е ф и с т о ф е л ь

С билетами всегда вы налегке,
Они удобней денег в кошельке.
Они вас избавляют от поклажи
При купле ценностей и их продаже.
Понадобится золото, металл
Имеется в запасе у менял,
А нет у них, мы землю ковыряем
И весь бумажный выпуск покрываем,
Находку на торгах распродаем
И погашаем полностью заем.
Опять мы посрамляем маловера,
Все хором одобряют нашу меру,
И с золотым чеканом наравне
Бумага укрепляется в стране.

И м п е р а т о р

Благополучьем край обязан вам.
По мере сил я равным вам воздам.
Даю вам на храненье наши недра,
Заведуйте статьюю этой щедрой.
Разметьте на поверхности земли,
Где надо рыть, где клады залегли,
Вдвоем казной заведя, без шума
Копите государственные суммы,
Чтобы у нас в гармонии одной
Слились подземный мир и мир земной.

К а з н а ч е й

Мне очень нравится, что казначею
Ты в помощь назначаешь чародея.
(Уходит с Фаустом.)

И м п е р а т о р

Я дам подарки всем, кто сообщит,
На что он этот дар употребит.

П а ж
(принимая подарок)

Я зачашу к знакомым на пирушки.

Д р у г о й п а ж
(так же)

Цепочку и кольцо куплю подружке.

К а м е р г е р
(так же)

Запью еще сильнее, но с разбором.

Д р у г о й к а м е р г е р
(так же)

Сыграю в кости с новеньким партнером.

Т и т у л о в а н н ы й з е м л е в л а д е л е д
(рассудительно)

Я замок выкуплю из ипотек.

Д р у г о й т и т у л о в а н н ы й
(так же)

Я средства округлю на весь свой век.

И м п е р а т о р

Я думал вызвать вас на подвиг новый,
Но, хоть осыпь вас золотым дождем,
Вы остаетесь прежними во всем
С неисправимой старою основой.

Ш у т
(появляясь)

Тут благ раздача? Дайте мне хоть грош.

И м п е р а т о р

Ты снова ожил? Ты его пропьешь.

Ш у т

В листках волшебных ничего не смыслю.

И м п е р а т о р

Увы, я дураку их и отчислю.

Ш у т

Вот падают еще. Все это мне?

И м п е р а т о р

Лови. Будь рад свалившейся казне.

(Уходит.)

Ш у т

Пять тысяч крон, вот дело ведь какое!

М е ф и с т о ф е л ь

Воскрес, мнимоумерший от запоя?

Ш у т

Я воскресений всех не перечту.

М е ф и с т о ф е л ь

И это ты от радости в поту?

Ш у т

Скажите, это деньги не на шутку?

М е ф и с т о ф е л ь

Все, что для глотки надо и желудка.

Ш у т

На них куплю я поле, дом и скот?

М е ф и с т о ф е л ь

Конечно, лишь пусти их в оборот.

Ш у т

И рыбный пруд, и луг с лесною чащей?

М е ф и с т о ф е л ь

Еще бы! Как помешик настоящий.

Ш у т

Переберусь сегодня ж на покой.
(Уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь (один)

Хоть и дурак, а вместе ум какой!

ТЕМНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Ф а у с т и М е ф и с т о ф е л ь.

М е ф и с т о ф е л ь

Зачем мы в этих галереях?
Немало поводов вокруг
Среди гуляющих в аллеях
Для всяких выходок и штук.

Ф а у с т

Старо, старо! Как ты неловок!
Всегда найдешь ты что-нибудь,
Чтоб с помощью таких уловок
От разговора увильнуть.
Пойми, я должен непременно
Закончить с блеском карнавал,
А я Париса и Елену
На днях им вызвать обещал,
Мужчины олицетворенье
И лучшей женщины пример.
Наш император в нетерпенье,
Как я узнал из высших сфер.
Все ждут. Об этом ежечасно
Напоминает государь.
Исполнить надо, дело ясно.
Подумай, поищи, пошарь!

М е ф и с т о ф е л ь

Ты обещанье дал напрасно.

Ф а у с т

Средь дел своих ты упустил,
Чем эти плутни завершатся,
Раз ты людей обогатил,
Они желают развлекаться.

М е ф и с т о ф е л ь

Нельзя так сразу, невзначай,
С бухты-бахромы. Это крупный
Вопрос. Тут мы пред неприступной
Тропой в предельно чуждый край,
Елену вызвать — это шаг
Опасный и немаловажный,
Не то что призрак благ бумажный.
Созвать колдуний, ведьм — пустяк,
Тут я всегда к твоим услугам,
Но героини как-никак
Ведь не чета моим подругам.

Ф а у с т

Опять завел свою шарманку,
Отец сомнений и помех.
Тебе, чтоб веровать в успех,
Все нужно новую приманку.
Два-три заклятья прогнусавь —
И вызовешь Елену въявь.

М е ф и с т о ф е л ь

Язычники живут в своем аду.
Я там чужой и дел их не веду.
Но средство есть.

Ф а у с т

Скажи скорей, какое,

М е ф и с т о ф е л ь

Я эту тайну нехотя открою.
Богини высятся в обособленье
От мира, и пространства, и времен.
Предмет глубок, я трудностью стеснен,
То — Матери.

Ф а у с т
(испуганно)

Что? Матери?

М е ф и с т о ф е л ь

В смятение
Ты сказанным как будто приведен?

Ф а у с т

Да. Матери... Звучит необычайно.

М е ф и с т о ф е л ь

Всегда такими и бывают тайны.
Да и нельзя иначе. Сам прикинь:
Мы называем нехотя богинь,
А вам непостижимы их глубины.
Они нужны нам, ты тому причиной.

Ф а у с т

Где путь туда?

М е ф и с т о ф е л ь

Нигде. Их мир — незнаем,
Нехожен, девственен, недосягаем,
Желаньям недоступен. Ты готов?
Не жди нигде затворов и замков.
Слоняясь без пути пустынным краем,
Ты затеряешься в дали пустой.
Достаточно ль знаком ты с пустотой?

Ф а у с т

Вот новости! Такой вопрос излишен.
В нем отголосок «кухни ведьмы» слышен,
Решил тряхнуть ты этой стариной?
Я по свету таскался, до истомы
Учил тщете, учился по-пустому,
Дух пустоты, надеюсь, схвачен мной.
Мне также одиночество знакомо.
Когда я стал судить трезвой, число
Людей далеких вдвое возросло.
В отчаянье от их вражды, в унынье,
Я удалиться должен был в пустыню,
Где, чтобы одному не одичать,
Я душу черту должен был продать.

М е ф и с т о ф е л ь

Все это вздор. Есть даже в океане
На что смотреть, не все пустая гладь.
Там видно, как не устает играть
Твою жизнью волны чередованье,
Как плещутся дельфины, как в пучину
Глядится месяц, звезды, облака,
Но в той дали, пустующей века,
Ты ничего не сыщешь, ни единой
Опоры, чтоб на ней покоить взор,
Один сквозной беспочвенный простор.

Ф а у с т

Так врали новичкам жрецы мистерий,
В святилище им преграждая вход,
Но предо мною ты, наоборот,
Услужливо распахиваешь двери
И посылаешь в капище пустот,
Чтоб с помощью изученных заклятий
Руками загребал тебе я жар.
Но я в твоем «ничто» надеюсь, кстати,
Достать и всё посредством тех же чар.

М е ф и с т о ф е л ь

Хвалю тебя, пока нам не пришлось
Расстаться: черта знаешь ты нас kvозь.
Вот ключ, ты видишь?

Ф а у с т

Жалкая вещица.

М е ф и с т о ф е л ь

Возьми. Не брезгуй малым. Пригодится.

Ф а у с т

Он у меня растет в руках, горит!

М е ф и с т о ф е л ь

Не так он прост, как кажется на вид.
Волшебный ключ твой верный направитель
При нисхожденье к Матерям в обитель.

Ф а у с т
(содрогаясь)

При спуске к Матерям! Чем это слово
Страшнее мне удара громового?

М е ф и с т о ф е л ь

Вот косность! Ты боишься новых слов
И хочешь слышать только повторенья?
Пора бы не бояться пустяков
И принимать любые превращенья
Спокойно, без-боязни катастроф,
Как ни звучало б их обозначенье.

Ф а у с т

Я не ищу покоя столбняка.
Способность потрясаться — высока,
И непривычность чувства драгоценна
Тем, что роднит с безмерностью вселенной.

М е ф и с т о ф е л ь

Тогда спустись! Или: «Направься ввысь», —
Я б мог сказать. Из мира форм рожденных
В мир их прообразов перенесись.
В следы существований прекращенных,
Давным-давно прервавшихся всмотрись.
Но, чтобы их держать на расстоянье,
Размахивай своим ключом в тумане.

Ф а у с т
(воодушевленно)

Мне ключ как бы вливает бодрость в тело.
Грудь ширится, я рвусь смелее к делу.

М е ф и с т о ф е л ь

Когда увидишь жертвенник в огне,
Знай, кончен спуск, и ты на самом дне.
Пред жертвенником Матери стоят,
Расхаживают, сходятся, сидят.
Так вечный смысл стремится в вечной смене
От воплощенья к перевоплощенью.
Они лишь видят сущностей чертеж
И не заметят, как ты подойдешь.

Тогда кидайся смело на огонь
И с властью ключом треножник тронь.

Взмахнув ключом, Фауст делает повелительное движение рукою.

(Наблюдая его.)

Так. Хорошо. Потом свершай подъем.
Треножник двинется вслед за ключом.
Пока заметят Матери грабеж,
На крыльях счастья в зал ты попадешь.
Ты вызовешь средь общей кутерьмы
Героя с героинею из тьмы.
Власть эта выпадает тем в удел,
Кто похищенье совершить посмел.
Дым жертвенный посредством колдовства
Мы превратим в два этих божества.

Ф а у с т

Сейчас что делать?

М е ф и с т о ф е л ь

Топни раз ногой
При спуске, пред поднятием — в другой.

Фауст топает ногой и исчезает.

Насчет ключа все гладко ли сойдет?
Вернется ль он? Не вышло бы хлопот.

ЯРКО ОСВЕЩЕННЫЕ ЗАЛЫ

И м п е р а т о р и к н я з ь я . Д в о р в о ж и в л е н ь е ,

К а м е р г е р
(Мефистофелью)

Вы обещали с духами картину.
Скорей! Не раздражайте властелина.

С м о т р и т е л ь д в о р ц а

Сейчас он свиту спрашивал и двор,
Так мешкать — непочтение, позор.

М е ф и с т о ф е л ь

Товарищ мой затем и заперся
В тиши уединенной кабинета.
Потребуется сила знанья вся,
Чтоб чудо красоты представить свету.
Вторгающийся в эти тайники
Знать магию обязан мастерски.

С м о т р и т е л ь д в о р ь д а

Мне дела нет до этих областей,
Но государь велит начать скорей.

Б л о н д и н к а (М е ф и с т о ф е л ю)

Зимой я, сударь, недурна собой,
Но лето делает меня рябой.
Коричневые пятна эти — с детства.
Не знаете ли от веснушек средства?

М е ф и с т о ф е л ь

Душа моя! При белизне такой
Полгода быть пятнистой, как пантера,
Испортить может женщине карьеру.
Вы жабью слизь с лягушачьей икрой
Порядком вскипятите в полнолунье
И смажьте кожу майскою порой.
Веснушки пропадут у вас в июне.

Б р ю н е т к а

Все к вам попасть стремятся до сеанса.
Я ногу отморозила. Ступня
Стесняет в танцах и ходьбе меня
И мне мешает делать реверансы.

М е ф и с т о ф е л ь

Я наступлю ногой вам на подъем.

Б р ю н е т к а

Игривость не в характере моем.

М е ф и с т о ф е л ь

Тут не роман, и вам гнушаться нечем,
Но мы подобное подобным лечим,
Стопу — стопой, спинным хребтом — хребет,
Не надо ножкой двигать мне в ответ.

Б р ю н е т к а
(вскрикивая)

Ай-ай! У вас нога грунней копыта!

М е ф и с т о ф е л ь

Зато и вред долой, и боль забыта.
Теперь пляшите вволю и с дружком
Любезничайте ножкой под столом,

Д а м а
(проталкивается)

Пустите! Я истерзана печалью.
Он был со мной вчера еще, не дале,
И вот — с другой. Что он творит со мной!
Он повернуться смел ко мне спиной!

М е ф и с т о ф е л ь

Серьезный случай. Этим угольком
Испачкайте рукав его камзола,
Чтоб не заметил, как-нибудь тайком.
Его измучат совести уколы,
А вы, не запивая ни глотком,
Весь этот уголь съешьте всухомятку,
И в ту же ночь он к вам придет украдкой.

Д а м а

Но тут не яд?

М е ф и с т о ф е л ь
(возмущенно)

Обижусь напоследок!
Поймите вы, как этот уголь редок!
Он вынут из костра еретика
И мне доставлен был издалека.

П а ж

Влюбился я, а говорят — я мал.

М е ф и с т о ф е л ь
(в сторону)

Желающих совета полный зал.
(Пажу.)

Оставьте молодых и их причуды.
Для пожилых вы — лакомое блюдо.

К Мефистофелю притискиваются другие.

Всё новые! Как разредить затор?
Начать им правду говорить в упор?
О Матери! Задавят! Помогите
И Фауста скорее нам верните!

(Осмотревшись кругом.)

Тускнеют свечи. Государь и двор
Проследовали через коридор,
Наполнив пестрым множеством народа
Углы и сводчатые переходы.
В собранье рыцарей вошли потом,
Набив большую комнату битком.
Оружье в нишах блещет, и на стены
Навешаны ковры и гобелены.
Здесь, обходясь без вызова волхвов,
Выходят духи сами из углов.

РЫЦАРСКИЙ ЗАЛ

После входа императора и двора. Слабое освещение.

Г е р о л ь д

Я снова выступаю толмачом,
Но что разыгрывается на сцене,
Не объясню сегодня ни почем,
Настолько духи спутали явленья.
Вот зрители расположились в зале,
И император впереди рядов
Осмотривает занавесей штоф
С картинами прославленных баталий.
Все в сборе: государь, и двор, и знать,
И скамьи сдвинуты на заднем плане,
Где парочки, пугаясь заклинаний,
Впотьмах друг другу руки будут жать.
Смолкает разговор мужчин и дам.
Все духов ждут, рассевшись по местам.

Трубы.

Астролог

Наш государь, молчавший до поры,
Велит скорее обратиться к драме.
Стена, раздвинься! Врозвь ползут ковры,
Как будто бы их скатывает пламя.
Оборотясь изнанкою, драпри
Изображают сцены углубленье.
Мерцает свет таинственный внутри,
И я уже стою на авансцене.

Мефистофель

(высовываясь из суплерской будки)

Мое призванье — шепот, подговор.
Черт — прирожденный, записной суплер.
(Астрологу.)

Ты, знающий планеты пути и сроки,
Уловишь на лету мои намеки.

Астролог

Магическою силой древний храм
На сцене в глубине показан нам.
И как Атлант, подперший небо шеей,
Легко несут постройку пропилеи.
Колонн под ней неисчислимый лес,
Хотя и двух хватило бы в обрез.

Архитектор

Вот в чем античность? Мне она тогда
Своей тяжеловесностью чужда.
В противность этой грубости, невольно
На ум приходит свод остроугольный.
При виде сети стрельчатых окон
Душой я как бы к небу вознесен.

Астролог

Да будет превознесена звезда,
Которою нам этот час дарован.
Да будет заклинаньем разум скован
И не теснит фантазии узда.
Старайтесь увидать, что вам приятно.
Что невозможно, то и вероятно.

Фауст поднимается на сцену с другой стороны

А вот искатель счаствия упрямый
В венке и одеянии жреца.
Он доведет, что начал, до конца.
Земля разверзлась, жертвенник из ямы
Поднялся кверху в дыме фимиама,
Пора священнодействие начать.
По-видимому, можно счастья ждать.

Ф а у с т
(величественно)

Вы, Матери, царицы на престоле,
Живущие в своей глухой юдоли
Особняком, но не наедине.
Над вашей головою в вышине
Порхают жизни реющие тени,
Всегда без жизни, и всегда в движенье.
Все, что прошло, стекается сюда,
Все бывшее желает быть всегда,
Вы эти семена задатков голых
Разбрасываете по сторонам
Во все концы пространств, всем временам,
Под своды дня, под ночи темный полог.
Одни вбирает жизнь в свою струю,
Другие маг выводит к бытию
И, верой заражая, заставляет
Увидеть каждого, что тот желает.

А с т р о л о г

Ключом треножник тронул он, и гарь
Клубами мглы окутала алтарь.
Но это только видимая мгла,
На деле это — духи без числа.
У них способность есть за пядью пядь
В земле шагами музыку рождать.
Их поступь — песнь, симфония, псалом,—
Не описать ни словом, ни пером.
Следы их приближенья ощущив,
Поют колонны, стены, свод триглиф.
Вдруг юноша неписаной красы
Выходит из туманной полосы.
Внимательней смотрите на кулисы:
Вы видите прекрасного Париса,

Появляется Париc.

Д а м а

В каком расцвете юношеских сил!

В т о р а я

Как персик свеж и несказанно мил!

Т р е т ь я

Красивый рот с надутой верхней губкой.

Ч е т в е р т а я

Ты пить не пропь бы из такого кубка?

П я т а я

Хорош, хорош, хотя немного хмур.

Ш е с т а я

Да и неповоротлив чересчур.

Р ы ц а р ь

Не царский сын, а пастушок топорный,
Без признаков учтивости придворной.

Д р у г о й р ы ц а р ь

Полунагой, пожалуй, он — по мне,
А вот каков-то будет он в броне?

Д а м а

Он сел. Какие гибкие движенья!

Р ы ц а р ь

Вас так к нему и тянет на колени?

Д р у г а я д а м а

Рукой прелестно голову подпер.

К а м е р г е р

Разлечься так при всех! Какой позор!

Д а м а

Мужчина рад к чему-нибудь придраться.

К а м е р г е р

Пред государем на полу валяться!

Д а м а

Он вправе полагать, что он один.

К а м е р г е р

Для грубостей не вижу я причин.

Д а м а

Он хочет спать и засыпает сладко.

К а м е р г е р

И даже всхрапывает для порядка.

М о л о д а я д а м а
(восхищенно)

Но что за примесь в ладан введена?
Я веяньем ее освежена.

Д а м а постарше

И у меня забилось сердце чаще.
Я думаю, так дышит мальчик спящий.

П о ж и л а я д а м а

Пред нами — распустившийся цветок,
Душистый, как амброзии глоток.

Появляется Е л е н а.

М е ф и с т о ф е л ь

Так вот она какая! Я бесстрастно
Любуюсь ей. Она мне не опасна.

А с т р о л о г

Владей я словом огненных поэм,
Я б все равно пред ней остался нем.
Она вошла, и мелко все на свете,
Что ей во славу создали столетья.
Кто взглянет на нее — спален дотла,
Блажен счастливец, чьей она была.

Ф а у с т

Я не ослеп еще? И дышит грудь?
Какой в меня поток сияния хлынул!
Недаром я прошел ужасный путь.

Какую жизнь пустую я покинул!
С тех пор как я тебе алтарь воздвиг,
Как мир мне дорог, как впервые полон,
Влекущ, доподлинен, неизглаголан!
Пусть перестану я дышать в тот миг,
Как я тебя забуду и погрязну
В обыденности прежней безобразной!
Как бледен был когда-то твой двойник,
Явившийся мне в зеркале колдуны!
Он был мне подготовкой накануне,
Преддверьем встречи, прелести родник!
Дарю тебе все напряженье воли,
Все, чем владею я и чем горю,
И чту твой образ, и боготворю,
Всю жизнь, и страсть, и бред, и меру боли,

М е ф и с т о ф е л ь
(из суплерской будки)

Владей собой, не выходи из роли.

П о ж и л а я д а м а

Стройна, крупна. А голова — мала.

М о л о д а я д а м а

Нога несоразмерно тяжела.

Д и п л о м а т

Княгинь я знал. Наружность — мой конек.
Она прекрасна с головы до ног.

П р и д в о р н ы й

К заснувшему подходит шаловливо.

Д а м а

В сравненье с ним она так некрасива!

П о э т

Он ею, как лучами, озарен.

Д а м а

Она — луна, а он — Эндимион.

П о р т

Действительно, богиня, как в романе,
К нему нагнулась, пьет его дыханье.
Целует! — С завистью смотрю туда.

Д у э н ь я

При всех? Особа эта без стыда.

Ф а у с т

К мальчишке благосклонность!

М е ф и с т о ф е л ь

Тише, брат!
Пусть делают виденья, что хотят,

П р и д в о р и й

Проснулся он, и прочь она идет,

Д а м а

С оглядкой! Я ведь знала наперед,

П р и д в о р и й

Он видит чудо и смущен немало,

Д а м а

Ей это не в диковинку: видала,

П р и д в о р и й

Вот повернулась и идет к нему.

Д а м а

Теперь научит, бедного, уму.
Наверно, первым, как и все мужчины,
Себя считает дурачок невинный,

Р ы д а р ь

Как царственно строга и как стройна!

Д а м а

Какая вольность! Как искушена!

П а ж

О, быть бы этим юношою там!

П р и д в о р н ы й

Кто б не хотел попасть в ее тенета?

Д а м а

Сокровище ходило по рукам.
С нее порядком стерлась позолота.

Д р у г а я д а м а

Гуляла, видимо, лет с десяти.

Р ы д а р ь

Пусть так, но я готов с большой охотой
Прекрасные останки унести,

У ч е н ы й

Судить нельзя, увидев рост, осанку,
Елена это или самозванка.
Недостоверна видимость натуры
В сравненье с данными литературы.
Но в древней Трое, говорит рассказ,
Она старейшим по душе пришлась.
Итак, есть доводы со всех сторон,
Что это — настоящая Елена.
К тому же совпаденье несомненно:
Не молод я и тоже восхищен.

А с т р о л о г

Не мальчик больше он. Шагнул вперед.
Она напрасно рвется из объятий,
Приподнял на руки и, слов не трята,
Унести намерен.

Ф а у с т

Дерзкий сумасброд!
Остановись! Ни с места, одержимый!

М е ф и с т о ф е л ь

Ты сам ведь ставишь эту пантомиму!

А с т р о л о г

Я понял наконец. Названье сцены,
Как видно: «Похищение Елены».

Ф а у с т

Как «похищенье»? Разве я не в счёт?
Я разве не сжимаю ключ чудесный,
С которым совершил я переход
Чрез ужасы пустыни неизвестной
И ненадежность области другой?
Здесь мир действительности без притворства.
Здесь сам я стану твердою ногой
И с духами вступлю в единоборство.
Здесь собственный мой дух сплотит тесней
Двоякий мир видений и вещей.
Спасти ее! Не дать ей скрыться с глаз!
Счастливый случай вновь не повторится,
Ее не вызвать в следующий раз.
О Матери, зову на помощь вас!
Узнав ее, нельзя с ней разлучиться.

А с т р о л о г

Стой, Фауст, стой! Не помнит ни о чём!
Схватил ее, и расплылась фигура.
Он юноши касается ключом.
О Фауст! Ты нас всех погубишь сдуру!

Взрыв. Фауст падает наземь. Духи обращаются в пар.

М е ф и с т о ф е л ь
(взваливая Фауста на плечи)

Ну вот тебе! Какие недотроги!
Нет, черту с дураком не по дороге,

Темнота. Переполох.

АКТ ВТОРОЙ

ТЕСНАЯ ГОТИЧЕСКАЯ КОМНАТА С ВЫСОКИМИ СВОДАМИ,
КОГДА-ТО ФАУСТОВА, В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОН ЕЕ
ОСТАВИЛ

Из-за занавески выходит М е ф и с т о ф е л ь . Когда он ее отдергивает, оглядываясь назад, в глубине становится виден Ф а у с т , лежащий без движения на старой прадедовской кровати.

М е ф и с т о ф е л ь

Лежи, несчастный, в забытьи.
Кого ошеломит Елена,
Отдаст ей помыслы свои
И уж не вырвется из плена.
Хожу по комнате и в ней
Встречаю прежнюю картину.
Раскраска окон лишь темней
Да больше стало паутины.
Все тут — до высохших чернил,
Бумаги и пера огрызка,
Которым Фауст закрепил
Диаволу свою расписку.
В пере остался крови след
Как бы напоминаньем старым.
Реликвий редких кабинет
Гордился б этим экземпляром.
И шуба на крюке дела,—
Я в ней над новичком смеялся,—
Он, верно, до сего числа
В услышанном не разобрался,

Сниму одежду на меху.
Ведь только в одеянье этом
Вы можете с авторитетом
Молоть любую чепуху.
Но что ученому дано,
То черту не разрешено.

Снимает и встряхивает меховой плащ, из которого вылетают
моль, кузнечики и прочие насекомые.

Х о р на с е к о м ы х

С приездом, с приездом,
Старинный патрон:
Твоим появленьем
Наш рой привлечен.
Ты сеял нас редко
Числом небольшим,
И тысячью тысяч
Теперь мы кишим.
Таинственно скрытен
Лукавец и плут,
А вши прямодушно
Наружу ползут.

М е ф и с т о ф е л ь

Рад видеть этот молодой приплод.
Вы только сейте, урожай придет.
Еще раз плащ встряхну. Поодиночке
Взлетает моль из ветхой оболочки,
Жучки, букашки, живо по углам!
Скорей запрячьтесь глубже в старый хлам!
В забытые глухие закоулки,
На дно пустой рассохшейся шкатулки,
Между горшечных пыльных черепков,
В пергаменты, в глазницы черепов.
Под этой гнилью и негодным ломом
Естественно водиться насекомым.

(Надевает плащ.)

Накину вновь я этот балахон,
Как будто важным званьем облечен.
Но мало называться принципалом,
Иметь студентов надо под началом.

Звонит в звонок, издающий гулкий пронзительный звук, от
которого содрогаются стены и сами собой отворяются двери,

Ф а м у л у с
(шатающейся походкой входит по длинному
и темному коридору)

Гул приводит в содроганье
Лестницу и стены зданья.
Молны блещут в окнах дома,
И трясеется пол от грома.
Под влияньем отголоска
Сверху сыплется известка,
Двери сами силой крена
Отворяются мгновенно.
В Фауста былом наряде
Великан какой-то сзади
Подзывает, улыбаясь,
Но от страха я шатаюсь.
Как мне быть? Бежать? Остаться?
Что грозит мне? Как дозваться?

М е ф и с т о ф е л ь
(кивая ему)

Войдите. Ваш имя — Никодим?

Ф а м у л у с

Действительно. Молитву сотворим.

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, это мы оставим.

Ф а м у л у с:

Как мне лестно,
Что имя вам мое небезызвестно.

М е ф и с т о ф е л ь

Так, несмотря на возраст пожилой,
Еще вы студиозус, милый мой?
Иной к штудированью пристрастится
И уж не знает этому границы.
Большое множество простых умов
Живет постройкой карточных домов,
Хотя при жизни даже самый стойкий
Доводит редко до конца постройку.
Но доктор Вагнер — разговор иной,

Учитель ваш, прославленный страной,—
Единственный ученый по призванию,
Который ежедневно множит знанья.
Живая любознательность к нему
Притягивает слушателей тьму.
С вершины кафедры он объявляет
Всему, что было раньше, пересмотр,
И сам ключами, как апостол Петр,
Земли и неба тайны отмыкает,
Все признают его ученый вес,
Он затмевает остальных по праву.
В лучах его известности исчез
Последний отблеск Фаустовой славы.

Ф а м у л у с

Простите, сударь. Так судить нельзя.
Я ваше заблуждение рассею.
Как ни почетна доктора стезя,
Он выдается скромностью своею.
Он свыкнуться не сможет никогда
С исчезновеньем славного предтечи,
Ждет возвращенья Фауста года
И только жив мечтой об этой встрече.
Вы видите, в теченье многих лет
Осталось все, как до его пропажи,
Доныне доктор Вагнер был на страже,
Чтобы всегда был заперт кабинет.
Но силой звезд свершен переворот.
Я слышал гром и видел молний вспышки,
Замки слетели, лопнули задвижки,
И мы смогли попасть под этот свод.

М е ф и с т о ф е л ь

Где доктор сам? Нельзя ли мне к нему?
А может быть, я сам его приму.

Ф а м у л у с

Он затворился в строгости такой,
Что я боюсь смущать его покой.
В теченье месяцев, вообразите,
Прикован он к великому открытию.
Кто в чистоте держал свой гардероб,
Стал грязен и чумаз, как углекоп.

Сам до бровей покрылся сажей черной
И воспалил глаза вздуваньем горна.
Так день и ночь, закрывшись на засов,
Он счастья ждет под музыку щипцов.

М е ф и с т о ф е л ь

Неужто он и от меня в затворе?
Я ход его открытия ускорю.

Фамулус уходит. Мефистофель усаживается с важностью.

Едва успел до кресла доплестись,
Знакомый гость откуда ни возьмись!
Он — человек формации новейшей
И, следовательно, нахал глупейший.

Б а к а л а в р (стремительно входя через коридор)

Что я вижу? Сняты скрепы
С двери каменного склепа? —
Стало быть, конец гнездовью,
Портившему столько крови
Молодому поколению
Духом падали и тленья?

Стены этой древней кладки
В разрушенье и упадке.
Лучше не соваться близко,
Чтоб не подвергаться риску.
Можно жертвой стать обвала, —
Этого недоставало.
Узнаю тебя, твердыня!
Мальчиком я, рот разиня,
Слушал в этих же палатах
Одного из бородатых
И за чистую монету
Принимал его советы.

Все они мой ум невинный
Забивали мертвчиной,
Жизнь мою и век свой тратя
На ненужные занятия.
Вот один из них в приемной
Скрылся в нише полутемной.

Ба! Никак, он в том же платье?
В этом меховом халате,
Видя, как еще я мал,
Он мне пыль в глаза пускал.
Как глубок его подлог,
Я тогда понять не мог.
В нынешнее время — дудки!
Не пройдут такие шутки.

Милейший! Если Леты муть в разлитье
Вам памяти песком не затянула,
Я ваш студент тех лет, успевший выйти
Из-под академической ферулы.
Я в вас не замечаю перемены,
А я переменился совершенно,

М е ф и с т о ф е л ь

Рад, что пришли вы без заминки.
Я оденил вас в тот приход.
Мы бабочку уже в личинке
Угадываем наперед.
Вы радовались так по-детски
Своим кудрям и кружевам.
Но стрижка без косы, по-шведски,
Идет гораздо больше вам.
Лишь философский абсолют
Не заносите в свой уют,

Б а к а л а в р

Почтеннейший! Хоть мы на месте старом,
Зато у нас иные времена.
Двусмысленности не пройдут вам даром,
Мне сущность их теперь насквозь ясна,
Над мальчиком вы потешались вволю!
Вы б этих штук теперь не откололи,
Такой прием теперь недопустим,

М е ф и с т о ф е л ь

Как неприятна правда молодым,
Когда ее в лицо мы говорим.
Когда-то нами вбитые начала
Жизнь после подтверждает, что ни шаг,

Им кажется, что тут развитья знак:
«Мы возмужали, мы народ бывалый,
А наш учитель жалкий был дурак».

Б а к а л а в р

Скорей хитер, чем глуп. Где педагог,
Который бы сказать всю правду мог?
Тот лишнее приврет, а тот убавит
И детскую доверчивость обставит.

М е ф и с т о ф е л ь

Как и всему, ученью есть свой срок.
Вы перешли через его порог.
У вас есть опыт, так что вам пора,
По-моему, самим в профессора..

Б а к а л а в р

Все опыт, опыт! Опыт — это вздор.
Значенья духа опыт не покроет.
Все, что узнать успели до сих пор,
Искать не стоило и знать не стоит.

М е ф и с т о ф е л ь (после паузы)

Я это с незапамятных времен
Подозревал, и сам себе смешон.

Б а к а л а в р

Признать ошибку никогда не поздно.
Вы — первый старец, мыслящий серьезно.

М е ф и с т о ф е л ь

Неутомимо клада я искал
И находил лишь уголь да отвал.

Б а к а л а в р

Теперь ваш лысый череп, на поверхку,
Не лучше тех пустых под этажеркой.

М е ф и с т о ф е л ь (добродушно)

Знай только вы, какой вы грубиян!

Б а к а л а в р

Ведь по-немецки вежлив лишь обман.

М е ф и с т о ф е л ь

(постепенно подкативший свое передвижное кресло на авансцену, к публике)

Предо мной тут затворяют двери.

Прошу мне дать убежище в партере.

Б а к а л а в р

Большая дерзость — притязать на то,
Чтоб что-то значить, превратясь в ничто.

Ключ жизни — кровь, она родник здоровья,
А что свежее юношеской крови?

Кровь юноши — в цвету, она горит

И жизнь из жизни заново творит.

Кипит работа, дело создается,

И слабость перед силою сдается.

Пока полмира мы завоевали,

Что делали вы? Планы сочиняли,

Проекты, кучи замыслов и смет!

Нет, старость — это лихорадка, бред
С припадками жестокого озноба.

Чуть человеку стукнет триддатъ лет,
Он, как мертвъц, уже созрел для гроба.
Тогда и надо всех вас убивать.

М е ф и с т о ф е л ь

Тут черту больше нечего сказать.

Б а к а л а в р

Я захочу, и черт пойдет насмарку.

М е ф и с т о ф е л ь

(в сторону)

Тебе подставит ножку он, не каркай.

Б а к а л а в р

Вот назначенье жизни молодой:

Мир не был до меня и создан мной.

Я вывел солнце из морского лона,

Пустил луну кружить по небосклону,

День разгорелся на моем пути,

Земля пошла вся в зелени цвети,

И в первую же ночь все звезды сразу
Зажглись вверху по моему приказу.
Кто, как не я, в приливе свежих сил
Вас от филистерства освободил?
Куда хочу, протаптываю след,
В пути мой светоч — внутренний мой свет.
Им все озарено передо мною,
А то, что позади, объято тьмою.
(*Уходит.*)

М е ф и с т о ф е л ь

Ступай, чудак, про гений свой трубя!
Что б сталося с важностью твоей бахвальской,
Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской,
Которой бы не знали до тебя!
Разлившиеся реки входят в русло.
Тебе перебеситься суждено.
В конце концов, как ни бродило б сусло,
В итоге получается вино.

(*Молодежи в партере, которая не аплодирует.*)
На ваших лицах холода печать,
Я равнодушье вам прощаю, дети:
Черт старше вас, и чтоб его понять,
Должны пожить вы столько же на свете.

ЛАБОРАТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДУХЕ

Громоздкие, нескладные приборы для фантастических целей.

В а г н е р (*у горна*)

Чу! Колокол звонит! От звона
Приходят стены в содроганье.
Не может неопределенно
Так долго длиться ожиданье.
Вдруг — свет! Следы потемок стерты
Свечением внутри реторты.
В ней уголь живчиком трепещет.
Он, как карбункул, ярко блещет
И мечет молнии нагрева
Во мрак, направо и налево.

Вот света белого игра!
Как удержать его зарницы?
Но, боже, кто-то в дверь стучится.

М е ф и с т о ф е л ь
(входя)

Привет! Желаю вам добра.

В а г н е р
(боязливо)

Привет вам в звездный час счастливый!
(Тихо.)

Дух затаите молчаливо:
Приходит к завершению славный труд.

М е ф и с т о ф е л ь
(еще тише)

А чем же занимаетесь вы тут?

В а г н е р
(шепотом)

Созданьем человека.

М е ф и с т о ф е л ь
А скажите,
Какую же влюбленную чету
Запрятали вы в колбы тесноту!

В а г н е р

О боже! Прежнее детей прижитье
Для нас — нелепость, сданная в архив.
Тот нежный пункт, откуда жизнь, бывало,
С волшебной силою проплекала,
Тот изнутри теснившийся порыв,
Та самозарождавшаяся тяга,
Которая с первейшего же шага
Брала и отдавалась и с собой
Роднила близкий мир, потом — чужой,
Все это выводом бесповоротным
Отныне предоставлено животным,
А жребий человека так высок,
Что должен впредь иметь иной исток.
(Повернувшись к очагу.)

Вон, светится! — надеяться уместно,
Что, если в комбинации известной

Из тысячи веществ составить смесь
(Ведь именно в смешенье дело здесь)
И человеческое вещество
С необходимой долей трудолюбья
Прогреть умело в перегонном кубе,
Добьемся мы в келейности всего.

(Снова обращаясь к очагу.)

Свершается! И все прозрачней масса!
Я убеждаюсь, что дождался часа,
Когда природы тайную печать
Нам удалось сознательно сломать
Благодаря пытливости привычной,
И то, что жизнь творила органично,
Мы научились кристаллизовать.

М е ф и с т о ф е л ь

Кто долго жил — имеет опыт ранний
И нового не ждет на склоне дней.
Я в годы многочисленных скитаний
Встречал кристаллизованных людей.

В а г н е р

(не отрывая глаз от колбы)

Вскипает, светится, встает со дна:
Работа долгая завершена.
Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.

(В восхищении разглядывая колбу.)

В стекле стал слышен нежной силы звон,
Светлеет муть, сейчас все завершится.
Я видом человечка восхищен.
Который в этой колбе шевелится.
Чего желать? Сбылась мечта наук.
С заветной тайны сорваны покровы.
Внимание! Звенищий этот звук
Стал голосом и переходит в слово.

Г о м у н к у л

(внутри колбы, обращаясь к Вагнеру)

А, папенька! Я зажил не шутя.
Прижми нежней к груди свое дитя!
Но — бережно, чтоб не разбилась склянка.

Вот неизбежная вещей изнанка:
Природному вселенная тесна,
Искусственному же замкнутость нужна.
(Обращаясь к Мefистофелю.)
А, кум-хитрец! Ты в нужную минуту
Сюда явился к моему дебюту.
Меня с тобой счастливый случай свел:
Пока я есть, я должен делать что-то,
И руки чешутся начать работу.
Ты б дельное занятье мне нашел.

В а г н е р

Одно лишь слово. Дай мне ключ к проблеме.
Теснят меня вопросами все время.
Вот в чем я, например, не разберусь:
Душа и тело слиты нераздельно,
Так отчего же тесный их союз
Не оградил их от вражды смертельной?

М е ф и с т о ф е л ь

Нет! Слушай, лучше назови причину,
Зачем не ладит с женщиной мужчина?
Ты этого вовек не объяснишь.
Но вот работа для тебя, малыш.

Г о м у н к у л

Какая?

М е ф и с т о ф е л ь
(указывая на боковую дверь)

Вот где докажи делами,
Какой талант тебе особый дан.

В а г н е р
(все время глядя на колбу)

Нет, право, ты прелестный мальчуган!

Отворяется боковая дверь, за которой виден лежащий
Ф а у с т.

Г о м у н к у л
(удивленно)

Значительно!

Колба выскальзывает из рук Вагнера и, летая над Фаустом,
освещает его.

Он бредит чудесами.

Рой женщин раздевается в тени
Густых деревьев у лесного пруда.
Красавицы на редкость все они,
Одна же краше всех, и это чудо,
Из героинь или богинь, ногой
Болтает ясность влаги ледяной.
Вода ее прохладой обнимает,
Живое пламя стана остывает.
Однако чьи бушующие крылья
Зеркальность водной глади возмутили?
Бегут в испуге девушки. Одна
Царица плеском не устрашена
И видит с женским удовлетвореньем,
Царь-лебедь нежно льнет к ее коленям.
Он робок, но становится смелей
И все настойчивее жмется к ней.
Как вдруг туман окутывает дымом
Прелестный берег и навес ветвей
Над происшествием непостижимым.

М е ф и с т о ф е л ь

Откуда взял ты это, фантазер?
Так мал еще и так уже остер!
Не вижу ничего.

Г о м у п к у л

Ты — северянин,
И ты родился в средние века.
Твой мир попов и рыцарей — туманен,
Его окутывают облака.
Как хочешь ты свободен быть и зорок,
Когда тебе привычный сумрак дорог?
(*Осматриваюсь.*)

Ужасно в вашем каменном мешке.
В загоне ум, и чувство в тупике.
Проснется спящий, и в одно мгновенье
С тоски умрет у вас по пробужденье.
Лес, лебеди, красавиц нагота —
Вот сон его, и вот его мечта.
Как примирится он с таким жилищем?
Уживчив я, но лучшего поищем.
Умчим его.

М е ф и с т о ф е л ь

Хорошее решенье.

Г о м у н к у л

Пошли приказом воина в сраженье,
А девушку в веселый хоровод.
И дело вмиг у них на лад пойдет.
Так и у нас. Я дело приурочу
К классической Вальпургиевой ночи.
Она сегодня. Вот и найден путь
Похитить спящего и окунуть
Его в родной стихии средоточье.

М е ф и с т о ф е л ь

Я слышу в первый раз об этом всем.

Г о м у н к у л

Вполне понятно. Что за удивленье?
Вам ведом романтический фантом.
Но чтоб считаться истинною тенью,
Ей надо быть классической притом.

М е ф и с т о ф е л ь

Куда же предстоит нам перелет?
Меня к собратьям древним не влечет.

Г о м у н к у л

Северо-запад — край обетованный
Твоих всех порываний, Сатана.
У нас па этот раз иные планы,
Юго-восток — вот наша сторона.
Там по равнине, обтесая скалы,
Течет средь рощ извилистый Пепей,
А выше — горы и следы камней
Старинного и нового Фарсала.

М е ф и с т о ф е л ь

Оставь! Ни слова о веках борьбы!
Противны мне тираны и рабы.
Чуть жизнь переиначат по-другому,
Как снова начинают спор знакомый!

И никому не видно, что людей
Морочит тайно демон Асмодей.
Как будто бредят все освобожденьем,
А вечный спор их, говоря точней,—
Порабощенъя спор с порабощеньем.

Г о м у н к у л

Оставь людей, их мятежи и вспышки.
Себя стараясь с детства отстоять,
Становятся мужчинами мальчишки.
Придумай, как нам спящего поднять?
Есть средство у тебя, так посоветуй,
А нет его, так предоставь мне это.

М е ф и с т о ф е л ь

О Брокене я мог бы дать совет,
Но на язычестве для нас запрет.
Всегда пустым народом были греки,
Будили чувственное в человеке,
Прикрашенный их вымыслами грех
Светлей и ярче северных утех.
Что ж мы предпримем?

Г о м у н к у л

Я прекрасно знаю,
Что если я такому шалопаю
Про фессалийских ведьм шепну слово,—
Уже соблазн какой-то налицо.

М е ф и с т о ф е л ь (плотоядно)

О фессалийских ведьмах? Любопытство
Давно к ним тянет, а не волокитство.
Отдать им жизнь, о нет, но, скажем, ночь
Для пробы, для знакомства я не прочь.

Г о м у н к у л

Тогда скорей пошире плащ раскинь,
Обвей себя и рыцаря мантильей,
И ткань, как прежде, заменив вам крылья,
Вас унесет в заоблачную синь.
Светя в пути, я полечу вперед.

В а г н е р

А я?

Г о м у н к у л

Твой долг тебя удержит дома.
Немало у тебя своих забот.
Читай пергаментов старинных томы,
Коллекционируй образцы пород,
Соединяй и систематизируй
Начала главные живого мира,
Происхожденья жизни, и души,
И вещества загадку разреши.
А между тем я света часть объеду,
Поставлю точку, может быть, над «i»,
И это будет главная победа
За годы трудолюбия твои
И даст тебе заслуженное право
На отдых, долгий век, богатство, славу,
Ты даже знанья скопиши кое в чем
И добродетель, пополам с грехом.
Прощай!

В а г н е р (печально)

Тебя я с грустью отпускаю
И больше свидеться с тобой не чаю.

М е ф и с т о ф е л ь

Так по словам двоюродного братца
Сейчас мы вылетаем на Пеней.

(К зрителям.)

В конце концов приходится считаться
С последствиями собственных затей.

КЛАССИЧЕСКАЯ ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Фарсальские поля. Тьма.

Э р и х т о

На страшный праздник этой ночи съзнова
Пришла, как прежде, я, Эрихто мрачная,
Не столь, однако, мерзкая, как подлые

Порты лгут... Они не знают удержу
Ни в прорицаньях, ни в хвалах... Белеется
Равнинны даль под серыми палатками.
Ужасной ночи бредовое зрелище,
До бесконечности ты повторяешься
И будешь повторяться вновь... Владычества
Тот не уступит никогда сопернику,
Кто крепок властью, силою захваченной,
И кто собой не в состоянье властствовать,
Тот властствовать желает над соседями.
Тут был когда-то дан пример побоищем,
Как сильный налетает на сильнейшего,
Как рвутся лепестки цветущей вольности
И жесткий лавр венчает лоб властителя.
Помпей Великий вспоминал здесь славные
Года могущества, а Цезарь взвешивал
Надежды на успех в борьбе с соперником.
Хоть знает мир, кто вышел победителем,
Их спор возобновится ночью нынешней.

Бивачные костры, пары кровавые
И вокруг огней причудливые зарева.
Фалангой эллинской преданья строятся.
Мелькают на свету, в дыму теряются
Дней баснословных сказочные образы.
Неполный, ясный месяц подымается
И ослабляет синий отблеск пламени,
Сгоняя с поля прочь палаток призраки.
Что надо мной за метеор светящийся
И тело рядом с ним шарообразное?
Я чую жизнь. Но подходить не следует
К живому мне, я для живого гибельна.
Нет пользы мне в живом, одно бесславие.
Шар опустился. Уберусь-ка вовремя.
(Удаляется.)

Воздухоплаватели в вышине.

Г о м у н к у л

Облетим еще раз с края
Место страшного сраженья,
Поле битвы, оживая,
Наполняют привиденья.

М е ф и с т о ф е л ь

Я в оконной амбразуре
К рожам севера привык,
Так при виде здешних фурий
Не могу я стать в тупик.

Г о м у н к у л

Вот одна из их орясин
Быстро прочь от нас идет.

М е ф и с т о ф е л ь

О бедняжка, так ужасен
Ей, наверно, наш прилет.

Г о м у н к у л

Опусти на эту землю
Рыцаря, и тотчас он,
Шумам этой почвы внемля,
Будет ею воскрешен.

Ф а у с т

(дотронувшись до земли).

О, где она?

Г о м у н к у л

Не знаем сами.

Но расспроси между кострами,
Пока не наступил рассвет.
Кто к Матерям дерзнул забраться,
Тому уж нечего бояться
И трудностей на свете нет.

М е ф и с т о ф е л ь

И я участие приму.
Поищем приключений в стане
И разбредемся по поляне
Во все концы по одному.
А ты б нам, малый, к сбору дал
Свою колбую сигнал.

Г о м у н к у л

Вот будет что моим призывом.
Стекло сильно звенит и светится.
В путь! К новым чудесам и дивам.

Ф а у с т
(один)

О, где она? Доведываться рано.
Пусть шла она не этою поляной,
Пускай не эта именно река
Шумела ей волной из тростника,
Пускай! Но этот воздух несказанный
Ей множил звук родного языка!
Здесь Греция, и я в ее краю!
Я эту почву ощутил мгновенно
Сквозь тяжкий сон, мне сковывавший члены,
И, встав с земли, я, как Антей, стою.
Пусть ждут там чудища и исполины,
Пойду на розыски к кострам равнины.
(Удаляется.)

У ВЕРХНЕГО ПЕНЕЯ

М е ф и с т о ф е л ь
(останавливаясь)

На группы у огней смотреть мне тяжко:
Нет ни рубашки ни на ком, ни лифа.
Все голы, всё наружу, нараспашку,
Бесстыдны сфинксы, непристойны грифы.
То спереди, то сзади, без прикрас
Хвосты и крылья тычут напоказ.
По сути, правда, и у пас стыда нет,
Но древность лишней жизненностью ранит.
По моде скрыть бы выпуклость фигур!
Все это откровенно чересчур.
Народишко! Польшу им тем не мене,
Как подобает гостю. Честь отдам
Прекрасным дамам, выкажу почтенье
Премудрым стариканам-гривачам.

Г р и ф
(гнусаво)

Не григавам, а грифам! Очень странно
Нам удружили, зачислив в стариканы!
Звучанием корней живут слова.

В них слышны грамматические свойства.
«Грусть», «грыжа», «гроб» приводят нас
в расстройство.
Мы не желаем этого родства.

М е ф и с т о ф е л ь

К чему вдаваться в дебри лексикона?
Грабеж — прямое существо грифона.

Г р и ф (т е м же тоном)

Конечно! Кто хватает, тот и хват.
Хватай именья, девушек, короны,
И золото хватай, и ты — богат.
Судьба к хватающему благосклонна.

М у р а в ь и (огромного роста)

Вы «золото» сказали? Целый клад
Скопили мы и заперли в ущелье,
Но аримаспы это подглядели,
Украли и над нами же трунят.

Г р и ф ы

Мы им покажем, жуликам пропадим!

А р и м а с п ы

Но не сегодня. Нынче торжество.
А за ночь остальное мы растащим
И в этот раз добьемся своего.

М е ф и с т о ф е л ь (усевшись между сфинксами)

По мере сил я к месту привыкаю
И даже ваши мысли понимаю.

С ф и н к с

Мы выдыхаем звуки грез едва,
А вы их превращаете в слова.
Но назовись, чтоб мы тебя узнали.

М е ф и с т о ф е л ь

Мне имена различные давали.
Скажите, между прочим, с нами рядом
Нет путешественников-англичан?
Они так любят изученье стран,
К полям сражений ездят, к водопадам.
Им подошел бы вид таких полян.
Мне также псевдоним был ими дан.
Они меня назвали в старой пьесе
«The old Iniquity» с обычной спесью.

С ф и н к с

Но почему?

М е ф и с т о ф е л ь

Мне это невдомек.

С ф и н к с

Ты сведущ в звездах? Ты б прочесть не мог,
Что в их расположении таится?

М е ф и с т о ф е л ь (подняв глаза к небу)

Звезда сменяет на небе звезду,
Свет молодого месяца струится.
Я славный у тебя приют найду,
Согрей меня своею шкурой львиды.
Зачем нам уноситься в звездный край?
Шараду иль загадку мне задай.

С ф и н к с

Ты можешь сам задать ее успешно.
Ведь, собственно, ты — парадокс сплошной.
Ты — это то, в чем с силою одной
Нуждаются и праведный и грешный:
Один, чтоб злу всегда сопротивляться,
Другой, чтоб злу вседело подпадать.
Все для того, чтоб Зевсу повод дать
Премило над обоими смеяться.

П е р в ы й г р и ф (гнусаво)

Мне мерзок он!

Второй гриф
(еще более в нос)

И мне не по нутру.

О б а

Мерзавец здесь совсем не ко двору.

М е ф и с т о ф е л ь
(*грубо*)

Как ты — когтями, если не сильнее,
Царапаться ногтями я умею.
Попробуй-ка!

С ф и н к с
(*с женской лаской*)

Ты можешь здесь оставаться,
Тебя потянет самого домой.
Там край родной, свои и домочадцы,
А здесь, мне кажется, ты сам не свой.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты привлекаешь верхней половиной!
Но ужасаешь нижнею, звериной!

С ф и н к с

Лап наших испугался? Поделом!
Попался, старый? Так тебе и надо.
У львицы в лапах на себя досадуй,
Что ты без лап, с копытом, да и хром.

В вышине сирены пробуют голоса.

М е ф и с т о ф е л ь

Какие птицы с пеньем забрались
В приречный этот тополь у теченья?

С ф и н к с

Не вслушивайся лучше. Берегись.
Храбрейших погубило это пенье.

С и р е н ы

Ах, не путайтесь с презренным
Этим сфинксовым отродьем.

Обратитесь к нам, сиренам.
Мы красотой всех превосходим,
Трели голосом выводим.

Сфинксы
(передразнивая сирен на тот же лад)

Вы заставьте их спуститься.
Что они забились в листья,
Всяких коршунов когтистей?
Лишь заслушайтесь,— в награду
Разорвут вас эти птицы,
Вылетевши из засады.

Сирены

Прочь раздоры! Рознь долой!
Пусть забывают одной струей
Волны радости земной:
Дружно на воде, на суще
Гостю выкажем радушье
Всюю нашую семьюй.

Мефистофель

И струн прекрасны перезвонь,
И голоса не монотонны,
Но тем не менее напев
Единственно лишь слух ласкает,
А в душу мне не проникает,
Нисколько сердца не задев.

Сфинксы

Какое сердце? Слово слишком громко.
Не сердце, а пустой горластый зев
Да, может быть, старьевщика котомка.

Фауст
(подходя)

Как крупно все! Черты души громадной
Здесь даже и в уродливом наглядны!
Все мне кругом так много говорят
И, кажется, удачу мне сулит.

(Посмотрев на сфинксов.)
Пред ними некогда стоял Эдип.
(Посмотрев на сирен.)

От этих Одиссей чуть не погиб,
В пеньковых путах корчась.

(Посмотрев на муравьев.)

Муравьями

Редчайший в мире клад зарыт был в яме.

(Посмотрев на грифов.)

Тот клад вот эти грифы стерегли.

В какой величественной панораме
Былое подымается вдали!

М е ф и с т о ф е л ь

Ты прежде плонул бы на этот сброд,
А ныне видишь тут родной свой угол.
Кто поиски возлюбленной ведет,
Тот радуется виду встречных пугал.

Ф а у с т (сфинксам)

Вы, с женщинами сходные на глаз,
Не видел ли Елены кто из вас?

С ф и н к с ы

Наш род до дней Елены не восходит.
Убил последних бабок Геркулес.
Спроси Хирона. Он в округе бродит,
Ступай к нему скорей наперerez.

С и р е н ы

Можем быть и мы полезны.
К нам заехав на привал,
Некогда Улисс любезный
Много нам порассказал.
Из услышанных историй
Мы б не скрыли ничего,
Если бы ты для того
Перебрался к нам на взморье.

С ф и н к с

Гость, не поддавайся лжи
И обманщицам отпетым!
Как Улисс, себя свяжи,
Но не цепью, а советом:

Отыщи Хирона. Он
В эти тайны посвящен.

Фауст удаляется.

М е ф и с т о ф е л ь
(с недовольством)

Кто это, каркая сурово,
Летит с такою быстротой,
Что никакому птицелову
В ту кучу не попасть стрелой?

С ф и н к с

Стремительнее стрел Алкида,
И зимних бурь, и птичих стай
Над нами мчатся стимфалиды,
Безвреден их вороний грай.
Их клювы хищно крючковаты,
А лапы словно у гусей.
Они нам родственники, сваты,
И к нам летят станицей всей.

М е ф и с т о ф е л ь
А это что за свист злодейский?

С ф и н к с .

Пусть эти гады не страшат.
То головы змеи Лернейской,
Хоть много лет тому назад
Мечом отнятые от торса,
По старой памяти шипят.
Во что глазами ты уперся?
Куда кидаешь нежный взгляд?
Там — ламии, там привиденья.
Не пяль глаза в том направленье,
А то ведь сам не будешь рад,
Свернешь, оглядываясь, шею.
А впрочем, я держать не смею,
Ступай к ним, окунись в разврат.
Они развязные особы,
Со льстивым ртом и медным лбом,
И, как сатиры зазнобы,
Повсюду лезут напролом.

М е ф и с т о ф е л ь

Но я, вернувшись, сфинксов здесь застану?

С ф и н к с

О да, конечно! Отправляйся к ним.
Мы, родом из Египта, невозбранно
Уже тысячелетьями дарим
И высимся для вас подобьем вех,
Чтоб направлять луны и солнца бег.

Мы сидим у пирамид,
Как судилище народов,
В годы мира, войн, походов,
Сохраняя тот же вид.

У НИЖНЕГО ПЕНЕЯ

П е н е й, окруженный ручьями и нимфами.

П е н е й

Зашурши, камыш! Мне дорог
Тихий тростниковый шорох.
Тополь, всколыхнись лениво,
Содрогнись листвою, ива,
И тогда я вновь усну.
Отзвук страшного чего-то,
Бури иль переворота,
Разогнал мою дремоту,
Хоть и клонит вновь ко сну.

Ф а у с т (подойдя к потоку)

С видимостью как бороться?
Как мне слух от вод отвлечь?
В рокоте их раздается
Человеческая речь!
За ветвями — шуры-муры
Волн и ветра-балагура.

Н и м ф ы (Faustu)

Всего будет лучше,
Когда постепенно

В тени ты растянишь
Усталые члены,
Такого покоя
Всегда ты лишен,
А мы б тебе пеньем
Навеяли сон..

Ф а у с т

Ведь я не сплю, я наяву
Тех женщин вижу в отдаленье.
И все ж они как в сновиденье,
И я боюсь, что сон прерву.
Как мне знакомо их явленье!
Я точно видел их в былом!
Со всех сторон через осоку
Стекаются ручьи притока
В один, удобный для купанья,
Глубокий, чистый водоем.
В нем, отражаемая влагой,
Стоит и плавает ватага
Купальщиц, царственных собой.
Они разбрасывают брызги,
И слышны плеск, и смех, и взвизги
Веселой битвы водяной.
Достаточно мила картина.
Зачем же я ее покину?
Но ненасытен взор живой
И рвется дальше, под защиту
Кустарника, в котором скрыта
Царица за густой листвой.

Вдруг, о прелесть! Горделиво
Лебеди плывут, залива
Ясности не колыхнув.
Их скольжение — нежно, плавно,
И у каждого державны
Шея, голова и клюв.
Но один, всю эту стаю
Смелостью опережая,
Круто выгибает грудь.
Шумно раздувает перья
И к святилища преддверью
Прямо пролагает путь.

Другие плавают в затоне
Или бросаются в погоню
За девушками всей толпой,
И, госпожу забыв, служанки
В испуге прячутся, беглянки,
Всесдело заняты собой.

Н и м ф ы

Приложите ухо все
Здесь к земле, травой покрытой.
Слышу на речной косе
Отзвук конского копыта.
Знать бы только, кто так скор,
Что летит во весь опор?

Ф а у с т

Кажется, земля трясется
Под галопом иноходца,
Не верю сам
Своим глазам!
Какая встреча!
Чем я отвечу?
Искусный, пылкий всадник мчит.
С конем он неразрывно слит.
О конь и получеловек,
Все, все сказал мне твой разбег!
Тобою может быть один
Филиры знаменитый сын.
Стой, стой, Хирон, и отзовись!

Х и р о н

Ну, что тебе?

Ф а у с т

Остановись!

Х и р о н

Я мчусь без устали.

Ф а у с т

Постой.

Тогда возьми меня с собой.

Х и р о н

Садись. Начни свои расспросы.
Куда тебе? Тебя б я мог
Перенести через поток
С крутого этого откоса.

Ф а у с т

Мне все равно. Я — твой навек
Должник, великий человек,
Взрачивший целый род героев
Достоинством своих устоев,
Круг аргонавтов, с прочей всей
Семьей больших богатырей.

Х и р о н

Не говори о воспитанье.
Была Паллада скверной няней.
Живут, урокам вопреки,
Своим умом ученики.

Ф а у с т

Тогда приветствую врача,
Который, всякий вред леча,
Все травы изучил на свете
И сам еще во всем расцвете.

Х и р о н

Да, в старину, признаюсь сам,
Умел я врачевать раненья,
Но я теперь свое уменье
Оставил бабкам и попам.

Ф а у с т

Как человек большой, ты скромно
Увиливаешь от похвал,
Как будто сам ты слишком мал,
А подвиги других огромны.

Х и р о н

А ты мне льстишь, как все льстецы,
Втираясь в хаты и дворцы.

Ф а у с т

Но согласись: ты жил со всеми,
Которых выдвинуло время,
И прожил жизнь, как полубог.
Всех испытавши камнем пробным,
Кого б из них назвать ты мог
Достойным самым и способным?

Х и р о н

Из аргонавтов был любой
Богатырем на свой покрой.
Чего одним недоставало,
То доблесть прочих возмешдала.
Красавцам Диоскурам в дар
Достался юношеский жар.
Решимость с остротою взгляда
Соединяли Бореады.
Умом, советом брал Язон,
Поклонницами окружен.
Когда Орфей играл на лире,
Дышалось всем и пелось шире.
И днем и ночью меж зыбей
Кормилом управлял Линкей.
В опасность дружно все бросались,
И все друг другом восхищались.

Ф а у с т

Про Геркулеса ты забыл.

Х и р о н

Ты боль мою разбередил.
Я не видал богов. Ареса
Не видел, Феба и Гермеса,
Когда моим земным очам
Предстал приравненный к богам.
Он явно сыном был монаршим.
Пленительный и молодой,
Смирялся он пред братом старшим
И лучших женщин был слугой.
Уж не родит такого Гея
И Геба ввысь не унесет.
Ни статуи, ни эпопеи
Нейдут в сравненье с ним в расчет.

Ф а у с т

Да, он у всех выходит хуже,
Чем у тебя. Не откажи
И после слов о лучшем муже
О лучшей женщине скажи.

Х и р о н

Ничтожна женщина красота,
Безжизненная зачастую.
Воистину прекрасна та,
Что и приветлива, чаруя.
Живая грация мила,
Неотразима, не надменна,
Такою именно была,
Когда я вез ее, Елена.

Ф а у с т

Ты вез ее?

Х и р о н

Да, на загривке.

Ф а у с т

И я на этой же спине!
Ах, сведений твоих обрывки
Всю голову вскружили мне!

Х и р о н

Она, вскочив, взялась за гриву,
Как ты. За прядь моих волос.

Ф а у с т

Я вне себя! О, я счастливый!
Я весь теряюсь в вихре грез!
Я посвятил ей все порывы!
Куда же ты Елену вез?

Х и р о н

Отвечу на вопрос сейчас.
В те дни похитили Елену.
Два Диоскура в тот же час
Спасли свою сестру из плена.

Но похитители, озлясь
На дерзость нашего налета,
Пустились за беглянкой вслед,
Мы взяли вбок у поворота,
Решивши уходить от бед
Чрез Элевзинские болота.
И братья перешли их вброд,
Я ж переплыл с живою ношней,
И, наземь спрыгнув на бегу
И ручкой гризу мне ероша,
Она была на берегу
Так хороша, так молода,
И старику на загляденье!

Ф а у с т

Ей шел десятый год?

Х и р о н

Года

Ее — ученых измышленье.
Мифическая героиня —
Лицо без возрастных примет.
Поэт дает без точных линий
Ее расплывчатый портрет.
Еще до совершеннолетья
У ней поклонников орда,
Когда она уже седа,
То и тогда еще в расцвете.
Не оставляя в ней следа,
Всю жизнь, сквозь все метаморфозы,
Грозят ей свадьбы и увозы.
Поэту время не указ.

Ф а у с т

Она и не пример для нас.
Ведь удалось Ахиллу в Ферах,
Как, верно, ведомо тебе,
С ней жить вне наших рамок серых,
Вне времени, назло судьбе!
Неужто я ее одну,
Божественную, молодую,
Как я ее себе рисую,
Всей страстью к жизни не верну?

Ее ты видел в старину,
А я лишь поутру сегодня,
И я тоскую безысходней,
Чем ты. Я дня не протяну.

Х и р о н

Пришлец! Наверно, твой влюбленный пыл
Среди людей считается законным,
Но духи держатся иных мерил,
И мне ты кажешься умалишенным.
Ты вовремя нас, к счастью, посетил,
Я в эту ночь, долину обегая,
Дочь Эскулапа, Манто, посещаю.
Она отцу в тиши моленья шлет,
Чтоб обуздал врачей он и безвинно
Им больше не давал морить народ
Усердием во славу медицины.
Хочу, чтоб ты немного погостили
У Манто, самой милой из сивилл.
Лечись травой под бабки руководством
И навсегда покончишь с сумасбродством.

Ф а у с т

Лечиться, чтоб огонь во мне потух?
Чтоб стал я рассудителен и сух?

Х и р о н

Не отвергай спасительного зелья.
Слезай скорее наземь. Мы у цели.

Ф а у с т

Куда через ручьи и мимо скал
Во мраке ночи ты меня примчал?

Х и р о н

Олимп налево и Пеней направо.
Здесь Греция и Рим решали спор,
Чьей будет необъятная держава,
Теряющаяся в песках средь гор.
И царь бежал, а победил народ.
Теперь взгляни. Безмолвием волнуя,
Пред нами древний храм стоит вплотную
Лучам луны распахивая вход.

М а н т о
(внутри храма, в бреду)

Чу! Не копыта ли коня
Гремят на мраморном пороге?
Не вы ли навестить меня
Пожаловали, полубоги?

Х и р о н

Да, это мы перед тобой.
Глаза пошире лишь открай!

М а н т о
(пробуждаясь)

Добро пожаловать. Ты подоспел?

Х и р о н

Да, это я. Твой храм, как прежде, цел?

М а н т о

Как видишь, цел. А ты, как прежде, рыщешь?

Х и р о н

Ты неподвижности для счастья ишешь,
А я для удовольствия кружу.

М а н т о

Да, время мчит, я ж в стороне сижу.
А это кто?

Х и р о н

Ночное колдовство
Волной прибило к берегу его.
Несчастный помешался на Елене.
Он ищет здесь ее, а как найти,
Для этого не ведает пути.
Больной нуждается в твоем леченье.

М а н т о

Кто хочет невозможного, мне мил.

Тем временем Хирон быстро уносится.

Входи, смельчак! Ты мне приязнь внушил.
Вот спуск в Олимпа недра к Персефоне.
Она там в подземелье стережет
Гостей, как ты, непрошеный приход.

Однажды, совершая беззаконье,
Орфея тайно я сюда ввела.
Кончай ловчей, чем он, свои дела.
Спускаются в глубину.

У ВЕРХОВЬЕВ ПЕНЕЯ, КАК ПРЕЖДЕ

С и р е н ы

С камня бросимся в Пеней,
Воду плеском рук запеним,
Грусть людей разгоним пеньем,
Чтоб жилось им веселей.
Без воды была б напасть.
К устью поплыем и вскоре
Игрицам в Эгейском море
Шумно отдадимся всласть.

Землетрясение.

Но река надулась, стала
И обратно побежала,
Разливается, бурля,
Грохот, гул, трещит земля.
Из расселин валит дым.
Страшно нам! Бежим, бежим!
Край небезопасный бросьте,
Следуйте за нами, гости!
К морю, к дали голубой,
Где сверкающий прибой
Набегает, пеной брызжет,
Отбегает, камни лижет
И где блещут две луны —
С неба и из глубины.
Там пловцов свободных взмахи,
Здесь — землетрясенья страхи.
Здравый смысл бежать велит,
Местность ужасом грозит.

С е й с м о с
(возясь и ворча под землей)

Ну-ка, плечи понатужу,
Крякну, двину раз-другой,
Высунусь в дыру наружу,
Все подастся предо мной.

С ф и н к с ы

Как качает! Фу, как гадко!
Ни покоя, ни порядка!
То налево валит с ног,
То кладет на правый бок.
Как ни велика досада,
Будем мы терпеть и ждать.
Если б ад восстал, не надо
Места никогда менять.

Что за выдавшийся свод
Чудом из-под почвы прет?
Это он, седоволосый
Зодчий острова Делоса,
Приподнявший вверх из вод
Островок со дна морского
Женщине, рожать готовой,
Для приюта от невзгод.
Плотен, кряжист, коренаст,
Как Атлант, наддаст, надавит,
Сдвинет почвы целый пласт
И его ребром поставит.
Дно речное, хрящ, песок
Взвалит вдруг на горб заплечный,
Трещиной весь край приречный
Разорвавши поперек.
От натуги став огромней,
Шеей подперев гранит,
Как со дна каменоломни
Он из-под земли глядит.
Дальше вылезть не дадим,
Путь наружу преградим.

С е й с м о с

В конце концов признать пора
Мои труды, толчки и встряски.
Без них могла ль земли кора
Такой прекрасной быть, как в сказке?
Где было б гор великолепье,
Когда б я в недра их не влез
И на своей спине их цепи
Не поднял в синеву небес?

Свидетелями были предки,
Хаос и Ночь, как я их тряс,
Да и титаны-однолетки,
Участники моих проказ.
Нам были нипочем утесы.
В своем задоре, силачи,
Мы горы Пелион и Оссу
Подбрасывали, как мячи.
А в довершение веселья,
Повесы и озорники,
Мы сверху на Парнас надели
Два пика те, как колпаки.
Теперь там роди Аполлона,
Но я и Зевсу порадел,
Подняв ему Олимп для трона
И для его громов и стрел.
И, вырвавшись рывком тяжелым
Из бездн на шумный праздник ваш,
В подарок бодрым новоселам
Я выворотил этот кряж.

С ф и н к с ы

Делом древности могли бы
Показаться эти глыбы,
Если б мы не убедились,
Как их слой из почвы вылез.
Вокруг нагроможденья свежих плит
Зеленый лес разросся и шумит.
Но вопреки сильнейшим потрясеньям
Мы, сфинксы, старых мест не переменим.

Г р и ф ы

Посмотрите! В дыры, в щели
Искры золота засели.
Муравьи, не проморгайте:
Этот клад отковыряйте!

Х о р м у р а в ь е в

Где кручу горную
Расперло сдвигом,
Туда, проворные,
Пуститесь мигом!

Семьею бойкою
Тащи находки,
Пласти с прослойкою
И самородки!
С рассвета самого
До поздней ночи
Руду отламывай,
Горпорабочий!
В скале расколотой
Толпою дружной
Ищите золото!
Земли не нужно!

Г р и фы

Марш, марш! И золотистый крап
Ссыпайте здесь, у наших лап.
Ведь нет запоров и ключей
Вернее грифовых когтей.

П и г м е и

Вот и мы тут разместились,
Стали на ноги, стоим,
А откуда мы явились,
Неизвестно нам самим.
Для пристанища довольно
Малой трещины в земле.
Даст скала разлом продольный,
Даст и карлика в скале.
В этом каменном уступе
Он и разведет семью
С карлицей своею вкупе,
И не хуже, чем в раю.
По случайности счастливой
Тут нашелся кров жилой.
И восток и запад живы
Только материю-землей.

Д а к т и л и (мальчики с пальчики)

Но если за почь эта мать
Плодит пигмеев род мизерный,
То не откажется рожать
Нас, самых маленьких, паверно.

Предводители пигмеев

С резвою прытью
Место займите.
Натиск мгновенный
Силе замена.
Куйте в дни мира
Войску секиры.
Кузницы зданье
Стройте заране.

Род муравьиный,
Вройся в глубины!
Мало-помалу
Плавьте металлы.
Дактили-крошки,
Тонкие ножки,
Стаскивай в кучи
Хворост и сучья!
Жгите совместно
Уголь древесный.

Генералиссимус

Луки и стрелы
Взявиши, за дело!
Бейте в заливах
Цапель спесивых
Штурмом нежданным
Всех до одной!
В шлеме с султаном
Над головой.

Муравьи и дактили

Как быть? Спасенья
Нет никакого.
Мы роем руды,
Из этой груды
Куются звенья
Нам на оковы.
До той минуты,
Как, взяв преграды,
Не сбросим путы,
Мириться надо.

И в и к о в ы ж у р а в л и

Крик убийц и жертв стенанье,
Крыльев шумное ширянье
Катится из тростника
К нам сюда за облака!
Цапли скопом перебиты,
Кровью берега покрыты.
Перья их и хохолки
Украшают шишаки
Изуверов и злодеев,
Толстых и хромых пигмеев.
Отзовитесь, журавли,
За морями и вдали,
Соберите ополченье,
Преисполняясь духом мщенья,
Ни пред чем не постоим!
Смерть исчадьям воровским!
(С криком разлетаются.)

М е ф и с т о ф е л ь (на равнине)

Ведьм севера смирять — одни безделки,
А здесь я, право, не в своей тарелке.
Насколько лучше Блоксбергская высь!
Там ты свой брат, куда ни повернись.
Свой Ильзенштейн там Ильза стережет,
На высоте своей нас Генрих ждет,
И Храпуны шлют Эленду-деревне
Лет тысячу свой отзвук эха древний.
Там прочно все, а тут, того гляди,
Путь под тобой прогнется впереди.
Шел, кажется, сейчас по ровной глади,
Глядишь — гора образовалась сзади,
Пусть не гора, бугор, но, став стеной,
Преграда он меж сфинксами и мнай.
Огни костров горят. Пройдусь вдоль ряда,
Пригляднется компания, подсяду.
Еще, заигрывая и дразня,
Шалуны вертятся вокруг меня.
Ну что ж, пожалуйста. Я по привычке
Не откажусь от свеженькой клубнички.

Л а м и
(увлекая Мефистофеля за собой)

Живее, живо!
То приближаясь,
То удаляясь
Толпой болтливой!
Ах, как потешно,
Что в виде кары
Любезник старый
За нами, грешный,
Трусит поспешно!
О волокита!
О сердцеед!
Ногой разбитой
Влача копыто,
Хромает вслед.

М е ф и с т о ф е л ь
(останавливаясь)

Мужчины-дурни, род упрямый,
Посмешища со дня Адама!
Вы, и состарившись весьма,
Не прибавляете ума.
Проверено на деле всеми,
Что бабы — порченое племя.
Все сделано, все из прикрас,
Стан сужен, растопырен таз.
Доказывать, однако, надо ль,
Что сами пуститесь вы в пляс,
Едва засвищет эта падаль?

Л а м и
(останавливаясь)

Он стал, обдумывает, ждет.
Приблизимся, а то уйдет.

М е ф и с т о ф е л ь
(двинувшись вперед)

Решительней! Без остановок!
Раздумывать в мои лета!
Быть только чертом без чертовок
Не стоило бы ни черта.

Л а м и и
(*приветливо*)

К молодцу приблизим лица.
Он к одной из нас, сестрицы,
Нежностью воспламенится.

М е ф и с т о ф е л ь

При неполном освещенье
Все вы просто восхищенье.
Говорю не в осужденье.

Э м п у з а
(*врываюсь*)

Здравствуйте! Я той же масти
И в игре приму участие.

Л а м и и

Ты — лишняя, да и урод,
И нам испортишь хоровод.

Э м п у з а
(*Мефистофелю*)

Я тетушка твоя Эмпуза
С ослиною ногой кургузой.
Хотя ты с конскою ногой,
Привет тебе, племянник мой.

М е ф и с т о ф е л ь

От всех в чужом kraю скрываясь,
На родственников натыкаюсь.
Что Гард, что Греция, — меня
Везде преследует родня.

Э м п у з а

Я превращаться мастерица,
И я сегодня в честь твою,
Чтоб к родственнику подольститься,
С ослиной головой стою.

М е ф и с т о ф е л ь

Хотя фамильное родство
Тут ценят более всего,
Я отрекаюсь самочинно
От тетки с головой ослиной.

Л а м и и

Уродину ты эту брось!
Она — страшилище округи.
Все, что есть милого, в испуге
Бежит, рассеиваясь врозь.

М е ф и с т о ф е л ь

Однако вы и сами, дивы,
Так подозрительно смазливы!
Что, ежели румянцем щек
Прикрыт какой-нибудь порок?

Л а м и и

Смелее! Выбирай! Нас много.
Отважься, подойди, потрогай,
Лови счастливый миг, храбрец!
Не дорожись, к чему волынка?
Ты тоже, знаешь, не картинка,
А держишься грозой сердец.
Приблизься, и под платьем бальным
Без масок, в виде натуральном
Рассмотришь всех нас наконец.

М е ф и с т о ф е л ь

К красивейшей подъеду храбро.
(*Обнимая ее.*)
О ужас! Тощая, как швабра!
(*Хватая другую.*)
Быть может, эта! Ай-ай-ай!

Л а м и и

Не стоишь лучшей, так и знай.

М е ф и с т о ф е л ь

Мне маленькая взгляд бросает,
Но — ящерицей ускользает
Со скользкой, как змея, косой.
Приволокнусь-ка за большой.
Ах, надо было быть воздержней!
Я вместо девушки рукой
Хватаю булаву на стержне.

От этой палки путь прямой
До той упитанной особы.
Таких в гаремах чтут набобы.
Но только тронул пышку, — вмиг
И лопнула, как дождевик.

Л а м и и

Взлетим в лазурь! Подымем бурю!
Над ним завьемся стаей фурий!
Зареем, как нетопыри!
Ну, ведьмин сын, доволен нами?
Что ты отдался от ламий
Так дешево, благодари!

М е ф и с т о ф е л ь (отряхиваясь)

Одуматься б, а я все прытче,
Умней не стал от этих штук.
Поездишь, смотришь, нет различий,
Что дальний север наш, что юг,
Обман повсюду одинакий,
Засилье призраков-кривляк,
Везде писатели ломаки,
Во всех краях народ дурак.
И тут, как у других, хлопочут
И в масках чувственность щекочут,
Но по спине прошел мороз,
Чуть руку к грациям поднес.
Ведь я не враг самообмана,
Не обрывался б он так рано.
(Заблудившись среди камней.)
Где я? Что это? Вот те на!
Шел по тропинке, вдруг — стена.
Откуда это возвышенье?
Вот так камней передвиженье!
Напрасно влез я на гряду.
Где сфинксов я своих найду?
Недурно, за ночь, наугад
Расставить цепь таких громад!
Тут ведьмы сами к месту сбора
Привозят Блоксбергские горы.

Ореада
(с высоты естественного утеса)

Сюда, на эту гору влезь.
Она с начала мира здесь.
Чти Пинда крайние отроги.
Они незыблемы с тех дней,
Когда бежал по той дороге,
Сраженье проиграв, Помпей.
А эти призраки — труха.
Их сгонит пенье петуха,
И кажущийся округ горный
Исчезнет в виде сказки вздорной.

Мефистофель

Хвала тебе, скалы чело!
Ты густо дубом обросло.
Тебя обходит месяц краем,
Мрак чащ твоих непроницаем.
Но вот другой какой-то свет
Мелькает за луною вслед.
Как кстати! Этой вспышкой малой
Гомункул мне дает сигналы,
Откуда ты взялся, пузырь?

Гомункул

Я облететь успел всю эту ширь.
Мне в полном смысле хочется родиться,
Разбив свою стеклянную темницу,
Но все, что я заметил до сих пор,
Меня не увлекает на простор.
Двух мудрецов подслушал я беседу,
Шел о природе философский спор.
Я все верчусь по свежему их следу,
Чтоб до конца дослушать разговор.
Наверно, все известно им, всесильным,
Они укажут, может быть, пути,
Как поступить мне в деле щепетильном
И полностью на свет произойти.

Мефистофель

Нет, лучше верь себе лишь одному.
Где призраки, свой человек философ.
Он покоряет глубиной вопросов,

Он все громит, по после всех разносов
Заводит новых предрассудков тьму,
Кто не сбивался, не придет к уму,
И, если ты не крохоборец жалкий,
Возникни сам, сложись своей смекалкой!

Г о м у н к у л

Благой совет порой неодненим.

М е ф и с т о ф е л ь

Счастливый путь! Потом поговорим.

Расходятся.

А н а к с а г о р
(Фалесу)

Какие доводы представить,
Чтоб взгляд превратный твой исправить?

Ф а л е с

Послушна ветерку волна,
Но прочь бежит от валуна.

А н а к с а г о р

След извержений — гор зигзаги.

Ф а л е с

Вся жизнь проистекла из влаги.

Г о м у н к у л
(между обоими)

Простите, вторгнусь в вашу речь:
И я хотел бы проистечь.

А н а к с а г о р

Фалес, ты б за ночь мог из тины
Такие взгромоздить вершины?

Ф а л е с

Природы превращенья шире,
Чем смена дня и ночи в мире.
Во всем большом есть постепенность,
А не внезапность и мгновенность.

А н а к с а г о р

Но здесь внезапный был толчок.
Плутон внутри огонь зажег,
Равнину газами Эол
Взорвал, и холм произошел.

Ф а л е с

Допустим. Он стоит. Ну что ж?
Какой ты вывод извлечешь?
Мы времени с тобой не ценим,
Занявшись этим словопреньем.

А н а к с а г о р

Из недр горы явились мирмидоны,
Пигмеи, муравьи, народ смышеный,
Трудолюбивый, хоть и мелкота,
И заселили впадины хребта.

(Гомункулы.)

Ты не мечтал о власти над толпой,
Жил, оградясь своею скорлупой,
Но, если изберешь судьбу иную,
Тебя царем я здешним короную.

Г о м у н к у л

Фалес, что скажешь?

Ф а л е с

Пропадешь.

Средь малых действуя, мельчаешь,
А средь больших и сам растешь.
Ты тучу в небе замечаешь?
Пигмеям, испуская клики,
Пророчат гибель журавли.
Так было бы и их владыке,
Когда б тебя им нарекли.
Тревога в карликовом стане!
Всю тяжесть клювов и когтей
Рука слепого воздаянья
Обрушит на коротышей.
Пигмеи сами виноваты,
И если попадут в беду,
То это должна расплата
За мертвых цапель на пруду.

За кровь, окрасившую воды,
Вступились птицы их породы.
Теперь ничто, ни шлем, ни щит,
Виновников не защитит.
Народ убийц забился в норы.
А войско, не сдержав напора,
Смешалось, дрогнуло, бежит.

А п а к с а г о р
(после некоторого молчания, торжественно)

Молился я подземным божествам,—
Небесным надо поклоняться нам,
Луна, Диана и Геката!
Я обращаюсь в высоту
И твой предвечный образ чту
В трех этих именах, тройчатый!
За бедный мой народ поратуй,
Врагу попавший под пяту.
Ты, животворная и углубленная,
Ты внешне кроткая, но непреклонная,
Во устрашенье вражьих душ
Свой гнев с небес на них обруши!

(Останавливается.)

Богиня мне вняла до срока.
Я сам не рад:
Мольбой к владычице высокой
Я пошатнул земли уклад.
Все ближе, ближе и огромней
Летящий сверху лунный шар.
От ужаса себя не помню.
Я сам навлек ее удар.
Недаром носится молва,
Что фессалийские колдуны
Сводили силой колдовства
Луну на землю в полнолуние.
Шар близится и потемнел.
Готово! Стрелы молний, пламя!
Богини голос прогремел!
Ниц! Наземь пред ее стопами!
Я вызвал эту тучу стрел,
Я виноват кругом пред вами.

(Падает ниц.)

Ф а л е с

Чего-чего он только не видал!
Признаться, ничего я не заметил.
Безумна ночь, и он безумным стал.
А месяц в высоте, как прежде, светел
И в том же месте блещет, где сиял.

Г о м у н к у л

Взгляни на холм, где скучились пигмеи.
Гора была кругла, теперь острее.
Я треск неописуемый слыхал.
С луны обломок каменный упал
И раздавил укрывшихся в канавах,
Не разбирая правых и неправых.
Но я хвалю тот творческий почин,
Который, сверху действуя и снизу,
В теченье ночи, как бы по капризу,
Настроил столько гор и котловин.

Ф а л е с

Не думай! Эти горы — призрак мнимый,
Пусть гибнет гномов гадостная тварь,
И радуйся, что ты у них не дарь.
На праздник моря поспешить должны мы,
Где от души нам каждый будет рад.

Уходят.

М е ф и с т о ф е л ь

(взбиралась с другой стороны)

Едва вскарабкался на этот скат,
Хватаясь за кривые корни дуба!
Ах, оттого-то мне на Гарце любо,
Что с серой схож сосновый аромат,
А на дубовой этой лесосеке
Не чувствуется запаха смолы.
Хотел бы знать, чем нагревают греки
В своем аду для грешников котлы?

Д р и а д а

Ты смыслом доморощенным хорош,
А на чужбине этим не возьмешь.
Чем к нам соваться со своим уставом,
Ты поклонился б здесь святым дубравам,

М е ф и с т о ф е л ь

Покинутый вдали родимый край
Всегда в разлуке дорог, словно рай.
Что жмется там за чудище тройное
В пещере, освещаемой луною?

Д р и а д а

Там форкиады скорчились внутри.
Не трусь, ступай к ним и заговори.

М е ф и с т о ф е л ь

Охотно. Я стою и столбенею.
Как я ни горд, а опозорен в лоск.
Не может этого вместить мой мозг,
Что эти дивы мандрагор страшнее!
И смертный грех, видать, не так дурен,
Раз с пугалами этими не сходен.
Мы б выгнали из преисподней вон
Таких неописуемых уродин.
И безобразья крайнего черты
Родятся здесь, в отчизне красоты!
Еще зовут античной эту жуть,
Наверное, считая славой мира.
Но чудища зашевелились, чуть
Меня вблизи почуяли, вампиры.

Ф о р к и а д а

Подайте мне единственный наш глаз.
Кто, сестры, в храме потревожил нас?

М е ф и с т о ф е л ь

Приблизившись сюда, позвольте мне
Благословенъя попросить втройне.
Я вам чужой, но, разобрав детальней,
Наверное, я родственник вам дальний.
Уже, как странник по святым местам,
Я поклонился старым всем богам,
И Опс и Рее. Я в порыве жарком
Трем вашим сестрам поклонился, паркам,
Но равных вам хотя бы чем-нибудь
Я не нашел за весь свой долгий путь,
Я слов ищу приличных для канона
И, не найдя, смолкаю восхищенно.

Ф о р к и а ды

Дух этот, кажется, умен и смел.

М е ф и с т о ф е ль

Как странно, что никто вас не воспел,
И удивительно, что средь скитаний
Не находил я ваших изваяний,
А в отношенье формы и лица
Вы не в пример достойнее резца,
Чем бюсты Гер, Паллад, Венер и прочих,
Столь частые у скульпторов и зодчих.

Ф о р к и а ды

Уединившись по своей охоте,
Не думали мы о таком почете.

М е ф и с т о ф е ль

Да где и было думать вам в тиши
Такого полного уединенья,
Где вас никто не видит, вне общенья.
В дыре, где не бывает ни души?
Переезжайте в бойкие места,
Где царствует искусства красота
И ежедневно чередой богатой
Возводит на высокий пьедестал
Героев края в виде стройных статуй.

Ф о р к и а ды

Не соблазняй! Ты б лучше замолчал.
К чему нам свет, к чему совет твой пылкий?
Нас Ночь произвела, мы три бобылки.
Родясь во тьме, останемся мы тут,
В безвестности забившись в свой закут,

М е ф и с т о ф е ль

Тогда мы ваше дело так поправим:
У вас ведь зуб и глаз один на трех?
Свершим мифологический подлог
И вас троих как бы двумя объявим,
А я бы взять тогда на время мог
В свое распоряженье внешность третьей,
Чтоб представлять вас с выгодою в свете.

Одна из форкиад

Ну как вы, сестры?

Другие

Сговоримся с ним,
Однако глаза с зубом не дадим.

Мефистофель

Венец картины в зубе ведь и глазе!
Как быть тогда при этаком отказе?

Одна из форкиад

Зажмусть свой глаз один и выставь клык,
И в профиль ты наш вылитый двойник,
Как будто брат наш.

Мефистофель

Слишком много чести.
Да будет так!

Форкиады

Да будет так!

Мефистофель

(уподобившись в профиль форкиаде)

Без лести,
Вот я, Хаоса сын новооткрытый!

Форкиады

Мы дочери его. Ты средь сестер.

Мефистофель

О, до чего я дожил! Вот позор!
Меня все примут за гермафродита!

Форкиады

Ах, как мы все похорошели сразу:
Теперь у нас два зуба и два глаза.

М е ф и с т о ф е л ь

Мне в этом виде лишь чертей пугать,
А больше носу некуда казать.
(Уходит.)

СКАЛИСТЫЕ БУХТЫ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

Луна, остающаяся все время в зените.

С и р е н ы

(расположившись кругом на утесах, играют
на флейтах и поют)

Как преступницы и лгуньи,
Фессалийские колдуны
Низводили беззаконно
Трон твой наземь с небосклона.
Но спокойно, примиренно
Посмотри на блеск затона
И на белые буруны
Разволнованной лагуны.
Служим мы тебе усердно,
Будь, луна, к нам милосердна.

Н е р е и д ы и т р и т о н ы
(в виде морских чудовищ)

Вызовем трубой протяжной
На простор равнинны влажной
Всех со дна, из глубины!
Из пучины, бурей взрытой,
Мы сюда, в залив укрытый,
Песнями привлечены.
Мы для праздника надели
Перстни, цепи, ожерелья,
Золотые пояса.
Тут утопленниц каменья.
Это — кораблекрушений
Затонувшая краса.
Это, демоны залива,
Ваша страшная пожива.
Моряки, ища причала,
Разбивались здесь о скалы,
Слыша ваши голоса.

Сирены

Знаем мы, что в синей зыби
Нежится порода рыбья,
Отливая чешуей.
Но на нынешнем веселье
Мы б увериться хотели,
Что не рыбы вы душой.

Нереиды и тритоны

Прежде чем сюда приплыли,
Это мы сообразили.
Отплывем от этих глыб,
В глубину нырнем проворно
И докажем, что, бесспорно,
Кровью мы теплее рыб.

(Удаляются.)

Сирены

Исчезли вмиг.
Попутным зефиром
Уносит их
К высоким кабирам.
О них в Самофракии
Предания всякие.
Ходит молва:
Сами себя производят, не зная,
Кто они сами,
Те божества.
Месяц, над нами
Останься всю ночь!
Утро лучами
Погонит нас прочь.

Фалес

(на берегу, Гомункулу)

Я б мог свести тебя с охотой
С Нереем, мы у края грота.
Но он ужасный мизантроп,
Ворчлив, упрям и твердолоб.
Одно уже людское имя
Рождает злобу в нелюдиме.

Но будущность ему ясна,
Вот оправданье ворчуна.
Старик своим сужденьем строгим
Нередко был полезен многим.

Г о м у н к у л

Заглянем все ж. Я не боюсь,
Что сгасну или разобьюсь.

Н е р е й

Людской какой-то голос? Что за гость?
О люди! В сердце будите вы злость!
С богами вы желаете сравняться
И над собой не можете подняться.
Какой бы дивный я вкушал покой,
Не будь мне жалко слабости людской!
Напрасно проявлял я жалость эту,
И пропадали зря мои советы.

Ф а л е с

И все же нас ответом удостой,
Мудрец пучины, старец водяной!
Вот в образе людском огонь пред нами.
Ждет от тебя совета это пламя.

Н е р е й

Совета? Кто оценит мой совет?
Для увещаний в мире слуха нет.
Хоть люди платятся своей же шкурой,
Умней не делаются самодуры.
Как я Париса предостерегал,
Чтоб он чужой жены не похищал!
Здесь, на границе греческой земли,
Когда он предо мной стоял надменно,
Я предсказал ему проникновенно
Все, что прозрел я мысленно вдали:
Войну, приплытье греков, дни осады,
Треск балок, дым, горящие громады,
Захват твердыни, преданной огню,
Пожар, убийство, бойню и резню.
День судный Трои, гением поэта
На страх тысячелетиям воспетый,
Нозывающего смельчака
Не удержало слово старика.

В угоду чувству он попрал закон,
И пал его виною Илион.
По-богатырски пал, во всем величье,
Орлов на Пинде сделавшись добычей.
Улисса остерег я наперед
О том, что он к Циклопу попадет,
И предсказал плененье у Цирцеи,
Но стал ли он от этого умнее?
Что спасся он — счастливая случайность.
А то б его не миновала крайность.

Ф а л е с

Конечно, грубость сердит мудреца,
Но есть и благодарные сердца.
Признательности капля перевесит
Тьму оскорблений, как они ни бесят.
Пожалуйста, дай мальчику совет,
Как до конда произойти на свет.

Н е р е й

Не омрачайте моего чела.
Я весел нынче. Побоку дела!
Жду дочерей своих на праздник званный,
Дорид прелестных, градий океана.
Ни на Олимпе, ни у вас — нигде
Нет равного их игрищам в воде.
Перелетая и садясь верхом
Со спин драконых на коней Нептуна,
Они плывут в безудержности юной,
Ныряют вглубь и носятся кругом.
Они слились с водой так воедино,
Что пена носит их, как паутину.
Вот, показавшись из-за их голов,
И Галатея по верхам валов
В Венериной жемчужной колеснице,
На дельной раковине стоя, мчится.
С тех пор как нет Киприды с нами тут,
Ее в Пафосе как богиню чтут.
Свой выезд, остров, храм и все затеи
Венера завещала Галатее.
Ступайте прочь. В приятный этот час
Не хочется мне гневаться на вас.

Протей пусть разгадает вам загадку,
Как народиться и расти зачатку.
(*Уходит к морю.*)

Ф а л е с

Шаг этот не дал ничего. Найдется
Протей, он тут же тотчас расплывется,
А если даст ответ, его язык
Загадочен и ставит всех в тупик.
Но так как выход все же необходим,
Попробуем, Протея посетим.

Удаляются.

С и р е н ы (*с вершины скалы*)

Что, издали белея,
В волнах плывет к Нерею?
Как паруса, вразвалку,
Русалка за русалкой
Врезаются, нагие,
В родимую стихию.
Сойдемте с косогора,
Прислушаемся к хору.

Н е р е и д ы и т р и т о н ы

Священные предметы
У нас в руках воздеты.
Мы на щите Хелоны
Вам привезли, тритоны,
Достойные служенья
Богов изображенья.

С и р е н ы

Ростом — сморчки,
Силой — быки,
Кабиры — спасенье
Терпящим крашенье.

Н е р е и д ы и т р и т о н ы

Они — порука мира
Средь празднества и пира.
В морях под их охраной
Не страшно урагана.

Сирены

Милее отца
Кабир для пловца
С разбитой галеры
Близ нашей пещеры.

Нереиды и тритоны

С собой захватили мы трех,
Четвертый остался, не мог.
Он главный, его к вам не тянет,
Он важными мыслями занят.

Сирены

Пусть боги, сойдясь меж собой,
Порочат любого любой,
Над ними трунить мы не смеем,
Но чтим их и благоговеем,

Нереиды и тритоны

Считалось ведь семеро их,

Сирены

Куда ж подевали троих?

Нереиды и тритоны

Никто не мог дать справок.
Идет с Олимпа слух,
Что есть восьмой, вдобавок
К семи примкнувший вдруг.
Они нам дали слово
Быть тут, но не готовы.

Эти несравненные
В жажде перемены,
Как на волю пленные,
Рвутся из вселенной.

Сирены

Мы и луну и солнце чтим,
И всех богов на свете молим,
Мы делу тем не повредим,
Когда в усердье пересолим.

Н е р е и д ы и т р и т о н ы

Надо праздник с блеском спровадить.
Он нас может всех прославить.

С и р е и ы

Герои древности — руна
Искали золотого.
Но многое больше вам цена
И вашему улову!
Кабиры выше, чем руно,
Найти их было вам дано.
(*Припев хором.*)

Кабиры выше, чем руно,
Найти их было вам дано.

Нереиды и тритоны проплывают мимо.

Г о м у н к у л

Так вот что, не щадя башки,
Исследует ученый?
Божки похожи на горшки
Из глины обожженной.

Ф а л е с

Монета — редкость, если медь
Стала и стала зеленеть.

П р о т е й
(*незамеченный*)

Люблю я шалости и козни.
Чем что курьезней, тем серьезней.

Ф а л е с

Где ты, Протей?

П р о т е й

(*голосом чревовещателя, то близко, то издали*)

Я там! Я тут!

Ф а л е с

Все те же шутки, шалопут.
Для друга брось свои повадки.
Я знаю, ты играешь в прятки.

Протей
(как бы издали)

Прощай!

Фалес
(шепотом, Гомункулу)

Он рядом, в двух шагах.
Поярче засветился ты бы.
Он любопытнее, чем рыба.
Во что бы этот вертопрах
Ни воплотился, он пред нами
Предстанет, чуть увидит пламя.

Гомункул

Я добела накал довел бы,
Не лопнула бы только колба.

Протей
(в образе гигантской черепахи)

Что я за странный свет манящий вижу?

Фалес
(закрывая Гомункула)

Я этот свет совсем к тебе приближу,
Но на себя возьми ничтожный труд:
Явись нам в положении стоячем,
Двуногим человеком без причуд,
И мы тебе покажем то, что прячем.

Протей
(в благородном образе)

Ты сохраняешь мудреца уловки.

Фалес

А ты все тот же оборотень ловкий.
(Открывает Гомункула.)

Протей
(удивленно)

Лучистый гном! Не видел никогда!

Фалес

Дай нам совет. Вот в чем его нужда.
Хотел бы он родиться не на шутку.

В рожденье он, как понял я малютку,
Остался, так сказать, на полпути
И лишь наполовину во плоти.
Духовных качеств у него обилье,
Телесными ж его не наградили.
Он ничего б не весил без стекла.
Как сделаться ему, как все тела?

П р о т е й

Он ранний плод, созревший до посева,
Как преждевременное чадо девы.

Ф а л е с (вполголоса)

Хотя вопрос пока еще открыт,
Мне кажется, что он — гермафродит.

П р о т е й

Тем лучше. Он в тот пол и попадет,
К которому он больше подойдет.
Послушай, малый! В море средь движенья
Начни далекий путь свой становленья.
Довольствуйся простым, как тварь морей.
Глотай других, слабейших, и жирей.
Успешно отъедайся, благоденствуй
И постепенно вид свой совершенствуй.

Г о м у н к у л

Какой здесь воздух вольный и живой!
Как пахнет морем и морской травой!

П р о т е й

Ты, мальчик, прав. Когда ж сойдешь ты вниз,
На узкий, выдавшийся в море мыс,
Где разбиваются седые гребни,
То запах моря там еще целеbней.
Но вот и шествие вдали.
Смотри, мы вовремя пришли.
Пойдем туда.

Ф а л е с

Я к вам пристану.

Гомункул

Трех духов выход к океану.

Родосские тельхины с трезубцем Нептуна подплывают на морских конях и драконах.

Хор

Мы этот трезубец сковали Нептуну,
Он им усмиряет валы и буруны.
Когда Громовержца удары гремят,
Нептун отвечает на грома раскат,
Зубчатые молнии падают в воду,
Косматые волны встают к небосводу,
А все, что меж ними, то обречено
В неравной борьбе погрузиться на дно.
Жезл этот нам передан временно в руки,
Чтоб праздник прошел без заботы и скуки.

Сирены

Вам, молитвенникам лета,
Солнца и дневного света,
Мы, поклонницы луны,
Кланяемся с вышины.

Тельхины

Богиня ночная, ты тем благодатней,
Что дышишь без зависти славою братней.
Ты ждешь с нетерпеньем, чтоб остров Родос
Свой гимн, славословящий солнце, принес.
Начав восхожденье из глуби бездонной,
Сияя, глядит Аполлон с небосклона
На море, на остров, на горы, луга,
На улицы города и берега.
А если случайно их мгла затуманит,
Луч лишний, другой, и тумана не станет.
И бог узнает себя в сотне картин,
Он кроток, он юноша, он исполин,
Мы образ его изваяли впервые,
Придав божеству очертанья людские.

Протей

Пускай гордятся, самохвалы!
Стихии солнечной нимало
Не нужны мертвые дела.

Они кричат, как о победе,
О выделке богов из меди,
Как будто б польза в том была.
Стоят недолго истуканы,
И лава первого вулкана
Растапливает их литье.
Существование на суще
Ведет к ничтожеству, к бездущью
И обрекает на нытье.
Итак, в извечную пучину
Скорее на спине дельфина
Перебираяся на житье.

(Превращается в дельфина.)
Сбеги по отмелям песчаным
На обрученье с Океаном,
В котором — счастье твое.

Ф а л е с

Пленись задачей небывалой,
Начни творенья путь сначала.
С разбегу двигаться легко.
Меняя формы и уклоны,
Пройди созданий ряд законный,—
До человека далеко.

Гомункул садится на Протея-дельфина.

П р о т е й

Доверься морю, дух без плоти!
Кружась в его водовороте,
Носись по прихоти любой.
Не думай только, диво эко,
Догнать в развитие человека,
А то все кончено с тобой.

Ф а л е с

Смотря как к делу подойдете:
Порой и человек в почете.

П р о т е й (Фалесу)

Да, если он на твой покрой,
То долго помнится такой.
Ты у меня ведь на примете
Уже не первое столетье.

Сирены (на скалах)

Что за облака белеют
Венчиком вокруг луны?
Голуби влюбленно реют,
Страстью к ней привлечены.
Как в святилище пафосском,
Нежно воркованье стай.
Их горячим отголоском
Праздник полон через край.

Нерей (подходя к Фалесу)

Можно счастье за испаренья
Это лунное кольцо.
Духи, мы иного мненья:
Здесь другое налицо.
Это голуби Венеры
В свите дочери моей
Прорезают атмосферу,
Вихря всякого резвей.

Фалес

Чту и я, как все, богиню
И считаю, что везде
Надо содержать святыню
В теплом, обжитом гнезде.

Псиллы и марсы (плывя на морских быках, тельцах и баранах)

На Кипре, в глухом углубленье,
Вдали от морского волненья,
Разливов и землетрясений,
В пещере, закрытой чужим,
В блаженном краю безмятежном,
Овеянном вечным, безбрежным,
Чарующим ветром морским,
Мы, в жизни видавшие виды,
Служители дивной Киприды,
Ее колесницу храним.
Когда же ночною порою
При ласковом плеске прибоя

Мы дочь твою, детище влаги,
Украдкой вывозим на мыс
В коралловой той колымаге,
Ничто нам не сбавит отваги,
Ничей не пугает девиз:
Креста ли или полумесяца,
Орла иль крылатого льва.
Цари пусть враждуют и бесятся,
Природа, как прежде, жива.
И уничтожают ли пажити
И гибнут в боях города,
Вы нам никогда не закажете
Пути с Галатеей сюда.

С и р е н ы

Выделяясь станом дюжим,
Нереиды во весь рост
Замыкают полукружьем
Шествия морского хвост.
И, вся в мать свою, богиню,
Меж дорид, своих сестер,
Галатея в середине
Выплывает на простор.
Несмотря на свой бесстрастный,
Олимпийский, вечный род,
По-людски она прекрасна
И, как смертная, влечет.

Д о р и д ы

(проплывая на дельфинах мимо Нерея, хором)

Мы своих супругов юных
Показать хотим отцу.
Месяц, в переливах лунных
Свет разлей по их лицу!
(Нерею.)

Этих молодых матросов,
Выброшенных близ земли,
Мы нашли среди утесов,
Обогрели и спасли.
И теперь от них в награду
Мы получим жар любви,
Ты ж, не отвращая взгляда,
Наш союз благослови.

Н е р е й

Двойным добром должно считаться
Добра плодами наслаждаться.

Д о р и д ы

Если ты не осудил
Нас, что мы судьбою вертим,
Одари их всех бессмертьем,
Как и нас ты одарил.

Н е р е й

Порадуйтесь прекрасным пленным
И можете их взять в мужья,
Но Зевс лишь делает нетленным,
В чем властен он, не властен я.
Вас волны зыблют, как качели,
И так же зыблена любовь.
Когда пройдет ее похмелье,
Верните на берег их вновь.

Д о р и д ы

Счастливый путь вам, дорогим,
Расстанемся на полдороге.
Мы вечной верности хотим,
Которой не желают боги.

Ю н о ш и

О, если бы нас, моряков,
Всегда, как вы, ласкали,
Мы лучшего бы до веков
Скончанья не желали.

Г а л а т е я приближается на своей раковине, превращенной
в колесницу.

Н е р е й

Ты здесь, моя прелесть?

Г а л а т е я

Отец! О, судьбина!
Мне глаз не отвесь. Погодите, дельфины!

Н е р е й

Уже их нет, проплыли мимо
Станицею неудержимой,
Ушли, меня не захватив,
Что им сердечный мой порыв?
Но и единственному взгляду
В теченье года сердце радо.

Ф а л е с

Слава вам! Слава вам дважды!
Я ожил, цвету, торжествую
И большего в мире не жажду.
Я истину понял живую:
Вся жизнь из воды происходит.
Вода все хранит, производит,
Когда б не скоплялся туман,
И туч не рождал океан,
И дождь не струился ручьями,
И реки, наполнившись, сами
Опять не впадали в моря,
Где были бы горы со льдами,
Долины и все мирозданье?
Вода, из себя все творя,
Все зиждет, вся жизнь — в океане!

Э х о

(хор всех рядов)

Источник всего в океане!

Н е р е й

Они свернули, но не вспять,
А в сторону, за эти скалы,
На вольную морскую гладь.
Но колесница из коралла,
В которой дочку увезли,
Еще виднеется вдали
Светящаяся точкой малой.
Ее всегда я отличу,
Как звездочку, или свечу,
Или язык огня средь дыма,
Или знакомый взгляд любимый,
Подобный яркому лучу
В чужой толпе неисчислимой.

Гомункул

В воде еще всесильней
Горит моя светильня
Среди чудес вокруг.

Протей

В особенности странно,
Что твой колпак стеклянный
Дает чудесный звук.

Нерей

Но что там за новый таинственный случай
Замедлил движенье ватаги плавучей?
Вокруг раковины и у ног Галатеи
Пылает огонь то сильней, то слабее,
Как будто приливом любви пламенея.

Фалес

По-видимому, по совету Протея
Гомункул охвачен томленья огнем.
Мне слышатся стоны. Вот вскрик потрясенья,
Несчастный на трон налетает стеклом,
Стекло разбивается, а наполненье,
Светясь, вытекает в волну целиком.

Сирены

Как пышут и светятся волны прибоя,
Друг друга гоня и сшибаясь гурьбою!
Всем морем чудесный огонь овладел,
И блещут в воде очертания тел.
Хвала тебе, Эрос, огонь первозданный,
Объявший собою всю ширь океана!

Слава чуду и хваленье
Морю в пламени и пене!
Слава влаге и огню!
Слава редкостному дню!

Всем вместе

Слава воздуху! Хвала
Тайнам сущи без числа!
Всем у этой переправы
Четырем стихиям слава!

АКТ ТРЕТИЙ

ПЕРЕД ДВОРЦОМ МЕНЕЛАЯ В СПАРТЕ

Входит Елена в сопровождении хора пленных троянок с Панталидой, предводительницей хора, во главе.

Елена

Елена, славой и стыдом покрытая,
Я с берега иду, с недавней высадки,
Еще от корабельной качки пьяная.
Нас волны только что на гребнях пенистых
Доставили с полей унылой Фригии
Напором Эвра и Нептуна милостью
Сюда, в родной залив. Пока у берега
Среди своих отважнейших сподвижников
Царь Менелай свое прибытье празднует,
Прими меня радушно, дом возвышенный,
Который Тиндарей, отец мой, выстроил
Здесь, на холме Паллады. В годы детские,
Когда с сестрой я здесь играла, с братьями,
С Кастором и Поллуксом, с Клитемнестрою,
Дом этот в Спарте был отделан с роскошью.
Ну, здравствуйте, дверные створки медные!
В пролете вашем, широко распахнутом,
Мне Менелай, жених-избранник, некогда
Явился гостем, празднично разряженным.
Откройтесь снова мне, чтоб поручение
Царя могла исполнить я с поспешностью,
Как истинной супруге полагается.
Я в дверь войду, и пусть за ней останется
Событий ужас, что меня преследовал
Вплоть до сего мгновенья в дни истекшие.

С тех самых пор, как я с порога этого
В Цитеры храм отправилась с беспечностью
И там была фригийцем дерзко схвачена,
Случилось в мире столько необычного!
Чужим приятно это пересказывать,
Но слушать тяжело самим участникам,
Которых жизнь, как сказку, приукрасили.

Х о р

Не брезгуй, светлая госпожа,
Завидно редким даром своим.
Единственная из многих, ты
Возвысилась своей красотой.
Герою предшествует имени шум,
Он этим и горд.
Но склоняется самый упрямый гордец
Пред могуществом красоты.

Е л е н а

Довольно! Муж мой, высадившись на берег,
Меня вперед со взморья выслал к городу,
С какою целью, остается тайною.
Кто я? Его жена, царица прежняя,
Иль к жертвоприношению предназначена
За мужнины страданья и за бедствия,
Из-за меня изведанные греками?
Свободна я или в плену — не ведаю.
Двусмысличество судьбы и славы двойственность
Мне дали боги в роковые спутники,
И грозное присутствие неясности
Со мною даже у порога этого.
Муж слова мне на корабле не вымолвил,
Почти со мною не встречаясь взглядами,
Как будто мне задумывал недобро.
Когда ж у рукавов Эврота к берегу
Носы передних кораблей приблизились,
Он, словно по внушенью бога, вымолвил:
«Здесь по- положенному выйдут воины,
И я на взморье смотр рядам их сделаю,
Ты ж подымайся по речному берегу,
Коней гоня лугами травянистыми
Священного Эврота, до излучины,
Где прежде простиралась местность сельская

И выстроен Лакедемон впоследствии,
Со всех сторон горами грозно стиснутый.
В жилище царском с башнями высокими
Обследуй, что за это время сделали
Служанки под надзором старой ключницы.
Старуха пусть тебе покажет множество
Сокровищ, нам твоим отцом завещанных,
Которые и я безостановочно
Копил в года военные и мирные.
Ты все найдешь в порядке установленном.
Ведь это властелина преимущество,
Что он находит все по возвращении
На месте том, где было им оставлено.
Менять уклад не вправе подчиненные».

Х о р

Имущество великолепный вид
Тебе порадует сердце и взор.
Внушительные золотые венцы
Лежат, замерев в вековой полутьме.
Войди в хранилище, вызов им брось
И видом своим покори.
Померяйся силами с блеском убранств,
Кто краше, они или ты.

Е л е н а

Вот что гласило дальше слово царское:
«Когда же вдоволь ты удостоверишься,
Что все в порядке, размести треножники,
Как з благорассудишь ты, и выложи
Все, что бывает под рукой старейшины,
Свершающего жертвоприношение.
Поставь котлы, тазы и блюда плоские,
Налей воды из родника священного
В кувшины, заготовь сухого топлива
И острый нож, заботливо отточенный,
На видном месте положи. Дальнейшее
Предоставляю твоему решению».
Так он сказал, прощаясь, не прибавивши,
Животное иль человека хочет он
Заклать богам. Здесь есть о чем задуматься,
Но я не беспокоюсь. Боги ведают,
Что надо и что нет, и так и сделают,
Чем люди ни считали б их веления,

Добром иль злом. Что решено бессмертными,
То, смерные, должны суметь мы вынести.
Жрец подымал порой топор над жертвою,
А опустить не мог: тому помехою
Бывало приближенье неприятеля
Иль бога подоспевшего вмешательство.

Х о р

Что предназначено, знать не ищи.
Смело, царица, входи
И не робей!
Зло и добро
Застигают врасплох.
Тем, кто предскажет их наперед,
Не верит никто.
Троя горела, мы видели смерть,
Смерть пред глазами, смерть и позор,
Ну, а теперь разве мы не в живых,
Разве не солнце над нами, не твердь,
Разве пред нами не ты, госпожа,
Лучшее чудо земли?

Е л е н а

Ну, будь что будет. Что бы ни грозило мне,
Я во дворец войду безотлагательно,
Которого увидеть я не чаяла,
В который я вернуться не надеялась,
Который чудом снова тем не менее
Передо мной. Через ступени лестницы
Я девочкой привыкла перепрыгивать.
А ныне, видно, нет былого мужества,
И ноги подо мною подгибаются.
(*Уходит во дворец.*)

Х о р

Эй, не вешать голов,
Бедные пленицы!
Нечего унывать!
Радуйтесь: госпожа
Елена венчанная
В этот счастливый час,

Поздно, зато тем уверенней
К отчemu очагу
Возвращается.

Славьте богов — обновителей,
Восстановителей прежнего,
Вновь приводящих на родину.
Освобожденный взмывает,
Словно на крыльях,
Над испытаниями.
Узник же, руки простерши,
Рвется напрасно
Вдаль за ограду зубчатую
Из темницы решетчатой.

Но ее, но изгнанницу
Выхватил бог из грозы
И назад перенес
Из разрушенной Трои
В этот древний, украшенный заново
Отчий дом,
Чтоб после мук и блаженств
Неописанных
Здесь она освежила
Память детства и юности.

Панталида
(в качестве предводительницы хора)
Не торжествуйте, сестры, преждевременно.
Умолкните, взглянув на дверь дворцовую.
Вы видите? Царица возвращается
Из внутренних покоев быстрой поступью.
Царица, в доме что тебя расстроило?
Что ты могла найти под отчей кровлею,
Помимо верных слуг и их приветствия?
Так что ж тогда тебя так озадачило
И вызвало твое неудовольствие?

Елена
(в замешательстве, оставив двери открытыми)

Дочь Зевса знать не может малодушия.
Прикосновенье страха ей неведомо.
Но древний ужас, в чреве Ночи зреющий
И тьмой теней над нею нависающий,

Как пепел над горою огнедышащей,
Способен потрясти героя мужество.
Так озменировали мой сегодняшний
Приезд с чужбины божества стигийские,
Что я, хозяйка, словно гость непрошеный,
Бежать готова без оглядки из дому.
Но нет! На свет я вырвалась из сумрака
И дальше прочь не двинусь, силы темные!
Дом надо освятить, чтобы, очищенный,
Он встретить мог хозяина с хозяйкою
В согласии у очага домашнего.

П р е д в о д и т е л ь н и ц а х о р а
Открой своим служанкам, благородная,
На что наткнулась ты в покоях внутренних?

Е л е н а

Что видела я, сами вы увидите,
Коль скоро Ночь свое исчадье мерзкое
Не вобрала назад в утробу старую.
Итак, когда, о порученье думая,
Вступила бодро я в покои царские,
Была поражена я, обнаруживши
Пустых палат и галерей безмолвие.
Шагов, движенья слух мой не улавливал,
Следов труда не видел взор мой в комнатах,
Навстречу мне не поспешила ключница,
Служанки в глубине меня не встретили.
Когда же к устью печи я приблизилась,
То перед кучкой пепла я заметила
Закутанную, сгорбленную женщину,
Которая спала или задумалась.
Я по-хозяйски женщину окликнула,
Приняв ее, бездельницу, за ключницу,
Которой царь доверил дом за выездом.
Я встать велю ей, делом озаботиться,
Она ж и ухом не ведет, не двинется.
Потом, повторный окрик мой услышавши,
Негодница движеньем отстраняющим
Ко мне вытягивает руку правую:
«Ступай, мол, вон». Бросаюсь, возмущенная,
К дверям опочивальни, к ложу брачному,
Откуда доступ был к казнохранилищу,

И что же? С полу чудище срывается
И преграждает путь мне повелительно,
Огромное, худое, безобразное,
С пустыми и кровавыми глазницами!
Но я ведь вам бросаю речи на ветер,
Слова бессильны описать страшилище.
Да вот она сама! Неужто пугало
На свет посмело из потемок вылезти?
В отсутствие царя тут мы хозяева.
Тут мы под Аполлона покровительством.
Он нас не даст в обиду, он заступится,
Он, солнечный смиритель чудищ сказочных,

Одна из форкиад показывается на пороге между
дверными косяками.

Х о р

Головы наши хоть и кудрявы,
Много мы горя видели в жизни:
Ужасы боя, мрак беспросветный
В ночь, когда пал
Илион.

В облаке пыли, поднятой боем,
Боги взывали голосом страшным.
Рознь громыхала медью, и с поля
Гул приближался
К крепости валу.

Стены в то время
Целы стояли.
Пламя ж гудело
И пожирало
Зданье за зданьем.
Бурей пожара
Был город охвачен.

Бегством спасаясь,
В зарева блеске
Видели мы:
Гневные боги
Шли нам навстречу.

Ростом до неба,
Страшно шагали
В облаке дыма.

Было ли это
Вправду, иль только
Нам средь смятенья
Вообразилось,—
Нам неизвестно. Но эта вот, эта
Тварь перед нами,
Это не снится.
Мы бы могли ее
Подупать руками,
Если б не страх
И не отвращенье.

Форкия дочь —
Ты, но которая?
Ибо их трое,
Вместе владеющих
Глазом одним
И единственным зубом.

Как же ты, пугало,
Смелость имеешь
Рядом с прекрасною
Вещему взору
Феба являться?
Стой себе, впрочем.
Он к безобразью
Невосприимчив,
Как солнце не видит
Отброшенной тени.

Нас же, несчастных,
Судьба заставляет
Сносить терпеливо
Близость уродства.
Так слушай, бесстыдница,
Наше проклятье!
За дерзость явленья
Будь с бранью отвержена
Устами счастливц,
Которых боги
Создали краше.

Ф о р к и а д а

Стара и все же не стареет истина,
Что красота не совместима с совестью
И что у них дороги в жизни разные.
С давнишних пор их разделяет ненависть.
Когда случайно встречаются противницы,
Друг другу спину повернуть торопятся
И врозь идут: стыдливость опечаленно,
А красота с победоносной дерзостью,
Пока ее не скроет сумрак Оркуса
Иль зрелый возраст не научит разуму.
Приплыв с чужбины, чужестранки грубые,
Вы подняли тут крик по-журавлиному,
Когда, крича нестройно и пронзительно,
Они летят над головою путника.
Он вверх посмотрит на станицу шумную,
Потом, забыв про них, опустит голову,
И журавли своим путем потянутся,
А он своим. Вот так и с вами станется.

Кто вы такие, что в жилище царское
Ворваться смели, как менады пьяные?
Кто вы такие, чтоб орать на ключницу,
Как воют псы на месяц ночью лунною?
Вы думаете, я не распознала вас,
Военных лет отродье, тварь походная,
Заразы плод, заразы передатчицы
И воинов и мирных граждан пагуба?
Вы ненасытной саранчой мне кажется,
Обрушившейся на поля и пажити,
Чужих трудов губительницы жадные,
Дешевая статья торговли лагерной.

Е л е н а

При госпоже прислуге делать выговор
Есть покушенье на права хозяйские:
Ей надлежит одной хвалить похвальное
И за грехи и промахи наказывать.
Своих прислужниц я довольна службою,
Я многократно верность их проверила,
Когда крепился Илион обложенный,
Когда он пал и лег, осадой сломленный.

Не менее того я в них уверилась
В превратностях бродячей жизни, в плаванье,
Где каждый дорог сам себе, а к ближнему
Бывает равнодушен средь опасностей.
Я жду и здесь от них того же самого,
Поэтому ты замолчи и более
На них не огрызайся незаслуженно.
Хвалю тебя за то, что дом в исправности.
Ты сберегла его в мое отсутствие.
Но я вернулась, отойди же в сторону,
Чтоб похвала не обратилась в выговор.

Ф о р к и а д а

Корить домашних — это право высшее
Супруги повелителя счастливого,
Которое достойно ею добыто
Домохозяйства долголетним опытом.
И так как ты пришла на место старое
Царицей и хозяйкой снова признанной,
Возьми бразды правленья и владычествуй,
Богатством завладей и всею челядью.
Но защити, как старшую надсмотрщицу,
Вперед меня от стада этих выскочек,
Которые мне кажутся гусынями
Перед твоей красою лебединою.

П р е д в о д и т е л ь н и ц а х о р а

С красой уродство рядом как уродливо!

Ф о р к и а д а

А глупость как глупа в соседстве с разумом!

Х о р е т и д ы выходят из хора и, начиная отсюда, отвечают
поодиночке.

П е р в а я х о р е т и д а

Жив твой отец Эреб? Жива ль Ночь-матушка?

Ф о р к и а д а

А как твоя сестрица Сцилла здравствует?

Вторая хоретида

У вас в семье все сплошь такие чудища?

Форкиада

Свою родню меж мертвыми разыскивай.

Третья хоретида

В сравнении с тобой они так молоды.

Форкиада

С Тирезием седым в аду заигрывай.

Четвертая хоретида

Тебе ведь внучкой мамка Орионова?

Форкиада

Тебя отбросами вскормили гарпии.

Пятая хоретида

Чем ты поддерживаешь худобу свою?

Форкиада

Не кровью, до которой ты так лакома,

Шестая хоретида

Ты стала падалью, питаясь трупами.

Форкиада

Вампир зубастый, рот заткни немедленно!

Предводительница хора

Я твой заткну, назвав тебя по имени.

Форкиада

Скажи, кто ты, и будет все разгадано.

Елена

Я перестать велю вам, но не гневаюсь,
А огорчаюсь вашей перебранкою.

Глухой разлад меж преданными слугами
В домохозяйстве самое опасное.

Тогда никто не слушает хозяина,
Все тонет во взаимных пререканиях,
Все ссорятся и ничего не делают.

Но суть не в том. Взаимными упреками,
Напоминаниями и обвинениями
Вы вызвали такие вещи в памяти,
Такие образы, такие ужасы,
Что, хоть, по счастью, снова я на родине,
Самой мне захотелось в сумрак Оркуса.
Да полно, было ль это все действительно,
Иль только ночью мне во сне привиделось?
Взаправду ль я была той страшной женщиной,
Мечтой и мукой безрассудных воинов,
Из-за которой города разрушены?
Трепещут девушки, все это вспомнивши.
Скажи мне что-нибудь хоть ты, спокойная.

Ф о р к и а д а

Кто счастьем пользовался годы долгие,
Тому былое сновиденьем кажется.
Богов дарами ты была осыпана
Без меры и числа. Всю жизнь ты видела
Одних самозабвенных обожателей,
Готовых на безумства и на подвиги.
Тобой пленился первым в годы ранние
Тезей, красою с Геркулесом споривший.

Е л е н а

Он взял меня, как лань, десятилетнею,
За ним — Афидн, меня скрывавший в Аттике.

Ф о р к и а д а

Кастор с Поллуксом от него спасли тебя.
Кто за тобой в те годы не ухаживал?

Е л е н а

Но из героев больше всех мне нравился
Патрокл, Пелида повторенье верное.

Ф о р к и а д а

Но ты отцом за Менелая выдана,
Он — семьянин и храбрый мореплаватель.

Е л е н а

Муж царский сан за мною взял в приданое.
Мы Гермиону родили в супружестве.

Ф о р к и а д а

Когда же Крит супруг твой завоевывал,
Красавец гость твою разлуку скрашивал.

Е л е н а

Ты мне полувдовство тех дней напомнила
И зло, которое отсюда выросло.

Ф о р к и а д а

Его поход принес мне, вольной критянке,
Плен и порабощенья годы долгие.

Е л е н а

Но царь тебя назначил управляющей
И дом тебе доверил с укреплениями.

Ф о р к и а д а

Которому ты предпочла, однако же,
Дни радости в другой, троянской, крепости.

Е л е н а

Не говори о радостях! Страданьями
Неисчислимыми они оплачены.

Ф о р к и а д а

Передают, что ты жила в двух обликах,
И в Трое и в Египте одновременно.

Е л е н а

И без того в минувшем все запутано,
Так с толку не сбивай меня нелепостью.

Ф о р к и а д а

А правда, что из царства мертвых будто бы
К тебе Ахилл являлся на свидание,
Тебя давно любивший и пожизненно?

Е л е н а

Как призрак с призраком, с ним сочеталась я,
Как с духом дух, как с видимостью видимость.
Но я сама упасть готова в обморок.
(Поникает без чувств на руки хорегид.)

Х о р

Замолчи, клеветница,
Отродье зловещее!

Что хорошего
Может высказать
Эта пасть однозубая
И язык ядовитый?

Напускное сочувствие
Волка в шкуре овечьей
Страшней и опаснее
Пса трехголового.

Боязливо мы ждем:
Где, когда, каким образом
Сквозь личину участья
Коварство проявится?

Вместо слов утешительных,
Дарящих забвение,
Ты ей в жизни напомнила
Самое худшее.

Омрачив настоящее,
Ты порочишь грядущее,
Отнимая надежду
На судьбы улучшение.

Замолчи, клеветница,
Чтоб душа государыни,
Нас покинуть хотевшая,
Удержалась, помедлила
В этом лучшем из образов,
Когда-либо виданных.

Елена приходит в себя и снова становится в середине хора,

Ф о р к и а д а

Выглянь, солнышко ты наше, улыбнись нам, госпожа!
Как ни хороша ты в горе, в счастье много ты милей.
Мир перед тобой открылся, и расцвел твой чудный взор.
Пусть слизу я безобразной, знаю толк я в красоте.

Е л е н а

Из беспамятства, шатаясь, я в сознанье прихожу.
Я усталостью разбита и забыться вновь не прочь.
Но царице подобает, как и прочим смертным всем,
Пред опасностью грозящей силы духа не терять.

Ф о р к и а д а

Ты стоишь во всем величье и во всей своей красе.
Повелителен твой облик. Что же ты прикажешь мне?

Е л е н а

Зря потраченное время с запозданьем наверстай,
Все для жертвоприношенья приготовь, как царь велел.

Ф о р к и а д а

В сборе всё — треножник, чаши и отточенный топор,
И кадило, и кропило, только жертву назови.

Е л е н а

Царь не указал предмета.

Ф о р к и а д а

О, несчастье! О, беда!

Е л е н а

Что тебя так огорчает?

Ф о р к и а д а

Он тебя имел в виду.

Е л е н а

Как? Меня?

Ф о р к и а д а

И этих.

Х о р

Горе!

Ф о р к и а д а

Ты умрешь под топором.

Е л е н а

Я предчувствовала это!

Ф о р к и а д а

Этого не избежать.

Х о р

Ах! А мы? Что с нами будет?

Ф о р к и а д а

С честью госпожа умрет,

Вы же — смертию позорной: я под кровельным венцом
На стропиле вас повешу, словно пойманных дроздов.

Елена и хор, расступившись, стоят, пораженные ужасом.

Вы, словно статуи, застыли, призраки,
Дрожа за жизнь, вам не принадлежащую.
Так люди, тоже призраки не меньшие,
Расстаться не хотят со светом солнечным.
Но нет от рока никому спасения.
Все это знают, редко кто смиряется.
Но к делу! Вы пропали. Эй, подручные!

(Хлопает в ладоши.)

В дверях показываются карлики в масках, быстро
исполняющие приказания.

Сюда скорее, сил недобрых скопища!
Делами злыми вволю вы натешитесь.
Алтарь поставьте с золотыми крыльями,
С подставкою для топора серебряной.
Наполните кувшины, чтобы было чем
Смыть брызги черной крови на треножнике.
Ковер роскошный постелите под ноги
Коленопреклоненной жертвы царственной,
В который тело после обезглавленья
Мы с честью завернем для погребения.

П р е д в о д и т е л ь н и ц а х о р а

Царица в стороне стоит, задумавшись,
Поникли девушки, как злак подкошенный.
Мне, пожилой, священным долгом кажется
Пообсудить дела с тобой, старейшею.
Ты опытна, умна, доброжелательна,
Хоть дуры эти на тебя накинулись.
Итак, скажи: спасти нас нет ли способа?

Ф о р к и а д а

Легко сказать! Спасти себя со свитою
Зависит от царицы. Это требует
Решимости и быстроты немедленной.

Х о р

Достославнейшая парка, чтимейшая из сивилл!
Жизни нить не обрывай нам и спасенье объяви.
Мысленно, в воображенье, мы уже непоправимо
Чувствуем, как холод смерти сковывает наше тело,
Созданное для любви.

Е л е н а

Их страх простителен, а я расстроена,
Но не страшусь. Я выходом воспользуюсь.
Кто мудр — для тех возможно невозможное.
Итак, скажи, что ты нам посоветуешь.

Х о р

Не скрывай, скажи скорее, как избавиться нам, бедным,
От петли, от удушенья, мысленно уже сдавивших
Наши шеи холдящим, тесным ожерельем смерти,
Если только милость Реи, матери богов великой,
Нас в беде не защитит.

Ф о р к и а д а

Терпенья хватит ли у вас, чтоб выслушать
Мое повествование пространное?

Х о р

Продли нам жизнь растянутою повестью.

Ф о р к и а д а

Кто бережет добро и домоседствует,
Кто в доме подновляет стены старые,
Кто крышу от ненастья чинит вовремя,
Протянет долго под родимой кровлею.
Но кто через порог свой легкомысленно
В чужую землю прочь уходит из дома,
Тот, возвратясь, находит место старое
Переменившимся или разрушенным.

Е л е н а

Уместны ль замечанья в миг решающий?
Рассказывай без вставок неприязненных.

Ф о р к и а д а

То не в укор тебе, а только к сведенью,
По островам чужим и побережиям
Шатался Менелай морским разбойником.
С набегов возвращался он с добычею,
Которая внутри дворца наставлена.
Он десять с лишним лет провел под Троюю,
А сколько лет он плыл домой — не ведаю.
Меж тем чтосталось с домом Тиндареевым,
Чтосталось с целым царством этим временем?

Е л е н а

Придирчивость срослась с твоей природою,
Не можешь слова ты сказать без горечи,

Ф о р к и а д а

Была долина столько лет покинута
Меж Спартой с юга и Тайгетом с севера,
Откуда ручейком Эврот спускается
И, в камышах разлившись, лебедей ютит,
Что там обосновалось племя смелое,
Горсть северян, страны полночной выходцы,
Построив замок, в нем они запрятались
И правят краем всем из этой крепости.

Е л е н а

Им это удалось? Почти не верится.

Ф о р к и а д а

За двадцать лет осели и обстроились.

Е л е н а

У них начальник есть? Они разбойники?

Ф о р к и а д а

Нисколько. Но один из них начальствует,
Хоть он не обошел меня поборами,
Я не браню его. Он из имущества
Взял малое, назвавши дань дарением.

Е л е н а

Каков собою он?

Ф о р к и а д а

Он мне понравился.

Живой, бесстрашный, вежливый, понятливый.

Такой понятливости нет меж греками,

Хотя их племя варварским считается,

Они до людоедства не опустятся,

Как греческие воины под Трою.

Я верю в благородство их начальника,

А замок их на круче! Поглядела бы!

Он не чета твердыням ваших прадедов,

Которые и впрямь циклопы строили,

Так глыбы друг на друга наворочены.

А этот замок весь по нитке выверен.

Взглянула бы! Весь к небу устремляется,

Прямой, лощеный весь, как сталь, как зеркало.

Взлезть на него? Уже само намеренье,

Со стен соскальзываая, обрывается.

Внутри — дворы, пристройки, службы разные,

Балконы, галереи, ходы крытые,

Гербы.

Х о р

Что это?

Ф о р к и а д а

У Аякса, помните,

Был на щите представлен змей свернувшийся,

И семеро у Фив таким же образом

Щиты снабдили знаками особыми.

Там можно было видеть звезды с месяцем

Или мечи, и факелы, и лестницы,

Угрозу городов во время приступа,

В резьбе или в изображенье выпуклом.

Такие же значки в роду наследуют

От прадедов мои вояки храбрые.

Чего-чего у них в гербы не вставлено:

Орлы и львы, рога козлов и буйволов,

Цветы, хвосты павлины, крылья, полосы

Серебряные, золотые, черные

И синие. Щиты с гербами этими

Висят вдоль зал, просторных, как вселенная,—

Вот где для танцев место подходящее.

Х о р

Там есть танцоры?

Ф о р к и а д а

Есть! Золотокудрые!

Красавцы, так и пыщущие юностью,
Как юностью дышал Парис единственno
В те дни, когда с царицей близко встретился.

Е л е н а

Держись границ, не уклоняйся в сторону
И слово мне свое скажи последнее.

Ф о р к и а д а

Нет, ты его скажи мне, и немедленно
Очутишься в том замке по желанию.

Х о р

Скажи то слово, дай свое согласие
И нас спаси.

Е л е н а

С такой жестокой низостью
О Менелае мысль моя не вяжется.
Меня он не погубит так безжалостно.

Ф о р к и а д а

А как он Деифоба изуродовал,
Убитого Париса брата младшего,
Который был с тобой, вдовой, в сожительстве?
Отрезал уши, нос перекалечивши.
Смотреть ужасно было на несчастного!

Е л е н а

Из-за меня он с бедным так разделся.

Ф о р к и а д а

Из-за него с тобой он так расправится.
Красы не делят. Кто владел ей полностью,
Всю истребит сполна, а не поделится.

Трубы вдали. Хор содрогается.

Как раздирает уши резкость трубная,
Вселяется в мужчину ревность грубая,
Долбя о том, чем обладал он некогда
И что невозвратимо им утрачено.

Х о р

Ты не слышишь труб раската? Видишь, это блеск мечей.

Ф о р к и а д а

Здравствуй, царь и повелитель. Дам тебе сейчас отчет.

Х о р

Как же мы?

Ф о р к и а д а

Вам все известно. Ей придет сейчас конец,
А потом и вам за нею. Я помочь вам не могу.

Пауза.

Е л е н а

Свой шаг ближайший я уже обдумала.
Хотя ты демон зла,— я это чувствую,—
И обратишь во зло мое доверие,
Но в замок твой решила я последовать.
Иная ведь самой царицы помыслы,
Я никому на свете не открою их.
Вперед, старуха. Будь нам провожатою.

Х о р

О, с какою готовностью
Мы туда устремляемся!
Сзади — смерти угроза,
Насилу избегнутой,
Рядом — новой твердыни
Стена неприступная.
Замок, будь для царицы
Такой же оградою,
Как троянская крепость,
Только хитростью взятая.

Распространяется туман, заволакивая заднюю часть переднего плана.

Сестры, что это? Видите?
Небо было безоблачно,
Вдруг туман неожиданный
Скрыл Эврота течение
И извилины берега,
Камышами поросшие.
И уже горделивые
Скрылись из виду лебеди,
Безмятежно скользившие
По зеркальной поверхности.

Только крики их хриплые
С замирающей силою,
Крики их с перерывами
В отдалении слышатся.
Говорят, голос лебедя
Служит смерти предвестием.
Только в нашем бы случае
Не пришло подтверждение.
Мы и сами лебедушки
С грудью белой, высокою,
А царица тем более,—
Зевса-лебедя детище.

Серой мглы пеленою
Кругом все затянуто.
Нам друг дружку не видно:
Стоим мы иль движемся?
Что-то странное в воздухе.
Вам, скажите, не чудится,
Что Гермеса виднеется
Впереди очертание?
Блещет жезл золотой его.
Он ведет нас к безрадостным
Ада призрачным пустошам,
Полным мглой бесстесною.

Неожиданно темнеет, мгла редеет и уходит.
Но светлей ничуть не стало. Стены, стены перед нами,
Нас ограда обступает. Это двор или могила?
Все равно ужасно это!! Сестры, сестры, мы в ловушке,
Мы в плену, как никогда.

ВНУТРЕННИЙ ДВОР ЗАМКА, ОКРУЖЕННЫЙ БОГАТЫМИ ПРИЧУДЛИВЫМИ СТРОЕНИЯМИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Предводительница хора

Вертушки, дуры, истинные женщины,
Игрушки мига, жертвы настроения!
Ни в счастье, ни в несчастье не умеете
Вы показать характер свой с достоинством.
Ни в чем у вас нет лада и согласия,
И только в крайней боли или радости
Все, как одна, визжите вы и воете.
Довольно, не трещите! Молча выждите,
Что порешит высокая владычица.

Елена

Где ты, пророчица? Зовись, как вздумаешь,
Хоть Пифониссой, но навстречу выгляни
Из внутренности замка. Впрочем, если ты
Отправилась уведомить хозяина,
Чтоб мне прием устроил подобающий,
Тогда спасибо, и безотлагательно
Представь меня герою достославному.
Шокоя жажду я, конца блужданию.

Предводительница хора

Царица, не ищи старухи взорами.
В тумане, может быть, осталась, гадкая,
Из недр которого, путем неведомым,
Перенеслись сюда мы, ног не двигая,
А может быть, она ушла действительно
Внутрь переходов предварить владетеля,
Чтобы тебя по-царски, с честью приняли
В волшебном этом замке, как бы выросшем
Из многих крепостей соединившихся.
Но посмотри: вверху, по окнам портика
Взад и вперед снуют толпой служители.
Тебе прием заслуженный готовится.

Хор

От души отлегло. Посмотрите туда,
Как учтивой толпой милых юношей ряд
Стройным шествием в лад сходят вниз не спеша.

По чьему повеленью пред нами предстал
Возмужалых подростков пленительный рой?
В чем их прелесть? В равненье, в осанке, в ходьбе,
В их, венчающих лоб, белокурых кудрях
Или в ямочках щек, что, как персик, в пуху,
Так и манят, как персики, их укусить?
Укусила б, но — страшно сказать: укушу, —
Рот наполнится прахом могильным.

Эти красавцы
Подходят сюда.
Что они вносят?
Трон и ковер,
К трону подножье
И балдахин.
Полог шатровый,
Как нимб облаков,
Нашей царицы
Венчает главу.
Вот она всходит
На трона ступень.
Мы полукругом
Цепи сомкнем.
Славен, славен, славен трикратно
Этот благословенный прием.

Все, что объявляет хор, постепенно исполняется. После того как длинным шествием по лестнице спускаются пажи и оруженоцы, на верху ее показывается Фауст в одежде средневекового рыцаря и медленно, с достоинством сходит вниз.

П р е д в о д и т е л ь н и ц а х о р а (внимательно его рассматривая)

Да, если боги человеку этому
Высокий рост, осанку, обходительность
Не в ссуду дали, а на веки вечные,
Он будет все увенчивать победою:
Бои ль кровопролитные с мужчинами,
Или с красавицами стычки мелкие..
Ценила в прошлом многих я и видела,
А этот лучше всех. Вот он почтительно
Приблизился. Царица, обратись к нему.

Ф а у с т
(подводит с собой человека в оковах)

Царица, вместо надлежащей встречи
И слов привета, выдаю тебе
Закованного в цепи человека.
Свой долг нарушив, мой нарушил он.
Стань перед госпожою на колени
И повинись пред нею, низкий раб.
Царица, это сторож наш на башне.
На редкость зоркий, он поставлен мной
Осматривать с дозорной этой вышки
Весь кругозор полей до той черты,
Где сходятся вдали земля и небо,
И доносить про все, что разглядит,
Будь это стадо или вражье войско.
Стада храним мы, а врагов мы бьем.
Представь себе, что сделал он сегодня:
Ты здесь,— он не доносит ничего,
И по его вине мы упускаем
Оставшееся время, чтоб предстать
В готовности перед высокой гостьей.
Достоин смерти он, и он давно
Лежал бы на земле в крови, казненный,
Но вот он тут, и ты сама реши,
Что делать с ним, казни его иль милуй.

Е л е н а

Хотя бы ты царицей и судьей
Лишь для того меня над ним поставил,
Чтоб испытать меня, начну с того,
Что составляет первый долг судейский,
И обвиняемого допрошу.

Б а ш е н н ы й с т о р о ж Л и н к е й

Стать вели мне на колени,
Жить и с жизнью рас проститься,
Я тебе без разделенья
Весь принадлежу, царица.

Как всегда, я ждал с востока
Утром солнце со стены,
Но оно сегодня к сроку
Встало с южной стороны.

Я не видел башни шпиля,
Я не видел гор и нив,
На единственном светиле
Жадно взор остановив.

Зренье рыси мне досталось,
Рыси, хищницы лесной,
Но теперь перемешалось
Все, как сон, передо мной.

Мост подъемный пред твердыней,
Башня, крепостной курган
Пред лицом такой богини
Разом канули в туман.

В ослепленье, став у края,
Не сводил с нее я глаз.
Вот она стоит, живая,
Так же ослепляя вас.

Рогом не дал я сигнала,
Долг дозорного презрев.
Жалуй плахой иль опалой
Иль смени на милость гнев.

Е л е на

Не вправе взыскивать я за провинность,
Которой я виной. О, горе мне!
Меня преследует печальный жребий
Так обольщать весь век сердца мужчин,
Что больше ничего они не помнят.
Обманом, силою, захватом в плен
Меня герои, боги, полубоги
И демоны таскали за собой
В своих походах, битвах, отступленьях.
Сперва я голову кружила всем
В одном своем лице, потом в двояком,
В тройном и четверном. Освободи
Закованного. Бедный не повинен.
Кто ослеплен богами — чист душой.

Ф а у с т

Царица-лучница, с тобою рядом
Я вижу пораженного стрелой!
Охотница, стреляешь ты так метко.

Что, чуть ты натянула тетиву,
Я во мгновенье ока тоже ранен.
Воображаю, сколько будет жертв,
Когда ты воцаришься в нашем замке
И в нем засвистут тучи этих стрел!
Чем стану я? Ты мне мой двор взбунтуешь,
Небезопасным станет камень стен,
И, я боюсь, тебе, победоносной,
Все войско восхищенно присягнет.
Что остается мне, как не отдать
Тебе во власть себя и все владенья,
Которые своими я считал.
У ног твоих позволь мне всенародно
Признать тебя своею госпожой,
Которой только стоило явиться,
Чтоб покорить нас и занять престол.

Линкей

(с лицом, во главе нескольких человек с такою же поклажею)

Царица, я пришел назад.
Ты бросишь человеку взгляд,
И сразу же, ошеломясь,
Он ниц, как голь, богат, как князь.

Чем был я? Чем успел я стать?
Что делать мне, что предпринять?
Хоть взгляд мой молнией бы жег,
Он сломится о твой порог.

С востока накатил наш вал,
И запад содрогнулся, пал.
Народу двигалась тьма тем
В степи, не мерянной никем.

Свалился первый, стал второй,
И следующий занял строй,
Единому заменой сто,
И убыль тысячи — ничто.

На место с места, вплавь и вброд
Неслось нашествие вперед,
И где вчера я был главой,
Сегодня буйствовал другой.

Хватали все, кто чем прельщен.
Иные уводили жен,
Иные угоняли скот,
Коней же — все наперечет.

А я рукою знатока
Брал вещь, которая редка,
И доли в общем грабеже
Не требовал при дележе.

Я нападал на кладов след,
И их вытаскивал на свет,
И отпер не один баул,
Во все карманы заглянул.

И золота не мог я счесть
И отдавал каменьям честь.
Пусть у тебя на сердце тут
Играет этот изумруд.

А этот жемчуг дорогой
Повесь в ушко себе серьгой.
Вот и рубин, но он поблек
Перед твоим румянцем щек.

Все это раздобыл я сам
И приношу к твоим ногам.
Тут битв кровавых урожай,
И ты его не отвергай.

Вот ящики и сундуки.
По манию твоей руки,—
И это ведь не похвальба,—
Набью я ими погреба.

Едва на трон ты поднялась,
Богатство, сила, ум, пленяясь,
Благоговейно пали ниц
Перед дарицей из дариц.

Всей этой кучею добра
Еще я дорожил вчера,
Теперь я вижу, — это прах,
Я отдал все, я ниц и наг.

Я отдал все, я нищ, убог,
Я всем, что было, пренебрег,
Но улыбнись, и за урон
Сполнна я буду награжден.

Ф а у с т

Скорей добычу эту унеси
Без знаков похвалы и порицанья.
Царице в замке все принадлежит,
И часть дарить ей поздно и бесцельно.
Нагромозди дары до потолков.
Укрась в невиданных размерах залы.
Пусть роскоши недышащая жизнь
В покоях разместится без движенья.
В предупреждение ее шагов
Стели везде ковры перед царицей,
Чтоб было в залах мягко ей ступать
И чтобы блеск глаза ее встречали,
Не ослепляющий одних богов.

Л и н к е й

Господин, такой пустяк
Сделает слуга и так.
Челядь в замке вся сполнна
Этой гостьей пленена,
И военный гарнизон
Без оружья покорен.
Перед силой этих чар
Холодеет солнца жар,
Так красой ее давно
Все в ничто обращено!
(Уходит.)

Е л е н а (Faustu)

Хочу поговорить с тобой. Взойди
На возвышенье. Сядь со мною рядом.
Незанятое место ждет того,
Соседство с кем и мне защитой будет.

Ф а у с т

Позволь тебе присягу принести
И руку дай поделовать, которой
Меня ты подымаешь до себя.
Меня в своем бескрайнем царстве сделай
Регентом, соправителем, слугой,
Поклонником, защитником — чем хочешь.

Е л е н а

Немало насмотрелась я чудес,
Наслушалась того, пожалуй, больше,
О многом бы хотела я спросить,
И первым делом: отчего так странно
Пленяла речь служителя того?
Он подгонял так стройно слово к слову,
Как в хоре сочетают голоса,
Лаская слух их сменой и согласьем.

Ф а у с т

Когда тебе наш говор по душе,
Полюбятся тебе напевы наши.
Ты сразу эту музыку поймешь
За первой нашей дружеской беседой.

Е л е н а

Как мне усвоить ваш прием красивый?

Ф а у с т

Он кроется в невольности порыва.
Мы ждем, в потребности обнять весь свет,
Того, кто тем же полон...

Е л е н а

Нам в ответ.

Ф а у с т

Тогда наш дух беспечностью велик,
Прекрасен только...

Е л е н а

Настоящий миг.

Ф а у с т

Жизнь только им цenna и глубока.
Тому порукою?..

Е л е н а

Моя рука.

Х о р

Что плохого в том, девушки,
Если наша владычица
Обладателю замка
Окажет доверие?
Мы — невольницы, пленницы
С того самого времени,
Как разрушили Трою
И мы стали бездомными.

Отнят выбор у женщин.
Их не принято спрашивать,
И былые поклонники
Только копят им опытность.
Пастухам златокудрым ли
Или фавнам щетинистым
Отдаваться приходится
Сообразно случайности.

Все тесней прижимаются,
Прислонившись друг к другу,
И сближают колени,
И хватаются за руки,
Широко перевесившись
Над подушками трона.
Для царей посторонние
Словно место пустое,
И при нас они нежатся,
Как на тайном свидании.

Е л е н а

Я — далеко и близко вместе с тем,
И мне легко оставаться тут совсем.

Ф а у с т

Дышу едва, забывшись, как во сне,
И все слова претят и чужды мне.

Е л е н а

На склоне дней я как бы родилась,
В любви твоей всецело растворяюсь.

Ф а у с т

Не умствуй о любви. Какой в том толк?
Живи. Хоть миг живи. Жить — это долг.

Ф о р к и а д а (быстро входя)

Что за ветреное племя!
Вздором забивая темя,
Нежничать теперь не время
И твердить любви букварь.
Этих грозных труб раскаты
Гибелю для вас чреваты,
К замку подступает царь.
Войску нет конца и края,
Но и ты на Менелая
Силой дружною ударь.
За участие к человеку
Будешь превращен в калеку
Ты, как раньше Деифоб.
Этих вздернут по ранжиру,
А царице под секирой
Уготован свежий гроб.

Ф а у с т

Опять помеха! Не люблю вмешательства,
Оправданного даже и опасностью.
Гонца-красавца портит весть недобрая,
А ты уже и без того уродина.
На этот раз не беспокой нас попусту,
Действительной угрозы и в помине нет,
А если есть, мы тоже подготовлены
И даром не дадим себя запугивать.

Сигналы, залпы с башен, трубы и рожки, боевая музыка;
прохождение больших военных сил.

Вот кто от бед тебя укроет.
Здесь что ни воин, то герой.
Лишь тот вниманья женщин стоит,
Кто рад стоять за них горой.

(К военачальникам, которые отделяются от колонн и подходят к нему.)

Дружиной грозной и жестокой,
Любимцы славы и войны,
Смелей вперед, сыны востока,
И вы, о севера сыны!

Ватага, дарства низвергая,
Идет, закованная в сталь.
Под ней дрожит земля сырая,
И гулом отвечает даль.

Мы высадились у Пилоса,
Нет больше Нестора в живых,
И тут же у речного плеса
Царьков разбили островных.

Отбросьте Менелая живо
К морскому берегу назад.
Пусть грабит бухты и проливы
Испытанный морской пират.

Когда он в бегство обратится,
Отброшенный от этих стен,
Раздаст спартанская царица
Вам гердогства за это в лен.

Пускай Коринфский перешеек
Германец валом обведет.
Ахею с тысячей лазеек
Возьмет в свое владенье гот.

В Элиде станут франки станом,
Мессену саксам отдадим,
И Арголиды край — норманнам
С надзором за путем морским.

Объедините оборону,
А в старой Спарте вековой
Царица будет вам исконной
И общепризнанной главой.

Доверивши ее заботе
Страну, которой лучше нет,
У ног ее всегда найдете
Участье, помошь и совет.

Фауст сходит с трона, князья окружают его, чтобы подробнее выслушать приказы и распоряжения.

Х о р

Кто красивейшую пожелал,
Об оружии пусть позаботится,
Лестью он приобрел
Наивысшее благо земное,
Но спокойно ему не дано
Сохранить обладанье.
Пожелает обманщик сманить
Или силой похитить разбойник,—
Надо в оба смотреть.

Достохвальный наш князь
Дальновидней других.
Он сумел опереться
На союзников храбрых
И послушных ему.
Каждый княжий приказ
Исполняют на месте
С общей пользой для всех
И ему в прославленье.

Кто ее отобьет
У могучего друга?
Он ее заслужил,
Это мы признаем
В благодарность за то, что и нас
Зашитит он стеной и войском.

Ф а у с т

Пусть разойдутся воеводы,
Мы земли дали им кругом,
А сами после их ухода
Средину области зайдем.

Мы их оберегать обяжем
Твой полуостров с трех сторон.
С четвертой сам он горным кряжем
К горам Европы прикреплен.

Его луга, его дубравы,
Хребты, которыми он сжат,
Моей владычице по праву
Рождения принадлежат.

Ведь здесь она, своим зачатьем
Вся в бога Зевса и отца,
Явилась матери и братьям
Из лебединого яйца.

Родную землю, неизменно
Не устающую цвести,
Всей преданной тебе вселенной,
Властительница, предпочти.

Пусть сверху леденят морозы
Вершины гор и перевал,
Немного ниже щиплют козы
Траву по углубленьям скал.

Ручьи, потоки, водопады,
Все сочной зелени полно,
И на лугу овчье стадо
Колышет белое руно.

Шажком расходится по кручам
Рогатый осторожный скот
И норовит на солнце жгучем
Забресь в пещеру или грот.

Там с ними Пан в прохладном хлеве,
Туда и нимфы забрались,
Оттуда тянутся деревья
Из глубины ущелья ввысь.

Там непокорную макушку
Вздымает узловатый дуб,
И клены следом друг за дружкой
Толпой восходят на уступ.

Там молоко дает природа
Для ребятишек и ягнят,
И без участья пчеловода
В колодах пчелы мед таят.

Здесь все бессмертны, словно боги,
Улыбка у людей чиста,
Довольство, чуждое тревоги,
Наследственная их черта.

Лазурью ясною согрето,
Мужает здешнее дитя.
Невольно спросишь: люди это
Иль олимпийцы, не шутя?

Где бога с сумкою пастушьей
Изобразили овчары,
Соприкоснулись в простодушье
Все виды жизни, все миры.

(Садясь рядом с Еленой.)
И мы в таком же положенье.
Что с нами было — позади.
Дочь бога, Зевса порожденье,
Себя в той мысли убеди!

Мы не останемся в твердыне.
В соседстве с ней, у рубежа,
Аркадия еще доныне
Неиссякаемо свежа.

В краю безоблачности редкой
С тобой укроемся вдвоем,
Приютом изберем беседку
И полным счастьем заживем.

Сцена совершенно меняется. Вдоль скалистого отвеса, изрытого пещерами, лепятся закрытые беседки. Перед ними в середине тенистая роща. Фауста и Елены не видно. Хор спит, разлегшись отдельными группами.

Ф о р к и а д а

Не ведаю, когда заснули девушки.
Им снилось ли, что я на деле видела?
Я разбужу их. Вот они заахают!
Вы тоже удивитесь, бородатые,
Рассевшиеся в зале, в ожидании
Развязки этой были чудодейственной.
Вставайте, девушки! Оправьте волосы,
Глаза протрите и живее слушайте.

Х о р

Ну, рассказывай скорее, что за диво приключилось?
Знаешь ведь, всего охотней слушаем мы небылицы,
Так нам скучно, до того нам надоело здесь средь скал.

Ф о р к и а д а

Чуть глаза протерли, дети, и уж надоело вам?
Ну так знайте: здесь в пещерах, гротах этих и беседках
Был приют и кров дарован, как в идиллии любовной,
Господину с госпожой.

Х о р

Там внутри?

Ф о р к и а д а

В отъединенье

Ото всех. Одну меня лишь в услуженье допустили.
Пользуясь их уваженьем, как обычай меж наперсниц,
Я не все при них сидела, а по сторонам вертелась,
Собирала мох, кореня и за сбором трав целебных
Оставляла их одних.

Х о р

По твоим словам, в пещере все, что хочешь, как на воле:
Лес, луга, ручьи, озера. Что выдумываешь ты?

Ф о р к и а д а

Разумеется, простушки! Это девственные дебри:
Зал за залом, ход за ходом открывала я, бродя.
Но внезапно я в пещере отзвук смеха слышу сзади,
Оглянулась,— мальчик скакет по родительским коленям,
С материинских рук к отцовским,— шутки, ласки,
прибаутки,
Взрывы смеха, вскрики счастья в радостном чередованье,
Так что могут оглушить.

Голенький бескрылый гений, фавн без грубости
звериной,—
Мальчик спрыгивает на пол, но его упругость почвы
Вмиг подбрасывает кверху, с двух и трех прыжков
малютка

Достает до потолка.

Мать кричит в испуге: «Прыгай, как душе твоей угодно,
Берегись летать, однако, запрещен тебе полет!»
А отец уверяет: «Верен будь земле, в ней сила,
Оттого ты вверх взлетаешь, что земли коснулся пяткой,
Прикоснись к ней, и окрепнешь, словно сын земли Антей».
Мальчик прыгает, как мячик, кверху на утес с утеса,
И внезапно исчезает за обрывом крутизны,
Так что кажется погибшим. Мать рыдает, знать не хочет
Про отцовы утешенья, я плечами пожимаю.
Вдруг — какое превращенье! Не сокровища ль там

скрыты?

Где достал он эту роскошь? В платье из цветов и тканей
Вдруг стоит пред нами он!

С плеч спускаются гирлянды, на груди повязки вьются,
Золотую лиру держит, и, как некий Феб-младенец,
Всходит он на край стремнины. Застываю в изумленье,
А родители в восторге обнимаются, смеясь.

Что над ним венцом сияет? Золотое украшенье?

Внутреннего ль превосходства проявившийся огонь?

Но в движениях ребенка виден будущий художник,
Полный с детства форм извечных и преемственных

мотивов,

И вот в точности таким-то, как в моем изображенье,
Вы увидите в восторге и услышите его.

Х о р

Это ли, критянка,
Чудо, по-твоему?
Сходных сказаний
Ты разве не слышала?
Песен Ионии,
Греции мифов,
Встарь о богах
Сочиненных поэтами?

Все, что на памяти
Нашей случается,—

Отзвук слабеющий
Дней незапамятных.
Правда хотя
Твой рассказ очевидцы,
Сказка о Майе
Правдоподобнее.
Будто сынок ее
Был, чуть родившись,
Нянек толпой
Запеленат в свивальники.
Но шалунишка,
Красивый и крепенький,
Скинул пеленки
Ручками-ножками,
Так оболочку
Высохшей куколки
Вдруг покидает
Резвая бабочка
И, расправляя
Легкие крыльшки,
В синь улетает
С игривою смелостью.
Так же и этот
Плут непоседливый
С детства был другом
Ворам и проказникам.
У Посейдона
Трезубец взял хитростью,
Меч утащить
У Ареса осмелился,
Лук снял у Феба,
Щипцы сгреб Гефестовы,
Молнии Зевса
Сташил бы, наверное,
Если б обжечься
Не побоялся.
В единоборстве
Подножку дал Эросу,
Ластясь к Венере,
Стянул ее пояс.

Из пещеры доносится мелодичная струнная музыка, к которой все прислушиваются, продолжающаяся с данной минуты вплоть до паузы, отмеченной ниже.

Ф о р к и а д а

Ваших рассказней прекрасней
Эта струнная игра.
О богах забудьте басни,
Миновала их пора.
Вас не понимает время,
Новых требуя красот.
Наше сердце только с теми,
Кто от сердца речь ведет,
(Отходит к скале.)

Х о р

Если и в таком отродье
Музыка еще властна,
Как же нас ее мелодий
Покоряет глубина?
Ярче солнца и денницы,
Светоноснее зари
Миг, когда рассвет рождается
В сердце нашем изнутри.

Е л е н а, Ф а у с т и Э в ф о р и о н в вышеописанном
наряде.

Э в ф о р и о н

Вас мои прыжки и пенье
По-родительски бодрят,
Заставляя в восхищенье
Ваше сердце прыгать в лад.

Е л е н а

Двух сливая воедино,
Длит любовь блаженства миг,
Но конечная вершина —
Единение троих.

Ф а у с т

И тогда-то мы у цели:
Весь я твой, и ты моя.
К этому и тяготели
Побужденья бытия.

Х о р

Знаки правды долголетней,
Давней радости черты
У наследника заметней,
Чем в лице самой четы.

Э в ф о р и о н

Хочу подпрыгнуть,
Чтоб пенароком
Небес достигнуть
Одним насекомом!
Вот что желанье
Мое и страсть.

Ф а у с т

Но ввысь не надо
Без меры влечься!
Смотри не падай,
Не изувечься!
Мы все погибнем,
Случись напасть.

Э в ф о р и о н

Томлюсь от скуки
У вас в объятье.
Оставьте руки,
Кудрей не гладьте,
Оставьте платье,
Не тешьтесь мной!

Е л е н а

Подумай, милый,
Чье ты спасенье!
Нам смертью б было
Разъединенье.
Скреплен насилиу
Наш мир тройной.

Х о р

Увы, порвется
Согласный строй.

Е л е н а и Ф а у с т

Сдерживай, слаживай
Буйную силу,
Или нас заживо
Вгонишь в могилу.
Черпай свободу
Здесь на лугу.

Э в ф о р и о н

Вам лишь в угоду
Не убегу.

(Пробираясь среди хора и увлекая всех к танцу.)

Вот в хороводе я,
Вас подхватив,
Вьюсь под мелодии
Бойкий мотив.

Е л е н а

Так интереснее.
Двигайтесь с песнею
Мерно кругом.

Ф а у с т

Ну, благодарствую!
Вряд ли, фиглярствуя,
Кончат добром.

Эвфорион и хор, распевая и танцуя, движутся переплетающимися рядами.

Х о р

Когда, кудрявою
Тряхнув головкой,
Рукою правою
Нас крутишь ловко,
Когда с улыбкою
Неотразимой
Фигуркой гибкою
Скользишь ты мимо,
Гордись удачею:
Знай, дорогой,
Сердца горячие
Полны тобой.

Пауза.

Э ф о р и о н

Как диким ланям,
Вам нет тут счета.
Давайте станем
Играть в охоту.
Вы будьте дичью,
Я — зверолов.

Х о р

Нетрудной станет
Твоя работа.
И так нас тянет
В твои тенета.
Твоя добыча —
Мы все без слов.

Э ф о р и о н

Чрез лес и камни!
Не цель сладка мне,
А лишь преграды
Влекут к себе.
Победу надо
Купить в борьбе.

Е л е н а и Ф а у с т

Мечется как бесноватый,
В голове лишь беззаконья,
И как бы рогов раскаты
Слышатся в лесной погоне,
Что за ярость! Что за пыл!

Х о р

(быстро входя поодиночке)

Пробежал по кругу мимо,
Сделал бешеный прыжок,
Бросился неудержимо
К самой дикой — и увлек.

Э ф о р и о н

(внося на руках молодую девушку)

Не уловкою умильной, —
Я ее влеку насильно.

Чтобы радости хлебнуть,
Крепко стискиваю грудь
И целую в упоенье,
Победив сопротивленье.

Д е в у ш к а

Стой, не тронь! Не так мы хилы
В женском существе своем.
Против неугодной силы
Силу мы в себе найдем.
Думаешь, что так слаба я?
Думай, думай — на бегу
Я схвачу тебя, играя,
И тебя, смеясь, сожгу!

*(Воспламеняется и, вззвившись ввысь,
сгорает в воздухе.)*

В склепе под землей преследуй
Ускользнувшую победу,
В небе опиши дугу!

Э в ф о р и о н

(отряхивая остатки пламени)

Ах, все овражистей
Глушь чернолесья!
Сбросить бы тяжести,
Взмыть к поднебесью!
Ветер, неистово
Дуй и насищтай!
Бейся, морской
Дальний прибой!

(Прыгая со скалы на скалу, подымается все выше.)

Е л е н а, Ф а у с т и х о р

Прыгая, подобно сернам,
Не сорвись в прыжке неверном!

Э в ф о р и о н

Выше всё душою жадной,
Где пространства неоглядны!
Вот я вижу, где стою:
Я в Пелопсовом краю.
Полуостров этот мой
Создан морем и землей.

Х о р

Нет разве радости
В рощах прохладных,
Брызжущих сладостью
Лоз виноградных?
Зелень долинная
Яблок полна,
Ягоды винные,
Мир, тишина!

Э ф о р и о н

Мир вам мерещится?
Бой до конца
Знаменем плещется
В жизни борца!

Х о р

Тот, кто воинственным
Пылом отравлен,
Миром, единственным
Счастьем, оставлен.

Э ф о р и о н

Где за отечество
Из рода в род
Цвет человечества
Кровь отдает,
Можно заранее
Славу предречь
В смелом дерзании
Вынувшим меч.

Х о р

Посмотрите вверх, подруги!
Он стоит на крутизне,
Рослым воином в кольчуге,
Победителем в броне.

Э ф о р и о н

Нет нужды в фортах мужчине,
Тын его — его рука.
Крепче каменной твердыни
Грудь стальная смельчака.

Независимость берется
С бою, в поле, налегке.
Амазонкою дерется
Мать с героем на руке.

Х о р

Взвейся, поэзия,
Вверх за созвездия!
Взмыв к наивысшему,
Вспыхнув во мгле,
Ты еще слышима
Здесь на земле!

Э ф о р и о н

Я в мир пришел не малым чадом
И зрелым юношей примкну
К другим передовым отрядам,
Ушедшими раньше на войну.
Мы во всем
Признаем
Боевую честь одну.

Е л е н а и Ф а у с т

Народившись к жизни еле,
Свет увидевши едва,
Рвешься ты к смертельной дели,
Где слетает голова.
Разве к нам
Ты и сам
Не питаешь чувств родства?

Э ф о р и о н

Прислушайтесь к раскатам грома!
Гудит земли любая пядь.
Борцы, не усидевши дома,
Идут страдать и умирать.
Смерть — завет
Этих лет.
Лучших нет, пора понять.

Е л е н а, Ф а у с т и х о р

Смерть от ран, тоска агоний,
Что нашел ты, милый, в них?

Э в ф о р и о н

Я не зритель посторонний,
А участник битв земных,

П р е ж н и е

Участь смертельная
Этот задор!

Э в ф о р и о н

В ширь беспредельную
Крылья простер!
Смелый бросается
В битвы разгар!

Бросается в воздух. Одежды временно поддерживают его. Голова его сияет. За ним тянется светящийся след в воздухе.

Х о р

Это кончается
Новый Икар.

Прекрасный юноша падает к ногам родителей. Лицо умершего напоминает другой знакомый образ. Все телесное вскоре исчезает. Ореол в виде кометы возносится к небу, на земле остаются лира, туника и плащ.

Е л е н а и Ф а у с т

Кончилось вмиг торжество!
Тягостна страшная явь!

Г о л о с Э в ф о р и о н а
(из-под земли)

Мать, меня одного
В царстве теней не оставь!

Пауза.

Х о р
(похоронное пение)

Ты не сгинешь одиноким,
Будучи в лице другом
По чертам своим высоким
Свету делому знаком.

Жребий твой от всех отличен,
Горевать причины нет:
Ты был горд и необычен
В дни падений и побед.

Счастья отпрыск настоящий,
Знаменитых дедов внук,
Вспышкой в миг неподходящий
Ты из жизни вырван вдруг.
Был ты зорок, ненасытен,
Женщин покорял сердца,
И безмерно самобытен
Был твой редкий дар певца.

Ты стремился неуклонно
Прочь от света улететь,
Но, поправ его законы,
Сам себе расставил сеть.
Славной целью ты осмыслил
Под конец слепой свой пыл,
Сил, однако, не расчислил,
Подвига не завершил.

Кто тот подвиг увенчает?
Рок ответа не дает,
Только кровью истекает
Пут не сбросивший народ.
Новой песнью кончим тризну,
Чтоб не удлинять тоски.
Песнями жива отчизна,
Испытаньям вопреки.

Полная пауза. Музыка прекращается.

Е л е н а
(Фаусту)

На мне сбывается реченье старое,
Что счастье с красотой не уживается.
Увы, любви и жизни связь разорвана.
Оплакивая их, с тобой прощаюсь я,
В последний раз к тебе в объятья падая.
Прими меня, о Персефона, с мальчиком!

(Обнимает Фауста. Телесное исчезает, платье
и покрывала остаются у Фауста в руках.)

Ф о р к и а д а
(Фаусту)

Держи покрепче, что тебе оставлено.
Не выронь платья. Демоны подземные
Уж за него со всех сторон хватаются,
Чтоб унести к себе. Держи, не вырони.
Хоть платье не богиня, та — потеряна,
Однако ткань в твоих руках — божественна.
Воспользуйся неоценимой милостью
И улети. Она над миром низменным
Перенесет тебя, пока удержишься.
Прощай. Вдали, в великой отдаленности
От этих мест, с тобою мы увидимся.

Одежды Елены превращаются в облака, окутывают
Фауста, подымают его ввысь и упывают с ним.

Ф о р к и а д а

(подбирает с земли платье, лиру и плащ Эвфориона,
подходит к просцениуму, подымает вещи, оставшиеся
после умершего, кверху и говорит)

Пущу находку эту в дело.
Хоть пламя, правда, дрогорело,
Мир и останкам будет рад.
Я буду гения наряд
Давать поэтам напрокат,
Скрывающим одеждой старой
Отсутствие живого дара.

(Садится на просцениуме у колонны.)

П а н т а л и д а

Ну, девушки, скорее! От заклятия
Колдуны фессалийской мы избавились.
Стряхнули иго ведьмы ненавистное
И гнет бренчанья, звуков наваждение,
Чужое нам и разуму противное.
В Аид толпою следом за царицею,
Идущей впереди, под землю спустимся.
Как подобает нам, служанкам преданным,
У трона Непостижной мы найдем ее.

Х о р

У дариц свое общество,
Рады все их присутствию,
С Персефоной, как равные,
Под землей они встречаются.
Что же делать нам, челяди,
Средь лугов асфоделевых,
На задворках, обсаженных
Тополями и ветлами?
Иль мышами летучими
Трепетать и попискивать
Ради нетопыриного
Провождения времени?

П а н т а л и д а

Принадлежит к стихиям тот, кто имени
Не приобрел и не стремился к высшему.
Смешайтесь с ними. Я хочу с дарицей быть.
И верность наша, а не только подвиги
Приобретает нам значение личности.

(*Уходит.*)

Х о р

Свету солнца мы отданы
Не отдельными лицами,
А все вместе, всем множеством,
И в Аид не вернемся мы,
Как мы знаем и чувствуем.
Но природа бессмертная
Обо всем позаботится,
Мы, сонм духов ее,
На нее полагаемся.

Ч а с т ь х о р а

Прячась и перебегая в шелестенье тысяч веток,
Из корней манить мы будем вверх к побегам соки жизни,
То цветов пучки, то листья в волосы себе вплетая,
Упадут плоды, созревши, и толпою будут люди
Шарить по земле, сбирать их и откусывать на пробу,
На колени перед нами, как перед богами, став.

Другая часть хора

Мы к поверхности отвесной этих гладких скал прижмемся,
Чтоб подслушивать все звуки, будь то шорох камыша,
Птичий свист иль голос Пана. Тотчас мы ответим тем же,
На жужжание — жужжащем, громыханием — на гром,
Удвояя отголоски и катя в ответ раскаты
Оглушительнее трижды, следом десять раз подряд.

Третья часть хора

Сестры! Мы других подвижней, пустимся ручьям вдогонку,
Нас к себе потянут далей низбегающие склоны.
По отлогостям, все глубже, потечем мы, орошая
Поле, пастбище, усадьбу и вокруг дома тихий сад.
Кипарисы обозначат линию речного русла,
Подымаясь в отдаленье стройно к небу в два ряда.

Четвертая часть хора

Вы живите, где хотите. Мы шумливо холм обступим,
Где в шпалерах зеленеет виноградная лоза.
Целый день там виноградарь, не уверенный в успехе,
Доказательство усердья беспримерного дает.
Он окапывает лозы то лопатой, то мотыгой,
Подрезает их и вяжет по тычинам и жердям.
Он к богам и богу солнца обращается с молитвой,
Но о нем, слуге радивом, мало помышляет Вакх.
Этот бог в беседке дремлет иль болтает с фавном в гроте,
Наделенный всем в избытке, нужный для сочливых грез,
В бурдюках вино, в кувшинах, из даров и приношений,
По углам пещер хранится с незапамятных времен.
Но когда помогут боги, первый Гелиос средь прочих,
И наполнят рог гроздями, солнцем их позолотив,
Оживает сад, который обработал виноградарь,
У кустов, где тишица царила, целодневный шум стоит.
Скрип корзин, бряданье ведер, переноска винограда
В чан давильщикам, веселым босоногим плясунам.
Семена ногами, люди топчут, давят кучи гроздьев;
Брызжет, пенится под ними дивный виноградный сок.
И тогда гремят тимпаны, ибо, сняв покровы таинств,
Открывается народу в шуме празднеств Дионис.
Следом толпы козлоногих и Силена зверь ушастый.
Попирается стыдливость, попирается закон.

В этом головокруженье глухнут уши, ум мутится,
Пьяный тянеться за чашей, переполнены кишки.
Некоторые крепятся, но пред наполненьем снова
Надо от остатков старых выпорожнить бурдюки.

Занавес падает.

Форкиада на просдениуме исполински выпрямляется, сходит
с котурнов, снимает маску и покрывало и оказывается Ме-
фистофелем, готовым, в случае надобности, объяснить пьесу
в эпилоге.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГОРНАЯ МЕСТНОСТЬ

Высокий скалистый гребень. Подплывает облако, оседает на плоском выступе горы, из облака выходит Фауст.

Фауст

У ног моих лежат холмы и пропасти.
На край горы схожу с предосторожностью
Из облака, которое в дни ясные
Несло меня над морем и над сушью.
Оно, не расплываясь, отрывается
И на восток уходит белой глыбою.
За ним я наблюдаю с удивлением.
Оно клубится, делится, меняется,
Все больше упрощая очертания.
Мне глаз не лжет. На пышном изголовии
Облитых солнцем снежных гор покойится
Фигура женщины красы божественной.
Юнона ль это, Леда ли, Елена ли?
Как царственно рисуется видение!
Но вот и нет его. Теснясь, вздымается
Оно нагроможденьем туч, подобное
Далеким ледникам, в которых светится
Великий отблеск дней, давно исчезнувших.

Но грудь и лоб своим прикосновением
Мне освежает полоса туманная.
Она спешит принять черты какие-то.
Не обманулся я. О, благо высшее
Любви начальных дней, утрата давняя!

Я узнаю тебя, души сокровище,
Взор, встреченный зарею жизни утренней,
Порывисто отвеченный, непонятый
Взор девушки, которая затмила бы
Всех, если бы я удержал ее.
Не разрушаясь, как краса душевная,
Уходит очертанье, унося с собой
Всю чистоту мою, всю сущность лучшую.

На гору становится семимильный сапог, за ним — другой.
С них сходит М е ф и с т о ф е л ь, и сапоги спешно отправляются дальше..

М е ф и с т о ф е л ь

Совсем измучен маршировкой,
Скажи, зачем у этих скал
Решил ты сделать остановку?
Ведь эту местность я узнал:
Крутая эта высь сначала
Дно преисподней представляла.

Ф а у с т

Не можешь ты без вечных штук.
Вздор, небылицы, что ни звук.

М е ф и с т о ф е л ь (серъезно)

Но слушай же. Когда за грех один
Господь низверг нас в глубину глубин,
Мы центр земли в паденье пересекли
И очутились в вековечном пекле,
Где полыхал огонь среди теснин.
Признаться, несмотря на освещенье,
Мы оказались в трудном положенье.
Раскашлялись тут черти целым адом,
Тяжелый дух пуская ртом и задом.
От вони ад раздулся. Серный газ
Давил на стенки каменистых масс.
Росло давленье. От его прироста
Потрескалась кругом земли короста.
Взрыв тотчас вызвал общий перелом,
И стало верхом то, что было дном.
Геологи, наш опыт разработав,

Ввели теорию переворотов.
И правда, свергнув бездны жаркий гнет,
Теперь мы дышим воздухом высот.
Лишь откровенье с трудносию крайней
Людей подготовляет к этой тайне.
(Ефес., 6, 12)

Ф а у с т

Гора крута, а как и почему,
Претит копаться духу моему.
Когда природа всю себя сложила,
То шар земной круженьем обточила.
Вершины гор — естественный нарост
Вокруг ложбин, ущелий и борозд.
Понятно, что крутых хребтов отроги
К долинам рек становятся отлоги.
Существованье гор, лугов, лесов
Обходится без глупых катастроф.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты полагаешь? Но иного мненья,
Кто был свидетелем их появленья.
Я был при том, когда еще на дне
Пылал огонь и гул катился громкий.
Молох ковал утесы на огне
И сыпал стопудовые обломки.
Найдя в полях гигантскую плиту,
Смолкает ум философа неловкий.
Гигантский камень брошен на лету
Во времена горячей этой ковки.
Он говорит при виде этих стен:
«Ничем не объяснимый феномен».
Простонародье более пытливо,
Оно не остается в стороне
И, наблюдая странные массивы,
Приписывает чудо сатане.
На «чертов мост» глядит в пути скиталец
Или в песке находит «чертов палец».

Ф а у с т

Какие любопытные подходы
У вас, чертей, во взглядах на природу!

М е ф и с т о ф е л ь

Что мне природа? Чем она ни будь,
Но черт ее соавтор, вот в чем суть.
Мы с жилкой творческой, мы род могучий,
Безумцы, бунтари. Взгляни на кручи.
Вся ширь земная — дело наших рук.
Теперь ты облетел ее вокруг.
В какой-нибудь из точек перелета
Спуститься ты не ощутил охоты?
Ты видел как-никак с высот своих
«Все царства мира и всю славу их».

(Матф., 4, 8)

Но ты брюзглив, и кругозор привольный
Не властен над душою недовольной.

Ф а у с т

И все ж я полон мыслей о большом.
Сам угадай, о чем.

М е ф и с т о ф е л ь

Давай дерзнем.

Чтоб прогреметь, на месте бы твоем
Я старый город выбрал бы столицей,
Где в тесном центре бы лежал
Старинный деловой квартал
И рынок, крытый черепицей,
Со скопищем жужжащих мух
Над тухлым мясом на прилавке
И кучей овощей вокруг
Средь вони, духоты и давки.
Там в спертом воздухе, средь дел,
Народ весь день кишмя б кишел.
Для знати дальше б шли районы
Широких улиц, площадей,
А дальше бы, среди полей,
Раскинулся б еще вольней
Простор предместий отдаленный.
Там в сотнях мчащихся карет
Прогуливался б высший свет.

Я радостно бы наблюдал,
Как, весь уйдя в свой муравейник,
Хлопочет человек-затейник.
Когда б гулять я выезжал,
Средь сотен тысяч, днем и ночью,
Я составлял бы средоточье
И всех вниманье привлекал.

Ф а у с т

Ну это был бы труд напрасный.
Правитель добрый недоспит,
Чтоб был народ одет и сыт,
И лишь бунтовщиков плодит
На голову свою, несчастный.

М е ф и с т о ф е л ь

Так замок я б себе воздвиг
В веселом живописном месте
И превратил бы в парк, в цветник
Свое обширное поместье.
Деревья в прихотливой стрижке,
Лужайки, просеки аллей
Питали бы воды излишки
Ручьев, каскадов и ключей.
Везде бы разрослись газоны,
А в чаще, замыкая круг,
Я выстроил бы павильоны
Для обольстительных подруг.
Я б с ними проводил в именье
Свои часы уединенья.
«Подруг» я с умыслом сказал,
А не для округленья слога:
Красавицы — мой идеал
В том случае, когда их много.

Ф а у с т

Дань времени! Сарданапал!

М е ф и с т о ф е л ь

Не разгадав твоих мечтаний,
Я все ж предположить дерзну,
Что захотел ты на луну
В своем заоблачном скитанье.

Ф а у с т

О нет! Широкий мир земной
Еще достаточен для дела.
Еще ты поразишься мной
И выдумкой мою смелой!

М е ф и с т о ф е л ь

Ты сделался славолюбив,
У древних героинь побыв?

Ф а у с т

Не в славе суть. Мои желанья —
Власть, собственность, преобладанье.
Мое стремленье — дело, труд.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты можешь не нуждаться в шуме,
Тебя поэты вознесут,
Чтоб пламенем твоих причуд
Воспламенять других безумье.

Ф а у с т

Нет, человека ты никак
Истолковать не в состоянье!
Что для тебя его желанья,
Дешевый, плоский, злой остряк?

М е ф и с т о ф е л ь

Пусть так. Я не обижен бранью.
Что ж привлекло твое вниманье?

Ф а у с т

Мой взор был сверху привлечен
Открытым морем в час прилива,
Когда весь берег до обрыва
Затоплен им со всех сторон.
Меня все это укололо.
Царю природы, мне была
Обидна дерзость произвала:
Свободный дух не терпит зла.
Еще и то меня кольнуло,
Что после краткого разгула
Вода, уставши прибывать,

Со слепотой такой же ярой
Очистила за пядью пядь,
Чтобы в свой час прийти опять
Для повторенья шутки старой,

М е ф и с т о ф е л ь
(*к зрителям*)

Ну и открытье откопал!
Сто тысяч лет я это знал,

Ф а у с т
(*страстно продолжая*)

Морское это полноводье,
Подкрадываясь на часы,
Приносит на века бесплодье
Земле прибрежной полосы.
Недолговечно волн злорадство,
Пуста достигнутая цель,
И море очищает мель,
Опустошив земли богатства.
Разбушевавшуюся бездну
Я б властно обуздать хотел.
Я трате силы бесполезной
Сумел бы положить предел.

И тут вопрос простейший самый:
Как ни свиреп воды напор,
Она, смиривши нрав упрямый,
Должна затечь в любую яму
И обогнуть любой бугор.
И я решил: построив гать,
Валы насыпав и плотины,
Любой ценою у пучины
Кусок земли отвоевать.
Вот чем я занят. Помоги
Мне сделать первые шаги.

За спиной зрителей с правой стороны раздаются отдаленные
звуки барабанов и военной музыки.

М е ф и с т о ф е л ь

Изволь. Ты слышишь, в барабаны бьют?

Ф а у с т

Опять война? Мудрец не любит смут.

М е ф и с т о ф е л ь

Войною не тебе трудить плечо,
Вопросов посторонних с ней не путай.
И если случай есть, лови минуту,
Железо куй, покуда горячо.

Ф а у с т

Не понял ничего. Какой тут случай?
Скажи ясней, загадками не мучай.

М е ф и с т о ф е л ь

В пути сюда мне сообщали,
Что император наш в печали.
Его ты помнишь? Это тот,
Которого мы развлекали
Дождем обманчивых щедрот
При помощи своих банкнот.
Он молодым взошел на трон
И тут был нами ослеплен.
Купить надеясь полвселенной
Посредством нашего подмена,
Поверил постепенно он,
Что до скончания времен
Ему и море по колено,
Что царствованья образцом
Такое будет почитаться,
Когда две цели совместятся
И будет он в лице одном
И царствовать и наслаждаться.

Ф а у с т

Ошибка многих! Властелин
Довольствоваться должен властью.
Пускай владеет он один
Всей тайною людского счастья.
Ему приказ лишь стоит дать,
И в удивленье мир приходит.
А наслаждаться, прозябать
На низшую ступень низводит.

М е ф и с т о ф е л ь

А этот, правда, пожил всласть!
И при начавшемся развале
Несостоятельную власть
В стране сменило безначалье.
Всех стала разделять вражда.
На братьев ополчились братья
И города на города.
Ремесленники бились с знатью
И с мужиками господа.
Шли на мирян войной попы,
И каждый встречный-поперечный
Губил другого из толпы
С жестокостью бесчеловечной.
По делу уезжал купец —
И находил в пути конец.
Достигло крайнего размаха
Укоренившееся зло.
Все потеряли чувство страха.
Жил тот, кто дрался. Так и шло.

Ф а у с т

Шло, падало, плелось, тащилось,
Пока совсем не развалилось.

М е ф и с т о ф е л ь

Никто в том не был виноват.
Всем значить что-нибудь хотелось.
Выгадывал второй разряд,
А первым это лишь терпелось.
Однако этот ералаш
Не по душе стал лучшим людям.
Они задумали: «Добудем
Порядок. Император наш
Нам не оплот в борьбе суровой.
Давайте выберем другого,
Который властною рукой
Нам будет обновленья знаком,
Чтоб сочетать счастливым браком
И справедливость и покой».

Ф а у с т

Язык поповский.

М е ф и с т о ф е л ь

Духовенство,

Бунт освятив исподтишка,
Взяло над мятежом главенство
Для пользы своего брюшка.
Теперь в войне междуусобной
Войскам повстанцев за горой
Даст император наш беззлобный,
Наверно, свой последний бой.

Ф а у с т

Мне жаль его. Он был так прям.

М е ф и с т о ф е л ь

Пойдем, примкнем к его войскам.
Кто жив, не говори: «Пропало!»
Спасенный раз — навек спасен.
Достаточно победы малой,
Как вновь под сень его знамен
Перебегут его вассалы.

Они спускаются до середины горы и осматривают расположение войска в долине. Снизу слышится барабанный бой и военная музыка.

Позиция его крепка.

Мы победим наверняка.

Ф а у с т

Но как, каким путем? Поведай!
Посредством лжи, обмана, бреда?

М е ф и с т о ф е л ь

Посредством тонких стратагем.
А ты, в расчете на победу,
Гни линию свою меж тем.
Когда мы, выиграв сраженье,
Ему упрочим положенье,
Жди милостей и перемен.
Пред троном преклони колена,
И государь в вознагражденье
Тебе даст берег моря в лен.

Ф а у с т

Ты вызвал эти мятежи,
Ты и победу одержи.

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, ты, восставших одолев,
Здесь будешь генерал-аншеф.

Ф а у с т

Прекрасный — льщу себя надеждой —
В делах, где я кругом невежда.

М е ф и с т о ф е л ь

Иных фельдмаршалов-растяп
Спасает генеральный штаб.
Ход дел предвидя современный,
Составил я совет военный
Из гордев, боевых ребят,
Они любого победят.

Ф а у с т

Там под оружием чуть не племя.
Ужель ты заручился всеми?

М е ф и с т о ф е л ь

Нет. Я, как Петер Сквенц, в отряд
Из массы выбрал концентрат.

Входят трое сильных.

(Кн. Царств, II, 23, 8)

Ну вот мои бойцы-задиры,
Трех разных возрастов народ,
На них различные мундиры,
Кто с ними — тот не пропадет.

(К зрителям.)

Мечтает малое дитя
Теперь о рыцарском уборе.
Не лучше ль этот сброд, хотя
Представлен в форме аллегорий?

Р а у ф е б о л ь д

(молодой, легко вооруженный, в пестром наряде)

Кого ни встречу — в ухо дам
И съезжу кулаком по рылу,
А беглеца обратно сам
Доставлю за волосы силой.

Г а б е б а л ь д

(средних лет, хорошо вооруженный, богато одетый)

Драчливость — это вздор ребячий,
Не стоящий моей руки.
Я граблю, чтобы стать богаче.
Все остальное — пустяки.

Г а л ь т е ф е с т

(пожилой, тяжело вооруженный, без лишней
одежды)

Награбить денежки не штука,
Труднее их скопить для внука
И не потратить пятака.
Кто молод — тратит без расчета,
А уберечь добро от мота,
Вот в чем задача старика.

Спускаются втроем глубже в долину.

НА ПЕРЕДНЕМ ГОРНОМ ОТРОГЕ

Снизу слышатся барабаны и военная музыка. Раскидывают
императорский шатер.
Император, главнокомандующий, телохранитель.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

Мне кажется по-прежнему разумным,
Что мы укрыли армию свою
В овраге незаметном и бесшумном.
Наш выбор оправдается в бою.

И м п е р а т о р

Посмотрим. Мне, признаться, неприятно
Подобье бегства, наш отход попятный.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

На правый фланг наш, государь, взгляни,
И убедишься ты, что все в порядке.
Стратег мечтает о такой площадке.
Ключ местности мы заняли одни.
Холмы волнисты, нас прикрыли склоны,
Враг не пойдет на нас атакой конной.

И м п е р а т о р

Не спорю. Место славное для сеч,
Где разгуляются рука и меч.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

Здесь, в середине луга, на плато
Войска не хуже, чем на правом фланге.
На солнце пики блещут, и ничто
Не остановит натиска фаланги.
Как зыблется могучее каре!
Не терпится схватиться молодчинам.
Противник укрепился на горе.
Я их пошлю туда врубиться клином.

И м п е р а т о р

Доволен видом воинов твоих.
Здесь будет каждый биться за двоих.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

На левом фланге батальон рубак
Несет охрану с тою же отвагой
И прикрывает подступы к оврагу.
Мне почему-то кажется, что враг
Рванется в это именно преддверье
И понесет кровавые потери.

И м п е р а т о р

Вот, вот она, двуличная родня,
Которая презренных выгод ради
Притворно-ласково звала меня
Кто братом, кто племянником, кто дядей!
Они мне рознью расшатали трон
И довели страну до безначалья.
Край ненасытностью их разорен.
И на меня они еще восстали!
Толпа слепа, и ловок демагог.
Народ пошел, куда понес поток.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

Я вижу, вниз с обрывистого ската
Спешит с разведки верный соглядатай.

Первый разведчик

Мы успешно, храбро, метко
Сделали свои дела,
И, однако, нам разведка
Мало радости дала.
Хоть широким населеньем
Ты по-прежнему любим,
Страх пред нынешним правленьем
Не дает сплотиться им.

Император

Все врозь, всяк о себе самом,
Долг, честь и верность отрицая,
А вспыхнет у соседа дом,
Не скажешь: «Наша хата с краю».

Главнокомандующий

Второй лазутчик огибает склон.
Он телом всем дрожит и утомлен.

Второй разведчик

Нас утешил несказанно
Безголовый их разброд.
Но властитель самозванный
Вдруг скомандовал — вперед.
И народ потек всем станом,
Стадной спайкою горя,
Словно овцы за бараном,
Под знамена лжецаря.

Император

Их император помогает мне
Стать вашим императором впервые.
Простым солдатом вышел я в броне
И вспомнил цели высшие, иные.
Когда весь свет съезжался к нам на бал,
Опасности недоставало в мире.
Рапирою я обруч пропыкал,
А чувствовал себя как на турнире.
Когда б от войн меня не отвращали,
Я б славой был теперь уже покрыт.
Когда вскричали вы: «Горит, горит!» —
Вы помните, на маскараде, в зале, —

Как вдруг заликовало все во мне!
Грозило пламя мне, я был в огне!
О, вы-то знали, что огонь — потешный.
О подвиге тогда я стал мечтать.
Что в эти годы упустил я, грешный,
Теперь я постараюсь наверстать.

(Отправляет герольдов с вызовом на единоборство императору недовольных.)

Входит Фауст, в латах, с полуопущенным забралом.
За ним следуют трое сильных в вышеописанном наряде
и вооружении.

Фауст

Мы прибыли, надеюсь, в добрый час.
Всегда спасала осторожность нас.
Ты знаешь, гордам тайна гор открыта.
К природе близки эти племена.
Они прочли давно в кусках гранита
Ее рунические письмена.
С тех пор как духи с низменных лугов
Переселились в горные пещеры,
Они в них трудятся средь атмосферы
Насыщенных металлами паров,
Готовят смеси, превращают в газ
Сорта руды, с единственою целью
Найти состав, невиданный доселе,
На новое наткнуться в первый раз.
При помоши подвластных им начал
Совершены великие открытия.
Они провидят, глядя сквозь кристалл,
Земли неотвратимые события.

Император

Слыхал и верю, впрочем усомнясь,
Имеет ли все это с нами связь?

Фауст

Нурсийский некромант, Сабинский маг
Тебе шлет преданности изъявленья.
От смерти отделял его лишь шаг,
Трещал костер, огонь лизал поленья.
Он задыхался и в дыму исчез.
Кто б мог спасти его на этой грани?

Никто: ни человек, ни бог, ни бес,
Он был спасен твоей монаршей дланью.
Был в Риме ужас этот им изведен.
С тех пор тебе он беззаветно предан.
Он все забыл, узнав про твой поход,
И, полный только о тебе забот,
Поспешно нас послал тебе в подмогу.
Природных сил в горах безмерно много,
И лишь попов тупое существо
В исследованье видит колдовство.

И м п е р а т о р

Когда во дни удач к нам люди вхожи,
Как рады мы толпящимся гостям!
Насколько же нам должен быть дороже,
Кто в бедствии спешит на помощь к нам.
Кто собственною волею, без зова,
Сжимая крепко шпаги рукоять,
В невыясниенный час судьбы суровой
За нас берется грудью постоять!
Вложите меч назад в ножны, однако,
Величье дела общего ценя.
Здесь тысячами бросятся в атаку,
Борясь против меня и за меня.
Но тут бессилен первый вставший воин.
Спор лично мною должен быть решен.
Кто у меня оспаривает трон,
Пускай докажет, что его достоин.
Со лжецарем, приснившимся в бреду
Князьям моим, сойдусь я в поединке,
С успехом в царство мертвых низведу
И совершу по призраку поминки.

Ф а у с т

Хвала твоим намереньям. Меж тем
Нам целость головы твоей потребней,
Смотри, для безопасности твой шлем
Снабжен султаном и дугою гребня,
Едва лишь сон коснется головы,
Отяжелеют и другие члены.
Вот так и мы. Мы живы и мертвы
Твоей особой неприкосновенной.

Раз голова цела, то и рука
Щитом подъятым череп защищает
Или удар враждебного клинка
Сама клинком удачно отражает.
Участвует в победе и нога,
Став на затылок павшего врага.

И м п е р а т о р

Мы тоже силы к этому приложим:
Чтоб стал его затылок нам подножьем.

Г е р о л ь д ы (вернувшись)

Мало чести, невниманье
Мы нашли во вражьем стане.
Благородный вызов твой
Высмеяли всей толпой:
«Император ваш забыт
И погублен без возврата.
Так и сказка говорит:
«Жил-был царь один когда-то».

Ф а у с т

Дела сложились так и обстоят,
Как все твои приверженцы хотят.
Враг близится, нас охватило рвенье,
Удобен миг, скомандуй наступленье.

И м п е р а т о р

Командованье князю я сдаю.
(Главнокомандующему.)
Изволь вступить в обязанность свою.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

Пусть выстроится правое крыло.
Противник из долины вышел левым.
Взбираться на гору им тяжело,
Мы сбросим их с пригорка, овладев им.

Ф а у с т

Тогда позволь, чтоб этот вот герой
Сражался у тебя на фланге правом.
Не зная удержу, он рвется в бой
И увлечет других примером бравым.
(Указывает на стоящего справа.)

Р а у ф е б о л ь д
(выступая вперед).

Кто мне лицо подставит, шутнику.
Дам по скулам и в зубы что есть силы;
Кто тыл покажет, тем сверну башку,
Чтоб морду всю назад перекосило.
Попробуй-ка меня останови
С мою палицею беспощадной.
Противника утопим мы в крови,
Чтоб к нам соваться не было повадно;
(Уходит.)

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

Фаланга центра пусть готовит схватку,
Приблизившись к противнику украдкой,
Смотрите, наше правое крыло
Смятенье в их рядах произвело.

Ф а у с т.
(указывая на стоящего в середине)
Пошлемте в центр, где битва горяча,
Вот этого проныру-ловкача.

Г а б е б а л ь д
(выступая вперед)

Я блеск победы увеличу
Да захвачу притом добычу
И все верну, что этот вор
Стал, награбив, в свой шатер.
Недолго царствовать поганцу,
Из центра выбьем самозванца.

А й л е б о й т а, м а р к и т а н т к а
(прижимаясь к Габебальду)

Хоть он мне не законный муж,
Но друг и компаньон к тому ж.
В походе только не зевай —
И снимешь знатный урожай,
А баба хваткою берет.
Ни в чем запрета нет. Вперед!

Оба уходят,

Главнокомандующий

Что враг нажим свой весь сосредоточит
На левом фланге, знал я наперед.
Он не жалеет жертв и, видно, хочет
Занять ущелья узкого проход.

Фауст (кивая налево)

Вот помошь им. На этого взгляни лишь,
И силу новой силою усилишь.

Гальвест

Пусть левый фланг вас больше не заботит.
Где я, туда не сунуться врагу.
И молния с дороги той своротит,
Которую один я стерегу.
(Уходит.)

Мефистофель (спускаясь сверху)

Теперь смотрите, как в тылу
Из всех теснин, по узким тропам
На помошь левому крылу
Солдаты в шлемах рвутся скопом.
Средь гор устроивши затор
Из лат, мечей, щитов и шпор,
Все ждут команды властелина,
Чтоб хлынуть на врагов лавиной.

(Вполголоса, понимающим, в чем суть.)

Доискиваться б не просил,
Откуда подкрепленье взято:
Я оружейные палаты
Для этого опустошил.
Вооружения модели,
В былом — князья и короли,
Стояли и верхом сидели,
Как в старь, владыками земли.
Доспехов целый арсенал
Я в залах с постаментов снял.
Скорлупки высохших улиток
Напяливши на чертейчат,
Средневековья перёжиток
Теперь я вывел на парад.

Кольчуги, копья, самопалы.
Произведут эффект немалый,
(Громко.)

Как гулко оглашают даль
Звон лат, брящающая сталь!
Знамена веют с видом бранным
На свежем ветре долгожданном.
Народ охватывает жар
Вмешаться в бой под гром фанфар.

Страшный трубный раскат сверху. Неприятельское войско
догнуло.

Ф а у с т

Весь горизонт покрылся мраком.
Лишь там и сям предвестья знаком
На небе рдеет полоса.
Оружие от крови ало,
В бой втянуты леса и скалы,
И в битву рвутся небеса.

М е ф и с т о ф е л ь

На правом фланге бьется стойко,
Развертываясь во всю ширь,
Ганс Рауфебольд, верзила бойкий,
Орудя, как богатырь.

И м п е р а т о р

В разгаре боя мог я счасть,
Как он, мелькая пред глазами,
Махал двенадцатью руками.
Неладное тут что-то есть.

Ф а у с т

Когда узнаешь ты, как странны
В Сицилии фата-морганы,
Вопросов этих не задашь.
Там часто в воздухе стеной
Средь бела дня, на зыбком зное
Встает обманчивый мираж.
То это всем сплетеньем веток
Висящий над землею сад,
То город, воли качанью в лад
Качающийся так и этак.

И м п е р а т о р

Но странно! Копий острия
Покрылись беглыми огнями.
Над каждым кончиком копья
Взметнулось маленькое пламя.
Не чисто это и чудно.

Ф а у с т

О государь! Давным-давно,
Когда бывало море хмуро,
Ниспосыпали Диоскуры
Такой же свет на корабли
В залог доплытья до земли.
Им поклонялись шкипера.
Они желают нам добра
И шлют нам это ободренье.

И м п е р а т о р

Однако кто тот чародей,
Кому я так обязан всей
Счастливою судьбой сраженья?

М е ф и с т о ф е л ь

Все он, Нурсийский звездочет,
Что мыслю о тебе живет.
Расчет врагов приведши в ясность,
Сказал он, осознав опасность,
Что за поступок славный твой
Спасет тебя любой деной.

И м п е р а т о р

В торжественной процессии по Риму
Везли меня, я помню. Полный сил,
Творить добро стремясь неудержимо,
Немедля я помиловать решил
Седого старца средь огня и дыма.
Церковникам я радость отравил,
За что у них с тех пор и не в фаворе.
Так неужели через столько лет
За помощь ту давнишнюю в ответ
Мне блещет луч добра в беде и горе?

Ф а у с т

Добро плоды приносит сам-десят,
Но наверх посмотри. Явленье это
Обозначает некую примету.
Две эти птицы неспроста летят,

И м п е р а т о р

Орел парит на небосклоне.
Гриф бросился за ним в погоню,

Ф а у с т

Следи. Тут, верно, добрый знак.
Что гриф? Гриф — сказка, гриф — пустяк.
Как мог он до того забыться,
Чтоб мериться с орлом, царь-птицей?

И м п е р а т о р

Как носятся они по кругу
И вдруг, сближаться перестав,
Вдвоем слетаются стремглав
И грудь и шею рвут друг другу!

Ф а у с т

Смотри ж, как рваный, драный гриф,
Добившись в драке только сраму
И хвост свой львиный опустив,
В вершины леса рухнул прямо.

И м п е р а т о р

О, если б все случилось так!
Благоговейно верю в знак.

М е ф и с т о ф е л ь (поворнувшись вправо)

Оттесненный нами в схватке,
Враг отходит в беспорядке,
Отбиваясь кое-как.
Он отходит к части средней,
Пошатнув свой центр соседний
Неудачей контратак.
В этот пункт, пример бесстрашья,
Ринулась фаланга наша,
Словно молния разя.

В равенстве слепого пыла
Однаковые силы
Быются, яростней нельзя.
Близко, близко к разрешению
Выигранное сраженье.

И м п е р а т о р
(*повернувшись влево, Фаусту*)

Посмотри, не так-то просто
Положенье аванпоста.
Неприятельские группы
Добрались до крутизны.
Верхние ее уступы
Нашими обнажены.
Наша участь все тяжеле.
Все их силы подоспели,
Чтобы штурмом взять проход.
Под угрозою ущелье.
Вот нечестья должный плод,
Козни не достигли дели.

Пауза.

М е ф и с т о ф е л ь.

Мои два ворона, глядите,
Сейчас расскажут ход событий.
Боюсь, нерадостны дела.

И м п е р а т о р
Нам только их недоставало!
Они к нам с левого крыла
На черных парусах устало
Плынут предвестниками зла.

М е ф и с т о ф е л ь
(*обращаясь к воронам*)

К ушам моим на плечи сядьте.
Мне ваша помощь очень кстати,
Как до сих пор всегда была.

Ф а у с т
(*императору*)

По памяти о старом месте
Почтовый голубь с мирной вестью
Летит издалека домой.

В противность почте голубиной
Воронья почта властелину
Доносит, как проходит бой.

М е ф и с т о ф е л ь

Отчаянные донесенья.
Непобедимы затрудненья
На левом фланге роковом.
Противник захватил высоты.
Займи он горные ворота,
Нам может угрожать разгром.

И м п е р а т о р

Итак, в итоге я обманут!
Я знал, что в сеть меня затянут
Все ваши происки и ложь.

М е ф и с т о ф е л ь

Мужайся, и не пропадешь.
Не безнадежна обстановка,
Найти военную уловку
Помогут эти вещи.
Верь мне ведение войны.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й (подоспевший между тем)

Ты с темными людьми связался,
Все время этим я терзался,
Мы из-за них пойдем ко дну.
Мой план расстроили их штуки,
Взялись, так им и книги в руки,
Жезл полководца я верну.

И м п е р а т о р

Оставь его до лучших дней
И перелома в обороне.
Опасен этот чародей
С подмогою своей вороньей.
(Мефистофелю.)

Нет, я не дам тебе жезла,
Ты не годишься в полководцы.
Рискуй, была иль не была,
И выручай нас, как придется.

(Уходит в палатку вместе с главнокомандующим.)

М е ф и с т о ф е л ь

Храни тебя тупой твой прут.
Мы не нуждаемся в игрушке,
С крестом вдобавок на верхушке,

Ф а у с т

Что делать?

М е ф и с т о ф е л ь

Выход тут как тут!

Летите, черные, с поклоном
К ундинам в озере студеном.
Пусть нам изобразят потоп
Каким-нибудь приемом лживым
И ледниковых вод разливом
Размоют склоны горных троп.
Русалок женское кокетство
Найдет необходимый путь.
У женщин есть в запасе средства
Из видимости сделать суть!

Пауза.

Ф а у с т

Русалок вороны твои
Пронзили, видно, словом льстивым,
Взгляни по сторонам: ручьи
Сочатся всюду по обрывам:
Врага победу у высот
Снесет разливье этих вод.

М е ф и с т о ф е л ь

Да, хоть какого ползуна
Сумеет охладить волна.

Ф а у с т

Ручьи, стекая отовсюду,
Скопляются в большой поток.
Вода встречает камней груду.
Тут образуется порог.
Но тут же за запрудой, рядом,
Крутой обрывистый карниз,
И с шумом все слетает вниз,
Обрушиваясь водопадом.

К чему врага сопротивленье?
Что храбрость против наводненья?
Я сам в испуге от всего.

М е ф и с т о ф е л ь

А я не вижу ничего
Из этих водяных феерий.
Лишь человека легковерье
Податливо на плутовство.
Меня смешит их перепуг,
Как будто, не умея плавать,
Они толпой попали в заводь.
Как глупы эти взмахи рук,
И фырканье, и малодушье!
А дураки меж тем на суше,
И почва твердая вокруг.

В о р о н ы возвращаются.

За эту меткость глазомера
Я похвалю вас Люциферу.
Теперь вам доказать пора,
Что и в другом вы мастера.
Летите к кузнице подгорной,
Где гномы день и ночь упорно
Железо на огне куют.
Трудолюбивый этот люд
Уговорите дать нам пламя,
Не выражимое словами,
Каленъя белого предел,
Чтоб каждый, увидав, чумел.
Обычны в облаках зарницы,
Привычен звезд падучих вид,
Но гром из ветки — небылица,
Да и звезда во сне не снится,
Которая в траве шипит.

Вороны улетают. Все совершается согласно сказанному.

Враги погружены в потемки.
Неверен шаг по горной кромке,
А тут, слепя их, ко всему
Сверканья прорезают тьму,
Но, будто этих вспышек мало,
Глушит их грохот небывалый,

Ф а у с т

Из оружейных зал доспехи
На воле предались потехе.
Трещат, стучат, шумят, звенят,—
Разноголосица, разлад.

М е ф и с т о ф е л ь

Теперешний их шум нестройный
Дань добрым старым временам,
Когда их рыцарские войны
Такой же подымали гам.
Их дребезжащих лат пластины
Возобновили нелады,
Остаток вековой вражды,
Делившей с гвельфом гибеллина..
И через столько сотен лет
Дерет нам уши их фальцет.
Возьми строптивый самый норов,
Но нет свирепей ничего
Междоусобных старых споров:
Здесь безрассудства торжество.
Смотри, как этот адский гул,
Слепой, панический, бесчинный,
Смешал противника дружины
И, в бегство обратив, столкнул
Остатки войска их в долину.

Громкая нескладица в оркестре, под конец: переходящая
в веселые военные мотивы,

ШАТЕР ВРАЖДЕБНОГО ИМПЕРАТОРА

Трон, богатая обстановка.
Г а б е б а л ь д и А й л е б о й т а.

А й л е б о й т а

Здесь первая с тобою я.

Г а б е б а л ь д

Мы быстролетней воронья.

А й л е б о й т а

Богатства сколько! Как во сне!
С чего начать? Что стибрить мне?

Г а б е б а л ь д

Вещей, вещей! Не перечесть.
Не знаю, раньше что загресь.

А й л е б о й т а

Возьму ковер, а то жестка
Моя кровать без тюфяка.

Г а б е б а л ь д

А я мечтал давно в душе
Как раз об этом бердыше.

А й л е б о й т а

А я мечтаю взять домой
Плац красный с золотой каймой.

Г а б е б а л ь д (забрав оружие)

Вот этим встречного хвати —
И нет преграды на пути.
А ты без пользы пол-узла
Пустого хлама набрала.
Я б дряни этой не берег,
А взял бы лучше сундучок.
В нем целой армии казна,
Он полон золотом до дна.

А й л е б о й т а

Куда мне! Словно врос он в пол.
Не подыму, так он тяжел.

Г а б е б а л ь д

Нагнись, не уплыло б из рук.
Я на тебя взвалю сундук.

А й л е б о й т а

Ой-ой! Приходит мой конец!
Ларец сломает мне крестец.
Ящик падает и раскрывается.

Г а б е б а л ь д

Ты видишь, куча золотых.
Живей хватай горстями их.

А й л е б о й т а (на корточках)

Скорей в передник их сейчас.
До самой смерти хватит с нас.

Г а б е б а л ь д

И живо уходи. Пора.

Она встает.

Ай-ай, в переднике дыра!
Карман-то оказался худ,
И на пол денежки текут.

Т е л о х р а н и т е л и и с т и н н о г о и м п е р а т о р а

Как в императорском шатре
Вы рыться смеете в добре?

Г а б е б а л ь д

Да так, что мы за этот приз
Служить в солдатах наялись.
А скарба вражьего дележ —
Захват по праву, не грабеж.

Т е л о х р а н и т е л и

У нас в войсках иной разбор.
Солдат не вор, не мародер,
И к нам на службу лишь идет
Высокой честности народ.

Г а б е б а л ь д

И этой честности прием
Мы контрибуцией зовем.
Девиз наш: «Отдавай мошну!» —
Вот с чем идем мы на войну.
(К Айлебойте.)

Пойдем, тащи свою суму,
Мы не милы тут никому.

Уходят.

Первый телохранитель

Зачем грубяну-наглецу
Ты не дал тотчас по лицу?

Второй телохранитель

Рука не поднялась, представь.
Казалось, это сон, не явь.

Третий телохранитель

И мне глаза застлала муть,
Так что не мог на них взглянуть.

Четвертый телохранитель

Я сам не знаю, но с утра
Была ужасная жара,
И все смешалось в духоте.
Валились эти, бились те.
Противник падал, что ни шаг,
От взмаха чьих-то рук впопыхах.
Глаз был туманом замутнен,
В ушах стоял какой-то звон.
И вот мы здесь, а доищись,
Как мы сюда перенеслись.

Входит император в сопровождении четырех
князей.

Телохранители удаляются.

Император

Что там ни говори, мы выиграли бой.
Разбитые враги рассеялись толпой.
Вот трон изменника, а вот сундук тяжелый
С казной, которой он поддерживал крамолу.
Мы ж, свитой окружив себя со всех сторон,
Ждем представителей от подданных племен.
Известья добрые: везде успокоенье,
В стране подавлен бунт, нам радо населенье.
Нам скажут, в наш успех вмешалось колдовство,
Плоды достались нам — довольно и того.
А мало ли еще случайности какие
На памяти хранят аниалы боевые?
На голову врагов то дождь кровавый льет,
То град камней летит, то ураган невзгод.
Или вселяет гул таинственный в пещере
Уверенность в одних, а в остальных неверье.

Но побежденный пал, преследуем стыдом,
А тот, кто победил, не помнит ни о чём,
Но славит господа, сливая в хор хвалебный
Милёны голосов собравшихся к молебну.
В счастливый этот час дарений и наград
Я на себя смотрю и перемене рад.
Правитель молодой пусть времени не ценит,
Года пройдут, года его и переменят.
Я долю уделить хочу вам четырем
В распоряжение царством, домом и двором.
(Первому.)

Устройство войска, князь, наложено тобою,
В опасный миг оно не пошатнуло строя.
Во время мира будь таким же молодцом.
Я жалую тебя фельдмаршальским мечом.

Ф е л ь д м а р ш а л

Нам до сих пор внутри страны случалось биться.
Когда ж давать отпор начнем мы у границы,
Тогда на торжество весь двор мы созовем
И в императорском чертоге родовом;
Меч этот обнажив, с тобой я рядом стану,
Тем знаменуя, как крепка твоя охрана.

И м п е р а т о р *(второму)*

Ты — храбр и сlyл всегда учтивости примером.
Вот трудный пост тебе, будь первым камергером.
Тот государь без слуг, при ком семью и двор
Подтачивают рознь, интриги и раздор.
А ты покажешь, как характером покорным
Нетрудно угодить монарху и придворным.

П е р в ы й к а м е р г е р

Одушевляемый стремлением одним —
Хорошим помогать и не вредить дурным,
Я буду прям без лжи, без плутовства спокоен
И близости с тобой, мой государь, достоин.
А на твоем пиру перед столом твоим
Предстану пред тобой я с тазом золотым,
И кольца подержу, и радоваться буду,
Что руки моешь ты водою из сосуда.

И м п е р а т о р

Ну что ж, задумывай пиры и торжества,
А у меня полна не этим голова.

(Третьему.)

Охотою моей и птичником заведуй,
Будь стольником моим и обеспечь к обеду
Продуманный подбор моих любимых блюд,
Как в сроки разные к столу их подают.

С т о л ь н и к

Поститься буду я, подавленный и грустный,
Пока не будешь ты доволен кухней вкусной,
Не помешают нам ни дальность, ни пора,
Дворецкий сыщет все, все сварят повара.
Да сам ты враг причуд, не свойственных сезону,
И любишь стол простой, здоровый, немудреный,

И м п е р а т о р *(четвертому)*

Но речь опять к пирам свелась сама собой.
Будь виночерпием, герой мой молодой.
Смотри, чтобы вино у нас не убывало,
Сортами лучшими наполни нам подвалы.
И, веселя гостей во время шумных встреч,
Сам страсти пагубной не дай себя увлечь.

В и н о ч е р п и й

Знай, государь: когда нам старший доверяет,
То юноша, гордясь доверием, мужает.
И так как на пиры опять слова свелись,
Роскошный подберу я к пиршеству сервиз.
Ковши из золота, серебряные чаши,
Тебе же выберу бокал ценней и краше —
Венецианского прозрачного стекла,
Где винная струя чиста, крепка, светла,
И пьется медленней, сознанья не туманя,
И менее пьянит, и учит воздержанью.

И м п е р а т о р

Что я облюбовал для каждого из вас,
Я устно объявил в высокий этот час.
В том вы заверены высоким словом честным.
Но в дополнение к решениям словесным

На подпись подадут мне письменный указ.
А вот и канцлер, он и нужен нам как раз.

Входит архиепископ-канцлер.

Император

Мы камнем угловым смыкаем дуги свода,
Которому тогда не угрожают годы.
С князьями четырьмя, как видишь ты, с утра
Рассматриваю я потребности двора.
Но если эта часть под стать такому штату,
Чтоб царством управлять, — понадобится пятый.
Мы выделяем вас из всех, и пятерым
Имущество князей-изменников дарим,
Чтобы во много раз расширенным наделом
Поднять вас высоко над нашим краем целым.
Сверх этого еще рескрипт мой подтвердит,
Чтоб не чинили вам и в остальном обид.
Вы вправе округлять владенья по желанью
Покупкой, меною или по завещанью.
Я преимущества вам пятерым раздам,
Присущие другим владетельным князьям:
Вершите у себя свой суд, свою расправу
Без апелляции в суды моей державы.
Взимайте пошлины и подати свои.
Прибавьте к этому доходные статьи:
Чекан монет, руду, акциз, налоги с соли,
Дорожный сбор, весь лист коронных монополий.
Я до себя почти вас поднял, уступив
Такое множество моих прерогатив.

Архиепископ

Благодарю тебя за всех, но не жалей:
Усилив нас, ты сам становишься сильней.

Император

Еще я отдаю на ваше попеченье
Мысль о наследнике и трона замещенье.
Еще я жив и жить хочу, но всякий миг
Могу отозван быть в круг праотцев моих.
Когда умру я, вам пяти я поручаю
Преемника избрать покинутому краю.
В день коронации избранник молодой
Пусть миром кончит то, что началось войной.

Канцлер

Мы этим польщены и пред тобой смиленно
Склоняемся, князья, властители вселенной.
Покамест кровь течет по жилам верных слуг,
Мы — плоть твоя, а ты — нас двигающий дух.

Император

Чтоб не дробить земли, пожалованной в дар,
Сопровожу одним условьем циркуляр.
Хоть вам земля дана на все века и свято,
Но вам принадлежит по праву майората;
Пусть вотчину свою умножит господин,
Наследует ее один лишь старший сын.

Канцлер

Я на себя сейчас возьму завидный труд
Пергаменту предать монарший твой статут.
Переписать указ — задача канцелярий,
Все завершат печать и подпись государя.

Император

Я отпускаю вас, и вы об этом дне
Подумайте, домой вернувшись, в тишине.

Светские князья уходят. Архиепископ, как лицо духовное,
остается и говорит с пафосом.

Архиепископ

Пусть канцлер вышел. Я, епископ, — пред тобой,
Тревога за тебя, мой сын, владеет мной.
С отеческой к тебе я укоризной строгой.

Император

Какая у тебя в столь ясный день тревога?

Архиепископ

В счастливый этот час владеет горько мною
Сознание, что ты в союзе с Сатаною.
Хотя, на первый взгляд, упрочен твой престол,
Ни к богу ближе ты, ни к папе не пришел.
Узнай он, как достиг ты снова водаренья,
Он поразит твой край громами отлученья.
Ведь не забыты им еще те времена,
Когда, взойдя на трон, простили ты колдуна

И милости лучом, склоняясь челом венчанным,
Коснулся головы, противной христианам.
Покайся между тем, и в грудь себя ударь,
И лепту скромную дай церкви, государь.
Места, в которых след оставил осквернитель
Победой колдовства, отдай ты под обитель
С окрестной полосой, с лесами и горой,
Поросшей по краям травою луговой,
С ключами, бьющими сквозь каменные глыбы,
Со множеством озер, богатых всякой рыбой.
Чем шире будет мера щедрости твоей,
Тем и прощенье будет ближе и верней.

И м п е р а т о р

Безмерно потрясен свершенным прегрешеньем.
Где хочешь, проведи границу тем владеньям.

А р х и е п и с к о п

Чтоб след кощунства смыть, во-первых, нужно нам
Всевышнему на той горе воздвигнуть храм.
Тот храм провижу я, и мысленному взору
Рисуется: в лучах восхода блещут хоры,
Крестом посереди два корабля сошлись,
Молящихся как бы приподымая ввысь.
Они по паперти проходят богомольно,
Их благовест из сел сзывает колокольный,
В долинах далеко гудит церковный звон,
И грешник каётся, молитвой обновлен.
В присутствии твоем уже в предвосхищенье
Я храма этого свершаю освященье.

И м п е р а т о р

Прославь зиждителя и этот храм построй,
Очисти от греха дух отягченный мой.
Надеждою одной и то я окрыляюсь.

А р х и е п и с к о п

Как канцлер, в записи я дарственной нуждаюсь,

И м п е р а т о р

Формальный акт составь, пожалуйста, ты сам,
Как будет он готов, я подпись тотчас дам,

Архиепископ
(откланивается, но перед выходом снова возвращается)

И храму в собственность отдай доход старинный,
Повинности крестьян, налоги, десятину.
Свой дар увековечь и храму сделай вклад.
Поддерживать его потребует затрат.
А чтоб начать скорей святыни закладку,
Часть вражьих денег дай нам в качестве задатка
И даром отпусти для стройки материю.
Мы убедим народ с амвонов, чтоб не брал,
Спасая душу тем, никто за перевозку
И доски нам возил, и камень, и известку.

(Уходит.)

Император

За близость с магами плачусь я тяжело;
Расходов из-за них все множится число.

Архиепископ
(снова возвращаясь, с глубоким поклоном)

Прости, о государь! Ты отдал чародею
Морские берега. Но, чтоб спасти злодея,
Заставь отступника на все века отсель
Его святейшеству платить налог с земель.

Император
(с досадою)

Земель ведь нет еще. Они в пучине моря.

Архиепископ

Кто правом облечен, ждать для того не горе.
Довольно слова с нас, дай обещанье нам.

(Уходит.)

Император
(один)

Послушаться, так им все дарство я раздам,

АКТ ПЯТЫЙ

ОТКРЫТАЯ МЕСТНОСТЬ

С т р а н и к

Да ведь это липы те же!
Как я счастлив их найти
В вековой их моши свежей
После стольких лет пути!
Да и хижина сохранила,
Кров гостеприимный мой
В дни, когда на холм песчаный
Был я выброшен волной.
Но хозяева лачуги
Ныне живы ль, добряки?
Ведь уже тогда супруги
Были оба старики.
Кротким людям без гордыни
Я скажу ли: «Мир чете,
Находящей и поныне
Утешенье в доброте»?

Б а в к и д а
(старая-престарая бабушка)

Тише, милый гость! Беседой
Ты разбудишь старика.
Долг сон теперь у деда,
А работа коротка.

С т р а н н и к

Слов найти не в состоянье,
Что могу тебя опять
За твои благодеянья
С благодарностью обнять!
Это ты, Бавкида, та же,
Кем я к жизни возвращен?

Выходит ее м у ж.

Ты ли, часть моей поклажи
В море спасший, Филемон?
Только ваш огонь сигнальный,
Колокола звон с земли
От погибели печальной
Мне спасенье принесли.
Я пойду с вершины склона
На морскую даль взглянуть
И, коленопреклоненный,
Облегчу молитвой грудь.
(Идет вперед по дюне.)

Ф и л е м о н (Бавкиде)

Нам на стол накрой мгновенно,
Вынеси его в цветник.
Перед общей переменой
Станет, верно, гость в тупик.
(Подойдя к страннику.)

Где бушующей пучиной
Был ты к берегу прибит,
Вместо отмели пустынной
Густолистый сад шумит.
Стар я стал сидеть в дозоре
По почам на маяке,
А тем временем и море
Очнулось вдалеке.
Умные распоряженья
И прилежный смелый труд
Оттеснили в отдаленье
Море за черту запруд.
Села, нивы вслед за морем
Заступили место вод.

Червячка пойдем заморим,
Скоро солнце ведь зайдет.
Парусников вереницы,
Предваряя темноту,
Тянутся, как к гнездам птицы,
Переночевать в порту.
За прорытою канавой
Моря синяя черта,
А налево и направо —
Населенные места.

Втроем за столом в саду.

Б а в к и д а

Взглядом приковавшись к дюне,
Ты не скушал ни куска.

Ф и л е м о н

В наши чудеса, болтунья,
Посвятила б новичка.

Б а в к и д а

Да, поистине загадка
Эти наши пустыри.
Тут нечистая подкладка,
Что ты там ни говори.

Ф и л е м о н

Тот пришелец законно, свято
Получил морской пустырь.
Императорский глашатай
Объявил об этом вширь.
Тут вначале был по плану
Лагерь для людей разбит,
А теперь на месте стана
В зелени дворец стоит.

Б а в к и д а

Лишь для виду днем копрами
Били тьмы мастеровых:
Пламя странное ночами
Воздвигало мол за них.
Бедной братии батрацкой
Сколько погубил канал!

Злой он, твой строитель адский,
И какую силу взял!
Стали нужны до зарезу
Дом ему и наша высь.
Он без сердца, из железа,
Скажет — и хоть в гроб ложись:

Ф и л е м о н

Он дает нам вместо дома
Новый, на земле низин.

Б а в к и д а

Не глава ты дну морскому,
А холму ты господин.

Ф и л е м о н

Но пойдем в часовню. Взглянем
На огни зари втроем,
Вместе на колени станем
И молитвы вознесем.

ДВОРЕЦ

Обширный загородный сад на берегу широкого и прямого канала. Фауст, сильно состарившийся, прогуливается по саду.

Л и н к е й, к а р а у л ь н ы й н а б а ш н е
(говорит в рупор)

Садится солнце, у причала
Бросают с палубы канат;
От моря в гавань по каналу
Последние суда спешат.
Не гнутся мачты их. Красиво
Подрагивают вымпела.
Тебе, хозяину залива,
Прибывших путников хвала.

Колокольный звон на песчаном взморье.

Ф а у с т
(раздраженно)

Проклятый звон! Как в сердце нож!
Нет впереди границ успеху,

А позади, как разберешь,
Все та же глупая помеха!
Мне говорят колокола,
Что план моих работ слукаен,
Что церковь с липами дела,
Что старики я не хозяин.
Они — бельмо в глазу моем,
Пока от них я не избавлен,
И час прогулки мой отравлен
При встрече с этим старицем.

Линкей
(*как выше*)

Морского берега держась,
Подходит к пристани баркас.
Внутри его не счесть добра:
Мешков и ящиков гора.

Причаливает великолепный парусник, доверху нагруженный
произведениями чужих стран.

Мефистофель и трое сильных.

Хор

Вот и земля,
Причалил бот.
Владельцу корабля
Почет!

Поднимаются на пристань, груз выносят на берег.

Мефистофель

Должна прославить нас молва,
Но что нам скажет наш глава?
Начав с двух кораблей в пути,
Вернулись мы на двадцати.
О сделанном дает понять
Доставленная нами кладь.
В открытом море дерзок взгляд,
Молчит закон, царит захват.
То китобойщик, то пират,
Захватываешь ты фрегат.
Напав на два, ты жизнь отдашь,
Чтоб третий взять на абордаж.

Затем берешь четыре, пять,
И уж не можешь перестать.
Флот этот твой! Таков устав:
В ком больше силы — тот и прав.
Никто не спросит: «Чье богатство?
Где взято и какой ценой?»
Война, торговля и пиратство —
Три вида сущности одной.

Т р о е с и ль н ы х

Хозяин дал
В награду шиш,
Как будто мал
Ему барыш.
Стоит угрюм
Перед слугой,
На полный трюм
Глядит брюзгой.

М е ф и с т о ф е л ь

Бесцельный шум:
Уж был дележ.
На всех вас сумм
Не напасешь.

Т р о е с и ль н ы х

Те наградные —
Курам смех.
Раздайте поровну
На всех.

М е ф и с т о ф е л ь

Все до последнего
Ларда
Расставьте
В комнатах дворца,
Хозяйский глаз
Оценит склад,
И сам на вас
Изменит взгляд.
И за работу
И разбой

Задаст он флоту
Пир горой.
Жду завтра пестрых птиц и тотчас
Об их приеме позабочусь.

Выгруженную кладь уносят.

(Фаусту.)

Зачем ты складками на лбу
Мрачишь счастливую судьбу?
Закончен труд, готов затон,
Мир суши с морем заключен.
Куда велишь, твои суда
Уносит на себе вода.
Из стен дворца своей рукой
Ты правишь мировой судьбой.
Здесь был задуман первый шаг.
На этом месте был барак.
Прорытый здесь когда-то ров
Покрылся веслами гребцов.
Твоим умом к концу работ
От моря возведен оплот.
Здесь...

Ф а у с т

Отвратительное «здесь»!
Вот в нем одном и ужас весь!
Ах, ты такой ведь воротила
И с хитростями так знаком!
Как мне разделаться с постылой
Старухою и стариком?
Томлюсь, безумствую, мытарюсь,
На шее ж — это старище!
Что мне владычество мое?
Я сам на тот участок зарюсь.
Я там устроил бы помоest
И созердал бы с этой вышки
Простор прирезанных борозд,
Земли отхваченной излишки.
Там наблюдал бы я разбег
Растущих в ширину владений,
Которыми венчал свой гений
В даль заглянувший человек.
Как неприятен недочет
Средь общего великолепья!

Запахнут липы, звон пойдет,
Но словно погребен я в склепе.
Неужто в жертву я отдаю
Свой план препятствием невольным?
Как быть со звоном колокольным
И с липовою рощей нам?

М е ф и с т о ф е л ь

Звон колокольный — не пустяк.
Он отправляет каждый шаг.
Недопустимо равнодушье
К тому, что вечно режет уши.
Заладят это «динь-динь-динь», —
Прощай безоблачная синь.
Что похороны, что крестины,
Для колокола все едино,
Вся жизнь как будто — призрак, хмаря,
А главное — один звонарь.

Ф а у с т

Сопротивляясь, эти люди
Мрачат постройки торжество.
Они упрямы до того,
Что плону я на правосудье.

М е ф и с т о ф е л ь

Их выселить давно пора
В назначенные хутора.

Ф а у с т

Ты знаешь место у бугра,
Где их усадьбой наделили?
Переселяй их со двора!

М е ф и с т о ф е л ь

Они и глазом не моргнут,
Как будут уж от нас за милю,
Где об испытанном насилие
Забудут в несколько минут.

Пронзительно свидет. Возвращаются трое сильных.

Вот вам начальника приказ.
Он завтра просит в гости вас.

Т р о е с и ль ны х

Он с нами груб. Пусть угостит,
Чтобы не вспоминать обид.
(*Уходят.*)

М е ф и с т о ф е л ь (*к зрителям*)

Так отдал в дни, еще древней,
Свой виноградник Навуфей.
(*Кн. Царств, III, 21*)

ГЛУБОКАЯ НОЧЬ

К а р а у л ы н ы й Л и н к е й
(*поет на сторожевой башне*)

Все видеть рожденный,
Я зорко, в упор
Смотрю с бастиона
На вольный простор.
И вижу без края
Созвездий красу,
И лес различаю,
И ланей в лесу.
И, полная славы,
Всегда на виду.
Вся жизнь мне по нраву
И я с ней в ладу.
Глаза мои! Всюду,
Расширив зрачки,
Мы видели чудо,
Всему вопреки.

Пауза.

Не всегда меня встречает
Радостью высокий пост.
Отсвет ужаса бросает
Нынче ночь на мой помост.
Искры носятся роями
В старицком липняке.
Все сильней бушует пламя
Меж стволов на сквозняке.
И полна лачуга дыма,
Отсыревшая от лет.

Помощи необходимой
Ниоткуда нет как нет.
Закрывали осторожно
Добряки заслон печной.
Что за случай невозможный!
Дом горит не их виной.
Черной крыши обгорелой
Пламенеют угольки.
Только бы остались целы,
Не сгорели старики!
Словно молнии зигзаги,
По листве бегут огни
И, треща на сильной тяге,
Рассыпают головни.
А часовня, что ласкала
Из-под лип веками взор,
Вся под тяжестью обвала
С ними рушится в костер.
Лип обуглившийся остов,
Раскаленный до корней,
Безутешнее погостов
Смотрит в даль ушедших дней.
Вот отполыхало пламя,
Запустенье, пепел, чад.

Долгая пауза, потом снова пение.

И уходит в даль с веками
То, что радовало взгляд.

Ф а у с т
(на балконе напротив дюн)

Вверху на башне — пенье, стоны.
Но сделанного не вернуть.
Линкея песня с бастиона
Мне жалостью пронзает грудь.
Но ведь утрату пепелища
Я старцам возместить хочу.
Я их пожарище расчищу
И там построю каланчу.
Став на высоком бельведере,
Взгляну на новый их приют,
Где оба, позабыв потерю,
Снокойно век свой доживут.

Мефистофель и трое сильных внизу.

М е ф и с т о ф е л ь

Мы кинулись сюда бегом:
Дела не кончились добром.
Мы в дверь стучались к ним раз сто,
Но нам не отворил никто.
Мы налегли, не тратя слов,
И дверь слетела с косяков.
Мы сообщили твой приказ,
Они не стали слушать нас.
Мы не жалели просьб, угроз,
Но не был разрешен вопрос.
Конец желая положить,
Мы стали веци выносить.
Тогда их охватил испуг,
И оба испустили дух.
А гость, который был там скрыт,
Сопротивлялся и убит.
Меж тем как все пошло вверх дном,
От искры загорелся дом.
И эти, трупы к той поре,
Втроем сгорели на костре.

Ф а у с т

Я мену предлагал со мной,
А не насилие, не разбой.
За глухоту к моим словам
Проклятье вам, проклятье вам!

Х о р

Пред силою бессильна речь,
Смирись пред нею, не перечь.
А если хочешь взять борьбой,
Рисуй и домом и собой.
(Уходят.)

Ф а у с т (на балконе)

Не видно звезд, их скрыла мгла.
Сгорела хижина дотла.

Пахнуло свежим ветерком,
И дымом понесло кругом.
Ошиблись, меру перешли!
Но что маячит там вдали?

ПОЛНОЧЬ

Появляются четыре седые женщины.

П е р в а я
Зовусь я Нехваткой.

В т о р а я
Зовусь я Виной.

Т р е т ь я
Зовусь я Заботой.

Ч е т в е р т а я
Зовусь я Нуждой.

П е р в ы е т р и
Нас в дверь непускают, она под замком,
Богач в этом доме, мы в дом не войдем.

Н е х в а т к а
Я в тень превращусь.

В и н а
Я уйду без следа.

Н у ж д а
Богатого не испугает Нужда.

З а б о т а

Прочь, сестры! Возможность Заботе лишь есть
В замочную скважину эту пролезть.

Забота исчезает.

Н е х в а т к а

Мы, сестры седые, назад повернем,

В и на

С тобой неразлучны всегда мы вдвоем.

Н у ж д а

За вами ступает Нужда по пятам.

В с е т р о е

Затянуты тучами звезды и твердь,
А там, на большом расстоянье, а там
Выходит навстречу сестра наша, Смерть.
(Уходят.)

Ф а у с т *(во дворце)*

Четыре были и остались три.
Я речь их смутно слышал изнутри.
Нужду упоминали, звезды, твердь
И в заключенье, как бы в рифму,— смерть.
Еще за мною призраки снуют,
Я все еще не вырвался из пут!
О, если бы мне магию забыть,
Заклятий больше не произносить,
О, если бы, с природой наравне,
Быть человеком, человеком мне!
Таким я был, но преступил устав,
Анафеме себя и жизнь предав.
Теперь все привиденьями полно,
И поделом, оно не мудрено.
Ведь даже если мы разумны днем,
Нас ночь пугает нехорошим сном.
Услышу, на прогулке поутру
Прокаркает ворона — не к добру!
Поверьями кругом опутан свет,
Все неспроста, и все полно примет.
И мы дрожим, и всюду колдовство.
Дверь скрипнула. Не вижу никого.
(Настороженно.)
Здесь кто-то есть?

З а б о т а

Есть кто-то, спору нет.

Ф а у с т

Но кто же это?

З а б о т а

Некто, вот ответ.

Ф а у с т

Уйди!

З а б о т а

Я там, где надо, нахожусь.

Ф а у с т

*(сперва негодуя, потом успокоившись,
про себя)*

К заклятьям не прибегну и сдержусь.

З а б о т а

Если взять мне не желаешь,
Сердцем ты меня узнаешь.
В разных видах, я везде
Всех держу в своей узде.
Я на море и на суще
Повергаю в малодушье,
Незнакома, незвана,
Всем судьбой предрешена.

Что, ты Заботы не знал в былом?

Ф а у с т

Я шел всю жизнь беспечно напролом
И удовлетворял свои желанья,
Что злило — оставлял я без вниманья,
Что умиляло — не тужил о том.
Я следовал желаньям, молодой,
Я исполнял их сгоряча, в порыве.
Тогда я жил с размахом, с широтой,
Ну а теперь — скромней и бережливей.
Я этот свет достаточно постиг.
Глупец, кто сочинит потусторонний,
Уверует, что там его двойник,
И пустится за призраком в погоню.
Стой на своих ногах, будь даровит,
Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорят!
Что надо знать, то можно взять руками.

Так и живи, так к цели и шагай,
Не глядя вспять, спиною к привиденьям,
В движенье находя свой ад и рай,
Не утоленный ни одним мгновеньем!

З а б о т а

Кто в мои попался сети,
Ничему не рад на свете.
Солнце встанет, солнце сядет,
Но морщин он не разгладит.
Все пред ним покрыто мраком,
Все недобрый служит знаком,
И плывет богатство мимо
У такого нелюдима.
Полон дом — он голодает,
Копит впрок, недоедает,
Тихо усидеть не может,
Черный день его тревожит.
Будущее роковое
Не дает ему покоя.

Ф а у с т

Отстань! Меня ты этим не проймешь.
Мне надоели эти прибаутки.
Но, слушая унылый твой долбеж,
Умнейший может тронуться в рассудке.

З а б о т а

И колеблется тупица,
Думая, на что решиться.
У него на полдороге
Могут подкоситься ноги.
Положенье все серьезней,
Он повсюду видит козни.
Злой, пришибленный, кургузый,
Он себе и всем в обузу
И живет наполовину,
Полутруп, полуруина.
За ничтожность, за блужданья,
За безволье, за шатанье,
За сомненья, за смешенье
Полусна и полубденья
Он достоин без пощады
Уготованного ада.

Ф а у с т

Навязчивые страхи! Ваша власть —
Проклятье человеческого рода.
Вы превратили в пытку и напасть
Привычный круг людского обихода.
Дай силу демонам, и их не сбыть.
Не выношу их нравственного гнета.
Но больше всех бессмыслиц, может быть,
Я презираю власть твою, Забота!

З а б о т а

Так ощути ту власть краями век!
Плачу тебе проклятьем за презренье.
Живет слепорожденным человек,
А ты пред смертью потеряешь зренье.
(Дует ему в глаза и исчезает.)

Ф а у с т (ослепленный)

Вокруг меня сгостились ночи тени,
Но свет внутри меня ведь не погас.
Бессонна мысль и жаждет исполненья,
И жив распорядителя приказ.
Вставайте на работу дружным скопом!
Рассыпьтесь цепью, где я укажу.
Кирки, лопаты, тачки землекопам!
Выравнивайте вал по чертежу!
Награда всем, несметною артелью
Работавшим над стройкою плотин!
Труд тысяч рук достигнет высшей цели,
Которую наметил ум один!

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Факелы:

Впереди М е ф и с т о ф е л ь в качестве смотрителя работ.

М е ф и с т о ф е л ь

Эй, эй, сюда, сюда скорей,
Сюда, народ понурый,
Из жил, и связок, и костей
Скроенные лемуры!

Л е м у р ы
(хором)

Куда нас хочешь посытай,
Но, в некотором роде,
Слыхали мы, что целый край
Нам отдан под угодья.

Мы взяли колышки для вех
И цепи для промера,
Но для чего ты звал нас всех,
Забыли землемеры.

М е ф и с т о ф е л ь

Я вам работу дам одну:
Меж вами рослый самый
Пускай растягивается в длину,
По нем и ройте яму.
Как рыл отец ваш для отца
Кладбищенскую глину,
Переселенцу из дворца
Копайте домовину.

О д и н из л е м у р о в
(копая землю, с ужимками)

В дни молодости и проказ
На все хватало силы.
Где можно, я пускался в пляс,
И все мне с рук сходило.
Дала мне старость по горбу,
И в яму я свалился.
И вылетело все в трубу,
В гробу я очутился.

Ф а у с т

(выходит ощупью из дворца, хватаясь
за дверные косяки)

Как мне приятен этот стук лопат!
Рабочие, их разобрав, толпою
Кладут границу бешенству прибоя
И, как бы землю примирив с собою,
Возводят вал и насыпи крепят.

М е ф и с т о ф е л ь
(в сторону)

На мельницу мою ты воду льешь.
Плотиной думая сковать буруны,
Морскому черту, старику Нептуну,
Заранее готовишь ты кутеж.
В союзе с нами против вас стихии,
И ты узнаешь силы роковые,
И в разрушенье сам, как все, придешь.

Ф а у с т

Надсмотрщик!

М е ф и с т о ф е л ь

Здесь!

Ф а у с т

Усилий не жалей!

Задатками и всевозможной льготой
Вербуй сюда работников без счету
И доноси мне каждый день с работы,
Как подвигается рытье траншей.

М е ф и с т о ф е л ь
(вполголоса)

На этот раз, насколько разумею,
Тебе могилу роют — не траншею.

Ф а у с т

Болото тянется вдоль гор,
Губя работы наши вчуже.
Но, чтоб очистить весь простор,
Я воду отведу из лужи.
Миллионы я стяну сюда
На девственную землю нашу.
Я жизнь их не обезопашу,
Но благодатностью труда
И вольной волею украшу.
Стада и люди, нивы, села
Раскинутся на целине,
К которой дедов труд тяжелый
Подвел высокий вал извне.

Внутри по-райски заживется.
Пусть точит вал морской прилив,
Народ, умеющий бороться,
Всегда заделает прорыв.
Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О, как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И, это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

Фауст падает навзничь. Лемуры подхватывают его и кладут на землю.

М е ф и с т о ф е л ь

В борьбе со всем, ничем не насытим,
Преследуя изменчивые тени,
Последний миг, пустейшее мгновенье
Хотел он удержать, пленившись им.
Кто так сопротивлялся мне, бывало,
Простерт в песке, с ним время совладало,
Часы стоят.

Х о р

Стоят. Молчат, как ночь.
Упала стрелка. Делу не помочь.

М е ф и с т о ф е л ь

Упала стрелка. Сделано. Свершилось.

Х о р

Конец.

М е ф и с т о ф е л ь

Конец? Нелепое словцо!
Чему конец? Что, собственно, случилось?

Раз нечто и ничто отожествилось,
То было ль вправду что-то налицо?
Зачем же созидать? Один ответ:
Чтоб созданное все сводить на нет.
«Все кончено». А было ли начало?
Могло ли быть? Лишь видимость мелькала,
Зато в понятье вечной пустоты
Двусмыслиности нет и темноты.

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ

Один из лемуров

Кто строил заступом в песке
Такой барак дырявый?

Лемуры (хором)

Жильцу в пеньковом сюртуке
Довольно и канавы.

Один из лемуров

Что ж не обставлено жилье?
Нет даже стульев в зале.

Лемуры (хором)

Здесь все чужое, не свое.
Зaimодавцы взяли.

Мефистофель

Чуть дух покинет тело, договор
Ему представлю, кровью подкрепленный.
Но столько средств есть с некоторых пор
Отбить у черта душу беззаконно!
Поверья предков, словно старый хлам,
Лишились силы, всякий смысл утратив.
Бывало, я со всем спрашивался сам,
Теперь нуждаюсь в помощи собратьев.
Тяжелые для черта времена!
В загоне честь, обычай, старина.

Всегда готовым надо быть к подвохам,
А в старину душа была честна
И вылетала вон с последним вздохом.
Я схватывал ее, как кошка мышь,
Без промаха, и вмиг, без проволочки,
Сжимал в когтях. Теперь не то, шалишь!
Душа нейдет из грязной оболочки,
Ей дорога вонючая дыра,
Пока ее не сгонят со двора
Браждущие меж собой стихии.
Сиди, гадай, когда она и как
Решит уйти и хитрости какие
Готовить ей, чтоб не попасть впросак.
Смерть на руку уже не так скора,
Сражает не ударом топора.
Застынет труп, его б уж класть в гробницу,
Ан смотришь, ожил он и шевелится.

(Производит странные, заклинательные движения, словно отдает приказания.)

Старейших корпораций господа,
Князья прямого и кривого рога!
Без промедления, всей толпой в дорогу!
Пасть адова несите мне сюда!
Пасть адова, положим, не одна,
И по разрядам грешников их много.
Но нам пред заключеньем эпилога
Такая щепетильность не нужна.

Страшная пасть ада разверзается слева.

По сторонам клыки торчат. От злобы
Поток огня слюной стекает с нёба,
И город мук, дымящийся в огне,
Виднеется в далекой глубине.
Об зубы бьется бешеная пена,
И грешники, подплыв, хотят спастись,
Но, скрежеща, смыкается геenna,
И их смывает огненная слизь.
Страстей таит еще немало бездна
Для грешных вольномыслящих мирян.
Хорошая острастка им полезна.
Им кажется, что это все обман.

(Толстым чертам с коротким прямым рогом.)

Обжоры, краснощекие кубышки,
Налившиеся сальные угри!
Смотрите в оба: фосфористой вспышки
Вы в теле не заметите ль внутри?
Ту душу, ту крылатую Психею
Хватайте, остальное — червь дрянной.
Печать поставлю я на ней, и с нею
В круговорот бросайтесь огневой,

Обследуйте внимательно брюшину.
Что о душе мы знаем, толстяки?
Она могла иметь свою причину
Запрятаться куда-нибудь в кишки
И, выйдя сквозь отверстие пупа,
Окажется совсем не так глупа.

(Тощим чертам с длинным кривым рогом.)
Вы ж вытянитесь, жерди, в высоту
И лапами по воздуху машите,
Чуть выскольнет душа из-под прикрытия,
Ее хватайте разом на лету.
Ведь гений жизни рвется унестись
Из ветхого былого дома ввысь.

Лучезарный свет, исходящий с правой стороны сверху.

Небесное воинство

Ангельской ратью
Двинемся, братья,
В тихий полет,
Грешных прощая,
Прах оживляя,
Кроткой, радушной,
Легкой, воздушной
Стаей слетая
С горных высот.

Мефистофель

Не выношу я шайки голосистой,
И резкий свет такой, что пропадешь!
Поют женоподобные хористы,
Любимцы богомолок и святош.
Чтоб род людской сразить бичом тяжелым,
Хотели мы, чтоб пол был отменен.

Наш адский план о существе бесполом
В мечтаньях набожности воплощен.

Наивничают, тайно строя глазки,
Чтобы оставить нас не в первый раз!
Ведь это — черти, как и мы, но в маске,
Оружьем нашим побивают нас.
Не посрамимся! Станем пред могилой
И силе противопоставим силу!

Х о р а н г е л о в
(рассыпая розы)

Розы румяные,
Благоуханные,
Падая, радуя
Нежной прохладою
Животворящею,
Вейте над спящею
Тихо душой,
Райских селений
Вечный покой
Сейте весенней
Алой копной.

М е ф и с т о ф е л ь
(бесам)

Дрожать и жаться! И не стыдно вам?
Пусть сыплют розы. Что вы оробели?
Я дам вам пятиться! Все по местам!
Они хотят цветочной канителью
Вас занести, как снежною метелью.
Огнем дохните, и конец цветам.
Ну, дуйте, дуйте! Кончено! Не надо!
Поблекло все от одного лишь смрада.
Не так неистово! Закройте рты!
Вы слишком надышали, кавалеры.
Ни в чем не соблюдаете вы меры,
Не только сохнут, а горят цветы
И жгут нас ядовитыми огнями.
Сплотитесь вместе! Отражайте пламя!
Как быстро, черти, ваша прыть прошла
Пред лаской чужеродного тепла.

А н г е л ы
(хор)

Полные пламени
Розы, вы — знаменья
Благости любящей,
Силы, голубящей
Кроткий завет.
Все перевесьте
Радостной вестью!
Ангелов шествие
Сеет ваш свет.

М е ф и с т о ф е л ь

Проклятье! Стыд! Несчастные балбесы!
Перевернулись вверх ногами бесы
И чехардою друг за дружкой в ад,
Как в баню, вверх тормашками летят.
Счастливо искупаться! С легким паром!
Я остаюсь один на месте старом.

(Отбиваюсь от летающих роз.)

Прочь, светляки! Как вы там ни свети,
Поймаешь вас, нет ничего паскудней:
Расплывчатое что-то вроде студня,
А обжигает, как смола почти.

А н г е л ы
(хор)

Чем ни прикрашивай
Духа чужого,
Рода не нашего
Эта основа.
Только с любовью
Ладит краса.
Им наготове
Вход в небеса.

М е ф и с т о ф е л ь

Горит печенка, сердце, голова,
Вот дьявольское, право, наважденье!
Куда похлеще эти существа,
Чем самый яростный огонь в геенне.

Вот отчего всегда так жалко вас,
Несчастные влюбленные! Отказ
Вам не урок. Вы рады без ответа
Смотреть, свернувши шею, вслед предмету.

Не то ль со мной? Уставившись в упор,
Любуюсь тем, что было ненавистно.
Того гляди, на шее я повисну
У тех, с кем враждовал я до сих пор!
Какой-то чуждый ток в меня проник.
Премилые какие мальчуганы!
Хочу проклясть, не движется язык.
Что, в самом деле, за исход нежданный?
Ведь если я, дурак, еще разнежусь,
Кто будет после зваться дураком?
Ах, сорванцы! Чем я к вам так влеком,
Что, кажется, в вас, ненавистных, врежусь.

Скажите, дети милые, к примеру,
Вы тоже не родня ли Люциферу?
Красавчики, я не могу сдержать
Желанья нежно вас расцеловать.
Мы встретились, я рад такой удаче,
Расчувствовавшись просто по-кошачьи,
Как будто я на вас сто тысяч раз
Смотрел, не отводя влюбленных глаз.
Зачем нас разделяет расстоянье?
Приблизьтесь, если облик ваш так мил!

А н г е л ы

Мы подошли, но сам ты отступил.
Не удаляйся, если в состоянье.

Ангелы, раздвигаясь вширь, постепенно занимают все
пространство.

М е ф и с т о ф е л ь (оттесненный на просценium)

Вы духами нас падшими зовете,
Меж тем гораздо больше есть причин,
Как колдунов, винить вас в привороте,
Прельщающем и женщин и мужчин!
Я, кажется, влюбился, что за притча!
Пылает не спинной хребет один,
Все тело у меня — огня добыча!

Эй вы, народец вы такой-сякой!
Довольно реять вереницей гибкой.
На землю станьте твердою ногой.
Хоть вам к лицу серьезность и покой,
Хотел бы видеть я у вас улыбку,
Так, беглую, слегка, краями рта,
Как улыбаться свойственно влюбленным.
Меня и эта скучная черта
Оставила б навеки восхищенным.
Высокий мальчик, ты прелестней всех,
Тебе лишь не подходит вид монаха.
А ну, на шее расстегни рубаху,
Чтоб промелькнул во взгляде томный грех.
Отвертываются! Я не внакладе!
Сложеные их еще приятней сзади.

Х о р а н г е л о в

Пламенем ясным,
Светом прозренья
Падшим несчастным
Дай исцеленье.
Пусть одолеют
Зло и прозреют,
Чтоб благодать
С нами познать.

М е ф и с т о ф е л ь (спохватываясь)

О, что со мной! Как Иов, весь в нарывах,
Я страшен сам себе и все же горд
И радуюсь, уверившись, что черт —
В наследственных своих основах тверд
И спасся от соблазнов нечестивых,
Зараза дальше кожи не пошла.
Огни отполыхали все дотла,
Я отрезвлен и всем вам без изъятья,
Как подобает, шлю свое проклятье.

Х о р а н г е л о в
Пламя священное!
Кто им охвачен,
К жизни блаженной
Добра предназначен.

Воздух очищен.
Братья, в полет!
Дух сей похищенный
Вольно вздохнет.

(Подымаются к небу, унося бессмертную)
сущность Фауста.)

М е ф и с т о ф е л ь
(оглядываясь кругом)

На крыльях унеслись, озорники!
А где душа? Украли воровски!
Так вот зачем, почуяв дух приманки,
Они у ямы вытянулись в ряд
И стерегли бесценные останки?
Какой удар! Но сам я виноват.
Со мной побившаяся об заклад
Ценою участи своей небесной
Высокая душа, залог наград,
Украдена из рук моих бесчестно.

Кому теперь я жаловаться стану?
Кто за ущерб меня вознаградит?
На старости стать жертвою обмана!
Но я позором поделом покрыт.
Погибло сразу все, единым махом,
Труд стольких лет, надежды, тьма затрат!
Развесить уши пред толпой ребят
Влюбленным, поглупевшим вертопрахом!
Прожженный старый черт с такой закалкой
Сыграл к концу такого дурака!
Ведь эта глупость до того жалка,
Что даже потерпевшего не жалко!

ГОРНЫЕ УЩЕЛЬЯ, ЛЕС, СКАЛЫ, ПУСТЫНЯ

Святые отшельники, ютящиеся по ступенчатым уступам горы, по сторонам которой пропасти.

Х о р и ə х о

Круча над кручею,
Чаща дремучая
С пнями, корягами,
Мхами, оврагами.

Воды — живители
Пустынножителей.
Львы к ним у пропасти
Ластятся с кротостью,
Чтя сокровенное
Место священное.

P a t e r e c s t a t i c u s
О т е ц в о с т о р ж е н н ы й
(поднимаясь и опускаясь в воздухе)

Жар сверхъестественный
Муки божественной,
Сердце пронзи мое,
Страстью палимое,
Копьями, стрелами,
Тучами зелеными.
Корка под палицей
Треснет, развалится,
Мусор отвеется,
Сущность зардеется,
Льющая свет всегда
Вечной любви звезда.

P a t e r p r o f u n d u s
О т е ц у г л у б л е н н ы й
(в нижней области)

И высящиеся обрывы
Над бездной страшной глубины,
И тысячи ручьев, шумливо
Несущиеся с крутизы,
И стройность дерева в дуброве,
И мощь древесного ствола
Одушевляются любовью,
Которая их создала.

И то же чудо, дива дивней,
Обрушивается с небес,
Потоками косого ливня
Клоня шатающийся лес.
Нет-нет и молния ударит,
Все слепнет на ее свету,
Но более уже не парит,
Гром разгоняет духоту.

Все эти громы и лавины,
И ливни — вестники любви.
Души остывшей сердцевину
Грозой такой же оживи!
Где дух мой пленный, как в темнице,
Томится в немощной плоти,
Дай, боже, мыслям проясниться
И сумрак сердца освети!

P a t e r s e g a p h i c u s
О т е ц а н г е л о п о д о б н ы й
(в средней области).

Что за облачко белеет
В глубине за сосняком?
Догадался, что там реет:
Это юных духов сонм.

Х о р б л а ж е н н ы х м л а д е н ц е в

Где мы тут, отец, ответствуй,
Кто мы, милый, вразуми,
Мы, оставшиеся с детства
Непорочными детьми.

P a t e r s e g a p h i c u s

Вы, родившись в полночь, вскоре
Взяты маленькими в рай,
Для родителей на горе,
К радости крылатых стай.
Сердце любящее чуя,
Станьте с этой стороны.
Вы, по счастью, в жизнь земную
Не были посвящены.
Но в глаза мои войдите,
Я их вам даю взаймы.
(Принимает их в себя.)
Изнутри вовне смотрите:
Вот деревья, вот холмы,
Вот текущая средь леса
И с крутого бугорка
Водопадом вниз с отвеса
Рушащаяся река.

Блаженные младенцы (изнутри)

Вид поистине могучий,
Но пугает этот мрак.
Выпусти нас вон, не мучай,
Страшно нам, святой добряк!

Pater seraphicus

Подымайтесь кверху стаей
И растите без конца,
Как мужает, вырастая,
Дух в присутствии творца.
Это духов пропитанье,
Высшее их торжество:
Раствориться в созерцанье
Явленной любви его.

Хор блаженных младенцев (кружящихся вокруг высочайших вершин)

Руки протянем,
Станем кольцом,
Господу грянем
Громкий псалом!
От колыбели
Взятые им,
Бога у цели
Улицезрим.

Ангелы (парят в высшей атмосфере, неся бессмертную сущность Фауста)

Спасен высокий дух от зла
Произволеньем божьим:
Чья жизнь в стремлениях прошла,
Того спасти мы можем.
А за кого любви самой
Ходатайство не стынет,
Тот будет ангелов семьей
Радушно в небе принят.

Младшие ангелы

Розами из рук смиренниц,
Приносящих покаянье,
Выиграно состязанье,
Побежден был отщепенец.
Наша сторона отбила
Душу у нечистой силы,
В бегство обратив лукавых
И дсетами закидав их.
Вместо адских мук, с печалью
Боль любви они познали.
Перед ней сдалась природа
Сатаны, их коновода.
Он не снес ее укола.
Милосердье побороло.

Более совершенные ангелы

Останки несть в руках
Для нас мученье.
Будь из асбеста прах,
Он — жертва тленья.
Дух с веществом входил
В союз условный.
У ангелов нет сил
Рвать связи кровной.
Но двойственность пройдет,
И боль отляжет.
Одна любовь с высот
Решит и вяжет.

Младшие ангелы

Вон над вершиною
Этой скалистой
Нечто невинное,
След чей-то чистый.
Мгла тонкостенная,
И в промежутке —
Души блаженные,
Дети, малютки.
Чуждые бремени
Горестей лиших,
Дышат вне времени
Славою в вышних.

Ощупью шарящий
Дух для начала
Пустим в товарищи
К братии малой.

Б л а ж е н н ы е м л а д е н ц ы

Примемте, братья,
В виде кокбна
Ангела в платье
Куколки сонной.
Ткани придаточной
Скинемте нити.
Дух уж достаточно
Вырос в развтье.

Д o c t o r M a r i a n u s
В о з в е с t и т е л ь п o c h i t a n i я
б o g o m a t e r i
(в высочайшей чистейшей келье)

Здесь вид открыт с высот
И к высям дух уводит.
Вон женщины в полет
За облака уходят.
Средь них, блестя каймой
Свою многозвездной,
Горит венец самой
Владычицы небесной.

(Восторженно.)

Миродержица, склонись
В лицезримой тайне
Всей твоей, взнесенной ввысь,
Синевой бескрайней!
Славословий не отринь,
Я от чувств наплыва
Воссылаю в эту синь
Их благочестиво.
Беззаветно верен дух
Твоему приказу.
Ты души любой недуг
Умеряешь сразу.
Приснодеву, деву-мать,
Госпожу вселенной,
Радостно мне величать
Песнью вдохновенной.

Прильнув с моленьем
К ее коленям,
Горсть грешниц, каясь
И здесь спасаясь,
Взывают к тверди
О милосердье.

Дева безневестная,
Ты для жертв обмана
Пристанью небесною
Будешь постоянно.
Слабых женщин скользок путь,
Где найти спасенье?
Как самим им разомкнуть
Цепи искушенья?
Как не поскользнуться им
На дороге вязкой?
Нежный взгляд неотразим,
Манят лесть и ласка.

Парящая Mater gloriosa (божья матерь в славе небесной) движется навстречу.

Х о р к а ю щ и х с я г р е ш н и ц

Души пристанище!
Святою силой
От боли ранящей
Спаси, помилуй!
Ты, беззакатная,
Ты, благодатная!

М a g n a p e c c a t r i x В е л и к а я г р е ш н и ц а

(Ев. от Луки, 7, 36)

Ради слез, что на пороге
Я роняла внутрь кувшина,
Омывая миром ноги
Твоего святого сына,
Дорогой амфоры ради
И волос, которых шалой,
Горько выбившейся прядью
Я потом их утирала,—

Mulier Samaritana
Жена Самарянская

(Ев. от Иоанна, 4)

Ради пастбищ Авраама
С бьющей родниковой жилой,
Где водою тою самой
Я Спасителя поила,
Ради чистого потока,
Вылившегося оттуда
И по всей земле широко
Разбежавшегося всюду,—

Maria Aegyptiaca (Acta sanctorum)
Мария Египетская (Жития святых)

Ради той святой гробницы,
Вход куда был прегражден
Мне незримою десницей,
Ради памятных времен,
Тех, когда я в покаянье
Сорок лет жила в тоске
И в пустыне завещанье
Написала на песке,—

В се три

Ты, что к осужденной грешной
С помощью всегда приходишь,
Кающихся безутешно
До высот своих возводишь,
Ты и этой неповинной
Грешнице прости деянье,
В жизни только раз единий
Согрешившей по незнанию.

Una proenitentium
Одна из кающихся, прежде
называвшаяся Гретхен
(прижавшись к ним)

Оплот мой правый,
В сиянье славы,
Склони свой лик над счастием моим,
Давно любимый,
Невозвратимый
Вернулся, горем больше не томим.

Блаженные младенцы
(приближаясь круговым движением)

Уж он шагнул вперед,
И, думать надо,
Он нам за наш уход
Воздаст наградой.
С младенческих пелен
Нас жизнь не давит,
А этот вразумлен
И нас наставит.

Одна из кающихся,
прежде называвшаяся
Гретхен

Собраньем духов окруженный,
Не знает новичок того,
Что ангельские легионы
В нем видят брата своего.
Уже он чужд земным оковам
И прежний свой покров сложил.
В воздушном одеянье новом
Он полон юношеских сил.
Позволь мне быть его вожатой,
Его слепит безмерный свет.

Mater gloria
Богоматерь

Направься в высший круг. Объятый
Догадкой, двинется он вслед.

Doctor Marianus
Ее провозвеститель
(молится, пав на лицо)

Подымите к небу взгляд,
Души грешниц младших,
Возведенные в разряд
Возрожденных падших.
Ты ж их покаянья дань
Возрасти сторицей
И заступницей им стань,
Дева, мать, царица!

Chorus mysticus
Мистический хор

Все быстротечное —
Символ, сравненье.
Цель бесконечная
Здесь в достиженье.
Здесь — заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.

КОММЕНТАРИИ

Источник сюжета. Иоганн Фауст — историческая личность. Он жил в первой половине XVI века. О нем ходили легенды как об астрологе, занимавшемся черной магией. Устные предания о нем были собраны неизвестным автором и выпущены в свет книгоиздателем Иоганном Шписом в 1587 году под названием «История доктора Иоганна Фауста, известного волшебника и чернокнижника». Последовали многочисленные переиздания, дополнившие легенду о Фаусте новыми подробностями. Одно из наиболее обширных — книга Георга Рудольфа Видмана «Правдивые истории о докторе Иоганне Фаусте» (1599).

Еще до выхода повести Видмана история Фауста стала известна в Англии, где предшественник Шекспира Кристофер Марло (1564—1593) написал на основе этого сюжета трагедию. Гете, однако, познакомился с ней уже после того, как создал первую часть своей трагедии. Но пьесу Марло Гете узнал косвенным путем. В XVII веке английские комедианты много гастролировали по Германии. Их репертуар постепенно переняли немецкие актеры. Трагедия Марло о Фаусте в сильно измененном виде вошла в число излюбленных представлений ярмарочных кукольных театров. Еще мальчиком Гете впервые увидел кукольный спектакль «Фауст».

Во всех преданиях Фауст неизменно изображался человеком, который, не удовлетворяясь современной ему наукой, отверг религию и связался с чертом, чтобы при помощи нечистой силы получить возможность превращать неблагородные металлы в золото и наслаждаться жизнью вволю. Дьявол помогал ему в течение двадцати четырех лет, после чего забирал душу Фауста в ад.

Первые книги были написаны в осуждение Фауста, однако даже сквозь их религиозно-нравственную тенденциозность проглядывали черты ученого, силившегося преодолеть предрассудки своего времени и резко восставшего против церковных ограничений. Но даже Марло, явно сочувствовавший бунтарским стремлениям Фауста, не мог изменить обязательного финала истории — наказания и гибели «грешника».

Впервые в эпоху Просвещения вождь свободомыслящих Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781) выдвинул новую трактовку Фауста. Борясь против иноземного, особенно французского, придворного влияния, Лессинг в «Письмах о новейшей литературе» (1759) призывал отказаться от подражания французским классикам: «...в своих трагедиях мы хотели бы видеть и мыслить больше, чем позволяет робкая французская трагедия...» В качестве примера он приводил народную пьесу о Фаусте, «содержащую много сцен, которые могли быть под силу только шекспировскому гению». Лессинг сам собирался написать трагедию на этот сюжет, но его попытка ограничилась несколькими набросками. Его авторитет, однако, сыграл свою роль. К обработке сюжета о Фаусте обратились несколько писателей движения «Бури и натиска». Одним из них был Гете.

Краткая творческая история. Замысел «Фауста» возник у Гете в начале 1770-х годов, когда ему было немногим больше двадцати лет. Закончил он произведение летом 1831 года, за несколько месяцев до своей кончины. Таким образом от начала работы над трагедией до ее завершения прошло около шестидесяти лет, обнимавших почти всю творческую жизнь Гете.

Однако непосредственно над «Фаустом» Гете работал лишь в определенные периоды своей творческой деятельности. Первые сцены, получившие название «Пра-Фауста», Гете создал в начальный период своего творчества (1773—1775 гг.). Они не появлялись в печати, но Гете читал их друзьям и по переезде в Веймар даже разрешил одной из почитательниц его таланта списать для себя этот текст. В бумагах Гете после его смерти «Пра-Фауст» не был обнаружен, но в 1887 году гетевед Эрих Шмидт нашел рукопись, переписанную знакомой Гете — Луизой Гёхгаузен. Так стал известен «Фауст» в его первоначальном виде, выражавший настроения, типичные для Гете в период «Бури и натиска».

В 1788 году во время пребывания в Италии Гете вернулся к работе над произведением. После возвращения в Веймар он напечатал в 1790 году «Фауст. Фрагмент», содержащий меньшее количество сцен, чем «Пра-Фауст», но это не было простым повторением первого варианта. Отрывок уже ближе к окончательному тексту первой части.

Но, прежде чем Гете завершил ее, прошло немало времени. Он снова обратился к работе по настоянию Ф. Шиллера. Это произошло уже в 1797 году. Первая часть «Фауста» была закончена в 1806 году, но появилась в печати лишь в 1808 году, в восьмом томе собрания сочинений Гете.

Между 1797—1801 годами Гете создал план второй части трагедии, но осуществлять его начал лишь четверть века спустя, хотя отдельные наброски были созданы раньше. Последний период работы приходится на 1825—1831 годы. В 1827 году был опубликован отрывок «Елена. Классическо-романтическая фантасмагория. Интерлюдия к Фаусту». Она появилась в 4-м томе последнего прижизненного издания сочинений Гете. Этот эпизод составил третий акт окончательного текста. В следующем году в 12-м томе этого издания были напечатаны сцены при императорском дворе (см. с. 186—248). 1 июня 1831 года Гете сообщил своему другу Цельтеру о том, что «Фауст» завершен. Он сам подготовил рукопись для печати. Но она появилась в свет уже после его кончины, в 1-м томе «Посмертного издания сочинений» в 1832 году.

Жанр произведения. Хотя «Фауст» написан для сцены, о чем явно говорят многие места произведения, по форме и объему он отличается от обычных драм. В критике принято обозначать «Фауста» как драматическую поэму.

Взятый в целом, «Фауст» представляет собой нечто промежуточное между драмой в собственном смысле слова и эпической поэмой. Вместе с тем сила «Фауста» как поэтического произведения особенно проявляется в лиризме, которым проникнуты многие центральные эпизоды. «Фауст» мастерски сочетает элементы трех главных родов поэзии — лирики, драмы и эпоса.

Стиль «Фауста». Творение Гете не поддается определению в свете таких общепринятых категорий, как классицизм, романтизм или реализм. «Фауст» — поэтическая фантазия особого, неповторимого стилевого строя, который можно определить как художественный универсализм, ибо он включает элементы, различные по своей художественной природе. Реальное жизненное содержание поднято Гете на большую обобщающую высоту. Поэтому художник отказался от бытового правдоподобия, обильно используя легендарно-сказочные мотивы, мифы и предания, реальные человеческие образы и вполне жизненные ситуации в сочетании с самыми неправдоподобными вымыслами.

Фантастика Гете, однако, в конечном счете всегда привязана к земле и реальной жизни. Вместе с тем не только вымышленные образы, но и реальные фигуры проникнуты в «Фаусте» символизмом глубокого философского характера.

Гете с подлинно поэтической свободой перерабатывает мифы различного происхождения: древнегреческие, библейские, средневековые. Он не делает особого различия между ними, одинаково подчиняя разные по происхождению легенды своему философскому и поэтическому замыслу. Под его пером христианские мотивы утрачивают свою религиозную основу, становясь такими же средствами поэтико-символической выразительности, как и античные мифы.

В сложном сочетании различных стилевых элементов «Фауста» наибольшую определенность имеют их две полярные тенденции. Ранняя предромантическая стилистика «Бури и натиска» определила стилевые мотивы, которые удобнее всего определить как средневековые и «готические». В таком духе создана вся завязка трагедии. Наивысшее выражение средневеково-готический элемент достигает в первой Вальпургииевой ночи.

Противоположную тенденцию составляет стиль классический. Его квинтэссенция воплощена в третьем акте второй части трагедии — «Елена». Мрачным сумбурным образам «готической» фантазии ужасов здесь противостоит классически строгая и чистая форма, выражающая идеальную красоту.

Между двумя стилевыми полюсами «Фауста» расположено множество сцен, тяготеющих в стилевом отношении то к одной, то к другой стороне, содержащих подчас смешение различных художественных стилей. Все это вместе образует сложную стилевую систему, в которой творческая мысль художника со свободой, дозволенной гению, выдвигает на первый план те художественные средства, которые в данном месте развития сюжета наиболее действенно доносят глубины философской мысли и силу чувств.

Поэзия «Фауста». Больше всего и прежде всего Гете — поэт. Богатство словесных образов, многообразие поэтической фактуры речи, все оттенки поэтической тональности использованы в «Фаусте». В немецкой поэзии нет произведения, равного «Фаусту» по всеобъемлющему характеру его поэтического строя. Интимная лирика, гражданский пафос, философские раздумья, острые сатиры, описания природы, все это и многое другое в изобилии наполняет поэтические строки творения Гете. От живых разговорных интонаций до трагической патетики, от колкой эпиграммы до захватывающих душу гимнов — все богатство эмоций, которые способна выразить человеческая речь, воплощено в поэзии «Фауста». Гете с поразительной легкостью переходит от одной тональности к другой, от одного ритмического рисунка к иному: поэтический строй его творения подобен в этом отношении симфонии.

Общую характеристику «Фауста» см. во вступительной статье Н. Вильмента к данному Собранию сочинений, т. 1, с. 39—48.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Написано 24 июня 1797 года. Стихотворение отражает переживания поэта, вызванные возвращением к теме, возникшей в его творческом сознании около четверти века тому назад. Начинал «Фауста» двадцатипятилетний молодой поэт; вернулся к первоначальному замыслу зрелый писатель, которому уже было под пятьдесят. Закончил же он работу над первой частью в пятьдесят семь лет.

В памяти поэта возникли образы тех, с кем он был связан в начале работы над «Фаустом».

Стр. 7. *Любви и дружбы первал пора.* — Гете вспоминает девушек, которыми увлекался в молодые годы: Гретхен из Франкфурта, Фридерику Брион, Шарлотту Буфф, Лили Шёнеман; друзей И.-Г. Мерка, И.-Г. Гердера.

Распался круг, который был так тесен... — Ко времени написания «Посвящения» умерла сестра Гете Корнелия, с которой он дружил, скончались И. Мерк и писатель «Бури и натиска» Я. Лецц. М. Клингер, чья пьеса дала название этому движению, а также братья Штольберг, принадлежавшие к кругу друзей молодости Гете, были далеко от Веймара.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Написано в конце 1790-х годов. Идея такого вступления была подсказана Гете прологом к драме индийского писателя Калидасы «Шакунтала» (IV—V вв.), с которой поэт познакомился в переводе И.-Г.-А. Форстера (1791 г.). Прологи, посвященные обсуждению театральных вопросов, были и в английской драме эпохи Возрождения, например, у младшего современника Шекспира Бена Джонсона. В своем «Театральном вступлении» Гете раскрывает различные отношения к искусству. Директору театра все равно, что ставить, лишь бы публика была довольна и он имел доход; поэт мечтает о высоком искусстве, выражающем глубочайшее понимание жизни; комический актер советует облекать серьезные мысли в увлекательную для зрителей форму. Вступление призвано настроить зрителя на то, что ему предлагается зрелище сложное и разнообразное по составу, в котором занятное сочетается с глубокомысленным и поэтически возвышенным.

Стр. 14. *Сойти с небес сквозь землю в ад.* — Уже при жизни Гете эти слова пытались толковать как выражение идеи трагедии, но Гете отверг такое понимание ее смысла, указав в беседе со

своим секретарем И.-П. Эккерманом (6 мая 1827 г.), что это «не идея, а ход действия». По первоначальному замыслу, как полагает авторитетный исследователь творчества Гете Э. Грумах, Фауст, подобно персонажам народной книги и трагедии Марло, должен был попасть в ад, но Христос, победив Люцифера, освобождал его, и небесный суд оправдывал Фауста. В дальнейшем Гете изобразил оправдание Фауста иначе. В завершении второй части, как известно, душа умершего Фауста уносится на небо, и этим выносится окончательное суждение о нем.

ПРОЛОГ НА НЕБЕ

Написан в 1797—1800 годах. Идея его подсказана Книгой Иова в Ветхом завете (гл. 1, с. 6—12), где описана беседа бога с сатаной. Сатана рассказывает, что обошел всю землю. Бог спрашивает, видел ли он «раба моего Иова», человека непорочного, справедливого, добродушного, сторонившегося зла. Сатана отвечает, что Иов таков лишь потому, что бог ограждает Иова, его семью и имущество от бед. Сатана высказывает сомнение, сохранил ли Иов свои добродетели, если бог лишит его всех благ. Хотя прямой аналогии между историей Иова и Фауста нет, Гете признал в беседе с Эккерманом, что «пролог моего «Фауста» имеет сходство с экспозицией Иова» (18 января 1825 г.).

Если «Посвящение» касается личных мотивов, связанных для Гете с историей создания «Фауста», а «Театральное вступление» посвящено теме формы и содержательности искусства, то «Пролог на небе» вводит в идейную проблематику трагедии. Бог разрешает Мефистофелю подвергнуть Фауста испытанию, причем речь идет не об отдельном человеке. Фауст выступает как представитель всего человечества.

Заслуживает особого внимания форма этого «Пролога». Гете использует здесь формы и образы средневекового народного театра; в нем представляли пьесы на религиозные сюжеты (мистерии), в которые подчас вкладывалось вполне жизненное содержание. В таких пьесах частым был мотив борьбы добра и зла, воплощенный в образах бога и дьявола. Гете, который не был верующим христианином, пользуется приемом пьесы-мистерии без малейшей тени религиозности. Он даже позволяет себе некоторую долю легкой иронии, явно звучащую в беседе Мефистофеля с богом. Но насмешливость, присущая Мефистофелю, не снижает возвышенной поэтичности песнопений ангелов. Этот контраст входит органически в об разную систему трагедии, которая вся основана на борьбе возвышенного и низменного, великого и ничтожного, добра и зла.

Стр. 15. *Мефистофель*.— У дьявола было много имен. Это, впервые возникшее в древности, имеет в своей основе древнееврейские слова: «Мефиз» — разрушитель, и «Тофель» — лжец, обманщик.

Три архангела.— Рафаил, Гавриил, Михаил — по христианским представлениям, высшие и наиболее близкие к богу ангелы. Сцена на небе отчасти навеяна Гете чтением немецкого перевода «Потерянного рая» английского поэта Джона Мильтона (1608—1674), на что указывает сходство некоторых выражений с фразеологией немецкого перевода Ю. Ф. Захарии.

В пространстве, хором сфер объятом...— По представлениям древнегреческой философской школы пифагорейцев, воспринятым впоследствии довольно широко, небо представлялось разделенным на десять сфер, движение которых создавало звучание в определенной тональности для каждой из них, вместе же эти звучания образовывали гармонию. Это фантастическое представление о строении мироздания сохранялось в поэзии Возрождения и барокко и продержалось вплоть до победы рационализма и материалистического взгляда на строение мира в XVIII в. Гете сочетал здесь христианскую мифологию с древнегреческой концепцией мироздания.

Стр. 16. *Божок вселенной* — то есть человек; выражение восходит к Парацельсу (1493—1541) и его последователям, определявшим человека как «малого бога в лоне великого бога-творца».

Стр. 17. *И чем он сыт, никто не знает тоже*.— Упоминание о бедности Фауста здесь и дальше (с. 21), соответствовавшее действительному положению ученых в XVI в., когда жил подлинный Фауст, в дальнейшем ходе действия не развито. Испытания героя связаны лишь с его духовной жизнью.

Он рвется в бой, и любит брать преграды...— Вся эта реплика Мефистофеля выражает несколько иное понимание человека, чем то, которое было выражено им вначале, когда он говорил только о том, что человек подобен скоту. Хотя Мефистофель говорит эти слова с явной иронией над тщетностью стремлений Фауста, в них, однако, уже выражена суть характера героя трагедии. Далее характеристика Фауста продолжена в словах господа, который заранее уверен в конечном торжестве лучших начал в натуре Фауста.

Стр. 18. *Жратъ будет прах от башмака...*— В Ветхом завете бог проклял змею, искусившую Еву отведать плод от дерева познания добра и зла, и осудил навеки ползать на брюхе и питаться прахом.

Из духов отрицания ты всех мене // Бывал мне в тягость...— Согласно библейской мифологии, дьявол сначала принадлежал к числу ангелов. Дьявол Люцифер (даритель света, ангел утренней звезды) восстал против бога и был им свергнут с небес вместе с дру-

гими злыми духами, его сподвижниками. Гете использовал этот миф для своей поэтической концепции борьбы добра и зла в космическом масштабе. Эта концепция в «Прологе на небе» выражена в противопоставлении Мефистофеля как духа отрицания другим ангелам, которых господь называет (в оригинале) «подлинными» ангелами, здесь — «детьми мудрости и милосердья».

Небо закрывается. Архангелы расступаются. — Заключительная ремарка показывает, что Гете представлял себе сценическое воплощение «Пролога на небе» средствами театра барокко (конец XVII — начало XVIII в.). В начале «Пролога» на авансцену выходят архангелы и сопровождающий их хор ангелов; затем появляется Мефистофель. Задняя часть сцены закрыта занавесом. Когда она открывается, на возвышении восседает господь, окруженный сиянием. По окончании «Пролога» занавес закрывается, ангелы уходят в боковые кулисы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НОЧЬ

Большая часть этой сцены, вплоть до монолога, произносимого Фаустом после ухода Вагнера (с. 29, до строки: «Любому дождевому червяку...»), входила уже в состав «Пра-Фауста», начинавшегося именно с нее (не было прологов). Глубокое недовольство бесплодной книжной наукой выражало настроение самого Гете. Впоследствии круг вопросов, волнующих Фауста, был расширен Гете, а введение «Пролога на небе» придало образу героя более универсальный, всечеловеческий характер.

Стр. 21. Тесная готическая комната. — Гете представлял себе кабинет Фауста таким, как он изображен на гравюре Рембрандта, которая была, по его желанию, воспроизведена при издании «Фрагмента» в 1790 г.

Я богословьем овладел... — Средневековые университеты состояли обычно из четырех факультетов: философского, юридического, медицинского и богословского. Последний считался важнейшим. Срок обучения не был ограничен. Фауст, как видно из его слов, прошел курс всех факультетов, в силу чего получил и низшую учебную степень магистра, и высшую — доктора. Мотив неудовлетворенности университетской наукой выражен уже в народной книге о Фаусте, а также в трагедии Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» (1588—1589).

Стр. 22. *Себя средь этих мертвых стен // Скелетами ты окружил?* — Кабинет ученого содержал его книги, рукописи и естественнонаучные коллекции, в том числе скелеты человека и животных.

Стр. 23. *Творенье Нострадама взлъть...* — Нострадам — латинизированное имя французского медика и астролога Мишеля де Нотр Дам (1505—1566). С его «Пророчествами» исторический Фауст, живший раньше, не мог быть знаком. Имя Нострадама является здесь скорее нарицательным для обозначения ученого, занимающегося магией. Магия, то есть умение пользоваться тайными силами природы, имела древнейшие корни. В эпоху Возрождения ей придавали большое значение, и даже Ф. Бэкон включил ее в свою классификацию наук. В магии причудливо сочетались черты философского идеализма и волюнтаризма с элементами материализма. Последователи этого учения исходили из принципа единства всей материи и полагали, что при помощи химических реакций можно один металл превратить в другой; на этом строились эксперименты превращения неблагородных металлов в благородные — серебро, золото. Магия содержала таким образом зачатки естественнонаучного знания, смешанного с фантастическими представлениями и мистикой. Последняя выражалась в вере, будто мир природы населен духами, через общение с которыми можно проникнуть в тайны природы и подчинить ее воле человека. Духов, обитающих в природе, человек мог вызвать посредством таинственных знаков, якобы открытых учеными. См. также вступительную статью Н. Вильмента к т. 1, с. 18—20.

...*Знак макрокосма*. — Именно такой знак видит Фауст в книге Нострадама. Макрокосм (греч.) — буквально: большой мир, вселенная. Знак макрокосма имел форму шестиконечной звезды. С знаками магии Гете познакомился по книге Георга фон Веллинга (1652—1727) «Магия, кабалистика и теософия», 2-е издание которой сохранилось в библиотеке Гете.

«*Мир духов рядом...*» — Поэтическое изложение одного из центральных положений учения о магии, заимствованного Гете у шведского мистика Эммануэля Сведенборга (1688—1772) из его сочинения «Небесные тайны» (1749—1756).

В каком порядке и согласье // Идет в пространствах ход работ! — Учение о гармоническом устройстве мира является одним из древнейших философских построений. Оно было воспринято как сторонниками магии, так и философами-рационалистами, например, Г.-В. Лейбницем. Однако Фауста это учение уже не удовлетворяет.

Природа, вновь л в стороне... — Одно из важнейших высказываний

ваний Фауста, выражавшее его стремление не только познать природу, но слиться с ней. Эту речь Гете вложил в уста героя уже в «Пра-Фаусте», она выражала идею, что в каждом человеке живет «природный дух», прочно прикрепленный к его «видимому телу»; высшая форма бытия состоит в слиянии духа человека с природой.

Стр. 24. *...знак земного духа.* // *Мне дух земли родней, желанней.* — По учениям мистиков и алхимиков, каждый реальный предмет подчинен какому-нибудь духу. У алхимика Парацельса и философа Джордано Бруно (1548—1600), а также у Сведенборга имеется наименование Духа Земли. Однако гетевед Эрнст Грумах полагает, что наибольшее влияние на Гете оказал в этом отношении Веллинг (см. выше, comment. к с. 23). Фауст видит в Духе Земли силу, являющуюся источником всей природы.

Стр. 25. *Сверхчеловек.* — В XVIII в. это слово означало человека, более тонко чувствующего и более возвыщенно мыслящего, чем обычные рядовые люди. Гетевское словоупотребление не следует смешивать с более поздней концепцией сверхчеловека у немецкого философа Ф. Ницше (1844—1900), освобождавшего «избранных» людей от подчинения морали.

Стр. 26. *Я, образ и подобье божье...* // *С ним, низшим, несравним!* — Фауст здесь придерживается библейского представления о том, что человек был создан по образу божию. Фауст называет Духа Земли «низшим», имея в виду мистическое учение о том, что «природные духи», прикрепленные к видимым телам мироздания, являются низшими по сравнению с так называемыми «свободными духами», стоящими близко к богу.

...мой подручный. — Точнее, фамулус — студент старших семестров, являвшийся ассистентом профессора.

Вагнер. — Уже в старинной народной книге упоминается, что у Фауста был «подручным» Христофор Вагнер. Фигура Вагнера есть и в «Трагической истории доктора Фауста» Марло, но там он всего лишь слуга и не имеет того значения, какое ему придал Гете, сделав его воплощением не только книжной мудрости, но целого течения в науке. Уже в эпоху Возрождения возникло движение познать природу хотя бы средствами магии, и это направление включало ряд выдающихся мыслителей, чьи ошибки и заблуждения прокладывали до известной степени путь научному естествознанию. Фауст, обращаясь к магии, тем самым примыкает к этому направлению. Второе движение представляет то, что в эпоху Возрождения собственно называлось гуманизмом; его предметом изучения были древние языки, сочинения античных авторов и риторика. Типичным представителем такой науки был Эразм Роттердамский (1466—1536). К этому направлению и принадлежит Вагнер. И очень показательна

его первая фраза: «Простите, не из греческих трагедий // Вы только что читали монолог?» Из дальнейших слов Вагнера явствует, что он изучает риторику, считает необходимым учиться искусству декламации у актеров.

Где нет нутра, там не поможешь пòтом.— Высказывание направлено против сохранявшейся традиции писать произведения чисто механическим путем, используя приемы школьной риторики. Эти строки, имеющиеся уже в «Пра-Фаусте», выражают протест писателей «Бури и натиска» против «правильной», то есть написанной по правилам риторики, речи, и утверждают первенствующее значение для поэзии искреннего внутреннего чувства.

Стр. 27. *...но жизнь-то недолга, // А путь к познанию дальний.*— Вольный перевод изречения древнегреческого врача Гиппократа (IV в. до н. э.): «Жизнь коротка, искусство требует долгого времени».

Стр. 28. *Сжигали на кострах и распинали...*— Имеются в виду как ученые, так и проповедники нравственных учений, облеченные в религиозную форму,— Иисус, чешский реформатор церкви Ян Гус, флорентийский проповедник Джироламо Савонарола, философ и ученый Джордано布鲁но, французский гуманист Этьен Доле.

Стр. 29. *Серафим* — ангел высокого ранга, занятый созерцанием божества.

Мы побороть не в силах скуки серой.— Второй монолог Фауста выражает еще большую степень отчаяния, чем первый. Там речь шла о недовольстве знанием, здесь — о недовольстве жизнью вообще. Мрачное настроение героя в некоторой степени может быть сравнено с душевным состоянием Вертера. Недаром сам Гете говорил Эккерману (10 февраля 1829 г.): «Фауст возник вместе с моим Вертером». Известно, однако, что Гете, объективно изобразив психологическую неизбежность самоубийства Вертера, сам отнюдь не считал это правильным решением жизненных трудностей, о чем предупреждал читателей в стихотворении, предпосланном второму изданию романа в 1775 г. Фауст обладает более деятельной натурой и менее Вертера погружен только в себя, поэтому он не кончает самоубийством, хотя и был близок к этому. Услышав молитвенные песнопения, он отставляет чашу с ядом. Его останавливает не то, что церковь считала самоубийство грехом, а любовь к людям. Услышав их голоса, вспомнив об их страданиях и нуждах, о которых говорится во втором монологе, Фауст остается жить, чтобы разделить общую судьбу человечества.

Стр. 33. *Гудите там, где набожность жива... // Я не сумею унестись в те сферы...*— В этих словах подчеркнуто, что Фаусту чужда

приверженность религии, хотя в детстве, как известует из следующих слов, он был верующим. Далее в трагедии не раз подчеркивается непричастность Фауста к христианской религии, но поэтическую красоту церковного обряда — музыку и пение, как выражение душевного состояния страждущего и ищущего облегчения своей участи человечества, Гете денил. Именно такой смысл имеют религиозные песнопения, написанные им.

У ВОРОТ

Наброски сцены относятся к раннему периоду творчества Гете, а завершение — к 1801 году. В идейном замысле трагедии сцена имеет важное значение. В ней Фауст не только символизирует человечество, человека вообще, но сам непосредственно связан с человеческой массой, чужд высокомерия по отношению к простым людям (что отличает его от Вагнера) и, в свою очередь, пользуется уважением и любовью народа.

Стр. 36. *Как в Турции далекой, где война...* — Начинал с XV и вплоть до XVIII в. Турция вела войны с европейскими странами, проникнув вплоть до границ Австрии. Однако Германия отстояла далеко от турецких границ, и беседы горожан о турецких войнах проходили в тиши и безопасности.

Стр. 37. *Она мне будущего жениха // Недавно показала в новолуние.* — Речь идет о поверье, будто в ночь св. Андрея с 29 на 30 ноября при помощи гадания или во сне девушка может увидеть своего жениха.

И мне, в хрустальном шаре. — В подлиннике речь идет о кристалле, пристально глядя на который девушка может увидеть своего жениха.

Стр. 39. *Плясать отправился пастух...* — Песня была написана в 1783 г. и входила в состав незавершенного романа «Театральное призвание Вильгельма Мейстера». В окончательном варианте романа, получившим название «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1793—1796), актриса Фелина поет эту песенку, но текст ее не приводится из опасения, что читатели «найдут ее пошлой, а то и вовсе неприличной».

Стр. 40. *Помог покойный ваш отец.* — В старом гетеведении было принято считать, что, так как исторический Фауст был сыном крестьянина, то прототипом такого врача мог быть отец алхимика Парадельса. В недавнее время Ганс Петцш (1963 г.) выдвинул гипотезу, что прототипом отца Фауста был К.-В. Хуфеланд, врач, лечивший Гете. Дальше Фауст говорит, что отец составлял «соеди-

иенъя всевозможной дряни» из разных металлов. Медики отец и сын Хуфеланды составляли препараты из ртути.

Стр. 42. ...закат свою печать // Накладывает на равнину.— Э. Трунд обращает внимание на символичность картин заката и восхода солнца. Фауст полон предчувствия, что его прежняя жизнь кончается. Этой лирической речи, полной порыва к новому и ввысь, противостоит следующая за ней реплика Вагнера, для которого слова Фауста — «каприз», «причуды».

Стр. 43. ...две души живут во мне, // И обе не в ладах друг с другом.— Важнейшая из самохарактеристик Фауста; смысл ее раскрывается всем действием трагедии, показывающим борьбу разных начал в сознании героя.

Стр. 44. ...пламя // За ним змеится по земле полын.— В «Физиологии красок», дополняющей трактат «Учение о цвете», Гете рассказывает, что много лет спустя после того, как эти строки были написаны, он однажды, глядя из окна при умеренном свете, увидел, как за бежавшим черным пуделем образовалась светящаяся полоса.

Стр. 45. Все, как у псов, и не похож на духа. // ...Да, он не оборотень...— Согласно народной книге, у Фауста был необыкновенный пес, менявший окраску шкуры, когда его гладили по спине: он был духом-оборотнем. Потом оказывается, что и пудель, приставший к Фаусту, тоже оборотень.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА

Стр. 46. ...любовью к провидению...— Имеется в виду не религиозное поклонение богу, а «духовная любовь к богу» в духе философии Б. Спинозы (1632—1677); Гете смолоду был горячим поклонником Спинозы, создателя пантеистической философии, для которого бог был равнозначен всей природе, Именно божественной природе и отдает свою любовь Фауст.

Стр. 47. «В начале было Слово».— Так гласит канонический перевод Евангелия от Иоанна, сделанный Мартином Лютером в XVI в. В греческом тексте стоит слово «логос», многозначное по смыслу. Друг Гете И.-Г. Гердер в своих комментариях к Евангелию (1775 г.) отметил, что «логос» может переводиться по-разному: мысль, слово, воля, действие, любовь. Фауст, таким образом, как бы следует за толкованиями Гердера, однако делает свой выбор и останавливается на идее: «В начале было Дело», которая становится девизом его дальнейшей жизни. Однако это не означает отказа от мысли как одной из основ жизни. Фауст не только действует, но постоянно стремится осмыслить происходящее с ним и вокруг него. Пол-

ностью и яснее изложен взгляд Гете в словах его другого героя: «Лишь немного таких, что и умом богаты, и к деятельности способны. Ум делает человека шире, но и парализует; деятельность животворит, но и ограничивает» («Ученические годы Вильгельма Мейстера», кн. 8, гл. 5). Фауст принадлежит к числу тех немногих, о которых говорится в романе: он и умен и деятелен.

«Ключ Соломона». — Иудейский царь Соломон фигурирует в одной восточной легенде как волшебник. Это предание легло в основу книги с таким названием, которая содержала заклинания для вызывания духов.

Стр. 48. *Есть заговор четверолкий!* — По учению Парацельса, четыре низших духа: Саламандра, Ундина, Сильф и Кобольд — соответствовали четырем стихиям: огню, воде, воздуху и земле.

Инкуб — злой дух, пляшущий по ночам около спящих и навевающий им дурные сны. Гете отождествляет его здесь с Кобольдом, духом земли.

Стр. 49. *Вот символ святой...* — то есть крест.

Прочтешь ли ты имя... — На кресте ставились инициалы Иисуса Христа.

...в лето Пилатово... — Имеется в виду римский наместник в древней Иудее Пилат, с разрешения которого в 33 г. н. э. был распят Христос.

...Я троицей сожгу... — Считалось, что символы христианской религии способны либо уничтожить, либо парализовать злых духов других мифологий. Поскольку Мефистофель действует с разрешения Господа, то для него заклятие Фауста не является губительным.

Мефистофель... в одежде странствующего студента. — В средние века и эпоху Возрождения студенты переходили из университета в университет, пополняя знания, выбирая интересных профессоров и т. д.

Стр. 50. *Часть силы той, что без числа // Творит добро, всему желая зла.* — Ср. со словами Господа («Пролог на небе»), также говорящего о том, что Мефистофель наиболее полезный из духов отрицания, так как не дает людям успокоиться и побуждает к действию.

Стр. 51. *Только спесь // Людская ваша с самомненьем смелым // Себя считает вместо части целым.* — Мефистофель имеет в виду древнее понятие о человеке как самостоятельном «малом мире», микрокосме, и осмеивает наивное представление, что он воплощает в себе в малой доле все, что существует в большом мире, макрокосме. Здесь Мефистофель выражает одну из главных идей Гете: человек неотделим от природы.

Я — части часть... — Согласно древним понятиям, изначально существовали Хаос и Мать-Ночь; свет создан богом позже. Тьма и свет — символы зла и добра. Бог — свет (добрь); Мефистофель — мрак (зло), он уверен в своей конечной победе над светом и добром.

Стр. 52. *Ты испугался пентаграммы?* — Знак с пятью острыми углами, расходящимися по радиусу; каждый угол символизировал раны Христа и пять букв имени «Иисус», что якобы служило защитой от злых духов. Беседа о пентаграмме приобретает иронический характер; Гете путем насмешки дает знать читателю, что не следует слишком серьезно относиться к чертовщине, введенной в произведение.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ФАУСТА

Вторая сцена в комнате частично написана раньше первой. Разговор Мефистофеля со студентом имелся уже в «Пра-Фаусте». В «Фрагменте» 1790 года он подвергся некоторым изменениям. Начало сцены — договор между Фаустом и Мефистофелем — написано около 1800—1801 годов.

Первая часть «Фауста» не имеет формального деления на акты, но композиционно распадается на несколько обособленных частей. Данной сценой завершается первый значительный раздел трагедии, который можно обозначить как трагедию ученого.

Стр. 57. *Тоску существованья сознавать.* — Хотя Фауст отверг самоубийство, с жизнью, как она есть, он по-прежнему не примирен.

Стр. 61. *Едва я миг отдельный возвеличу.* // *Вскричав: «Мгновение, повремени!»* — Узловой пункт договора Фауста с Мефистофелем. В народной книге и в трагедии Марло договор заключался на срок в двадцать четыре года, в течение которых черт был обязан выполнять любые желания Фауста. В докетевских трактовках сюжета главным был мотив удовлетворения всех желаний — жажда богатства и могущества. Фаусту Гете не свойственно «стремление к ускользающему благу». Им владеет беспокойное стремление постичь смысл человеческой жизни не теоретически, а через собственный опыт и переживания.

Стр. 64. *Надень парик с миллионом завитков,* // *Повысь каблук на несколько вершков,* // *Ты — это только ты, не что иное.* — Намек на то, что феодальные монархи, знать и богачи старались выделить себя над массой подданных внешними украшениями, что не мешало им оставаться ничтожествами.

Стр. 65. Да, каждый получил свою башку, // Свой зад, и руки, и бока, и ноги. // Но разве не мое, скажи, в итоге // Все, из чего я пользу извлеку? // Купил я, скажем, резвых шестерню. // Не я ли мчу ногами всей шестерки, // Когда я их в карете разгоню? — Слова Мефистофеля отражают глубокое понимание Гете социальных отношений современного ему общества. Продолжение и развитие этих мыслей содержит 1-й акт второй части «Фауста» (сцены при дворе императора). Приведенную здесь речь Мефистофеля К. Маркс цитирует в своих «Экономико-философских рукописях 1844 года» как иллюстрацию извращающей роли денег в обществе. «То, что существует для меня благодаря деньгам, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — я сам, владелец денег. Сколько велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и сущностные силы... Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 618; см. также: «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. 1. М., 1967, с. 153).

Стр. 68. Я б стать хотел большим ученым // И овладеть всем потаенным... — В плане трагедии, намеченном Гете в 1798 г., Гете противопоставил «ясное, холодное научное устремление Вагнера» и «смутное, горячее научное устремление студента». Последний здесь представлен таким, каким мог быть Фауст в начале своих занятий наукой. Что получилось из студента, Гете затем показывает во второй части трагедии (см. акт второй, первую сцену, где бывший студент, ставший теперь бакалавром, снова встречается с Мефистофелем, одетым в платье Фауста, с. 253—257).

Сперва хочу вам в долг вменить // На курсы логики ходить. — В речи, обращенной к студенту, Мефистофель довольно точно воспроизводит типичную программу обучения в средневековом университете. Однако после всего, что читатель знает о разочаровании Фауста, прошедшего через все ступени, обозначенные в речи Мефистофеля, очевидна ирония, лежащая в основе этих советов. Мефистофелю заранее известна бесплодность пути, по которому пойдет студент. Характеризуя далее науки, которые надо освоить студенту, Мефистофель, в конце концов, не выдерживает наставительного тона и начинает сам доказывать бесплодность всех наук. Он завершает свои рассуждения известным афоризмом: «Теория, мой друг, суха, // Но зеленеет жизни древо» (с. 72), и в этих словах сказывается нелюбовь самого Гете к метафизике и абстракциям.

Стр. 69. *Encheires in naturae* (сочетание греч. и лат. терминов) — способ действия природы.

В редукции понатореть...— В логике редукция означает сведение понятий к основным категориям.

Стр. 72. *Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.*— И будете, как бог, распознавать добро и зло (лат.). Выражение взято из Ветхого завета (кн. I, Бытие, гл. 3, стих 5). Эти слова дьявол-искуситель в образе змия говорит Еве, советуя вкусить плод с дерева познания добра и зла.

Стр. 73. *Чтоб к небу подняло нас, как пушинку.*— Здесь комментаторы видят намек на воздушный шар братьев Монгольфье, произведенных его пробный полет в 1783 г.

ПОГРЕБ АУЭРБАХА В ЛЕЙПЦИГЕ

Сцена принадлежит к числу ранних и написана не позже 1775 года; входит в состав «Пра-Фауста», где речи студентов написаны прозой, создающей контраст с стихотворным строем исполняемых ими песенок. В «Фрагменте» 1790 года вся сцена переписана в стихах, но с сохранением живых разговорных интонаций.

Этим эпизодом начинается новый цикл в судьбе Фауста. Отныне он покидает свои научные занятия и пускается в широкий мир. Мефистофель подвергает его первому испытанию: не удовлетворится ли Фауст просто бездумным разгулом и пьянством?

Погреб Ауэрбаха в Лейпциге существует до сих пор. Во времена молодости Гете он был кабачком, в котором пировали студенты. Гете и сам бывал там. На стенах погреба были картины; одна изображала Фауста, пирующего среди студентов, другая — его же, улетающего из погреба верхом на бочке.

Стр. 74. *Всей Римскою империей Священной...*— Священной Римской империей называлось объединение германских государств под эгидой Австрии, властители которой были императорами этого не очень прочного союза. Войны Наполеона положили копец империи в 1806 г.

Стр. 75. *Я предлагаю выбрать папу...*— На средневековых рождественских и пасхальных празднествах разрешались шутовские насмешки над самыми важными государственными и церковными установлениями. Пародируя их, гуляки выбирали из своей среды королей и пап, возглавлявших разгул. Обычай был перенесен в Россию при Петре I, когда для веселья избирали «всепьянейшего папу». Кто всех перепивал, тот и избирался папой.

Ей с Блоксберга проблеет сатана...— По народным поверьям, на горе Блоксберг (Брокен близ Магдебурга, в Саксонии) обитала «нечистая сила»,правлявшая там свои празднества.

Стр. 76. *Как Лютер, с салом на брюшке...*— Подразумевается полнота известного реформатора немецкой церкви Мартина Лютера (1483—1546).

Стр. 77. *А Лейпциг — маленький Париж.*— Таково было мнение современников Гете. В переписке Гете встречается определение Лейпцига как «маленького Парижа». В устах бражничающего студента оно звучит, однако, самоуверенно, ибо он никак не представляет собою образованного и культурного общества города, описанного Гете в его мемуарах, (см. «Поэзия и правда», т. 3, ч. II, кн. 6).

Стр. 78. *Он на ногу одну как будто хром.*— По преданию, черт был хром на одну ногу.

Не вы ли, в Риппах въехав на почлег, // С Иванушкою-дурачком видались?— Станционный смотритель деревушки Риппах под Лейпцигом служил постоянным предметом насмешек студентов, и его имя стало нарицательным для обозначения дурака.

Стр. 80. *Жил-был король державный...*— Песня о блохе — сатира на фаворитизм и придворные нравы.

Стр. 81. *Принцпал — хозяин кабачка.*

Сомненья нет, что эти люди с Рейна.— Вдоль реки Рейн расположены виноградники, жители этих мест считаются знатоками вин.

Стр. 83. *Ну, пробки вон, и пейте на здоровье!*— Превращение стола в винную бочку — традиционный мотив преданий о Фаусте и Мефистофеле. В «Пра-Фаусте» это чудо совершают сам Фауст.

Стр. 84. *Нет, это лишь чистилищное пламя.*— По средневековым понятиям, чистилище — область загробного мира, промежуточная между адом и раем.

Стр. 85. *Молчать, пивная кадь!*— Мефистофель сравнивает толстяка Зибеля с бочкой, а тот в ответ называет черта помелом, намекая на его худобу.

Стр. 86. *Исчезает вместе с Фаустом.*— Гете не указывает, как это происходит. По преданию, Фауст и Мефистофель улетали на бочке.

КУХНЯ ВЕДЬМЫ

Написана в Италии в 1788 году.

Все, находящееся в кухне, имеет символическое значение; в частности, обезьяны, по лютеранским поверьям, были исчадьями ада. Комментатор А. Транделенбург указывал на сходство кухни ведьмы с интерьерами кухни на картинах голландских мастеров XVII века.

Кухня ведьмы в фантастической форме изображает возвращение молодости Фаусту посредством колдовства. Заметим, что в «Пра-Фаусте» герой молод и не нуждается в этом. Мотив возвращения молодости возникает у зрелого Гете.

Стр. 87. *Способ без затрат, // Без ведьм и бабок долго выжить.* — Уже в XVIII веке жизнь на лоне природы в сочетании с физическим трудом на земле считалась лучшим средством сохранения здоровья и долголетия. Мнение Фауста об этом дано в его ответе Мефистофелю.

Стр. 88. *Я навожу мосты над хлябью.* — По народным поверьям, дьявол считался строителем мостов.

Стр. 89. *Выиграв в лото, // Ты будешь счастлив, как никто!* — Имеется в виду денежная лотерея, о страсти к которой у итальянцев Гете узнал во время путешествия по Италии.

Стр. 90. *Зачем тут несколько решет?* — По древнему поверью, решето помогало отделить честных людей от вора. Достаточно было назвать имя вора, и решето, повертываясь, подтверждало его преступность.

Стр. 91. *Фауст (глядевший тем временем в зеркало...).* — Сохранился рисунок Гете, изображающий заклинание ведьм при помощи зеркала. Гете изобразил открытую местность, на которой в волшебном круге находятся три ведьмы. Одна из них колдует у вогнутого зеркала, в котором видна фигура существа, подвергаемого чарам.

Бог, трудясь шесть дней... // Мог что-нибудь создать на славу. — Согласно Ветхому завету, на шестой день бог создал первых людей — Адама и Еву. На седьмой день он отдыхал, довольный плодами своих трудов. Гете вкладывает в уста Мефистофеля пародию на библейский миф.

...несут Мефистофелю расщепившуюся надвое корону. — Комментаторы издавна видят в этом намек на положение Франции накануне революции 1789 г. Возможно, Гете имел в виду скандал с похищением ожерелья королевы, подорвавший и без того непрочный авторитет монархии Бурбонов (см. пьесу Гете «Великий Кофта» в IV томе настоящего собр. соч.).

Корону сдави, // В поту, на крови // Скрепи, словно kleem. — «Короны властителей часто держатся только потому, что они склеены потом и кровью народов» (Комментарий А. Соколовского, 1902 г.).

Стр. 94. *Арктический фантом не в моде...* — Север считался в тевтонской и скандинавской мифологии местом пребывания злых духов. Фантомами называли призраков и чертей.

·Делает неприличный жест.— Показывает «фигу», кукиш, что имело фаллическое значение. Гете советовал впоследствии, чтобы актер, играющий Мефистофеля, хлопал себя по заду (Э. Шмидт).

Стр. 95. Горшки и миски начинают звенеть в музыкальном согласии.— Ремарка, описывающая колдовские действия ведьмы, язвляется пародией на церковную мессу.

Стр. 96. Ты из одной // Десятку строй...— Заклинание ведьмы связано со средневековой магией чисел.

Из тройственности и единства // Творили глупые бесчинства...— Антирелигиозный выпад Гете, направленный против христианского понятия, что «бог един в трех лицах». Гете говорил Эккерману, что «благочестивые» требовали от него веры в христианские догматы: «Я должен был еще верить в то, что три равно одному и одно — трем. Но это противоречило стремлению к истине в моей душе» (4 января 1824 г.).

Стр. 97. В Вальпургиеву ночь...— См. comment. к сцене, носящей это название (с. 467).

Стр. 98. Глотнув настойки, он Елену // Во всех усмотрит непременно.— Имеется в виду Елена Прекрасная, символ высшей женской красоты. Существовало мнение, что в колдовском зеркале Фауст видел либо ее, либо Гретхен.

Кухней ведьмы завершается вторая группа сцен первой части трагедии, в которых изображено, как Мефистофель искушает Фауста и готовит его к новому испытанию — к чувственной любви.

УЛИЦА. ВЕЧЕР. НА ПРОГУЛКЕ. ДОМ СОСЕДКИ.

УЛИЦА. САД. БЕСЕДКА В САДУ

Начинается третья группа сцен первой части «Фауста». Здесь композиция действия сложнее, по сравнению с предшествующим развитием сюжета, которое было прямолинейным. Теперь одну линию фабулы составляет трагическая история любви и гибели Гретхен, вторую — тема самого Фауста, независимо от его любви к девушке («Лесная пещера», «Вальпургиева ночь», «Сон в Вальпургиеву ночь»).

Вся история Гретхен была написана до 1775 года и уже входила в состав «Пра-Фауста». В «Фрагменте» 1790 года она тоже имелась, по не полностью; здесь последней сценой с Гретхен была сцена в соборе.

Трактовки предания о Фаусте до Гете не содержали подобной истории, за исключением беглого упоминания в одном издании народной книги о докторе Фаусте: «Он (Фауст) воспыпал страстью также и к одной красивой, по бедной девушке, служанке жившего

по соседству торговца». Уже в молодости Гете узнал историю франкфуртской девицы Сюзанны Маргареты Брандт, убившей своего ребенка, чтобы избежать позора. В традиционной истории Фауста он при помощи дьявола вступал в союз с Еленой Прекрасной. Гете заменил в первой части трагедии легендарную красавицу простой горожанкой.

Предшествующие сцены трагедии были, так сказать, мужскими. С появлением Гретхен в действие и в поэтическую тональность вносится женский элемент, столь важный в общей концепции трагедии. Драматическое развитие действия обусловлено здесь контрастами и противоречиями: контраст между высокой духовной культурой Фауста и необразованностью Гретхен; однако их влечет друг к другу, хотя Фауст не в состоянии всего себя отдать одной лишь любви, что и является главной причиной трагедии девушки; полная несовместимость цинизма Мефистофеля и глубочайшей душевности Гретхен; наконец, неверие Мефистофеля в возвышенность человеческих чувств, в частности, любви Фауста, и страсть Фауста как в любви, так и в искаении истины.

Стр. 98. *Я и не барышня...*— Фауст обращается к Гретхен со словом *Fräulein* (барышня), что относилось лишь к девушкам благородного звания, дворянкам. Своим ответом Гретхен показывает, что она принадлежит к простонародью. Фауст должен был обратиться к ней со словом *Jungfer* (девица).

Стр. 99. *Она сейчас лишь вышла из собора...*— Обстоятельство, характерное для Гретхен. На протяжении действия подчеркивается, что она истинно и глубоко верует. Ее отвращение к Мефистофелю инстинктивно.

И у меня над нею власти нет.— Отговорка Мефистофеля, имеющая целью распалить желание Фауста.

Ей более четырнадцати лет.— Возраст конфирмации, церковного обряда, после которого считалось, что человек становился самостоятельным и ответственным за свои поступки.

Ты судишь, как какой-то селадон.— То есть как назойливый, нетерпеливый ухаживатель, волокита. Селадон — имя героя пасторального романа «Астрея» (1607—1627) О. д'Юрфе, ставшее нарицательным. В подлиннике — аналогичное немецкое произведение.

Стр. 100. *Ты говоришь, как сластолюб-француз...*— Французов считали тогда нацией, отличающейся повышенной чувственностью.

Печаль томленья,— словом, канитель, // Которою всегда полны романы.— В подлиннике намек не на сентиментальные романы, а на итальянские новеллы, вроде тех, которые Боккаччо создал в

«Декамероне», описывая хитрости влюбленных, добивающихся взаимности.

Стр. 101. *Здесь много старых кладов близ церквей*.— Считалось, что черт был и похитителем кладов.

Стр. 102. *И как песком посыпан пол опрятно!*— В домах горожан для чистоты полы посыпались белым песком.

Стр. 104. *Король жил в Фуле дальний...*— У древних римлян Фула — легендарная страна на крайнем севере, может быть, Исландия. Баллада сочинена Гете в 1774 г. Впервые издана отдельно как песня с нотами в 1782 г.

Стр. 106. *А церковь при своем пищеваренье // Глотает государства, города...*— В феодальной Европе католическая церковь обладала большой политической силой и действительно подчиняла себе целые государства. В Германии до Реформации князья церкви (епископы) обладали политической властью.

Стр. 110. *Его хранит Антоний Падуанский...*— Похоронен в храме имени этого святого в итальянском городе Падуя; Гете посетил эту церковь во время пребывания в Италии.

Стр. 113. *В Неаполе одна из добрых душ...*— Итальянский портовый город Неаполь славился своими куртизанками, считался расадником «неаполитанской болезни», от которой и умер муж Марты.

Стр. 114. *И эти сведенья в печать // Для верности потом отдать.*— Намеренный анахронизм Гете. Упоминаемый в подлиннике «Еженедельный листок» еще не мог выходить в эпоху исторического Фауста.

Признанья очевидцев двух // Достаточно...— Таков действитель-но был обычай удостоверения смерти лиц, скончавшихся в далеких краях. С этой целью Мефистофель, между прочим, и приводит Фауста в сцене «Сад».

Стр. 116. *Sancta Simplicitas!* — Святая простота! (лат.)

Ты, как всегда, софист и лжец.— Софисты в Древней Греции — учителя красноречия, добивавшиеся в спорах победы ценой любых словесных вывертов.

Стр. 120. *Как обратить вас в истинную веру?*— То есть сделать так, чтобы Мефистофель отказался от холостой жизни и вступил в брак.

ЛЕСНАЯ ПЕЩЕРА

Сцена, написанная в Италии в 1788 году, обрывает идиллическую картину любви Фауста и Гретхен. В драматическом и идейном отношении эпизод имеет важнейшее значение. Здесь возрож-

дается образ Фауста-исследователя, не удовлетворяющегося данным мгновением. Любовь Гретхен не стала для героя тем мигом высшего удовлетворения, которое он, по слову с Мефистофелем, пожелал бы продлить навек. Вместе с тем, именно в этой сцене можно увидеть подтверждение слов Фауста: «Две души живут во мне».

Стр. 125. *Пресветлый дух, ты дал мне... все...—* Имеется в виду Дух Земли, к которому Фауст обращался в первой сцене (см. с. 23—25). Монолог выражает фаустовский пантеизм, его духовную близость к природе. Г. Дюнцер первым отметил совпадение мыслей и настроения этого монолога с рассказом Гете о себе в автобиографии. Ср. сказанное здесь: «Мой глаз // Не гостя дружелюбный взгляд без страсти...» — с автобиографическим признанием: «Главным органом, посредством которого я составлял себе понятие о мире, были глаза». И здесь же рассказ о том, как молодой Гете уединялся с другом в лиственные рощи: «В самой глубине леса я отыскал месечек супровое на вид, окруженнное и осененное очень старыми дубами и буками...». Здесь, по его словам, «в священном лесу», он испытывал «исполинские чувства» («Из моей жизни. Поэзия и правда», ч. 2, кн. 6, см. т. III настоящего издания).

...учишь видеть братьев // Во всем: в зверях, в кустарнике, в траве.— Гете была близка идея Гердера о том, что животные родственны человеку. Это связано с общей философией автора «Фауста», который в естественнонаучных трудах проявил себя предшественником эволюционной теории.

Стр. 126. *Он показал мне чудо красоты...—* Имеется в виду тот прекрасный образ женщины, который Фауст видел в волшебном зеркале в сцене «Кухня ведьмы» (см. с. 91).

И я то жажду встречи, то томлюсь // Тоскою по пропавшему желанью.— Вольное переложение слов из оперного либретто Бомарше «Тарар» (1787 г., музыка Сальери). Гете поставил эту оперу в Веймарском театре в 1800 г.

Стр. 127. *Как божество, шесть дней творенья // Обняв в конечном торжестве!* — Мефистофель насмехается над Фаустом, уподобляя его библейскому богу, который сотворив мир в шесть дней, потом торжественно лицезрел его в безделье.

Стр. 128. «*Когда б я ласточкой была!*» — Старинная народная песня, включенная Гердером в его сборник народной поэзии.

Я вспомнил пастбище средь роз // И ланей, символы желанья.— Намек на стих из «Песни песней»: «Груди твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями» (гл. 4, стих 5).

КОМНАТА ГРЕТХЕН. САД МАРТЫ. У КОЛОДЦА. НА ГОРОДСКОМ ВАЛУ. НОЧЬ. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ГРЕТХЕН. СОБОР

Стр. 130. *Что стало со мною?* — Песенка Гретхен — один из замечательнейших образцов лирики Гете и немецкой поэзии в целом. Была положена на музыку другом Гете К.-Ф. Цельтером, Ф. Шубертом и Л. Шпором.

Стр. 131. *Как обстоит с твою верой в бога?* — Гретхен верующая христианка, и ее огорчает неверие Фауста. Ответы Фауста на этот вопрос выражают отношение самого Гете к религии. Эти речи излагают пантеистическую философию, отрицание личного бога, обожествление природы.

Стр. 136. *Она, заметь, физиономистка...* — Друг молодости Гете И.-К. Лафатер (1741—1801) создал теорию физиономики, согласно которой по чертам лица и особенностям строения головы можно определить характер человека.

Вельзевул — одно из имен дьявола.

Стр. 138. *Отведает епитимью: // Наденет девка власяницу...* — Епитимия церковное наказание за грехи; в данном случае имеется в виду кара «за прелюбодеяние»: девушек, родивших вне брака, облачали в длинную рубашку из грубой шерсти и с позором проводили по улице. В Веймаре обычай существовал почти до конца XVIII в. и был отменен по настоянию Гете.

На свадьбе парни ей цветы // Сорвут со свадебной фаты, // А девки перед дверью дома // Насыплют отрубей с соломой. — Таков действительно был обычай, когда девушка, выходившая замуж, была в связи до брачного обряда.

Стр. 142. *Ты девушкой к нему войдешь, // Но девушкой не выйдешь.* — Задумывание из песенки обезумевшей Офелии о Валентиновом дне (день выбора возлюбленных) в «Гамлете» Шекспира (акт IV, сц. 5). Гете — Эккерману: «Мефистофель поет у меня песенку Шекспира. Зачем мне было трудиться выдумывать свое, когда песня Шекспира была здесь вполне уместна и выражала именно то, что я хотел сказать» (18 января 1825 г.). Гете отнюдь не воспользовался песней Шекспира буквально, а лишь заимствовал ее общий смысл.

Кого ты пеньем манишь, крысолов? — Намек на легенду о крысолове из г. Гамельна, который игрой на дудочке увел из города всех детей в отместку, что его не вознаградили за истребление крыс.

Стр. 143. *И вот уже он перешел мне руку!* — В подлиннике сказано, что у Валентина рука онемела, очевидно, под влиянием колдовства Мефистофеля.

С полицией не трудно сговориться, // Другое дело уголовный суд. — Перевод осовременивает речь Мефистофеля. В подлиннике он

имеет в виду, что с полицией сумеет сладить своими колдовскими средствами, но против уголовного суда, которому подлежали рассмотрение дел об убийстве, Мефистофель якобы бессилен.

Стр. 145. *Тебе не даст проступок твой // Блистать в цепочке золотой...* — Гете, изучавший в молодости юриспруденцию, вкладывает в уста Валентина изложение средневековых правил города Франкфурта, содержащих различные запреты для девиц легкого поведения, в том числе носить дорогие платья и украшаться драгоценностями.

Стр. 146. *Молиши у бога // Упокоения матери, // По твоей вине уснувшей // Навеки без покаянья?* — Faust дал Gretchen напиток, который оба считали только снотворным. Но Мефистофель, давший его Faусту, знал, что он действует смертельно. Gretchen принимает вину за смерть матери на себя.

Стр. 147. *Dies irae...* — Начало католического гимна: «День гнева, этот день обратит весь мир в пепел...» (лат.)

Judex ergo sum sedebit... — Продолжение гимна: «Когда воссядет судия, откроется все сокровенное, и ничто не останется без возмездия».

Quid sum miser tunc dicturus... — Из того же гимна. «Что я скажу тогда, несчастный, какого покровителя я буду умолять, когда и нраведник едва спасется?..»

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

В названии «Вальпургиева ночь» соединены два противоположных и даже враждебных обряда. В христианской религии — день поминовения святой Вальпургии, скончавшейся 1 мая; в языческих верованиях ночь на 1 мая — праздник весны и свободного сочетания любящих (ср. ночь на Ивана Купала). Трижды путешествуя по горам Гарда, Гете неоднократно слышал народные легенды о том, что на горе Блоксберг ведьмы устраивают шабаш. Из сочинения одного ученого Гете узнал, что «древнегерманские язычники, когда их изгнали из священных рощ и народу была навязана христианская вера, стали весной удаляться со своими приверженцами в пустынные и недоступные горы Гарда, чтобы там, по древнему обычая, молиться и приносить жертвы бестелесному богу земли и неба. Чтобы быть в безопасности от коварных, вооруженных христианских проповедников, они сочли за благо надеть личины на некоторых своих единоверцев, надеясь тем самым отпугнуть суеверных противников, и так, под охраной «сатанинского воинства», совершали свое чистое богослужение» (письмо Гете Цельтеру 2 декабря 1812 г.) Эту гипотезу о происхождении шабаша на горах в ночь на

1 мая поэт и положил в основу своей фантазии. На эту же тему им написана кантата «Первая Вальпургиева ночь» (1799 г.).

Вальпургиева ночь имеет символическое значение. Если в предшествующих сценах история отношений Фауста и Гретхен изображена в реальном жизненном виде, то в Вальпургиевой ночи Гете прибегает к сложной символике и фантастическим образам, чтобы представить все виды сладострастия. Мефистофель торжествует, ибо ему представляется, что поведение Фауста подтверждает его мнение о низменности человечества. Уродливые образы сатанинского шабаша символизируют грубую чувственность. Но Фауст преодолевает этот мир плотской страсти, возвышаясь до истинной любви, и символом ее является возникающий перед Фаустом образ Гретхен; весь трагизм судьбы, на которую он ее обрек, раскрывается перед ним теперь, когда ему является видение умершей Гретхен — символическое предвестие о ее гибели.

Стр. 149. *Я у блуждающего огонька // Спрошу...* — Болотное тление, принимаемое за огонек, по народным поверьям, превращалось в движущееся существо, заманившее путников в болото и губившее их. Но для черта Мефистофеля блуждающий огонек — дружественная сила.

Стр. 150. *...взошел // Царь Маммон на свой престол.* — Маммон — олицетворение власти золота. В «Потерянном рае» Мильтона, перечитанном Гете незадолго до написания этой сцены, упоминается, что Маммон построил для Сатаны дворец из золота. Именно этим навеяны строки ниже: «Маммон залить не поскупился // Иллюминацией чертог».

Стр. 151. *Скопленья шумного кортежа // Столкнут меня с тропы проезжей!* — До сих пор Фауст и Мефистофель находились на земле. С этого места читателю надо вообразить, что они летают по воздуху (Э. Трунц).

Стр. 152. *Там Уриан, князь мракобесья...* — Еще одно из имен дьявола.

Старуха Баубо (греч. миф.) — Кормилица пыталась шутками разогнать тоску богини Деметры по ее дочери, похищенной Плутоном и унесенной в царство смерти.

Стр. 154. *Втиранье ускоряет прыть...* — По поверью глубокой древности, втирание колдовской мази позволяло ведьмам летать.

Стр. 156. *...зверски все фальшивят?* — На небесах дарит гармонии сфер, в противоположность этому в аду и на адских сборищах музыка негармонична.

У нас не носят ордена Подвязки... — Орден Подвязки был создан английским королем Эдуардом III в середине XIV в. По преданию,

его любовница на придворном празднестве потеряла подвязку с ноги. На смех ее врагов Эдуард III ответил тем, что надел подвязку себе на ногу ниже колена, сказав при этом: «Будь презрен тот, кто подумает об этом плохо». Орден Подвязки стал одним из высших английских орденов, его девиз — приведенные здесь слова. Упоминание ордена Подвязки в данной сцене соответствует ее эротическому подтексту.

Стоишь за честь и гордость наций... — Нижеследующие четыре четверостишия нарушают фантастический колорит сцены, вводя в нее злободневную политическую сатиру. Генерал, министр, разбогатевший делец (в подлиннике — «парвеню», высокочка) и писатель представляют отживший феодальный век, они хвалят свое время и бранят нынешнее. Показателен, в частности, писатель, который осуждает за дерзость не «прощелыг» вообще, а молодежь.

Стр. 158. *Первая жена Адама*. — Наряду с библейской легендой о том, что Ева была сотворена из ребра Адама, существовало другое предание: первой женой Адама была Лилит; поссорившись с ним, она связалась с Сатаной и родила от него разных злых духов. Ее также считают дьяволицей, убивающей детей, на что и указывается в конце этой реплики Мефистофеля. По поверьям, волосы ведьмы обладали губительной силой.

Я видел яблоню во сне. — Танец Фауста с молодой и Мефистофеля со старой ведьмой сопровождается речами, эротический смысл которых легко разгадывается. Эти иносказания вызвали возмущение ханжеской буржуазной критики XIX в. Однако вернее оценил этот эпизод современный Гете писатель-просветитель Кристоф Мартин Виланд (1733—1813), писавший, что автор «Фауста» сочетал «изобретательную демонологическую фантазию и плебейскую грубость в духе Аристофана». Возражая мещанским критикам Гете, Генрих Гейне писал: «Браните сколько хотите грубые сцены в «Фаусте», сцены на Брокене, в погребе Ауэрбаха, браните неприличности в «Мейстере» — всего этого вам, однако, никогда не удастся скопировать; это перст Гете!» («Романтическая школа», кн. 1).

Стр. 159. *Проктобантасмист (Задопровидец)*. — Эпиграмма против берлинского издателя и писателя Фридриха Николаи (1733—1811), совмещавшего просветительские взгляды с верой в духовидение. Гете был зол на него со временем его пародии на «Страдания молодого Вертера», он осмеял Николаи в одной из своих сатирических «Ксений» и не преминул посмеяться над ним в «Фаусте».

Стр. 160. *В природе нет кикимор и шишиг!* — Имеется в виду действительное происшествие: доклад Николаи в берлинской Академии наук, в котором он рассказывал, что сам видел духов умерших. Для того чтобы избавиться от прилива крови, вызвавшего бо-

лезненное состояние, врач поставил ему пиявки именно так, как это указано в следующей реплике Мефистофеля.

Вдруг выпрыгнула розовая мышь.— Существовало средневековое поверье, что душа спящих ведьм высакивала у них изо рта в виде розовой мыши, а когда ведьма умирала, то в виде серой мыши.

Стр. 161. *Небось ты слышал о Медузе?*— По древнегреческому мифу, Персей отрубил голову чудовищу Медузе, у которой волосы были из змей.

Стр. 162. *Как в Пратере во дни гулянья.*— Пратер — общедоступный для гуляния парк в Вене.

Сейчас начнут премьеру, // Седьмую, между прочим, за сезон.— Комментаторы считают, что это место выражает насмешливое отношение Гете к любительским спектаклям, к погоне за количеством, а не качеством постановок. Такому театру место только на шашаше ведьм, поэтому он и помещен здесь.

СОН В ВАЛЬПУРГИЕВУ НОЧЬ, ИЛИ ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА ОБЕРОНА И ТИТАНИИ

Написано в 1796—1797 годах. Первоначально Гете имел в виду сделать из этих стихов сборник эпиграмм на современных литераторов. Затем он решил включить стихи в первую часть «Фауста» в качестве дополнения к Вальпургиевой ночи. Уже там имеется злободневная сатира, в том числе литературная (см. с. 157). С добавлением интермедии на время отдалось продолжение трагической истории Гретхен. Художественные соображения, какими руководствовался при этом Гете, могли быть следующие. Прежде всего создавался постепенный переход из мира отвлеченных символов к более жизненно-реальному. Вместе с тем Гете показывает, что тема «Фауста» шире судьбы героя и героини; произведение охватывает не только житейскую судьбу героев и их внутренний мир, но и широкий мир за пределами их жизни, а в этом мире много разного, включая и литературные интересы. Наконец, в период совместной теоретической работы с Ф. Шиллером над проблемами литературы, они, в частности, обсуждали прием ретардации (задержки действия) в эпосе и драме. Введением Вальпургиевой ночи и следующей за ней интермедией Гете практически осуществил в своем произведении прием задержки в развитии сюжета.

Название «Сон в Вальпургиеву ночь» навеяно комедией Шекспира «Сон в летнюю ночь», где действие, кстати сказать, происходит в ту же самую ночь на 1 мая. Но дело не только во внешнем совпадении. После тяжелой и мрачной фантастики предыдущей сцены Гете вводит фантастику шутливую. В комедии Шекспира дей-

ствуют веселые лесные духи. Гете сочетает их с образами сатирико-аллегорическими, под которыми он подразумевал современников. Гетеведы XIX века более или менее точно установили, кто подразумевался под этими персонажами. Но Гете не ограничивался личной, аристофановской сатирой. Эти образы воплощают типичные черты ученого педантизма, эстетической, разной другой ограниченности и пошлости.

Стр. 163. *Мидинга потомки!* — Мидинг — декоратор Веймарского театра. «Потомки Мидинга» — то есть устроители театральных представлений (см. поэму «На смерть Мидинга», т. I, с. 157—163).

«Королева и король // Обновляют узы».— В «Сне в летнюю ночь» Шекспира властители царства эльфов Оберон и его жена Титания ссорятся, расходятся и снова мирятся. Этот мотив использован здесь Гете.

С *Пуком* — *кобольдов толпа*...— Пук (в других переводах Пэк) — шаловливый лесной дух в комедии Шекспира. Кобольды — здесь: веселые лесные духи.

Стр. 164. *Ариэль* — дух воздуха; образ заимствован из «Бури» Шекспира.

Расторгайте, Гименей...— Гименей — бог брака в древнем Риме. *Оркестр тутти* — весь оркестр; *fortissimo* (и т. д.) — громко.

За горой, надув пузырь, // Заиграл волынщик...— Немецкие комментаторы усматривают здесь намек на литераторов, берущих не искусством, а шумом и наглостью (Г. Эрлер).

Несложившийся дух — литератор, считающий, что он высоко парит, а на самом деле ползающий в прахе. Некоторые комментаторы усматривали в этом образе намек на писателя-романтика Жан-Поля Рихтера (1763—1825), пользовавшегося большой популярностью в конце XVIII — начале XIX в.

Стр. 165. *Любопытный путешественник*.— Имеется в виду Николай (см. коммент. к с. 159). Путешественником он назван здесь как автор «Описания одного путешествия по Германии и Швейцарии». Появлению Оберона он удивляется так же, как поражался видениям духов.

Ортодокс — граф Ф.-Л. Штольберг, в молодости близкий к Гете и движению «Бури и натиска», впоследствии перешел в лагерь консерваторов. Он выступил с критикой стихотворения Ф. Шиллера «Боги Греции» (1788). Для Гете эти боги — выражение идеалов гуманисти; Штольберг осудил их с христианских позиций как языческих идолов. Его взгляд и изложен здесь в пародийной форме.

Северный художник.— Комментаторы издавна считали, что это — сам Гете. Н. Вильмонт высказывает предположение, что это

скорее писатель Фридрих Мюллер (1749—1825), известный как «Живописец Мюллер», автор романа «Жизнь, деяния и гибель Фауста» (1803).

Пуррист.— Гете имеет в виду многочисленных ханжей, осуждавших за неприличие его «Римские элегии» (см. т. I, с. 183—196).

Стр. 166. *Флюгер*.— Имеется в виду композитор И.-Ф. Рейхардт (1752—1814), положивший на музыку большое количество стихотворений Гете. Однако в 1795 г. они поссорились: Рейхардт занял радикальные политические позиции по отношению к французской революции, которые Гете не разделял. В начале нового века они помирились, и их дружба была восстановлена.

Ксении — у древних греков — подарки гостям; римский поэт Марциал (I в.) иронически назвал так книгу своих эпиграмм. Гете и Шиллер заимствовали у него это название для сатирических двустиший, написанных ими против их противников (см. т. I, с. 240—244). Здесь Ксении олицетворены в виде кусающихся насекомых.

Геннингс (Август Адольф Фридрих, 1746—1826) — датский дипломат и литератор. С позиций правоверного христианства осуждал «языческий» дух классицизма Гете и Шиллера. Следующие два четверостишия также направлены против него. *Музагет* (греч.) — защитник муз, псевдоним Геннингса; «*Бывший гений своего времени*» — насмешка над названием журнала Геннингса «Гений времени» (1794—1800), где велась кампания против Гете и Шиллера. Слово «Бывший» (в оригинале по-французски — *ci-devant*) имеет в виду перемену названия журнала, выходившего затем как «Гений XIX века». Слово «гений» имело двоякий смысл: 1) дух, дух времени; 2) гений — высшая степень одаренности. Гете иронизирует и по поводу бездарности Геннингса, и по поводу его претензии представлять дух нового времени. Поэтому он называет его *ci-devant*, имея в виду, что Геннингс выражает дух отошедшего времени.

Ведьмы Севера милей // Девственниц Парнаса.— Девственницы Парнаса — музы. Дословный перевод: мне было бы приятнее руководить ведьмами, чем музами.

Здесь иезуиты.— Опять намек на Николаи, который, как просветитель, во всем дурном видел следствие прописков иезуитов, наиболее реакционного ордена монахов католического духовенства, боровшегося против ересей и свободной мысли.

Стр. 167. *Журавль*.— Подразумевается Лафатер (см. comment. к с. 136). Гете называл его так за журавлиную походку; осмеивает он его здесь за увлечение мистицизмом.

Светский человек.— По мнению комментаторов, сам Гете, выступающий против ханжей. В стихотворении «Обед в Кобленце»

(1774) Гете назвал себя «Дитя света», в противовес «пророкам» Лагфатеру и Бездову (1723—1790), педагогу и филантропу.

Танцор.— Это четверостишие, как и следующие, произносимые танцмейстером и скрипачом, были вставлены Гете лишь в последнее прижизненное издание его сочинений. Эти реплики образуют переход к новому циклу комического шествия персонажей.

Здесь друг друга бы, как волк, // Разорвал на клочья.— Имеется в виду вражда различных школ и направлений философии.

Догматик.— По толкованию Э. Шмидта, представитель метафизики, господствовавшей до И. Канта (1724—1804), родоначальника немецкой классической философии, колебавшегося между материализмом и идеализмом. Эта школа исходит из того, что, раз существует понятие, значит, ему должны соответствовать объекты действительности, то есть название определяет сущность вещей.

Идеалист.— Субъективный идеалист, считающий, что все существующее — лишь продукт его сознания. По мнению некоторых комментаторов, здесь подразумевается немецкий философ И.-Г. Фихте (1762—1814).

Стр. 168. Реалист.— Здесь: философ-эмпирик, признающий лишь те явления действительными, которые можно воспринимать пятью чувствами. Однако фантасмагория, которую он видит, заставляет его чувствовать себя неуверенным в своей философии.

Супернатуралист — сторонник существования сверхчувственного мира, постигаемого интуицией и верой. Ирония Гете проявляется в том, что его супернатуралист впервые воочию видит чертей (Г. Эрлер).

Скептик.— По Э. Шмидту, здесь последователь философии шотландца Дэвида Юма (1711—1776).

Комары и мошки, // Захотели взбучки? // Вправду ли вы мастера // Или недоучки? — Споры философов сбили музыкантов с такта. Капельмейстер сомневается в их профессионализме. Комментаторы видят здесь еще один выпад Гете против дилетантов. Реплика капельмейстера образует переход к новой группе персонажей. Теперь появляются различные типы, чья психология обусловлена переменами, вызванными французской революцией.

Ловкачи — те, кто при старом режиме во Франции служили монархии, а потом приспособились к порядкам послереволюционного времени.

Недалекие — французские дворяне-эмигранты, бежавшие в Германию и другие страны, но не нашедшие пристанища и утратившие былой лоск.

Блуждающие огоньки — высокочки, сделавшие карьеру и нажившие богатства в мутной воде (буквально: на болоте).

Стр. 169. *Падающая звезда*.—Метафора, подразумевающая быстрое возвышение и столь же быстрое падение различных политических деятелей периода первой буржуазной революции во Франции (Мирабо, Дантон, Робеспьер и др.).

Толстяки.—Дословный перевод: массивные. По толкованию Э. Шмидта, аллегория народа во время французской буржуазной революции; от его поддержки зависела судьба лиц, выступавших на политической арене.

Pianissimo — тихо (и т. д.).

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ

Начинается трагический финал первой части «Фауста».

Данная сцена входила уже в состав «Пра-Фауста» и, как ряд других сцен первого варианта, написана в прозе. Переложив другие сцены в стихи, Гете оставил эту сцену в ее первоначальном виде. Она — единственный прозаический эпизод всей трагедии. Можно предположить, что после фантастики «Вальпургиевой ночи» и не менее фантастического «Сна в Вальпургиеву ночь» Гете введением прозы желал подчеркнуть возвращение Фауста к мрачной действительности.

Стр. 169. *Долго ниществовала...*—Если рассматривать действие буквально, то от убийства Валентина до настоящей сцены прошло всего три дня. Между тем за это время Гретхен родила, утопила ребенка, бродила как нищая, была арестована, осуждена и заключена в тюрьму. Гете здесь прибегнул к приему, часто встречающемуся у Шекспира: время разных линий действия не совпадает. Прием принадлежит к числу так называемых поэтических вольностей.

И ты допустил...—Гнев Фауста обоснован лишь отчасти. Другая сторона истины заключена в возражении Мефистофеля: «Кто погубил ее, я или ты?» (с. 171).

Стр. 170. *Вездесущий дух* — Дух Земли; не богу, а именно этому духу поклоняется Фауст.

Неизъяснимо великий дух — тот же Дух Земли.

НОЧЬ В ПОЛЕ

Сцена входит в состав «Пра-Фауста», где написана прозой, но была переложена Гете в стихи. Прием введения таких коротких сцен заимствован Гете у Шекспира.

Стр. 171. *Зачем они к лобному месту летят?* — Они — ведьмы, которые, по поверью, по-своему совершали ритуал подготовки казни.

ТЮРЬМА

Этот финал уже есть в «Пра-Фаусте». За исключением песни обезумевшей Гретхен, текст был прозаическим. Замену прозы стихами Гете в письме Ф. Шиллеру объяснял так: «Некоторые трагические сцены, написанные прозой, по своей натуральности и силе совершенно нетерпимы рядом с другими. Поэтому я стараюсь теперь перекладывать их в стихи, ибо тогда идея просвещивает как бы сквозь дымку и непосредственное действие могучего материала приглушается» (5 мая 1798 г.). Молодой Гете, писавший «Пра-Фауста», стремился резко и с большой силой выявлять трагические ситуации. Гете периода веймарского классицизма, не меняя существа трагедии Гретхен, старался смягчить ее поэтическое выражение, но, конечно, и в своем новом, окончательном виде финальная сцена справедливо считается одним из величайших образцов трагического в мировой поэзии.

Стр. 172. *Чтоб вольнее гулять...*— Гретхен поет песенку в духе народных баллад; она написана от первого лица, то есть представляет собой песнь ребенка, убитого матерью. Гете взял песню из народной сказки «О можжевельнике», другой вариант которой имеется в сказках братьев Гrimm (№ 47).

Стр. 176. *Усыпила я до смерти мать...*— Гретхен винит в убийстве матери и ребенка только себя, не возлагая никакой ответственности за это на Фауста.

О милая рука... // Она в крови слегка.— Гретхен считает Фауста виновным только в убийстве ее брата.

Стр. 179. *Мы свидимся опять.*— Гретхен верит во встречу с возлюбленным в загробном мире. По-видимому, уже во время написания финала первой части Гете предполагал завершить историю Фауста его вознесением на небо и соединением там с Гретхен.

Вот стали в колокол звонить...— Во время казни звонили в деревянный колокол.

И вот уж жезл судейский сломан.— По прочтении приговора судья ломал над головой осужденного палочку, и это было сигналом к казни.

Стр. 180. *Спасена!*— Этого слова не было в «Пра-Фаусте». Введя его, Гете тем самым подчеркнул нравственное оправдание Гретхен. Она была чистым существом, обстоятельства сделали ее преступницей; она всегда поступала, повинуясь чувствам, но сознание своей вины, боль за погубленную жизнь, любовь и страдание, не

знавшие меры, делают ее существом поистине трагичным. Не ища физического спасения, она мечтает лишь о спасении духовном. Гретхен искупает свою вину смертью и погибает, как подлинно трагическая героиня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Закончена в 1831-м, впервые опубликована полностью после смерти Гете, в 1832 году. Если первая часть изображала судьбу Фауста в «малом мире» его личных переживаний, то во второй части герой выходит в большой мир, проходит через различные формы его бытия. Насколько раньше в центре были субъективные страдания Фауста, настолько теперь содержание его жизни определяется опытом в окружающем внешнем мире.

Как и в первой части, каждый эпизод судьбы героя имеет обобщенное значение. От сцены к сцене меняется соотношение реального и обобщенно-символического.

Если первая часть строилась как серия сцен, не подразделенных на акты, то во второй части Гете возвращается к традиционному делению действия на пять актов.

АКТ ПЕРВЫЙ КРАСИВАЯ МЕСТНОСТЬ

Сон Фауста отягчен страданием из-за гибели Гретхен и сознанием своей вины. Светлый дух Ариэль призывает эльфов облегчить муки Фауста: забвение прошлого поможет ему вернуться к настоящему, что и происходит (см. предисловие, т. I, с. 45).

Стр. 183. *Ночь на четыре четверти разбита...* — Деление, принятое в армии Древнего Рима. Время с шести вечера до шести утра делилось на четыре смены стражи (вигилии). Деление перешло в средние века в церковную службу и монастырские ночные бдения. Следующее затем песнопение хора состоит из четырех частей и содержит поэтическое описание четырех частей ночи.

Стр. 184. *Слышите, грохочут Оры!* — В греческой мифологии богини времен года. В песне V «Илиады» они, как служанки Зевса, отворяют и затворяют небесные врата для огненной колесницы Феба-Аполлона, бога солнца.

Стр. 185. *Опять встречаю свежих сил приливом...* — Пробуждение Фауста обнаруживает его способность постоянного обновления

сил после больших душевных испытаний. Всякое критическое состояние Фауст преодолевает, приближаясь к природе. Здесь это символически выражено в том, что его сон протекал в окружении прекрасной природы, и ее силы, олицетворенные в эльфах, незримо воздействовали на него.

Бот солнце показалось! — Образ солнца имеет символическое значение, воплощая безграничную мощь природы. Подобно тому как Фауст в первой части устрашился Духа Земли (с. 25), так теперь ему страшен лик солнца. Отворачиваясь от него, он выражает сознание своей ограниченности и обращает взор к земле.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

Если раньше все сцены трагедии так или иначе были связаны с Фаустом, то в этом эпизоде он даже не появляется. Этим подчеркивается, что отныне содержанием действия будет не внутренний мир героя, а реальный внешний мир, изображаемый то натурально, то аллегорически и в символах.

Действие происходит при дворе средневекового германского императора. Первоначально Гете хотел даже обозначить его именем Максимилиана (1459—1519), но затем он отказался от этого, стремясь подчеркнуть, что образ монарха — обобщенный. «В лице императора я старался изобразить властителя, который имеет все данные потерять свою страну, что ему в конце концов и удается» (Гете — Эккерману, 1 октября 1827 г.). Образ императора навеян Гете в первую очередь французским королем Людовиком XVI, свергнутым революцией, и другими обладателями шатких тронов на рубеже XVIII—XIX веков.

Для характеристики феодальных правителей показательно присутствие астролога, составлявшего по расположению небесных светил гороскопы и «предсказывавшего» ход событий. По феодальному обычаю, властители имели шутов, которые обладали правом говорить в лицо монарху любую правду.

Стр. 187. *Что ненавистно и желанно?* — Ответ на загадку Мefистофеля: шут.

Стр. 188. *Канцлер*. — Канцлер, то есть первый министр, обычно духовное лицо, в Римско-германской империи, как правило, епископ Майнцский.

Стр. 189. *А власть верховная слаба.* — Империя состояла из независимых и автономных частей. Города обладали своими внутренними порядками, рыцарство в своих замках не всегда подчинялось центральной власти.

Пришел конец союзным взносам...— Многочисленные независимые княжества, входившие в состав империи, были обязаны делать взносы в общеимперскую казну.

Из партий, как бы их ни звали...— В феодальную эпоху партиями называли сторонников тех или иных властителей, находившихся во вражде.

Стр. 190. *Ты гвельф, или ты гибеллин?* — В пору зрелости и начавшегося упадка феодализма шла непрерывная борьба между двумя политическими силами средневековья — духовной властью пап и светской властью императоров. Предметом раздора в особенности были итальянские города, буржуазия которых боролась за независимость. Сторонники подчинения императорской власти назывались гибеллинами; их противники — гвельфы — искали поддержку у римских пап.

Стр. 191. *Дух и природа — не для христиан.* — «Поповски реакционная речь» (Э. Шмидт), отражающая отрицательное отношение Гете к церковной идеологии феодализма. Отповедь канцлеру дает в следующей реплике Мефистофель.

Стр. 192. *В века нашествий и невзгод...* — Имеется в виду великое переселение народов в IV—VII вв. — движение диких племен с востока на запад, приведшее к крушению Римской империи.

Твое по праву, государь. — По средневековым законам, все, находившееся в недрах земли, принадлежало королю.

Стр. 193. *Нам солнце блещет золотом в лазури...* — Небесные тела, по учению астрологов, имели влияние на человеческие судьбы, вместе с тем они соответствовали различным металлам: Солнце — золоту, Меркурий — ртути, Венера — меди, Луна — серебру, Марс — железу, Юпитер — олову, Сатурн — свинцу. Одновременно речь астролога подразумевает и особенности этих мифических божеств, из которых Меркурий был вестником богов, Венера — богиней любви, Марс — богом войны, Луна равнозначна Диане, недоступной девственной богине охоты, Юпитер (Зевс) — бог богов, Сатурн — бог посевов, с которым связывали понятие о изобилии.

Стр. 194. *О мандрагорах вздор твердите // И глупости о черном псе.* — По средневековому поверью, корень мандрагоры, по форме напоминавший человечка, приносил богатство и здоровье. Но вырвать его мог только черный пес, погибавший после этого, равно как и люди, осмеливавшиеся дотронуться до него.

Стр. 196. *Я б философский камень дал им...* — Алхимики создали понятие философского камня, обладавшего способностью превращать одни металлы в другие, а также дававшего богатство, здоровье и долголетие. Мефистофель иронизирует над верой в философский камень и другие подобные чудеса.

МАСКАРАД

Маскарады были издавна одним из любимых придворных развлечений. Они коренились в народных игрищах ряженых, но со временем эпохи Возрождения приобрели утонченность, благодаря введению фигур из античной мифологии. Шествия маскированных фигур имели аллегорический смысл. Такие маскарады устраивались и при герцогском дворе в Веймаре, где Гете бывал их распорядителем.

Стр. 197. *Здесь не тевтонской пляской смерти // Вас встретят ряженые черти...* — Герольд подчеркивает, что предстоящий маскарад следует не древним немецким народным традициям, а образцам итальянских придворных маскарадов и общегородских карнавалов.

У папы туфлю лобызая... — Германские императоры, вступая на трон, были обязаны совершить обряд поклонения церкви, для чего ездили в Рим и в знак покорности целовали туфлю римского папы.

Чтоб блеснуть на вечеринке... — Персонажи маскарада разбиты на несколько групп. Первая группа ряженых, по Г. Дюнцеру, изображает «различные внешние блага и стремления к ним»: цветы и плоды, приносимые садовницами и садовниками. Обозначенные дальше в качестве персонажей «Оливковая ветвь», «Венок из золотых колосьев» на сцене должны изображаться так: актер или актриса держат в руке обозначаемый предмет, имеющий аллегорическое значение.

Стр. 198. *Оливковая ветвь.* — С древнейших времен оливковая ветвь — символ мира.

Стр. 199. *Имени мне Теофраст // Дать не мог бы и не даст.* — Древнегреческий мыслитель Теофраст (Ш в. до н. э.) в «Истории растений» дал описание всех растений. Гете, много занимавшийся ботаникой, конечно, знал немецкий перевод этого сочинения, вышедший в 1822 г.

Теорба — древний инструмент, дававший низкие тона.

Стр. 200. *Мать и дочь.* — При описании маскарада Гете использовал сочинение итальянца Граццини «Все триумфы, карнавальные повозки, маски и лодки» (1750). Здесь упоминаются сатирические маски матери и дочери — насмешка над матерями, выставлявшими напоказ дочерей для ловли женихов.

Стр. 201. *Дровосеки* — персонажи итальянского карнавала, описанные у Граццини.

Полишинель (и т. л. Пульчинелла) — персонаж итальянской народной импровизационной комедии, простак, увалень, лентяй.

Стр. 202. *Паразиты* — персонажи древнеримских комедий, приживалы в домах богачей и знати. Эти маски сохранились вплоть до XVIII в.

Стр. 203. *Пьяный* — также карикатурная маска карнавального шествия; бражническая песня, исполняемая им, часть карнавального обряда.

Герольд объявляет о приходе поэтов разных направлений... — Сатира на романтическую литературу, полную фантастических ужасов. Романтической мифологии Гете противопоставляет сразу после этого образы классической античной мифологии.

Стр. 204. *Парки*. — В античной мифологии — богини судьбы; они прядут нити человеческой жизни. Клото прядет нить, Лахезис вытягивает, а Антропос обрезает ее. Гете изменил их функции.

Стр. 206. *Асмодей*. — В персидской мифологии — демон зла, вошел и в библейские легенды, в средние века символизировал демона — разрушителя браков.

Стр. 207. *Явилась в маске новая шарада*. — Группа маскарадных персонажей, появление которой провозглашает герольд, воплощает аллегорию государства и общества. Слон — власть; женщина, управляющая им, — разумность; женщина, стоящая на хребте слона, — победа, она же — воплощение действенности; две пленницы — болезнь и надежда. Две последние, а также разумность произносят затем речи аллегорического содержания.

Стр. 209. *Зоило-Терсит* — воплощение злобной зависти, его имя составлено из сочетания имен греческого критика Зоила (III в. до н. э.), критиковавшего Гомера, и персонажа «Илиады» — Терсита, злобствующего уродливого крикуня. Под этой маской выступает Мефистофель, появляющийся затем и в других обличиях.

Стр. 211. *Мальчик-возница* — аллегорическое воплощение поэзии. Первоначально в рукописи 1827 г. Гете обозначил его именем Эвфориона, но, изменив затем обозначение персонажа, оставил за ним тот же смысл — выражение духа поэзии (см. коммент. к с. 353).

Стр. 212. *Плутус* (греч. м и ф.) — бог богатства, здесь: также покровитель земных недр, таящих драгоценности. Его свиту составляют как фигуры античной мифологии (фавны, сатиры, нимфы и т. д.), так и образы мифологии средневековой (гномы). Гете объяснил Эккерману: «под маской Плутуса скрывается Фауст, а под маской скряги (здесь: Тощий) — Мефистофель» (20 декабря 1829 г.).

Стр. 219. *Великий Пан их божество*. — В греческой мифологии Пан — бог лесов и рощ, любитель покоя и беспечности. Здесь Пан символизирует вместе со всей свитой весь круг людей, проводящих время в развлечениях, тогда как миру грозят катастрофы. Происхо-

дящий далее пожар, по Г. Дюндеру, является предупреждением о возможности революции, возникающей из-за легкомыслия правящих. В наряде Пана выступает император.

САД ДЛЯ ГУЛЯНИЯ

Мефистофель вводит наконец Фауста в окружение императора, начинается непосредственное участие Фауста в государственных делах. Центральный момент этой сцены — введение бумажных денег. Впервые бумажные деньги были введены во Франции Джоном Ло в 1716 году при Людовике XV. Неумеренный выпуск бумажных денег быстро привел к их обесцениванию. То же самое произошло потом с бумажными ассигнациями французской революции и деньгами немецких государств в период войн Наполеона. Выпуск бумажных денег без должного обеспечения вызвал отрицательное отношение к ним, чем и объясняется то, что Гете сатирически приписал введение бумажных денег дьяволу (Г. Витковский).

Стр. 225. *Сквозь столб воды кайма воды лазурной // Со дна тебе покажется пурпурной.* — Гете вложил в уста Мефистофеля свои оптические наблюдения, изложенные подробно в «Учении о цвете».

Стр. 226. *Взметет Фетида раковинок пласт // И новому Пелею руку даст...* — Образы древнегреческой мифологии: Фетида — морская нимфа, Пелей — ее муж, от которого она родила Ахилла.

Будь, как Шехеразада, плодовит... — Имеется в виду неистощимый запас рассказов и выдумок повествовательницы Шехерезады из книги арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

Стр. 227. *Ландскнехтам дан задаток...* — Ландскнехты — наемные солдаты.

Стр. 231. *Воскрес, мнимоумерший от запоя?* — Появившийся здесь шут, тот самый, который в начале первого акта упал и разился (см. с. 186).

ТЕМНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Стр. 232. *А я Париса и Елену // На днях им вызвать обещал...* — Уже в старинной книге рассказывается, что Фауст по желанию императора вызвал посредством волшебства образы героев античного эпоса — спартанской царицы Елены Прекрасной и похитившего ее троянского принца Париса.

Стр. 233. *Язычники живут в своем аду.* — Мефистофель отказывается вызвать Елену, так как она принадлежит к античным мифам, которые ему не подвластны, ибо он — черт из другой мифологии.

То — Матери. — Для того чтобы вызвать дух Елены Прекрасной, Фауст должен отправиться в страну таинственных богинь — Матерей. Миф о Матерях упоминается у Плутарха в «Жизнеописании Марцелла» (гл. 20). Оттуда заимствовал Гете идеи этих мифических существ, которые он, однако, нарочно толкует несколько туманно, что вызвало многочисленные гипотезы комментаторов. Г. Дюнцер определил их как первообразы всех вещей. Матери — фантастические богини, создающие идеальные образы всего существующего (Н. Холодковский).

Стр. 235. *Так врали новичкам жрецы мистерий...* — Имеются в виду жрецы элевзинских мистерий, таинственных мистических обрядов, допускавшие к участию в них только лиц, прошедших испытание.

ЯРКО ОСВЕЩЕННЫЕ ЗАЛЫ

Стр. 238. *Но мы подобное подобным лечим...* — Намек на основное положение врача Х.-Ф.-С. Ганеманна, основателя гомеопатии, к которой Гете, по-видимому, относился иронически.

РЫЦАРСКИЙ ЗАЛ

Этот эпизод содержит сцену на сцене. Мефистофель занимает место в супфлерской будке, изредка высовываясь, для того чтобы делать свои комментарии.

Стр. 241. *Атлант* (или Атлас) — в греческой мифологии брат Прометея, за восстание против богов был осужден поддерживать плечами небесный свод.

Что невозможно, то и вероятно. — Пародия на слова средневекового богослова Тертулиана по поводу смерти Христа: «Этому надо верить, потому что не вяжется с разумом; что после погребения он воскрес — достоверно, ибо невозможно».

Стр. 242. *Порхают жизни реющие тени...* — Здесь и ниже излагается идеалистическая концепция, согласно которой сначала якобы существовали нематериальные прообразы вещей и существ, которые потом магическим путем воплотились в реальные предметы и тела. Здесь же проводится мысль, что предметы, некогда имевшие бытие, стремятся сохранить свое существование. Подобные высказывания, восходящие к идеализму Платона, используются сторонниками идеализма для того, чтобы причислить Гете к своему лагерю и даже к числу мистиков (Р. Штейнер). Между тем Гете использует эту концепцию наряду с другими фантастическими образами и идеями в чисто поэтическом плане. Богини-Матери — символическое воплощение первых смутных идей, которые затем твор-

ческая сила воплощает в зримые образы, что и происходит далее в этой сцене, когда Фауст посредством заклинания вызывает образы Елены и Париса, не делая их, однако, реальными.

Стр. 243. *В каком расцвете юношеских сил!* — Весь последующий разговор, во время которого дамы восхищаются, а мужчины пытаются снизить впечатление, производимое Парисом, имеет иронический подтекст, ибо зрители поддались иллюзии и воспринимают искусно созданный образ Париса как реального живого человека. То же относится и к реакции зрителей на появление Елены.

Не царский сын, а пастушок топорный... — Согласно мифу, Парис действительно пас стада своего отца; в этом для Гете прелесть легенды, озабражавшей близость Париса к природе; для зрителя-дворянина Парис, наоборот, всего лишь неотесанная деревенщина.

Стр. 244. *Я не ослеп еще? И дышит грудь?* — Хотя силы природы вернули Фауста к жизни, она была, однако, пуста, пока перед ним не предстал образ Елены — идеальное воплощение красоты. С этого мгновения начинается новая пора существования Фауста: его вера в прекрасное как самое главное в жизни.

Стр. 245. *Она — луна, а он — Эндимион.* — Имеется в виду античный миф о любви Дианы, богини охоты и луны, к земному юноше Эндимиону. По преданию, воспроизведенному здесь на сцене, она, увидев его спящим, поделовала.

Стр. 247. *Она старейшим по душе пришла.* — В «Илиаде» (кн. III, с. 150—160) старцы на башне, увидев Прекрасную Елену, признали, что ради такой красавицы можно терпеть долгие беды войны.

Стр. 248. *Здесь собственный мой дух сплотит тесней // Двоякий мир видений и вещей.* — Здесь выражена идея, владевшая отныне Фаустом: сочетать действительное и прекрасное.

Схватил ее, и расплылась фигура. — Фауст пытается удержать видение, которое, однако, от него ускользает; следующий за этим взрыв, имеет символический смысл: Фауст слишком торопится овладеть прекрасным, оно не дается сразу; для того чтобы его достичь, необходимо дать созреть пониманию красоты и найти форму для ее воплощения (В. Эмрих).

АКТ ВТОРОЙ

Весь акт представляет собой символическую картину подготовки перехода Фауста из мира средневековых мифов в мир античной красоты. В поэтической форме здесь отражен духовный процесс, пережитый самим Гете, его другом Ф. Шиллером и некоторыми другими представителями передовой немецкой интеллигенции.

ции, искавшими решение жизненных противоречий в умозрении и эстетическом идеале. Кульминацией исканий является так называемая классическая Вальпургиева ночь,

ТЕСНАЯ ГОТИЧЕСКАЯ КОМНАТА

Стр. 249. *Лежи, несчастный, в забытьи.*— Мефистофель перенес Фауста в его прежнюю рабочую комнату.

Стр. 250. *Старинный патрон...*— Дьявол считался покровителем насекомых, крыс и всякой мелкой нечисти, составлявшей его свиту.

Стр. 251. *Фамулус* — помощник профессора из числа старших студентов. Этот фамулус состоит при Вагнере.

Стр. 252. *И сам ключами, как апостол Петр, // Земли и неба тайны отмыкает...*— По христианской легенде, ученик Христа апостол Петр обладает ключами, открывающими врата рая.

Стр. 253. *Бакалавр* — низшая ученая степень. Характеризуя этот образ, Гете сказал Эккерману: «В нем олицетворена та претенциозная самоуверенность, которая особенно свойственна юному возрасту и которую в столь ярких образчиках имели вы возможность наблюдать у нас в первые годы после освободительной войны. В юности каждый думает, что мир начал, собственно говоря, существовать только вместе с ним и что все существует, в сущности, только ради него» (6 декабря 1829 г.).

Стр. 254. *Милейший! Если Леты муть в разлитье // Вам памяти песком не затянула...*— Лета (греч. миф.) — река забвения, одна из рек подземного загробного мира; души умерших пьют воду из нее и забывают свою земную жизнь.

Но стрижка без косы, по-шведски...— В XVIII в. мужчины отращивали длинные волосы, но стягивали их сзади косичкой. Прическа по-шведски — коротко остриженные волосы — была тогда признаком принадлежности к кругам передовой молодежи.

Лишь философский абсолют // Не заносите в свой уют.— Мефистофель смеется над идеалистическими концепциями философов, создавших понятие абсолюта, как воплощения высшей сущности вещей. Для субъективного идеалиста Фихте таким абсолютом было «Я», для объективного идеалиста Гегеля — абсолютный дух. Гете отрицательно относился к таким метафизическим построениям.

Стр. 255. *Все опыт, опыт! Опыт — это вздор. // Значенья духа опыт не покроет.*— Бакалавр отрицает эмпирическое знание и заявляет себя сторонником идеализма. Сам Гете придерживался противоположных взглядов.

Стр. 256. *Чуть человеку стукнет тридцать лет, // Он, как мертвец, уже созрел для гроба.*— Такого мнения придерживался фран-

цузский философ Клод-Анриан Гельвеций (1715—1771). Бакалавр согласен с ним, а Гете явно пародирует это мнение.

Мир не был до меня и создан мной.— В этой речи бакалавр выражает точку зрения крайнего субъективного идеализма (солипсизма), согласно которой все существующее — продукт человеческого сознания. Такого взгляда придерживался А. Шопенгауэр, утверждавший, что мир есть лишь наше представление и солнца не было бы, если бы мы на него не смотрели, на что Гете ответил: «Может быть, не было бы вас, если бы солнце на вас не смотрело».

Стр. 257. *На ваших лицах холода печать...*— Создавая вторую часть «Фауста» в эпоху расцвета немецкой идеалистической философии (Шеллинг, Фихте, Гегель, Шопенгауэр), Гете понимал, что его отрицание идеализма и метафизики не встретит одобрения.

ЛАБОРАТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ДУХЕ

Центральное событие этой сцены — создание искусственного человечка Гомункула — возвращает читателя к идеям средневековой алхимии. Известный алхимик Парацельс описал подробно способ создания такого искусственного человечка. Образ Гомункула у Гете сложен и загадочен. Из множества толкований, предложенных критиками, приводим одно из возможных: «Если Фауст томится по *безусловному*, по бытию, не связанному законами пространства и времени, то Гомункул... для которого нет ни оков, ни преград, томится по *обусловленности*, по жизни, по плоти, по реальному существованию в реальном мире» (Н. Вильмонт. Великие спутники. М., 1966, с. 360).

Стр. 258. *Привет вам в звездный час счастливый!*— Алхимики были одновременно астрологами. Опыт создания искусственного человека Вагнер производит в такое время, когда расположение звезд благоприятствует эксперименту.

Стр. 259. *Встречал кристаллизованных людей.*— Подразумеваются ограниченные люди с застывшими взглядами на жизнь.

Стр. 260. *А, кум-хитрец!* Ты в нужную минуту // Сюда явился к моему дебюту.— Хотя Гомункула создал Вагнер, однако Мефистофель, по-видимому, ему помог, почему Гомункул и называет Мефистофеля «кумом».

Стр. 261. *Он бредит чудесами.*— Гомункул рассказывает, что Фаусту приснился древнегреческий миф о Леде, которой овладевает Зевс, принявший обличие лебедя. Фаусту не случайно грезится именно этот сон: Леда родила двойню — мальчика и девочку Елену, о встрече с которой он мечтает.

Ты — северянин, // И ты родился в средние века.— Гомункул

противопоставляет мрачную мифологию средневековья и жизнерадостные языческие легенды античности. На этом построен дальнейший диалог между Гомункулом и Мефистофелем.

Стр. 262. *К классической Вальпургииевой ночи.*— Об этом см. ниже с. 487.

Пеней— река в Фессалии (Греция). Далее Гомункул называет город Фарсал в той же местности. Так как сохранились развалины старого города, то Гомункул различает старинный и новый Фарсал. Город был знаменит тем, что здесь произошла решающая битва между Юлием Цезарем и Помпеем (9 августа 48 г. до н. э.), в которой победил Цезарь. Гомункул описывает здесь место действия будущей Вальпургииевой ночи.

Стр. 263. *А вечный спор их, говоря точней,*— // *Порабощенья спор с порабощеньем.*— Мефистофель имеет в виду, что многочисленные гражданские войны, которые велись во имя свободы, приводили в Древнем Риме к замене одного диктатора другим: Мария—Суллой, Суллы—Помпеем, Помпея—Цезарем. Современники Гете также помнили, как освободительные войны французской революции закончились установлением военной диктатуры Наполеона, а освободительные войны против Наполеона—возникновением «Священного союза» европейских монархов и разгулом политической реакции.

Становятся мужчинами мальчишки.— Гомункул поддерживает скептическое отношение Мефистофеля к гражданским войнам, но подчеркивает, что каждый должен бороться за личную свободу.

Будили чувственное в человеке.— Продолжая противопоставление античной и средневековой мифологии, Мефистофель иронически повторяет обвинение ханжей против легенд Древней Греции. Сам Мефистофель отнюдь не враг чувственности.

Про фессалийских ведьм шепну словцо...— Фессалия считалась страной колдовства и утонченного разврата (А. Соколовский). Это объясняет следующую затем реакцию Мефистофеля.

Стр. 264. *Поставлю точку, может быть, над «и»...*— Гомункул имеет в виду, что ему, созданному в колбе, предстоит еще «доделаться», чтобы стать в полной мере человеком.

Так по словам двоюродного братца...— То есть Гомункула; Мефистофель считает себя его родственником, так как участвовал в его создании (см. выше comment. к с. 260). Гете так сравнивает Гомункула и Мефистофеля: «Мефистофель оказывается в невыгодном положении по сравнению с Гомункулом, который не уступает ему в ясности взгляда, но далеко превосходит его стремлением к красоте и плодотворной деятельности. Впрочем, он (Гомункул.— Р е д.) называет его двоюродным братцем; и в самом деле, такие духовные

существа, как Гомункул, которые еще не омрачены и не ограничены законченным воплощением в человека, можно причислить к демонам, и поэтому между ним и Мефистофелем существует некоторое родство» (Эккерману, 16 декабря 1829 г.).

КЛАССИЧЕСКАЯ ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Эта сцена является параллелью к «романтической» Вальпургиевой ночи в первой части. Однако, если там Гете опирался на народные предания о сборищах ведьм, то классическая Вальпургиева ночь — целиком создание воображения Гете, использовавшего для этой цели различные мифические образы.

Касаясь художественной композиции, Гете сказал Эккерману: «Старая Вальпургиева ночь монархична, ибо черт везде почитается там, как безусловный глава. Наоборот, классическая Вальпургиева ночь носит определенно республиканский характер; здесь все стоят рядом, один значит столько же, сколько и другой, отсутствует всякая субординация и каждый заботится только о себе» (21 февраля 1831 г.).

Скитания Фауста во время классической Вальпургиевой ночи имеют символическое значение. Так как Фауст стремится встретить высшее воплощение красоты — Елену, то он должен пройти через ступени развития фантазии древних греков, завершившиеся созданием идеального образа. Фауст видит три ступени развития образов античной фантазии. Низшую составляют образы фантастических существ (грифы, сфинксы, сирены и т. д.). На средней ступени находятся образы полубогов, полулюдей (кентавры), фантастических обитателей лесов (нимфы). На третьей, высшей, ступени Фауст знакомится с представителями человеческой мысли — философами Фалесом и Анаксагором, стремящимися понять происхождение мира. Только пройдя через эти три ступени, Фауст оказывается подготовленным для встречи с Еленой, в образе которой Гете выражает высшее сочетание красоты жизни и высокой духовности.

ФАРСАЛЬСКИЕ ПОЛЯ

Стр. 264. *Пришла, как прежде, я, Эрихто мрачная, // Не столь, однако, мерзкая, как подлые // Поэты лгут...* — В поэме Лукана «Фарсалия» фессалийская колдунья Эрихто предсказала победу Цезаря над Помпеем. Ее осуждение поэтов — иронический анахронизм Гете, призванный напомнить читателю, что вся Вальпургиева ночь — поэтический вымысел. Отметим, что речь Эрихто написана классическим триметром, без рифмы, как писали свои трагедии древнегреческие драматурги Эсхил, Софокл, Еврипид.

Стр. 265. Ужасной ночи бредовое зрелище, // До бесконечности ты повторяешься...— Каждую годовщину Эрихто видела битву в своем воображении.

Неполный, ясный месяц подымается // И ослабляет синий отблеск пламени...— Гете многократно вводит в «Фауста» свои наблюдения над цветом. Здесь он имеет в виду, что красный цвет пламени на фоне темной ночи с появлением луны меняет окраску и выглядит синим.

И тело рядом с ним шарообразное? — Возможно, опять намек на воздушный шар братьев Монгольфье. Ср. с. 73 (конец сцены «Рабочая комната Фауста»).

Стр. 267. И, встав с земли, я, как Антей, стою.— Антей (греч. миф.) — сын богини Земли Геи, обладал силой только до тех пор, пока касался ногами земли. Фауст метафорически выражает мысль, что, став на почву классической Греции, он обрел силу.

У ВЕРХНЕГО ПЕНЕЯ

Это обозначение места действия отсутствовало в рукописи Гете и в первом издании второй части. Оно введено знатоком творчества Гете Эрихом Шмидтом в веймарском издании сочинений Гете, т. 14, 1888 г. Последующие издания, как правило, приняли это нововведение.

Стр. 267. Бесстыдны сфинксы, непристойны грифы.— Сфинкс (греч. миф.) — фантастическое существо с телом льва, головой и грудью женщины, крыльями и змеиным хвостом. Гриф — фантастическое существо с телом льва или волка, головой и крыльями орла.

Честь отдаю // Прекрасным дамам...— То есть сфинксам.

Стр. 268. Ариаспы — племя одноглазых скифов (по Геродоту). О них шла молва как о грабителях; здесь они представлены как похитители клада.

Стр. 269. Нет путешественников-англичан? — Для завершения образования аристократы и богачи посыпали своих сыновей в путешествия по континенту Европы. Английские туристы, в частности, охотно посещали Веймар и искали встреч с Гете.

The old Iniquity — старый Порок (авгл.). Аллегорический персонаж позднесредневековых английских пьес-моралите; его обычно отождествляли с дьяволом.

Шараду иль загадку мне задай.— По преданию, чудовище-сфинкс задавал тем, кто к нему приближался, загадку. Неотгадавший погибал.

Ты — это то, в чем с силою одной // Нуждаются и праведный и грешный... — В речи сфинкса развивается мысль о двойственной природе Мефистофеля, введенная в трагедию уже в первой части; ср. с. 18, 50.

Стр. 270. *Храбрейших погубило это пенье.* — Имеются в виду мифические существа сирены, девы с рыбьим хвостом вместо ног, заманившие мореплавателей своим красивым пением и губившие их в морских волнах.

Стр. 271. *Пред ними некогда стоял Эдип.* — По древнегреческому мифу, вблизи города Фивы поселился сфинкс, задававший путникам загадку: кто бывает утром на четырех, в полдень — на двух, вечером — на трех ногах. Неотгадавшего сфинкса убивал. Молодой Эдип отгадал загадку: человек. Тогда сфинкс бросился в пропасть и разбился насмерть.

Стр. 272. *От этих Одиссей чуть не погиб...* — Возвращаясь с Троянской войны, проплывая на корабле мимо мыса, где обитали сирены, Одиссей залепил спутникам уши воском, чтобы они не стали жертвой сирен. Сам он, желая послушать пение сирен, велел привязать себя к мачте.

Убил последних бабок Геркулес. — Мифа о том, что Геркулес убивал сфинксов, нет; выдумка Гете.

Хирон. — В греческой мифологии — кентавр (полуконь, получеловек); в отличие от остальных представителей своей породы, славился добротой и всезнанием.

К нам, заехав на привал, // Некогда Улисс любезный... — Улисс, царь Итаки, участвовал в разгроме Трои. После победы десять лет странствовал, прежде чем вернулся домой; испытал множество приключений; два из них упомянуты ниже (с. 494). Приключения Улисса составляют содержание «Одиссеи» Гомера. Сирены лгут, заманивая Фауста; Улисс сумел избежать встречи с ними. См. также коммент. к с. 272.

Стр. 273. *Стимфалиды* — мифические хищные птицы со стальными перьями; название получили от Стимфалийского озера в Аркадии (часть Греции). Их перебил Геркулес, названный здесь Алкидом, то есть внуком Алкея.

То головы змеи Лернейской... (греч. миф.) — Змей о девяти головах, обитавший в Лернейском болоте; был уничтожен Геркулесом, отрубившим все головы.

Ламии (греч. миф.) — коварные женщины-вампиры.

Стр. 274. *Чтоб направлять луны и солнца бег.* — Сфинксы символизировали у египтян месяцы июль и август, время разливов Нила; считалось, что они управляют течением времени.

Обозначение сцены введено текстологами. *Пеней* — река, но здесь предстает как образ живого существа.

Стр. 275. *Ведь я не сплю, я наягу...* — Фауст теперь видит наяву то, что ранее видел во сне (см. слова Гомункула, с. 261).

Стр. 276. *Филиры знаменитый сын.* — Имеется в виду кентавр Хирон (см. comment. к с. 272).

Стр. 277. *Была Паллада скверной пленей.* — Богиня мудрости Афина-Паллада в «Одиссее» (песнь 2) приставлена к Телемаху учителем в образе Ментора, однако ее учение не принесло Телемаху пользы.

Стр. 278. *Из аргонавтов был любой // Богатырем на свой покой.* — Аргонавты — древнегреческие герои, совершившие плавание на корабле «Арго» в Колхиду для овладения золотым руном волшебного баума. Далее в речи Хирона упоминаются отдельные участники плавания: красавцы Диоскуры — братья Елены близнецы Кастро и Поллукс, Бореады — сыновья бога северного ветра Борея — крылатые Калаид и Зет, Язон — предводитель аргонавтов, Орфей — знаменитый певец и Линкей, кормчий корабля, отличавшийся необыкновенной зоркостью.

Предстал приравненный к богам. — Имеется в виду Геркулес. Хирон далее упоминает, что: «Смирялся он пред братом старшим»; это не точно, Геркулес был в подчинении у двоюродного дяди Эврисфея; «И лучших женщин был слугой», — Геркулес три года служил лидийской царице Омфале. Далее в речи Хирона упоминается мать Геркулеса богиня Земли Гея и небесная супруга Геркулеса Геба.

Стр. 279. *В те дни похитили Елену.* — Здесь и дальше рассказы некоторые из многочисленных легенд о Елене Прекрасной. Дочь царицы Спарты, она была похищена Тезеем в десять лет, но ее спасли братья Кастро и Поллукс, два Диоскура. Фауст далее (с. 280) упоминает еще один эпизод легендарной биографии Елены: после смерти она обитала на острове Левке (у Гете — Феры) и здесь стала женой пришедшего из загробного мира Ахилла, героя «Иlliады».

Стр. 281. *Дочь Эскулапа, Манто...* — Дочь прорицателя Тирезия и сама прорицательница, Манто превращена Гете в дочь бога врачевания Эскулапа, что нужно поэту для нижеследующего выпада против врачей, недостаточно осведомленных в медицине. Неточности Гете не всегда следствие ошибок, часто они результат намеренно вольного обращения с мифологией.

Здесь Греция и Рим решали спор... — В 168 г. до н. э. в битве при Пидне войска Римской республики разбили армию македонского царя Персея.

Стр. 282. *Персефона* (греч. миф.) — дочь Зевса и Деметры, была похищена богом подземного царства Плутоном, сделавшим ее своей соправительницей, запретив ей, однако, общаться с жителями земли и неба. Тем не менее она нарушила запрет, разрешив певцу Орфею отыскать в аду свою жену Евридику и вывести ее оттуда.

У ВЕРХОВЬЕВ ПЕНЕЯ, КАК ПРЕЖДЕ

В этой сцене образы греческой мифологии использованы Гете для поэтического изображения спора между учеными, по-разному объяснявшими эволюцию земной поверхности. Так называемые нептунисты (А.-Г. Вернер, Л. Окен) считали, что изменения происходили медленно и постепенно. В отличие от них, вулканисты (А. Гумбольдт, Л. фон Бух, И.-К.-В. Фойгт) высказывали мнение, что изменения поверхности были обусловлены в первую очередь землетрясениями. Вулканическую точку зрения выражает в этой сцене фантастический персонаж Сейсмос, что означает по-гречески землетрясение. Сам Гете был сторонником нептунистов. Недаром в начале сцены сирены поют: «Без воды была б напасть», — то есть без воды не было бы жизни на земле. Однако Гете вынужден был признать, что многие факты подтверждали позицию вулканистов.

Стр. 284. *Зодчий острова Делоса...* — Здесь имеется в виду миф о красавице Латоне, зачавшей от Зевса; но ревнивая жена Зевса Гера не давала ей возможности родить; тогда бог моря Посейдон создал остров Делос, где Латона нашла убежище и родила Аполлона и Артемиду.

Стр. 285. *Пелион и Осса* — высокие горы близ Олимпа. Гиганты пытались взгромоздить Оссу на Пелион, чтобы взобраться на небо и напасть на богов.

Мы сверху на Парнас надели // Два пика те, как колпаки. — На горе Парнас обитали музы и боги, на одной из вершин — Аполлон и Артемида, на другой — Дионис.

Стр. 286. *Пигмеи* — карликовый народ, обитавший на берегу южного Океана. В «Илиаде» (кн. III, 3—7) рассказывается, что с ними постоянно враждовали журавли. Это предание использовано здесь Гете.

Дактили — карлики, меньшие, чем пигмеи. *Дактиль* (греч.) — палец. Из дальнейшего явствует, что они находятся в рабстве у пигмеев. Гете иронизирует здесь по поводу социального неравенства: даже самый маленький народ стремится иметь своих рабов. Пигмеи представлены Гете весьма воинственными.

Стр. 287. *Мы роем руды, // Из этой груды // Куются звенья // Нам на оковы.*— Глубокая мысль о том, что порабощенные своим трудом куют цепи, в которых их держат эксплуататоры. Ср. у английского поэта-романтика П.-Б. Шелли (1792—1822) в обращении «Мужам Англии» (1819): «Пчелы Англии, зачем // Создавать оружье тем, // Кто оставил вам труды, // А себе берет плоды» (перевод С. Маршака).

Стр. 288. *Ивиковы журавли.*— Ивик — греческий поэт (VI в. до н. э.). Легенда гласила, что, убиваемый разбойниками, он призвал в свидетели преступления пролетавших мимо журавлей. Журавлиная стая прилетела на празднество, куда пришли и разбойники. Увидев журавлей, убийцы невольно выдали себя. Эта легенда послужила основой баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» (1797). Отдав дань памяти друга, Гете соединил журавлей из легенды с журавлями из мифа о пигмеях. Воплощая идею справедливого возмездия, журавли мстят пигмеям за убитых ими цапель. В целом пигмеи представлены не только угнетателями более мелких существ, трудолюбивых дактилей и муравьев, но также воинственными истребителями благородного племени журавлей. Возможно, весь этот эпизод имеет в виду военную диктатуру Наполеона.

Свой Ильзенштейн там Ильза стережет, // На высоте своей нас Генрих ждет, // И Храпуны шлют Эленду-деревне // Лет тысяччу свой отзвук эха древний.— Мефистофель вспоминает места шабаша ведьм вокруг Блоксберга: Ильзенштейн — скала Ильзы, Генрих — скала Генриха близ деревни Эленд; с этими местами были связаны различные старинные легенды.

Стр. 290. *Эмпуза* (греч. миф.) — чудовище с ослиными ногами.

Гарц — горный кряж в Германии, где находится Брокен.

С ослиной головой стою.— У античного чудовища не было ослиной головы, ее придумал Гете, вероятно вспомнив ослиную голову ткача Основы в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Стр. 293. *Ореада* (греч. миф.) — горная нимфа.

Мне в полном смысле хочется родиться...— В известной мере Гомункул родствен Фаусту первой части. Как и он, Гомункул не удовлетворен существованием наполовину и стремится стать полноценным человеческим существом. Низшие формы существования, которые он видел в фигурах классической Вальпургииевой ночи, не удовлетворяют его. Подобно Фаусту, ищущему свой идеал — Елену, Гомункул занят исканием того начала начал, которое придаст жизни подлинный смысл и красоту.

Где призраки, свой человек философ.— Выпад против умозрительной философии, далекой от природы и имеющей дело лишь с призрачными теориями.

Стр. 294. *Анаксагор... Фалес*.— Гете сводит вместе философов, живших в разное время. Фалес (639—546 гг. до н. э.), считавший, что все происходит из воды и возвращается в нее, естественно, представлен сторонником нептунизма. Его противник Анаксагор (500—428 гг. до н. э.) защищает идеи вулканизма. Гете интересует не только натурфилософская, но и общественная сторона проблемы. Существо спора в том, является ли развитие жизни следствием медленной эволюции или результатом скачков и революционных взрывов. Взгляду самого Гете соответствует мнение Фалеса: «Во всем большом есть постепенность, // А не внезапность и мгновенность».

Стр. 295. *Мирмидоны*.— Здесь: мелкие насекомые, а не народ, возглавляемый Ахиллом, в «Илиаде».

Ты не мечтал о власти над толпой...— Здесь: снова напоминание о Наполеоне и поднявшихся против него народах.

Стр. 296. *Луна, Диана и Геката*.— В мифологическом словаре Гедриха, которым пользовался Гете, указано, что божество луны имеет три имени: на небе — Луна, на земле — Диана, в аду — Геката.

Я вызвал эту тучу стрел...— Исторический Анаксагор занимался теорией метеоров, падающих на землю. Гете приписывает ему здесь волшебную силу: он вызывает дождь камней, падающих с луны.

Стр. 297. *Дриада* (греч. миф.) — лесная нимфа.

Стр. 298. *Форкиады* (греч. миф.) — воплощение старческого уродства — втроем имели один зуб и один глаз, которые попеременно давали друг другу по мере надобности.

Опс и Рея (антич. миф.).— Из слов Мефистофеля видно, что речь идет о двух разных существах, тогда как Рея — греческое, а Опс — латинское имя одной и той же богини, супруги Сатурна, матери олимпийских богов.

Стр. 300. *Гермафродит* (греч. миф.) — двуполое существо. Сын Гермеса и Афродиты купался в ручье; увидевшая его нимфа влюбилась в него и стала молить богов навеки соединить ее с юношем; боги соединили их в полумужское, полуженское существо.

СКАЛИСТЫЕ БУХТЫ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

Эта прелестная сцена морского празднества имеет аллегорический смысл. Гете выражает здесь свой взгляд на эволюционное развитие жизни, возникающей впервые в морских глубинах и приводящей к появлению сначала низших, а затем высокоразвитых живых существ. Эти мысли выражены посредством образов греческой

мифологии, имевшей разработанные легендарно-сказочные представления о таинственных силах, обитавших в морях и реках.

Стр. 301. *Нереиды* (греч. миф.) — дочери морского царя Нерея, живут в подземном дворце, прядут на золотых прядлках, кружатся в хороводе по волнам, помогают мореплавателям. Почти всегда их спутниками являются *тритоны* — морские демоны, преследующие нимф и губящие людей на берегу; по внешности они подобны сатирам и кентаврам.

Стр. 302. *Кабиры* (греч. миф.) — полубожества, небольшие ростом, но очень сильные, якобы обитавшие на острове Самофракия в Эгейском море. В годы, предшествовавшие написанию второй части «Фауста», между филологом Ф. Крейдером и философом Ф. Шеллингом была дискуссия о происхождении и смысле этого мифа; на это намекают сирены, говоря, что о кабирах существуют «предания всякие». Далее (с. 305—306) Гете дает свою трактовку мифа о кабирах. Они не только покровители всех терпящих бедствие на море, но одержимы стремлением возвести на Олимп хоть нескольких из их числа, хотя бы ценою самопожертвования.

Нерей (греч. миф.) — царь подводной страны; черты озлобленности против людей ему придал Гете.

Стр. 303. *Как я Париса предостерегал...* — Нерей имеет в виду миф о Троянской войне, начавшейся с того, что троянский царевич Парис похитил жену спартанского царя Менелая — Елену.

День судный Трои, гением поэта // На страх тысячелетиям воспетый. — Гибель Трои, описанная Гомером в «Илиаде».

Стр. 304. *Илион* — другое название Трои.

Улисса остерег я наперед... — Имеется в виду встреча с *Циклопом* — великаном Полифемом, от которого ему с трудом удалось спастись, и пленение у *Цирцеи* — волшебницы, превратившей часть спутников Улисса в свиней, — но бог Гермес помог расколдовать их.

Дориды — как и нереиды, морские нимфы, названы иначе в честь Дориды, жены Нерея.

Галатея (греч. миф.) — дочь Нерея и Дориды, прекраснейшая из морских дев, соперничавшая красотой с Венерой, которая, по преданию, тоже родилась из вод морских в раковине. Богиня любви и красоты имела много имен, ниже она названа *Кипридой*, по месту рождения — острову Кипру, на котором находился упоминаемый далее город *Пафос*.

Стр. 305. *Протей* (греч. миф.) — старец в услужении царя морей Посейдона, обладал способностью менять свой внешний облик и превращался в разных животных. Он обладал также даром прорицания. У английского философа-материалиста Ф. Бэкона

(1561—1626) Протей — олицетворение первичной материи, которая, изменяясь, производит различные виды животных и растений. Зная о такой интерпретации образа, Гете и вкладывает в уста Нерей совет Гомункулу обратиться к Протею.

Мы на щите Хелоны...— Здесь иносказание: на панцире черепахи, в которую Гермес обратил нимфу Хелону.

Стр. 306. *С собой захватили мы трех...*— Игра на цифрах, которой занимаются здесь нереиды, тритоны и сирены, осмеивает упомянутые выше споры Крейцера и Шеллинга о кабирах.

Стр. 307. *Божки похожи на горшки...*— Кабиры изображались в виде кувшинов и больших горшков.

Стр. 310. *Родосские тельхины* — мифические обитатели острова Родоса; им приписывали изобретение литья и ковки металлов. Они не только ковали орудия и атрибуты богов (трезубец Нептуна), но также изготавливали статуи богов, о чем упоминается ниже (см. с. 310).

Стр. 311. *Меняя формы и уклоны, // Пройди созданий ряд законный,— // До человека далеко.*— Фалес излагает взгляд самого Гете, который был одним из предшественников теории Дарвина об эволюции животных видов. Гете — своему секретарю Римеру: «Чтобы дойти до человека, природа исполняет длинную прелюдию из разных существ и образов, которым недостает очень многого в сравнении с человеком» (23 ноября 1806 г.).

Да, если он на твой покрой, // То долго помнится такой.— Протей видит в философе Фалесе образец бессмертия творческого духа; такого взгляда придерживался сам Гете, признававший существование некой вечной духовной субстанции — энтелекии (по Аристотелю), свойственной высокоодаренным людям.

Стр. 312. *Как в святилище пафосском, // Нежно воркованье стай.*— В храме Афродиты в Пафосе разводили голубей, которые якобы возили колесницу богини любви.

Псиллы и марсы.— мифические народы, славились как заклинатели змей; первые жили в Ливии, вторые — в древней Италии.

Стр. 313. *Креста ли или полумесица, // Орла иль крылатого льва.*— Намек на то, что Кипр завоевывали разные народы, устанавливавшие на острове свою власть и веру; крест — символ рыцарей-крестоносцев, полумесиц — знак на турецком гербе, орел — герб Рима, крылатый лев — герб Венеции.

Стр. 314. *Но Зевс лишь делает нетленным...*— Только бог богов Олимпа Зевс обладает способностью дарить бессмертие, Нерей такой силы не имеет. Эпизод с доридами и юношами-моряками, спасенными ими, одно из отражений центральной идеи «Фауста» о счастье как кратком мгновении (Э. Трунд).

Стр. 316. *Гомункул охвачен томленья огнем*.— Достижение Гомункулом своей цели состоит в том, что он соединяется с воплощением красоты Галатеей, разбивая свою колбу о ее трон; затем он сливается с морем и начинает путь постепенных превращений, ведущих к созданию полноценного человека. Смысл аллегории в том, что, только войдя в поток всеобщей жизни, можно достичь высшей человечности. В этом отношении судьба Гомункула символически повторяет путь Фауста.

Хвала тебе, Эрос, огонь первозданный...— По учению Платона, бог любви Эрос был первым из богов, явившимся из начального Хаоса; иначе говоря, любовь — в высоком платоновском смысле — основа и начало всей жизни. Ср. финал и comment. к с. 440.

Слава чуду и хваленье...— Сирены поют гимн всем четырем стихиям, составляющим основу природы: воде, огню, воздуху и земле.

АКТ ТРЕТИЙ

В аллегорической форме Гете выражает в третьем акте волновавшие его проблемы художественной культуры. Он отвергал затхлое немецкое мещанство и феодальный произвол, подавлявшие личность. Отсутствие благоприятных социальных условий, по мнению Гете, можно было заменить созданием духовной атмосферы, способствующей развитию внутренней свободы личности (см. предисловие к т. I, с. 33). Образцом для Гете была классическая древность, где поэзия и искусство воплощали идеалы гармонии, красоты и высокого интеллекта. Образ Елены Прекрасной выражает этот античный идеал. Однако одним лишь прошлым жить нельзя. Дух современности несет в себе Фауст с его вечной неудовлетворенностью. Союз Фауста и Елены — идеальное сочетание античной красоты и современного интеллекта.

Соединяя в III акте классическое и романтическое, Гете выразил это не только изображением персонажей античной и средневековой мифологии, но и средствами поэтического языка. В первой части преобладают стихотворные формы, заимствованные из античной драмы. С появлением Фауста возникает опять рифмованный стих, и любопытно, что под влиянием Фауста Елена тоже переходит на рифмованную речь.

ПЕРЕД ДВОРЦОМ МЕНЕЛАЯ В СПАРТЕ

Посредством магии спартанская царица Елена воскрешена в такой момент, который соответствует ее возвращению после разгрома Трои, и заново переживает все испытанное тогда. На про-

тяжении этой сцены Елена вспоминает различные эпизоды своей прошлой жизни, связанные с Троянской войной, как они описаны в «Илиаде» Гомера.

Стр. 317. *Фригия* — страна в Малой Азии, столицей которой была Троя (Илион).

Напором Эвра и Нептуна милостью... — То есть под напором восточного ветра.

Тиндарей. — Царь Спарты и муж Леды в действительности не был отцом Елены, так как Леда родила Елену от Зевса, проникшего к ней в обличии лебедя.

Стр. 318. *В Цитеры храм отправилась с беспечностью // И там была фригийцем дерзко схвачена...* — Елена отправилась на остров Цитера полюбоваться на прибывшего туда Париса, который похитил ее из храма Дианы.

Эврот — река вблизи Спарты.

Стр. 319. *Лакедемон* — другое название Спарты.

Стр. 322. *Божества стигийские* — чудовища подземного мира, где протекает адская река Стикс.

Стр. 323. *Форкиада*. — В образе Форкиады выступает Мефистофель.

Стр. 325. *Оркус* — бог подземного царства и само это царство.

Менады — спутницы бога вина Диониса (Вакха), то же, что вакханки; под влиянием вина впадали в возбужденное состояние.

Стр. 326. *Эреб* — мрак.

Сцилла — чудовище с шестью головами и двенадцатью лапами. Перебранка между хоретидами (участницами хора) и Форкиадой-Мефистофелем построена на упоминании различных чудовищ античной мифологии.

Стр. 327. *Тирезий* — слепой жрец из Фив, прорицатель, которому Зевс отвел девять сроков человеческой жизни, пример глубочайшей дряхлости.

Тебе ведь внучкой мамка Орионова? — В ответ на намек Форкиады о старости четвертая хоретида приводит пример еще большей старости. В Древней Греции старух насмешливо называли кормилицами легендарных существ, в данном случае упомянут Орион, великан, обитавший в Аиде (подземном мире).

Гарпии — хищные птицы с девичьими головами.

Стр. 328. *Тобой пленился первым в годы ранние // Тезей...* — Здесь и дальше повторяются предания из легендарной биографии Елены, уже упоминавшиеся ранее.

Стр. 329. *Передают, что ты жила в двух обликах...* — Еврипид в своей драме «Елена» упоминает предание о том, что Парис будто бы

увез в Трою только изображение Елены, тогда как она сама была богами перенесена в Египет.

Стр. 332. *Вы, словно статуи, застыли, призраки, // Дрожа за жизнь, вам не принадлежащую.*— Форкиада-Мефистофель напоминает, что Елена и ее окружающие не живые существа, а лишь призраки умерших, которые, однако, испытывают чувства, как реальные люди.

Стр. 334. *За двадцать лет осели и обстроились.*— Обозначение времени имеет здесь чисто условный характер. Образ Елены относится к глубокой древности (предполагаемое время Троянской войны — XII в. до н. э.). Фауст и рыцари, поселившиеся в замке, относятся к эпохе конца крестовых походов; по-видимому, Гете имеет здесь в виду так называемую Латинскую империю, основанную рыцарями из западной и северной Европы на Балканах и просуществовавшую с XIII по XV в., когда она была разгромлена турками. Далее в III акте упоминается война за независимость Греции в 1820-е годы. Имея в виду эти рубежи времени, Гете писал своему другу, ученому В. фон Гумбольдту о своей трагедии: «Действие ее развивается на протяжении трех тысяч лет, от гибели Трои до взятия Миссолунга» (22 октября 1826 г.).

Стр. 335. *Семеро у Фив.*— Имеется в виду древнегреческое предание о том, как сын царя Эдипа Полиник с шестью союзниками попал на Фивы, чтобы отнять престол у своего брата Этеокла; это составило сюжет трагедии Эсхила «Семеро против Фив».

...лестницы, // Угрозу городов во время приступа...— В древности при нападении на города к их стенам приставлялись лестницы, по которым осаждавшие, взбираясь наверх, штурмовали противника.

Стр. 336. *А как он Деифоба изуродовал...*— По преданию, после смерти Париса Елена стала женой его брата Деифоба; при захвате Трои Менелай отрезал ему уши, руки, ноги, нос и лишь после того убил.

ВНУТРЕННИЙ ДВОР ЗАМКА

Гете подчеркивал различие между двумя частями третьего акта и сказал Эккерману: «Первая часть требует лучших трагических артистов, а в последующей части, в опере, роли должны быть распределены между лучшими певцами и певицами...» (25 января 1827 г.). Таким образом, если первая сцена написана в духе античной трагедии, то вторая мыслилась Гете как опера; он даже указал Эккерману образец такой оперы — «Волшебную флейту» Моцарта.

Стр. 341. *Линкей.*— Гете дал башенному сторожу имя Линкея,

кормчего корабля аргонавтов, отличавшегося острым зрением.
(ср. коммент. к с. 278).

Стр. 342. Царица-лучница, с тобою рядом // Я вижу пораженного стрелой! — Метафора; имеются в виду стрелы бога любви Амура (Купидона).

Стр. 346. И первым делом: отчего так странно // Пленяла речь служителя того? — Елена удивляется рифмованным речам Линкея, так как в античной поэзии рифмы не существовало.

Стр. 348. Этих грозных труб раскаты // Гибелью для вас чреваты... — Подобно тому как Менелай воевал против Трои, чтобы вернуть жену, так теперь он, точнее его призрак, идет походом против Фауста, чтобы отнять Елену. В связи с этим опять возникают имена и названия, относящиеся к мифу о Троянской войне.

Стр. 349. Мы высадились у Пилоса, // Нет больше Нестора в живых... — Пилос — город на Пелопоннесе; отсюда происходил Нестор, мудрый старец, участвовавший в Троянской войне.

Пускай Коринфский перешеек // Германец валом обведет. — Здесь и далее имеется в виду, что Фауст раздает своим союзникам-рыцарям разные части Греции, поручая им их защиту от нападения.

Стр. 352. Аркадия — область на Пелопоннесе поблизости от Спарты; ее жители считали себя древнейшими обитателями Греции, отличались трудолюбием, весельем, простотой и мирным нравом. Название Аркадии стало синонимом безмятежной, счастливой жизни.

Стр. 353. Вы тоже удивитесь, бородатые, // Рассевшиеся в зале... — Подобно шутам в древних комедиях, Форкиада-Мефистофель обращается не раз прямо к зрителям.

Оглянулась, — мальчик скакет по родительским коленям... — Начинается заключительный эпизод «классического цикла» второй части «Фауста». От брака Фауста с Еленой родился мальчик Эвфорион (в античном мифе так назывался сын Елены и Ахилла). Эвфорион — символ соединения классического античного идеала красоты с современным духом неудовлетворенности и исканий. По мнению Гете, современным поэтом, воплощавшим обе эти стороны, был Байрон (1788—1824). Гете — Эккерману: «Я не мог взять в качестве представителя новейшей поэзии никого, кроме него. Ведь он является бесспорно величайшим поэтом нашего столетия. И потому Байрон не античен и не романтичен. Он как сама современность; мне нужен был именно такой поэт. Кроме того, он очень подходит по своему беспокойному характеру и по своим воинственным стремлениям, которые привели его к гибели в Миссолунге» (5 июля 1827 г.). Байрон умер в Греции, участвуя в войне за ее освобождение от турок. Эвфорион — аллегория личности Байрона, и,

несмотря на краткость эпизода, у него сходная с ним биография: рождение, детские игры, юношеские забавы, увлечение поэзией, любовь, возмужание, участие в войне и ранняя смерть (Э. Трунд).

Стр. 355. *Майл* — нимфа, мать бога Гермеса, о котором дальше и рассказывается. В нижеследующих строках описываются шалости юного Гермеса (Меркурия), который выкрадывал главное оружие каждого из богов.

Стр. 356. *О богах забудьте басни...* — Форкиада-Мефистофель имеет в виду, что мифы античности перестали быть понятными.

Стр. 359. *Как диким ланям, // Вам нет тут счета.* — Намек на успех Байрона у женщин, увлекавшихся им.

Стр. 360. *Я в Пелопсовом краю.* — То есть на Пелопоннесе, в Греции. Намек на переход Байрона в Грецию для участия в освободительной войне.

Стр. 363. *Новый Икар.* — Мифический воздухоплаватель Икар поднялся в воздух на восковых крыльях, но при приближении к солнцу они растаяли, и он упал, разбившись насмерть. Далее ремарка: «Лицо умершего напоминает другой знакомый образ» — подразумевает Байрона.

Ты не сгинешь одиноким... — Поминальный гимн имеет в виду не столько Эвфориона, сколько Байрона.

Стр. 364. *Знаменитых дедов внук.* — Байрон происходил из знатного рода, его дед был адмиралом.

Подвига не завершил. — Байрон скончался до завершения освободительной войны. Когда Гете писал этот эпизод, Греция еще оставалась под игом Турции. Начало независимости Греции приходится на время, примерно совпадающее с окончанием «Фауста».

Стр. 365. *Не выронь платья.* — Оставшееся в руках Фауста платье Елены — символ совершенной красоты, понимания которой он достиг, приобщившись к миру античности. Но восстановление идеального строя жизни идеальной Аркадии невозможно. Античность — ярчайшее явление прекрасного, обогатившее Фауста, но и на ней его ищущий дух не может успокоиться. Его союз с Еленой не прошел бесследно, и это символизировано в превратившемся в облако платье Елены, которое уносит его ввысь, чтобы затем вернуть в его привычный мир в IV акте.

Я буду гения наряд // Давать поэтам напрокат... — Насмешка над подражателями Байрона.

Стр. 366. *Средь лугов асфоделевых...* — Асфодел — мистическое растение в Аиде.

Стр. 368. *...в случае надобности, объяснить пьесу в эпилоге...* — Ремарка свидетельствует о том, что Гете имел в виду продолжить эту сцену, но замысла не осуществил.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

По времени написания четвертый акт — последний, над которым работал Гете, закончив его в июле 1831 года.

Фауст возвращается из мира античной красоты в свой средневековый мир, поняв, что абсолютный идеал недостижим. Тем не менее он преисполнен желанием жить и действовать, — теперь уже не ради себя, а на благо других людей. Появление в дальнейшем Мефистофеля в семимильных сапогах сразу показывает, что действие перенесено из мира классических мифов в эпоху средневековых сказаний.

ГОРНАЯ МЕСТНОСТЬ

Стр. 369. *У ног моих лежат холмы и пропасти.* — Начальный монолог написан классическим размером, напоминающим, что Фауст недавно был в античном мире.

Любви начальных дней, утраты давняя! — Фауст вспоминает Гретхен.

Стр. 370. *Но слушай же. Когда за грех один // Господь низверг нас в глубину глубин...* — Рассказ Мефистофеля о падении ангелов в ад навеян библейскими мотивами и «Потерянным раем» Мильтона.

Стр. 371. *Лишь откровенье с трудностию крайней // Людей подготовляет к этой тайне* (Ефес., 6, 12). — Ссылка на послание к эфесянам апостола Павла внесена в рукопись самим Гете; ее текст таков: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных».

Молох ковал утесы на огне... — В древней восточной мифологии Молох — бог огня. В поэме Ф.-Г. Клопштока (1724—1803) «Мессиада» он — мятежный дух, восстающий на бога.

Стр. 372. *«Все царства мира и всю славу их».* (Матф., 4, 8). — Текст Евангелия, на который ссылается Гете, в полном виде гласит: «Берет его дьявол на весьма высокую гору и показывает ему все царства мира и славу их». Гете явно иронизирует, заставляя черта цитировать Священное писание.

Я старый город выбрал бы столицей... — Подразумевается Париж. Мефистофель стремится теперь вызвать в Фаусте желание стать прославленным человеком в великом городе.

Стр. 373. *И лишь бунтовщиков плодит...* — Намек на недовольство народа, приведшее к французской революции.

Так замок я б себе воздвиг... — Мефистофель советует построить замок наподобие пригородного дворца в Версале и предаваться

там сластолюбию, как то делали французские короли Людовик XIV и Людовик XV.

Сарданапал — последний ассирийский царь, живший в роскоши и наслаждениях. Его падение составило сюжет драмы Байрона «Сарданапал» (1821), которую автор посвятил Гете.

Стр. 374. *Мой взор был сверху привлечен // Открытым морем в час прилива...* — Гете был потрясен морскими наводнениями в феврале 1825 г., и они вызвали его интерес к проблемам защиты прибрежных местностей посредством плотин.

Стр. 377. *Всех стала разделять вражда.* — Картина, нарисованная здесь Гете, напоминает положение Германии в эпоху Реформации и Великой крестьянской войны (начало XVI в.). Это время изображено им в драме «Гец фон Берлихинген».

Стр. 379. *Иных фельдмаршалов-растяп // Спасает генеральный штаб.* — Эти строки явно навеяны воспоминаниями Гете о том, как руководил военными действиями против французской республики герцог Брауншвейгский, неоднократно битый революционными войсками.

Петер Сквенц — персонаж комедии немецкого писателя А. Грифиуса (1616—1664), представляющей собой вариант эпизода из «Сна в летнюю ночь» Шекспира, где ремесленники репетируют представление пьесы; в немецких переводах соответствующий персонаж Шекспира также называется этим именем, в подлиннике он — плотник Пигва. Подобно ему Сквенц набрал разношерстную компанию любителей-актеров.

Входят трое сильных (Книга Царств, II, 23, 8). — Три персонажа Ветхого завета из войска царя Давида: Иисуса, Елеазара и Шамма. Имена выведенных ниже Рауфебольда, Габебальда и Хальтефеста — смысловые. Рауфебольд (нем.) — забияка, драчун; Габебальд (нем.) — хватай быстро; Хальтефест (нем.) — держи крепко. Гете заимствовал их имена из Библии, но использовал эти образы совершенно вольно, независимо от библейских мифов.

Мечтает малое дитя // Теперь о рыцарском уборе. — Насмешливый намек на увлечение рыцарскими романами немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке (1777—1843) и других романтиков, идеализировавших феодальное средневековье.

НА ПЕРЕДНЕМ ГОРНОМ ОТРОГЕ

Стр. 382. *Рапирою я обруч проныкал...* — Рыцарское развлечение: всадник на всем скаку должен был попасть рапирой в обруч.

Стр. 383. *Отправляет герольдов с вызовом на единоборство...* —

В древности и в средние века исход войн иногда решался единоборством между военачальниками.

Нурсийский некромант, Сабинский маг...— История нурсийского некроманта (волшебника, общающегося с духами умерших), происходящего с Сабинских гор в Италии, отчасти вымыщлена самим Гете: он якобы был спасен императором, когда тот короновался в Риме, и теперь, сохранив ему верность, будто бы прислал на помощь Фауста.

Стр. 388. *В Сицилии фата-морганы...*— Фата-моргана — название миражей, дано по имени легендарной феи Морганы из средневековой мифологии.

Стр. 389. *Диоскуры*.— Здесь: созвездие Близнецов, согласно астрологии, якобы благоприятствовавшее мореплавателям.

Стр. 390. *Орел парит на небосклоне. // Гриф бросился за ним в погоню*.— Здесь имеются в виду геральдические знаки: орел — герб императора, гриф — герб его противника.

Стр. 391. *Мои два ворона...*— Вороны считались «атрибутами» дьявола.

Стр. 393. *Храни тебя тупой твой прут*.— Мефистофель имеет в виду фельдмаршальский жезл.

ШАТЕР ВРАЖДЕБНОГО ИМПЕРАТОРА

Стр. 397. *И этой честности прием // Мы контрибуцией зовем*.— Габебальд замечает, что, в сущности, нет никакой разницы между мародерством, прямым грабежом и контрибуцией, накладываемой победившей страной; Гете имел здесь в виду контрибуции, которые Наполеон накладывал на германские государства после своих побед.

Стр. 398. *Что там ни говори, мы выиграли бой*.— Отсюда и до конца сцены Гете перешел наalexандрийский стих (шестистопный ямб, рифмованный попарно), каким писались трагедии и комедии французских классицистов и их подражателей в других странах. Применением этой стихотворной формы Гете хотел подчеркнуть ложный пафос победителей. Отметим, что эти строки до конца сцены были последними из числа написанных Гете в «Фаусте».

Стр. 399. *Я долю уделить хочу вам четырем*.— Император совершаает здесь акт, действительно имевший место, когда Карл IV в «Золотой булле» (1356) наделил семь немецких князей наследственными титулами фельдмаршала, первого камергера, стольника, виночерпия; остальные три стали архиепископами Кельна, Майнца и Трира.

И кольца подержу...— Во время мытья рук император снимал многочисленные перстни.

Стр. 400. *Венецианского прозрачного стекла...—* Венецианское стекло славилось не только тонкостью и красотой выделки; ему приписывали чудодейственные свойства: предохранять от опьянения и обнаруживать яд, если он подмешивался к напитку.

Стр. 402. *...простили ты колдуна...—* См. с. 384, 389, где идет речь об этом колдуне. Образ архиепископа служит Гете для обличения жадности церковников, лицемерно прикрываемой набожностью.

Стр. 404. *Ты отдал чаю // Морские берега.—* Здесь впервые упоминается о том, что император в награду за помощь исполнил желание Фауста и отдал ему берег, затопляемый морем.

АКТ ПЯТЫЙ

Сцены этого акта написаны в разное время: первые наброски сделаны еще при жизни Ф. Шиллера, затем Гете продолжил работу над ними уже в 1825—1826 годах; завершение относится к последним месяцам жизни Гете.

Межу концом четвертого и началом пятого акта прошло много времени. Фауст стал глубоким стариком; по словам Гете, сказанным Эккерману, ему в пятом акте сто лет (6 июня 1831 г.).

ОТКРЫТАЯ МЕСТНОСТЬ

В эпизоде, открывающем пятый акт, изображены старики Филемон и Бавкида. Их имена символичны. Гете заимствовал их из древнегреческого мифа, где так называли идеальную супружескую пару.

Стр. 406. *Только ваш огонь сигнальный, // Колокола звон с земли...—* Огонь в хижине Филемона служил маяком; в туманную погоду звон колокола местной часовни помогал морякам узнавать, где берег.

ДВОРЕЦ

Стр. 413. *Так отдал в дни, еще древней, // Свой виноградник Навуфей.—* Мефистофель имеет в виду эпизод из Библии (Книга Царств, I, 21), где рассказывается, что царь Агав мечтал захватить виноградник Навуфея, находившийся поблизости от дворца. Так как Навуфей не соглашался покинуть принадлежавшую ему землю, жена Агава оклеветала его; Навуфея избили камнями и отняли виноградник. Мефистофель уподобляет Фауста несправедливому Агаву.

ГЛУБОКАЯ НОЧЬ

Стр. 414. *Бельведер* — вышка, башня для обзора местности.

ПОЛНОЧЬ

Аллегорические фигуры Нехватки, Вины, Заботы и Нужды на-веяны Гете эпизодом из «Энейды» Вергилия (песнь VI, 273—281), где Эней, спускаясь в ад, встречает подобные персонажи.

Стр. 417. *Есть кто-то, спору нет.* — Фаусту в его нынешнем положении уже не страшны обычные житейские тревоги и невзгоды. Однако Забота пытается доказать, что он поспешил поверить в то, что больше ничто не может смутить его покоя. Фауст одерживает победу и над ней, его дух оказывается несломленным и после того, как Забота его ослепила. Заметим, что это место трагедии поддается разным трактовкам, что проявилось в специальных исследованиях на тему «Фауст и Забота».

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Стр. 420. *Лемуры* — в римской мифологии — духи умерших, пугающие живых. Во время пребывания в Италии Гете видел изображения лемуров на древних могильных памятниках.

Стр. 422. *Болото тянется вдоль гор...* — Финальная речь Фауста содержит «итог всего, что ум скопил»: высшее счастье — совместный труд людей для их общего блага. Подробнее о finale «Фауста» см. в статье Н. Вильмента в первом томе, с. 47.

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ

Название сцены несколько пародийно, ибо этими словами в христианских мифах обозначалось положение во гроб снятого с креста Иисуса. Здесь обряд совершают Мефистофель и бесовские силы. Однако затем в действие вступают небесные силы, парализующие черта и лемуров. Сцена изображает, таким образом, борьбу за душу Фауста. Как известно, в трактовках легенды до Гете (за исключением Лессинга) черти уносили душу Фауста в ад. Гете дал легенде о Фаусте свое окончание.

Стр. 425. *Пасть адovу несите мне сюда!* — В средневековом мистериальном театре ад изображался в виде гигантской головы черта с рогами и с разверстой пастью, в которой пылало пламя, предназначенное для сжигания грешников. Этот аксессуар воспроизво-

дился и в театре эпохи барокко, а также в миниатюрном виде на кукольной сцене.

И город мук, дымящийся в огне...— Образ заимствован из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь VIII).

Стр. 426. *Ту душу, ту крылатую Психею...*— Здесь имеется в виду не девушка из легенды об Амуре и Психеей, а общее понятие души (по-гречески — «психе»), которую древние греки изображали в виде бабочки.

Хотели мы, чтоб пол был отменен.— Намек на то, что мальчики для хоров католической церкви кастрировались в целях сохранения высокого детского голоса.

Стр. 427. *Розы румяные...*— Розы — символ любви.

Стр. 430. *Как Иов, весь в нарывах...*— В библейском мифе об Иове рассказывается, что среди прочих испытаний, которым он подвергся, одно состояло в нарывах, которыми черт покрыл его «от ступней до макушки».

Стр. 431. *Подымаются к небу, унося бессмертную сущность Фауста.*— Гете не были чужды некоторые остатки идеализма, в данном случае, точнее, витализма, то есть учения о некой таинственной силе, оформляющей пассивную материю, дающую ей жизнь и стимул развития. Аристотель называл эту силу энталехией, и Гете также пользовался этим названием, понимая под ним неуничтожаемую жизненную силу, присущую каждой духовно развитой личности. См. разговор с Эккерманом 3 марта 1830 г.

ГОРНЫЕ УЩЕЛЬЯ, ЛЕС, СКАЛЫ, ПУСТЫНЯ

Пейзажи такого рода были часты в религиозной живописи. В данной сцене Гете мог иметь перед глазами гравюру Лазинио, воспроизводившую фреску храма Кампо-Санто в Пизе (Италия). На этой гравюре, в частности, изображены расположенные уступами кельи отшельников.

Заключительная сцена трагедии перекликается с «Прологом на небе», которым она открывается. Там в беседе Господа с Мефистофелем ставится вопрос о природе человека. Здесь, после того как Фауст прошел весь свой жизненный путь, дается окончательное решение спора между силами добра и зла. Как видно уже в предыдущей сцене, Фауст оправдан, и в его лице оправдано все человечество. Заключительная сцена является апофеозом. Гете использует образы христианской мифологии, чтобы аллегорически выразить признание высокой ценности человека при всех свойственных ему ошибках и заблуждениях. Во времена Гете религиозная символика была широко известна, и он прибегнул к ней, чтобы сделать

общепонятной свою философию, в существе своем весьма далекую от христианского вероучения. Гете объяснил Эккерману финал: «Я легко мог бы расплыться в неопределенности, если бы мой поэтический замысел не получил благодетельно-ограниченной формы и твердости в резко очерченных образах и представлениях христианской церкви» (6 июня 1831 г.). Живя в стране преимущественно протестантской, Гете воспользовался элементами католического обряда, что вызвало неудовольствие протестантских (лютеранских) церковников.

Символические образы финала заимствованы Гете из христианского богословия и учений мистиков, этим персонажам придан смысл, связывающий их с общими идеями «Фауста». Все фигуры этой сцены представляют различные формы и степени духовного очищения.

Стр. 432. *Pater extaticus* (*Отец восторженный*) находится в состоянии мистического экстаза и жаждет мучительных пыток для доказательства того, что плоть больше не отягощает его духа.

Pater profundus (*Отец углубленный*) находится в нижней части горы, обитаемой отшельниками, что имеет символический смысл: он еще близок к земной жизни, но в любви к природе черпает силу для очищения.

Стр. 433. *Pater seraphicus* (*Отец ангелоподобный*) обитает выше Отца углубленного, что символизирует более высокую ступень его духовного очищения, благодаря чему он уже созерцает ангельские души.

Хор блаженных младенцев.— По средневековым поверьям, младенцы, рождавшиеся в полночь, то есть в час появления призраков, умирали. Однако так как они умирали, будучи безгрешными, то попадали в рай.

Но в глаза мои войдите, // Я их вам даю взаймы.— По учению некоторых католических богословов, а также мистика Сведенборга, души младенцев смотрят на мир глазами более умудренных существ. Гете неоднократно пользовался этим образом в своей переписке и сочинениях.

Стр. 434. *Чья жизнь в стремлениях прошла, // Того спасти мы можем*.— Гете — Эккерману: «В этих стихах дан ключ к спасению Фауста. В самом Фаусте это — неустанная до конца жизни деятельность, которая становится все выше и чище, и, сверх того, это — приходящая ему свыше на помощь вечная любовь» (6 июня 1831 г.).

Стр. 435. *Останки несть в руках // Для нас мученье*.— Фауст еще не совсем освободился от своего земного праха, он избавился от него, приобщившись к блаженным младенцам,

Будь из асбеста прах.— Асбест (волокнистый, огнеупорный минерал) служил для сохранения трупов знатных лиц.

Стр. 437. *Magna peccatrix* (*Великая грешница*) — Мария Магdalina; омыв слезами ноги Христа и вытерев их своими волосами, она заслужила прощение своих грехов.

Стр. 438. *Mulier Samaritana* (лат.— женщина Самарянская).— Христос сказал ей, встретив ее у колодца, что даст ей воды, после которой она никогда не испытает жажды; то есть, «воду» истинной веры.

Maria Aegyptiaca (*Acta sanctorum*); *Мария Египетская* (*Жития святых*) — христианская святая; легенда гласит, что, будучи блудницей, она решила покаяться, но незримая сила оттолкнула ее от храма, однако она была введена туда девой Марией, после чего на сорок восемь лет поселилась в пустыне, предаваясь раскаянию.

Давно любимый...— Прощение Гретхен снимает с Фауста его вину перед ней,— важный штрих в конечной оценке героя.

Стр. 440. *Все быстротечное* — // *Символ, сравненье.*— То есть все единичное — лишь отблеск, символ, неточное подобие высшего начала, составляющего основание природы. Человек стремится к тому, чтобы уловить трудно улавливаемое, ибо природа проявляет себя в частных вещах и существах, сохраняя непостижимость как целое. Заключительный хор имеет также и непосредственное отношение к «Фаусту», помогая постигнуть метод, которому следовал Гете, создавая произведение. Герой одновременно единичная личность, человек определенного характера и символ человечества в целом. Гете воплотил в Фаусте то, что считал самым существенным в человеке вообще, сохраняя живую индивидуальность героя.

Вечная женственность.— Понятие «вечно женственного», венчающее «Фауста», вызвало в критике различные трактовки. Не касаясь их, заметим, что оно подготовлено женскими образами последней сцены. Любовь и милосердие очищают женщин, и это приближает их к деве Марии, чей образ имеет у Гете иной смысл, чем в религиозном культе. Она здесь — воплощение женской чистоты, заступница всех грешных, дарительница жизни. Вечно женственное воплощает ту силу любви, которая постоянно обновляет жизнь и возвышает человека.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАУСТ

Посвящение	7
Театральное вступление	9
Пролог на небе	15
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	21
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	183
Комментарии <i>A. Анкста</i>	443

Гете Иоганн Вольфганг

Г 44 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 2. «Фауст». Трагедия. Пер. с нем. Б. Пастернака. Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Коммент. А. Аникста. М., «Худож. лит.», 1976.

510 с.

По словам А. Пушкина, «Фауст» есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как «Илиада» служит памятником классической древности».

Г 70404-017
028(01)-76 подписаное

И(Нем)

*Логанн Вольфганг
Гете*
**Собрание сочинений
том 2**

Редактор
И. Солодунина
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
О. Ярославцева
Корректоры
Д. Эткина и Н. Шкарбанова

Сдано в набор 19/V 1975 г. Подписано
к печати 28/I 1976 г. Бумага ти-
погр. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. 16 печ.
л. 26,88 усл. печ. л. 24,95 уч.-изд. л.
Тираж 200 000 экз. Заказ 2346.
Цена 1 р. 15 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманская, 19

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Го-
сударственного комитета Совета Ми-
нистров БССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Минск, Красная, 23.